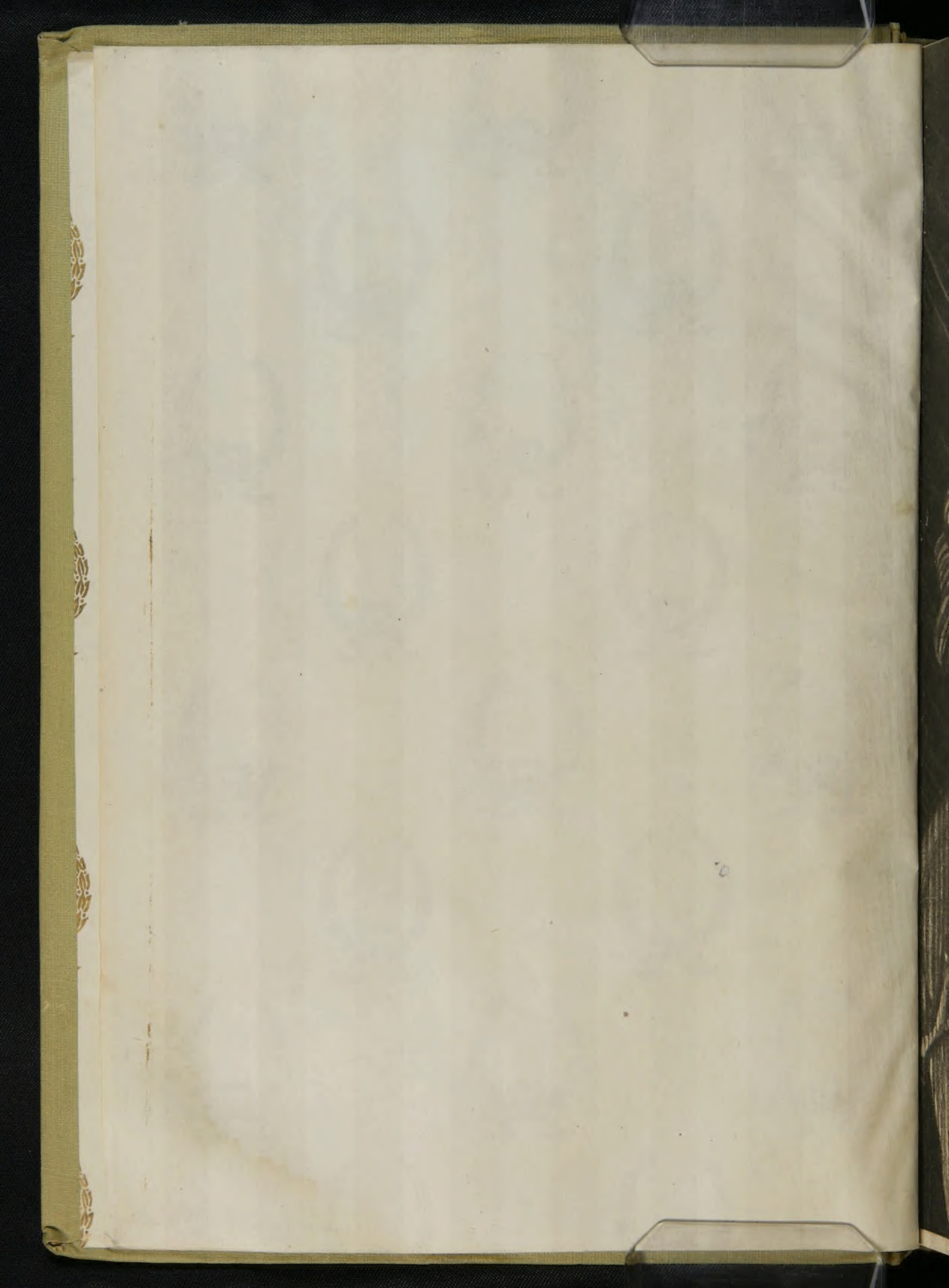

ИСТОРІЯ РУССКОЙ АРМІИ И ФЛОТА

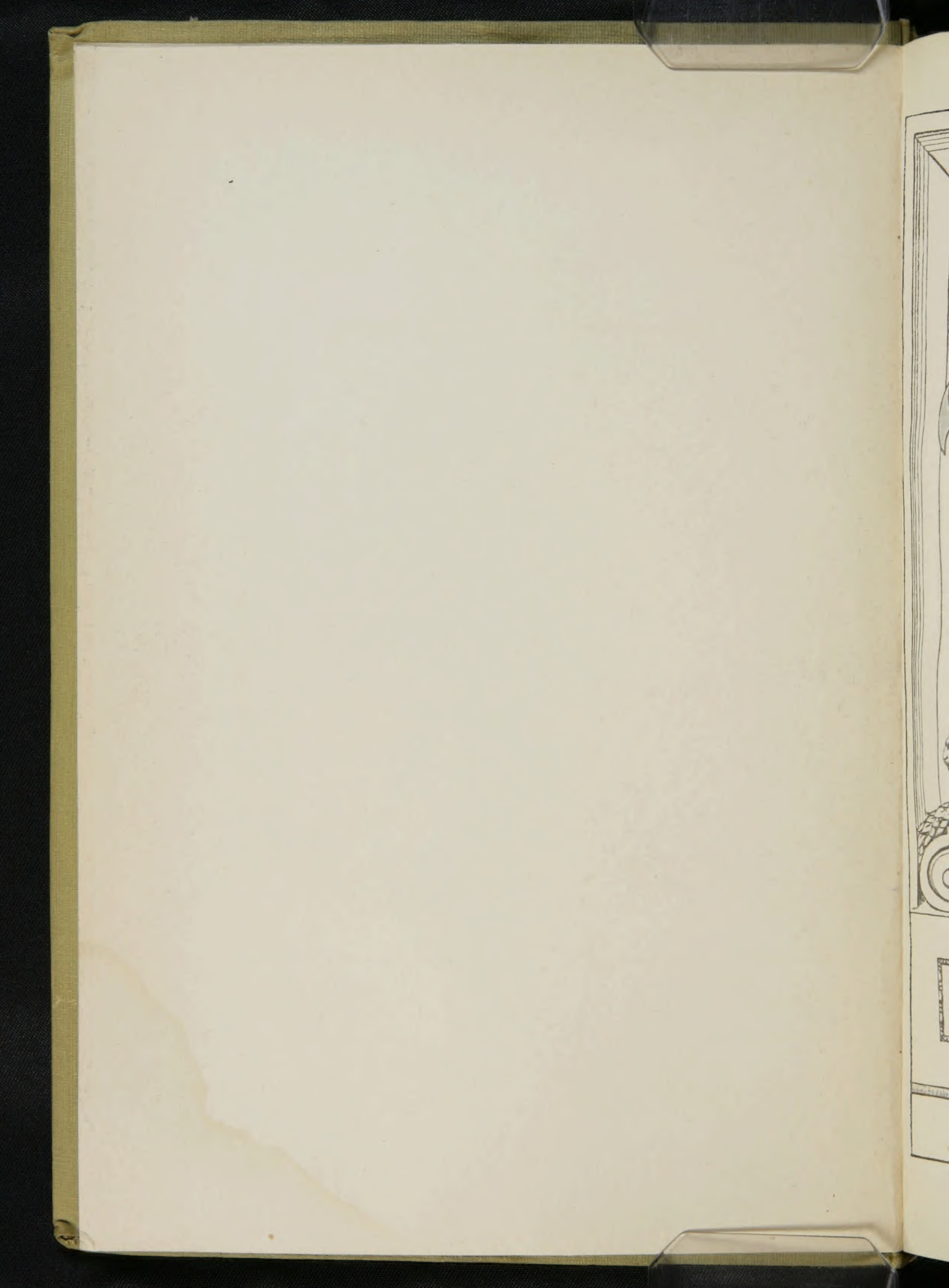

ИСТОРІЯ РУССКОЙ АРМІИ И ФЛОТА

КНИГ-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ
АРМІИ
И
ФЛОТА
РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНІЕ
Моск. Кн-изд. Т-во. „Образованіе"
Москва.

МОСКВА—1913 г.
Типо-Литографія Т-ва „Владиміръ ЧИЧЕРИНЪ“. Маріинскій уч., соб. д.

ИЗДАНІЕ
Московскаго Книгоиздательскаго Товарищества „Образованіе".
АДРЕСЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:
Москва, Тверская, Камергерскій, 4. Телефонъ 245-30 и 188-41.

Исторія русской армiи и флота.

Изданіе пріурочено къ столѣтію **Отечественной войны** и носитъ юбилейный характеръ.

Исторію арміи редактируютъ:

полковники генер. штаба **А. С. Гришинскій** и **В. П. Никольскій**.

Исторію флота редактируетъ:

ордин. профессоръ Николаевской Морской Академіи, ген.-маіоръ **Н. Л. Кладо**.

Въ изданіи принимаютъ участіе:

генер. штаба полк. **П. М. Андріановъ**, ордин. проф. ген.-лейт. **Е. И. Аренсъ**, ордин. проф. ген.-маіоръ **А. К. Баіовъ**, полк. **А. Н. Виноградскій**, ген.-маіоръ **К. И. Дружининъ**, ордин. проф. ген.-маіоръ **А. Г. Елчаниновъ**, ген.-лейт. **А. М. Заіончковскій**, лейт. **Н. Д. Каллистовъ**, старш. лейт. **Е. Н. Квашнинъ-Самаринъ**, ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Л. Кладо**, лейт. **А. И. Лебедевъ**, полк. **Д. Н. Логофетъ**, генер. штаба полк. **С. П. Михеевъ**, заслуж. проф. и почетн. членъ Императ. Ник. воен. Академіи ген. отъ инфантеріи **Н. П. Михневичъ**, ген.-маіоръ **Д. А. Назаровъ**, старш. лейт. **А. В. Немитцъ**, полк. **П. А Ниве**, генер. штаба полк. **В. П. Никольскій**, лейт. **Н. В. Новиковъ**, ген.-лейт. **Н. А. Орловъ**, генер. штаба полк. **Г. Д. Романовскій**, генер. штаба полк. **А. А. Свѣчинъ**, **М. К. Соколовскій**, генер. штаба полк. **А. Д. Шеманскій**, ген.-маіоръ **М. И. Шишкевичъ**, ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Л. Юнаковъ**, ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Н. Янушкевичъ**.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I, Генералъ-Адмиралъ

([illegible])

Къ стр. 5

Флотъ въ царствованіе Императора Павла I.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ.**

I. Состояніе флота.

«Да возрадуется же и Твое сердце, Благовѣрный Государь, высокоповелительный Генералъ-Адмиралъ! Сіе торжество есть Тебѣ свойственно, ибо оно сопряжено со званіемъ, Тебѣ отъ Монархини порученнымъ. Радуемся же и мы съ Тобою, ибо надѣемся несомнѣнно, что Ты снисканную славу не только сохранишь, но и умножишь. Аминь».

Эти слова надежды, высказанныя въ присутствіи Императрицы 15-лѣтнему Цесаревичу, которыми митрополитъ Платонъ закончилъ у гробницы Петра Великаго свое вдохновенное слово по случаю Чесменскаго боя, — сбылись: за короткое царствованіе Императора Павла слава русскаго флота была не только сохранена, но и умножена.

8 лѣтъ отъ роду, въ 1762 году, назначенный Генералъ-Адмираломъ, Павелъ съ дѣтскихъ лѣтъ привязался къ флоту; эта привязанность проходитъ черезъ всю его жизнь; и скорбный образъ того, кто до гроба хранилъ въ своемъ сердцѣ эту трогательную любовь, всегда будетъ дорогъ русскому флоту.

Трогательны, воистину, первые шаги юнаго Генералъ-Адмирала. 9-лѣтнимъ мальчикомъ онъ подаетъ особой комиссіи письменное предложеніе, начинающееся словами: «недавно поднесена мнѣ г. Ломоносовымъ книга о проходѣ Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію. Немалое, безъ сомнѣнія, въ общей торговлѣ произошло бы удобство и приращеніе, если бы этотъ проходъ былъ отысканъ...» Черезъ два года, по влеченію своего добраго сердца, Цесаревичъ самъ устраиваетъ на Каменномъ островѣ пріютъ для престарѣлыхъ моряковъ (нынѣ Инвалидный Домъ Императора Павла I), самъ заботится о призрѣваемыхъ, и на содержаніе пріюта отдаетъ полностью свое Генералъ-Адмиральское жалованье.

Путешествуя въ 1782 году съ супругою своею Маріей Ѳеодоровною по Италіи, подъ фамиліей графа Сѣвернаго, Цесаревичъ посѣщаетъ въ Ливорно стоявшую тамъ нашу эскадру, и, гдѣ можно, знакомится за границей съ постановкою военно-морского дѣла.

Шли года. Черствѣло и калѣчилось, въ обстановкѣ неудавшейся личной жизни, доброе, благородное сердце; но для флота, когда его

Генералъ-Адмиралъ, сохранивъ за собою это званіе, сталъ Императоромъ, Павелъ остался тѣмъ-же. Ко времени вступленія на престолъ его испытанная годами близость къ флоту имѣла уже за собою 34-лѣтнюю давность.

Наслѣдіе, доставшееся Императору Павлу отъ предыдущаго царствованія, было не равноцѣнно: на сколько на высотѣ стоялъ личный составъ, прошедшій суровую школу побѣдоносныхъ войнъ съ Швеціей и Турціей, настолько была разстроена организація и матеріальная часть флота, наладиться которымъ мѣшали эти же, почти непрерывныя, войны.

Избравъ наиболѣе довѣренными своими сотрудниками адмираловъ Г. Г. Кушелева (съ 1799 года графъ) и И. Л. Голенищева-Кутузова, Императоръ, все-таки, не всегда и не во всемъ полагался на нихъ; и во многихъ вопросахъ морского управленія, иногда даже въ самыхъ мелочныхъ, оставался слѣдъ личной работы царственнаго Генералъ-Адмирала.

Въ первый же годъ своего царствованія, Императоръ учредилъ особый комитетъ для выработки новыхъ, болѣе отвѣчающихъ современности, штатовъ и положеній о флотѣ. На комитетъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ великій князь Александръ Павловичъ, было возложено «составить точное исчисленіе потребныхъ суммъ на содержаніе флота, равно Адмиралтействъ-Коллегіи и подчиненныхъ ей мѣстъ».

Штаты. Результаты работъ этого комитета выразились, въ частности, въ установленіи новыхъ (взамѣнъ екатерининскихъ 1781 года) «Штатовъ Россійскихъ Флотовъ». Составъ флотовъ по новымъ штатамъ: для Балтійскаго моря — 45 линейныхъ кораблей, 19 фрегатовъ, 23 судна 3-го ранга, 4 бомбардирскихъ корабля, 63 ластовыхъ судна, 12 гребныхъ фрегатовъ, 30 гребныхъ плавучихъ батарей, 12 бомбардирскихъ катеровъ, 200 канонерскихъ лодокъ, 100 іоловъ, 4 брига и 9 голетовъ. Для Чернаго моря — 15 линейныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 12 судовъ 3-го ранга, 2 бомбардирскихъ корабля, 10 плавучихъ батарей, 100 канонерскихъ лодокъ и около 60 ластовыхъ судовъ.

Въ «Штатахъ Россійскихъ Флотовъ» впервые установлена тактическая единица эскадры — четыре линейныхъ корабля линіи баталіи и одинъ въ резервѣ,—найденная опытомъ и введенная въ цѣляхъ удобоуправляемости боевого строя.

Бюджетъ. Тотъ же особый комитетъ опредѣлилъ и новый морской бюджетъ, руководствуясь при этомъ стремленіемъ сократить суммы, отпускаемыя на флотъ, и къ тому времени возросшія до 15 милліоновъ въ годъ. Эта часть возложенной на комитетъ задачи была выполнена имъ особенно успѣшно. Почти не уменьшая ни численности, ни боеспособности флота, комитетъ нашелъ возможнымъ сократить бюджетъ болѣе чѣмъ на половину — до 6.700.000 рублей. Такое зна-

чительное сокращеніе удалось сдѣлать за счетъ упраздненія нѣкоторыхъ береговыхъ учрежденій, упорядоченія портоваго хозяйства, введенія въ составъ флота судовъ новыхъ типовъ, позволявшихъ имѣть относительно уменьшенный комплектъ командъ, и проч.

Уставъ Военнаго Флота. Одною изъ первыхъ реформъ, задуманной очень широко, но неудачно осуществленной, было составленіе и изданіе, въ 1797 году, взамѣнъ устарѣвшаго Петровскаго Морского Устава, «Устава Военнаго Флота». Образцомъ для него послужилъ англійскій морской уставъ 1734 года, во многихъ частяхъ переведенный на русскій языкъ почти дословно. Къ немногимъ полезнымъ нововведеніямъ можно отнести включеніе въ уставъ трехъ должностей (при штабѣ главнокомандующаго) — «исторіографа», «профессора навигаціи и астрономіи», и «рисовальнаго мастера». Первая и третья изъ этихъ должностей, хотя и перегружали собою штабъ, отвѣчали той мысли, что плаваніе флота, въ интересахъ хотя бы позднѣйшаго изученія накопленнаго за время плаванія опыта, должно описываться и иллюстрироваться на мѣстѣ и своевременно; и если бы эта мысль проводилась въ жизнь на всемъ протяженіи исторіи Русскаго флота, то значительно были бы облегчены и теперешній трудъ по ея изученію, и вмѣстѣ съ тѣмъ проникновеніе въ сознаніе общества морской идеи. Но такихъ полезныхъ нововведеній въ «Уставѣ Военнаго Флота» немного; главное же отличіе его отъ Петровскаго устава и вмѣстѣ съ тѣмъ главный недостатокъ — это обиліе статей рецептурнаго характера, имѣвшихъ цѣлью охватить по возможности все разнообразіе корабельной службы, но этимъ только стѣснявшее командный составъ въ проявленіи инициативы, и отсутствіе статей, опредѣляющихъ составъ преступленій и наказаній за нихъ. Выяснившееся вскорѣ на практикѣ неудобство пользоваться этимъ уставомъ привело къ тому, что уже черезъ семь лѣтъ пришлось оставить его и снова обратиться къ уставу Петра Великаго.

Порты и верфи. За короткое царствованіе Императора Павла весьма дѣятельно производились работы по расширенію и дальнѣйшему оборудованію существующихъ портовъ, особенно Балтійскихъ — Петербургскаго, Кронштадтскаго и Ревельскаго. Въ Петербургѣ, въ концѣ Галерной улицы, была устроена новая корабельная верфь, давшая этой мѣстности названіе Новаго Адмиралтейства. Устарѣвшія деревянныя постройки въ портахъ постепенно замѣнялись каменными; новыя каменныя же зданія возводились спеціально для морскихъ казармъ. Въ цѣляхъ сосредоточенія управленія портомъ въ рукахъ одного отвѣтственнаго лица, въ портахъ Кронштадтскомъ, Ревельскомъ и Архангельскомъ учреждены должности главныхъ командировъ и особыя управленія портовъ.

Черноморскіе порты (Севастополь, Николаевъ, Одесса, Керчь и др.), изъятые, какъ и весь Черноморскій флотъ, черезъ пять дней по воцареніи Павла изъ подчиненія князю Платону Зубову и перешедшія въ вѣдѣніе Адмиралтействъ-Коллегіи, также обстраивались и расширялись, но не въ такой степени, какъ порты Балтійскіе. Херсонъ, въ

частности, окончательно потерялъ свое былое значеніе, перешедшее къ Николаеву и Севастополю.

На Дальнемъ Востокѣ была сдѣлана попытка подыскать новый портъ для учрежденной въ 1799 году особой Охотской флотиліи (3 фрегата и 3 мелкихъ судна; цѣль созданія флотиліи — поддержка русскаго дѣла на океанской окраинѣ и содѣйствіе научнымъ экспедиціямъ), такъ какъ существовавшій съ 1646 года Охотскій портъ оказался далеко несоотвѣтствующимъ своему назначенію; эта попытка, однако, осуществленія не получила.

Въ Каспійскомъ морѣ, въ началѣ царствованія, былъ упраздненъ портъ въ Баку, какъ отошедшемъ, послѣ екатерининской персидской войны, снова къ Персіи, а станціей для Каспійской флотиліи былъ избранъ островъ Сара.

Судостроеніе. Число спущенныхъ на воду въ царствованіе Императора Павла судовъ въ Балтійскихъ и Черноморскихъ портахъ, не считая мелкихъ — 25, изъ нихъ 17 линейныхъ кораблей и 8 фрегатовъ. Заложено было 5 кораблей и 4 фрегата.

Русское судостроеніе сдѣлало въ это царствованіе значительные успѣхи. Этому способствовалъ цѣлый рядъ мѣръ: настойчивая борьба съ портовыми порядками, допускавшими возможность самыхъ широкихъ злоупотребленій; опытъ заграничныхъ (особенно у береговъ Англіи) плаваній, наглядно выяснившій недостатки и достоинства нашихъ кораблей сравнительно съ иностранными; приглашеніе на русскую службу французскихъ инженеровъ, строившихъ ранѣе суда для турецкаго флота; передача заготовленія корабельнаго лѣса отъ казенныхъ палатъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Подъ воздѣйствіемъ этихъ причинъ въ наше судостроеніе понемногу вводилась новая техника этого дѣла— обшивка судовъ мѣдью, замѣна деревянныхъ крѣпленій желѣзными, устройство сплошной верхней палубы (соединеніе бака съ ютомъ). Нѣкоторыя изъ нововведеній прививались не сразу, вызывая иногда горячую борьбу между сторонниками тѣхъ или другихъ взглядовъ.

Въ отношеніи артиллерійскаго вооруженія судовъ проявилось стремленіе къ увеличенію числа пушекъ на линейныхъ корабляхъ: такъ, 66-пушечные корабли были зачислены въ резервъ, а ихъ мѣсто въ линіи баталіи заняли усовершенствованные 74—80-пушечные.

Опытъ послѣдней шведской войны былъ использованъ, между прочимъ, въ томъ, что привелъ къ отказу отъ постройки впредь галеръ и замѣнѣ ихъ болѣе подвижными и сильнѣе вооруженными канонерскими лодками.

Учебная часть. Съ первыхъ же дней своего царствованія Императоръ оказалъ самое милостивое вниманіе питомнику офицеровъ флота, морскому кадетскому корпусу, выразивъ желаніе, чтобы «колыбель флота», какъ онъ называлъ его, «была близка къ Генералъ-Адмиралу». Немедленно же переведенный въ Петербургъ (изъ Кронштадта, куда онъ перебрался послѣ пожара 1771 года), корпусъ явился для Государя однимъ изъ немногихъ мѣстъ, куда онъ часто, иногда по нѣ

сколько разъ въ день, пріѣзжалъ отдыхать въ бесѣдѣ съ юными моряками. Императоръ всегда тщательно слѣдилъ за ходомъ преподаванія и порядками значительно подтянувшагося по понятной причинѣ корпуса. Такую же заботливость вѣнценосный Генералъ-Адмиралъ проявлялъ и относительно дальнѣйшаго, уже на службѣ, пополненія знаній офицеровъ. Были, правда, упразднены корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ въ Петербургѣ и морской корпусъ въ Николаевѣ, но сдѣлано это было съ цѣлью поддержать *единство* офицерскаго состава, которое нарушалось существованіемъ трехъ, вмѣсто одного, морскихъ учебныхъ заведеній, а, кромѣ того, въ предупрежденіе чрезмѣрнаго заполненія флота офицерами не русскаго происхожденія.

Кронштадтская и Николаевская штурманскія роты, были преобразованы въ училища съ расширенной программой, значительно лучше обставленныя; учреждены также въ Петербургѣ и Николаевѣ при Адмиралтействахъ особыя училища корабельной архитектуры. Послѣднія двѣ мѣры вскорѣ же создали кадръ болѣе свѣдущихъ штурмановъ и кораблестроителей.

Въ январѣ 1797 года во всѣхъ портахъ по Высочайшему повелѣнію были образованы «классы для флагмановъ, капитановъ и офицеровъ, въ которыхъ собираться ежедневно всѣмъ тѣмъ, кто того дня службою занятъ не будетъ и проходить всѣ нужныя для морскаго офицера науки, какъ то: тактику и эволюцію, навигацію, практику и о корабельной архитектурѣ, равномѣрно чтеніе Устава». Изъ Петербурга въ эти классы стали поступать послѣднія новости военно-морской хроники и свѣдѣнія о различныхъ техническихъ нововведеніяхъ. Въ Севастополѣ, напримѣръ, первымъ сообщеніемъ такого рода было полученное подробное описаніе, только что произошедшаго морского сраженія англійскаго флота съ испанскимъ (у мыса С.-Винцентъ) и, затѣмъ, англійскаго же съ голландскимъ (у Кампердоуна), — съ предложеніемъ, въ обоихъ случаяхъ, «дабы господа флотскіе офицеры могли сдѣлать нужныя изъ того замѣчанія». Если занятія эти, какъ принудительныя и не всегда имѣвшія опытныхъ руководителей, а также изъ-за трудности согласовать ихъ съ обязанностями корабельной службы, и не привились въ желаемой степени, то, въ смыслѣ укрѣпленія въ офицерской средѣ сознанія необходимости слѣдить за современной военно-морской наукой и развитіемъ военно-морского дѣла, эти «классы» сыграли свою роль.

Съ тою же цѣлью — для возможно большаго пополненія военно-морского образованія — были отправлены въ Англію 12 лучшихъ флотскихъ офицеровъ и нѣсколько корабельныхъ учениковъ. Русскіе офицеры съ честью служили на англійскихъ судахъ, даже участвовали въ сраженіяхъ. Напримѣръ, лейтенантъ Баратынскій, за отличіе въ упомянутомъ выше сраженіи съ испанскимъ флотомъ у мыса С.-Винцентъ, по представленію англійскаго адмирала лорда Джервиса, былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и пожалованъ въ флигель-адъютанты.

Признанная необходимость поощрять работы офицеровъ по военно-морскимъ вопросамъ, издавать ихъ и руководить ими, вызвала къ жизни

новое учрежденіе, «Особенный Комитетъ» при Адмиралтействъ-Коллегіи, въ составъ котораго вошли наиболѣе просвѣщенные изъ заслуженныхъ моряковъ.

Эскадры Мальтійскаго Ордена. Принятіе Императоромъ Павломъ званія гросмейстера Мальтійскаго державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, повлекшее за собою учрежденіе командерствъ ордена въ Россіи, отразилось и на флотѣ учрежденіемъ въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ по одной орденской эскадрѣ (3 корабля, 1 фрегатъ и нѣсколько гребныхъ судовъ въ каждой). Особымъ отличіемъ этихъ эскадръ служили орденскіе флаги (красный съ бѣлымъ мальтійскимъ крестомъ), поднимавшіеся на судахъ вмѣсто гюйсовъ, при чемъ кормовой Андреевскій флагъ оставался неизмѣнно на своемъ мѣстѣ, и непосредственное подчиненіе флагмановъ особому генералъ-адмиралу ордена, званіе котораго носилъ адмиралъ графъ Кушелевъ. Обособленность эскадръ была, въ сущности, фиктивной; и, вообще, самое созданіе ихъ имѣло значеніе исключительно демонстративное, какъ наглядное доказательство близости мальтійской идеи къ сердцу Государя-рыцаря и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показатель ея предполагаемаго могущества.

Приведенный краткій обзоръ состоянія флота долженъ быть законченъ новымъ упоминаніемъ о вниманіи Государя къ своему флоту. Въ 1797 году Балтійскій флотъ, впервые послѣ Петра Великаго, былъ осчастливленъ непосредственнымъ командованіемъ Императора, поднявшаго штандартъ на фрегатѣ «Эммануилъ». Передъ выходомъ 6-го іюля въ море, Государь раздѣлилъ флотъ на 3 дивизіи: синяго флага — авангардъ, бѣлаго флага — кордебаталія и краснаго флага — арьергардъ (это дѣленіе установлено имъ еще въ 1796 году и просуществовало довольно долго). Командованіе флотомъ продолжалось всего 4 дня (на «Эммануилѣ» находились также Императрица и великіе князья), при чемъ Императоръ сильно страдалъ отъ не переносившейся имъ качки, но оно явилось особенно цѣннымъ доказательствомъ высокаго вниманія къ флоту.

Безпокойный въ послѣднее время характеръ Государя, его горячность и неуравновѣшенность, которыя иногда такъ тяжело отзывались на командномъ составѣ арміи и на ней самой, сравнительно меньше проявлялись въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось флота.

И прославленіемъ имени Павла на далекихъ отъ Россіи моряхъ, флотъ въ это царствованіе только отплатилъ за всѣ тѣ заботы, которыя посвящалъ ему Государь-рыцарь — его незабвенный Генералъ-Адмиралъ.

II. Поддержка, оказанная англійскому правительству въ 1797 г.

Вступленіе на престолъ Императора Павла ознаменовалось рѣзкой перемѣной въ русской внѣшней политикѣ.

Въ циркулярной нотѣ нашимъ посламъ, гр. Остерманъ извѣщалъ ихъ (24 ноября 1796 года), что «Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи, истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце Императора Павла не могло отказать любезнымъ Его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи, послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однакоже, хотя Россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, Государь не менѣе затѣмъ, какъ и покойная Его Родительница, остается въ твердой связи съ Своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой Французской Республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія».

Въ соотвѣтствіи съ этимъ извѣщеніемъ, немедленно же былъ отмѣненъ объявленный за два мѣсяца передъ тѣмъ рекрутскій наборъ, спѣшно закончена война съ Персіей, отмѣнена мобилизація корпуса Суворова, предназначеннаго къ выступленію въ заграничный походъ, и, затѣмъ, отозваны эскадры, находившіяся въ Нѣмецкомъ морѣ и въ крейсерствѣ у голландскихъ береговъ совмѣстно съ англійскимъ флотомъ.

Эта декларація, которая не отвратила, все-таки, послѣдовавшаго через 2 года активнаго вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла, произвела весьма тяжелое впечатлѣніе на Европу. Въ слагавшихся противъ революціонной Франціи коалиціяхъ, Россія занимала слишкомъ видное мѣсто, чтобы ея отказъ отъ екатерининской политики остался безъ вліянія на успѣхъ борьбы съ Франціей.

Во исполненіе объявленной деклараціи, Россія отзывала изъ Англіи и эскадру контръ-адмирала Макарова, которая, по уходѣ въ Балтику крейсеровавшей у береговъ Шотландіи вмѣстѣ съ англійскимъ флотомъ эскадры вице-адмирала Ханыкова, еще оставалась въ Англіи (составъ эскадры — 3 линейныхъ корабля и 3 фрегата).

Въ моментъ отзыва эскадры Макарова (весною 1797 года) Англіи грозила двойная опасность: внѣшняя—со стороны батавскаго флота (въ 1795 году французы заняли Голландію, образовавъ изъ нея Батавскую республику), и внутренняя — развивавшееся на англійскихъ военныхъ судахъ революціонное броженіе. Опасность для Англіи была настолько велика, что когда было получено Высочайшее повелѣніе объ отозваніи эскадры Макарова, статсъ-секретарь лордъ Гренвиль не находилъ словъ, чтобы убѣдить нашего посла гр. Воронцова оставить хотя бы на самое непродолжительное время нашу эскадру: «одна Россія оставалась союзницей несчастной Англіи, а теперь и та ее оставляетъ». «Тутъ и ...

представилъ», доносилъ гр. Воронцовъ, «что три корабля и три наши фрегаты въ сравненіи съ многочисленнымъ ихъ флотомъ не что иное есть, какъ капля воды съ моремъ».

«Вы ошибаетесь,—отвѣчалъ Гренвиль,—всякія силы, велики или малы, намъ теперь необходимо нужны, и нужны болѣе, чѣмъ во всякое другое время».

И, дѣйствительно, положеніе Англіи было критическое. На судахъ британскаго флота, стоявшихъ въ Портсмутѣ, Плимутѣ, Ширнесѣ и Норѣ, вспыхнулъ бунтъ. Это было слѣдствіемъ долгаго революціоннаго броженія, перенесеннаго изъ Франціи въ Ирландію и захватывавшаго все болѣе и болѣе широкія народныя массы. Матросы завладѣли кораблями, отказались повиноваться офицерамъ и предъявили цѣлый рядъ требованій, объявивъ, что до исполненія всѣхъ требованій они не выпустятъ въ море ни одного корабля. Въ нѣсколько дней вся морская сила Англіи была парализована бунтомъ, и единственной опорой для правительства остались 2 корабля, находившіеся у голландскихъ береговъ. Возставшіе свои же корабли уже блокировали Лондонскій портъ, и батавскій флотъ изъ 14 кораблей могъ бы въ это время нанести Англіи слишкомъ тяжелый ударъ.

Снисходя къ усиленнымъ просьбамъ лорда Гренвиля, гр. Воронцовъ задержалъ на три недѣли отправленіе въ Россію нашей эскадры и тѣмъ отвратилъ грозившую Англіи опасность.

Оказаніемъ поддержки англійскому правительству при приведеніи къ повиновенію взбунтовавшагося флота, адмиралъ Макаровъ заслужилъ живѣйшую признательность короля Георга: король въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ Императора Павла за спасеніе Англіи въ моментъ величайшей опасности, а Макарову пожаловалъ осыпанную брилліантами золотую шпагу. Эта награда Макарову была нѣсколько замаскирована: королю было неудобно награждать русскаго адмирала за содѣйствіе въ приведеніи къ повиновенію британскаго флота, и потому на пожалованной Макарову шпагѣ была сдѣлана надпись: «Тексель. Іюня 12. 1797 г.» — въ память содѣйствія Макарова англійскому адмиралу у Текселя.

По водвореніи на англійскомъ флотѣ порядка, эскадра Макарова немедленно же возвратилась въ Россію.

Описанный эпизодъ послужилъ однимъ изъ рѣшительныхъ факторовъ русско-англійскаго сближенія; нѣсколькими мѣсяцами раньше, во время пребыванія эскадры Макарова въ Англіи, между Россіей и Англіей былъ заключенъ новый торговый договоръ.

III. Война съ Франціей 1798—1800 гг.

1. Эскадра адмирала Ушакова въ Средиземномъ морѣ. Освобожденіе Іоническихъ острововъ. Блокада и взятіе Корфу. Учрежденіе Республики Семи Острововъ.

1798 годъ снова вернулъ Россію къ прежней активной политикѣ и заставилъ ее выступить противъ Франціи съ оружіемъ въ рукахъ.

Война, начавшаяся въ этомъ году, назрѣвала давно. И правъ былъ гр. Воронцовъ, когда говорилъ лорду Гренвилю, что одною изъ причинъ отозванія эскадры Макарова является желаніе Государя, рѣшившаго дать Россіи отдыхъ послѣ продолжительныхъ войнъ, использовать этотъ отдыхъ для приведенія флота и войскъ къ еще большему могуществу, чтобы въ случаѣ нужды присоединиться къ союзникамъ въ полномъ сознаніи своей силы.

Пока Европа переживала всю тяжесть борьбы съ революціонной безличной Франціей, Императоръ Павелъ оставался почти нейтральнымъ; онъ вмѣшался въ борьбу только тогда, когда слово Франція уже отожествилось съ «Бонапартомъ», когда генералъ Наполеонъ Бонапартъ доказалъ, что если онъ и опирается на Францію, то и всю Францію онъ видитъ въ самомъ себѣ. Другими словами, Императоръ Павелъ началъ войну только тогда, когда уже возсіяла слава Наполеона, и началъ, какъ затронутый дѣйствіями того же Наполеона; и война, возникшая въ 1798 году, начинаетъ собою, такимъ образомъ, длительную эпоху русскихъ наполеоновскихъ войнъ.

Противъ Франціи, какъ таковой, Императоръ Павелъ уже выступалъ той поддержкой, которую оказывалъ Англіи въ первые мѣсяцы своего царствованія, пока не отозвалъ нашу эскадру отъ англійскихъ береговъ. Содѣйствіе нашей эскадры ожидалось Англіей и для противодѣйствія покушеніямъ французскаго флота на Ирландію, и для операцій противъ голландскаго флота, захваченнаго французами, переименованнаго ими въ республиканскій батавскій и значительно усилившаго — въ степени, опасной для Англіи — французскія морскія силы. Но, какъ было видно выше, эскадра Макарова была отозвана и вернулась въ Россію; это было лѣтомъ 1797 года.

Но не прошло и года, какъ весною 1798 г., Императоръ уже былъ вынужденъ выставить въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ спеціальныя эскадры, назначенныя для активнаго участія въ европейскихъ коалиціяхъ противъ Франціи.

Эскадрѣ Чернаго моря, въ виду распространившихся слуховъ о намѣреніи французскаго флота напасть на русскіе берега, было предписано находиться въ крейсерствѣ между Севастополемъ и Одессой; о возможности появленія въ Черномъ морѣ французовъ нами были извѣщена Турція, съ указаніемъ на то, что Россія окажетъ ей въ этомъ случаѣ свое содѣйствіе; командующему эскадрой, вице-адмиралу Ушакову, Императоръ писалъ, чтобы при первомъ же извѣстіи о появленіи французской эскадры въ Черномъ морѣ «немедленно, сыскавъ оную, дать рѣшительное сраженіе».

Балтійская эскадра вице-адмирала Макарова и Архангельская вице-адмирала Тета были отправлены для совмѣстнаго съ англичанами крейсерства у береговъ Франціи и Голландіи; остальной Балтійскій флотъ былъ назначенъ для крейсерствъ въ Балтійскомъ морѣ — до Зунда и Бельтовъ.

Ближайшими поводами къ войнѣ послужили произведенный по приказанію Бонапарта арестъ на островѣ Занте въ сентябрѣ 1797 г. русскаго консула, запрещеніе Наполеона населенію Іоническихъ острововъ вступать въ какія-либо отношенія съ Россіей подъ страхомъ смертной казни и, едва ли не больше всего, захватъ Наполеономъ же, на пути въ Египетъ, Мальты (29 мая 1798 г.), настолько тогда близкой сердцу Императора Павла, что въ нашихъ календаряхъ того времени Мальта даже упоминалась въ числѣ русскихъ городовъ.

Бонапартъ изумилъ Европу, когда открылась конечная цѣль его маршрута. Мальта была только этапомъ на его далекомъ пути. Идя со своимъ 37-тысячнымъ корпусомъ (свыше 300 транспортовъ, прикрываемыхъ конвоемъ въ числѣ около 40 военныхъ судовъ, подъ командой адмирала Брюэса) изъ Тулона въ Египетъ, онъ могъ разсчитывать на рискъ встрѣчи съ англійскимъ флотомъ, но врядъ ли подозрѣвалъ, что занятіе принадлежащаго Турціи Египта немедленно же вызоветъ къ жизни русско-турецкій союзъ.

Между тѣмъ, какъ только Императоръ Павелъ, все еще горѣвшій негодованіемъ за захватъ Мальты, получилъ извѣстіе о высадкѣ Бонапарта въ Египтѣ, онъ немедленно отправилъ предписаніе вице-адмиралу Ушакову о слѣдованіи съ порученной ему эскадрой къ Босфору и о предложеніи Портѣ, отъ имени Императора, всякой помощи русскаго флота противъ французовъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы Турція этого ни пожелала.

13 августа Ушаковъ съ эскадрой вышелъ изъ Севастополя къ Босфору, выслалъ въ Константинополь авизо съ предложеніемъ о союзѣ, и когда 23-го августа, уже по приглашенію Порты, сталъ съ эскадрой на якорь въ Босфорѣ, то узналъ, что сейчасъ же по полученіи отъ него великодушнаго предложенія Государя, Порта объявила о разрывѣ отношеній съ Франціей, и что французскій посланникъ уже сидитъ въ Семибашенномъ замкѣ.

Составъ эскадры Ушакова: линейные корабли: *Св. Павелъ* (флагъ Ушакова), *Св. Троица, Богоявленіе Господне, Св. Петръ, Захарій и Елизавета, Марія Магдалина;* фрегаты: *Григорій Великія Арменіи, Михаилъ, Николай, Сошествіе Св. Духа, Казанская Богородица, Навархія, Вознесеніе Господне, Счастливый;* бриги: *Св. Ирина, Панагія Апотуменгана* и *Красноселье*. На всей эскадрѣ было 746 пушекъ и 7132 чел. команды, изъ нихъ 1.500 морскихъ солдатъ.

Султанъ и населеніе Турецкой столицы съ восторгомъ встрѣтили прибытіе русской эскадры. Особенно почтительно они отнеслись къ адмиралу, имя котораго — Ушакъ-паша, какъ они его называли, —

слишкомъ памятное по множеству побѣдъ, одержанныхъ Ушаковымъ въ Черномъ морѣ, внушало имъ почти благоговѣйный ужасъ.

Нашей эскадрѣ пришлось довольно долго простоять въ Босфорѣ. На происходившихъ при участіи Ушакова совѣщаніяхъ русскаго посланника съ великимъ визиремъ обсуждался планъ предстоящихъ дѣйствій русско-турецкаго флота. Считаясь съ Высочайшимъ повелѣніемъ, даннымъ Ушакову съ указаніемъ на районъ предстоящаго плаванія — «не далѣе Египта, Кандіи, Мореи и Венеціанскаго залива, смотря по нуждѣ и обстоятельствамъ», участники совѣщанія остановились на мысли русскаго адмирала: освободить отъ французовъ Іоническіе острова и оказать, насколько возможно, поддержку англійскимъ морскимъ силамъ у береговъ Египта. Такой планъ дѣйствій, принятый на совѣщаніи, вполнѣ отвѣчалъ сложившейся къ тому времени политической и стратегической обстановкѣ.

Дѣйствительно, распредѣленіе морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ давало полную возможность русско-турецкому флоту заняться операціями у Іоническихъ островсвъ. Главныя силы англійскаго флота, послѣ того, какъ лордъ Нельсонъ разбилъ французскій флотъ при Абукирѣ, были заняты блокадой союзнаго Франціи испанскаго флота у Кадикса и французскаго въ Брестѣ; у Египта же, для блокады Александріи, оставалось всего 3 англійскихъ корабля и 3 фрегата; самъ Нельсонъ находился на наблюдательномъ посту у Палермо — резиденціи короля Обѣихъ Сицилій (неаполитанскаго), куда король Фердинандъ удалился по занятіи неаполитанскихъ владѣній французами; Мальта блокировалась англо-португальской эскадрой.

Эти условія и существованіе союзныхъ отношеній между Россіей, Турціей, королемъ Фердинандомъ, Англіей, Португаліей и Австріей дѣлали планъ освобожденія Іоническихъ стровоъ отъ французовъ русско-турецкимъ флотомъ вполнѣ естественнымъ. За это говорили и географическія условія — сравнительная близость этихъ французскихъ владѣній отъ базъ русско-турецкаго флота, и наличіе особыхъ, для Россіи и Турціи въ отдѣльности, политическихъ побужденій. Для Россіи предстоящія операціи, въ случаѣ успѣха, дали бы нравственное удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное на тѣхъ же Іоническихъ островахъ Бонапартомъ; и, кромѣ того, онѣ велись бы при завѣдомо сочувственномъ отношеніи къ русскому имени православнаго (греческаго) населенія островов, среди котораго еще жива была память о славной екатерининской архипелажской экспедиціи и дѣйствіяхъ русскихъ корсарскихъ эскадръ. Для Турціи же освобожденіе островсвъ имѣло еще болѣе осязательное значеніе, потому что съ покореніемъ ихъ тѣмъ легче было выбить французовъ изъ занятыхъ ими пунктовъ албанскаго побережья — Бутринто, Парги, Превезы и Воницы.

Къ тому же осуществленіе намѣченнаго плана облегчалось, какъ представлялось тогда, и тѣмъ, что со времени занятія острововъ (по Кампоформійскому трактату 1797 г., по которому, одновременно съ уничтоженіемъ Венеціи какъ государства, они были отданы Франціи),

французы не успѣли еще какъ слѣдуетъ на нихъ обосноваться и, во всякомъ случаѣ, не пользовались симпатіями населенія. Наиболѣе труднымъ представлялось овладѣніе Корфу, защищеннаго очень сильной крѣпостью, считавшейся одною изъ неприступнѣйшихъ въ Европѣ.

Итакъ, планъ дѣйствій былъ выработанъ. Турція торопилась снарядить свою эскадру, а вынужденное бездѣйствіе Ушакова заполнялось тѣмъ, что онъ съ офицерами, по приглашенію султана, подробно знакомился съ состояніемъ турецкихъ судовъ, Константинопольскаго адмиралтейства и арсеналовъ.

8 сентября Ушаковъ съ нашей эскадрой ушелъ къ Дарданелламъ. При проходѣ мимо султанскаго дворца, эскадра салютовала, потрясая стѣны Константинополя громомъ непривычныхъ для него дружественныхъ русскихъ выстрѣловъ. Султанъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на это зрѣлище и посылалъ эскадрѣ самыя лучшія напутствія; еще въ первый же день по приходѣ эскадры изъ Севастополя онъ, переодѣтый, чтобы не быть узнаннымъ, въ боснійское платье, обошелъ на каикѣ всѣ наши суда; передъ уходомъ же Ушакова изъ Босфора прислалъ ему золотую, усыпанную бриллiантами, табакерку и 2.000 турецкихъ червонцевъ для раздачи командѣ.

Въ Дарданеллахъ къ Ушакову присоединилась турецкая эскадра — 4 корабля, 6 фрегатовъ, 4 корвета и 14 канонерскихъ лодокъ, съ экипажемъ въ 6.000 человѣкъ — находившаяся подъ командой адмирала Кадыръ-Абдулъ-Бея, стараго, опытнаго и боевого моряка. Кадыръ-Бей былъ поставленъ въ полное подчиненіе Ушакову, котораго именемъ султана ему было приказано почитать «какъ учителя».

Турецкая эскадра, въ сравненіи съ нашей, очень выгодно отличалась прекрасными качествами своихъ судовъ — французской постройки, обшитыхъ мѣдью, легкихъ и ходкихъ, съ прекрасной мѣдной артиллеріей, и столько же уступала въ качествѣ личнаго состава: большинство команды были люди непривычные къ морю, спѣшно набранные изъ окрестныхъ деревень.

Еще изъ Константинополя Ушаковъ вступилъ въ сношенія съ Нельсономъ и до выхода со всѣмъ флотомъ въ море отправилъ въ подкрѣпленіе англичанамъ къ берегамъ Египта 2 нашихъ фрегата и 2 фрегата и 10 канонерскихъ лодокъ турецкихъ, подъ общимъ командованіемъ капитана 2 ранга Сорокина.

20-го сентября 1798 года соединенный русско-турецкій флотъ тремя колоннами вышелъ изъ Дарданеллъ. Послѣ кратковременной остановки у острововъ Хіоса и Идры, флотъ направился къ острову Цериго, который Ушаковъ избралъ для начала своихъ дѣйствій противъ французовъ. Предварительно (24 сентября) къ этому острову былъ отправленъ съ двумя фрегатами капитанъ-лейтенантъ Шестакъ съ прокламаціями отъ Ушакова, въ которыхъ объявлялось, что населеніе острова приглашается содѣйствовать союзному флоту въ изгнаніи французовъ; такія же прокламаціи были посланы и на другіе Іоническіе острова, сначала однимъ Ушаковымъ, а потомъ за подписью и не-

чатью обоихъ союзныхъ адмираловъ, при чемъ указывалось, что цѣлью дѣйствій союзниковъ является свержeнie владычества французовъ и учрежденіе на нихъ того способа правленія, какое будетъ согласно съ желаніями самого населенія.

26-го сентября, когда флотъ находился на пути отъ Индры къ Цериго, къ кораблю Ушакова прибыла съ острова Цериго шлюпка съ мѣстными греками, извѣстившими адмирала, что населеніе острова съ восторгомъ приняло его прокламацію, и что французскій гарнизонъ, узнавъ о приближеніи флота, оставилъ городъ и укрылся въ крѣпости. Тутъ же, съ флота были замѣчены двѣ канонерскія лодки и одно мелкое судно, шедшія подъ французскимъ флагомъ; за ними немедленно была послана погоня, и одна изъ лодокъ съ плѣнными французами была приведена къ флоту.

Между тѣмъ, 27 сентября, капитанъ-лейтенантъ Шостакъ расположился у Цериго въ заливѣ Санъ-Николо и началъ бомбардировать маленькую крѣпостцу, въ которой заперлось всего 36 человѣкъ французовъ. Не отвѣчая на выстрѣлы и завидя приближеніе высаженнаго съ флота десанта, французы спустили флагъ и бросились бѣжать въ главную крѣпость Капсала; во время бѣгства они потеряли 2-хъ человѣкъ убитыми и 15 взятыми въ плѣнъ. Въ Капсалѣ, находившейся на крутой горѣ и обнесенной крѣпкими, высокими стѣнами, французы (весь ихъ гарнизонъ на островѣ составляли 5 офицеровъ и 105 солдатъ) приготовились упорно защищаться.

Подошедшій Ушаковъ немедленно отправилъ на берегъ десантъ въ 300 чел. русскихъ и 250 турокъ съ нѣсколькими орудіями, поручивъ командованіе десантомъ капитанъ-лейтенанту Шостаку. Добираться до крѣпости приходилось съ неимовѣрными трудностями, перенося орудія на рукахъ по гористой мѣстности, усѣянной остроконечными камнями и изрытой глубокими оврагами; почти подъ самыми стѣнами крѣпости нами были устроены двѣ батареи. На требованіе сдачи французы отвѣтили отказомъ. Ушаковъ, усиливъ десантъ, отправилъ фрегатъ *Счастливый* и бригъ *Панагія Апотуменгана* для диверсіи со стороны моря, и съ разсвѣтомъ 30-го числа съ нашихъ батарей и этихъ двухъ судовъ, ставшихъ подъ самою крѣпостью, открылась сильная канонада. Французы нѣсколько часовъ оживленно отвѣчали на выстрѣлы и подняли бѣлый флагъ только тогда, когда для приступа были уже приготовлены лѣстницы и когда у нихъ было уже 9 убитыхъ и много раненыхъ. Шостаку французами были поднесены знамя и ключи крѣпости; ими при этомъ было выговорено себѣ позволеніе возвратиться на родину съ обязательствомъ не участвовать въ войнѣ противъ Россіи и Турціи въ продолженіе одного года и одного дня, (офицеры же — до конца войны); но оружіе они должны были положить передъ фронтомъ побѣдителей; трофеемъ намъ досталась 31 пушка. Потерь въ личномъ составѣ ни у насъ, ни у турокъ не было.

Эти первые, прозвучавшіе на островѣ Цериго, выстрѣлы положили начало всему циклу русскихъ наполеоновскихъ войнъ, окончившихся

въ 1814 году взятіемъ Парижа. Здѣсь, у острова Цериго, Россія впервые столкнулась съ войсками Наполеона, тогда еще только республиканскаго генерала, и успѣхъ нашъ, хотя и въ обстановкѣ незначительнаго самого по себѣ военнаго дѣйствія и притомъ доставшійся слишкомъ легко, благодаря явному превосходству нашихъ силъ, именно въ этомъ смыслѣ былъ высоко оцѣненъ и щедро награжденъ императоромъ Павломъ.

Оставивъ въ Цериго небольшой русско-турецкій отрядъ, Ушаковъ 6-го октября отправился къ острову Занте, куда, задержанный противными вѣтрами, прибылъ только 13-го октября. Еще передъ подходомъ эскадры къ Занте были отправлены съ капитанъ-лейтенантомъ Шостакомъ два фрегата, съ которыхъ свезенъ на берегъ русско-турецкій десантъ.

Къ союзнымъ войскамъ присоединились мѣстные жители; главное командованіе десантомъ было поручено тому же Шостаку. Огнемъ нашихъ фрегатовъ скоро были сбиты 5 небольшихъ береговыхъ батарей, и французы заперлись въ крѣпости, расположенной на вершинѣ почти отвѣсной скалы. Адмиралъ предложилъ непріятелю сдаться, но получилъ отказъ и немедленно же приказалъ Шостаку штурмовать крѣпость. Позднимъ вечеромъ 13 октября Шостакъ подошелъ къ самой крѣпости, и французскій комендантъ попросилъ перемирія, а на слѣдующее утро сдалъ крѣпость. Сдавшійся гарнизонъ (47 офицеровъ и 444 нижнихъ чина) получилъ позволеніе на почетный выходъ. Въ крѣпости и на батареяхъ оказалось 62 мѣдныхъ и чугунныхъ пушки; мѣдныя были отправлены на фрегаты, чугунныя оставлены въ Занте.

На слѣдующій день Ушаковъ съѣхалъ съ большой свитой на берегъ для слушанія благодарственнаго молебна въ городской церкви и былъ встрѣченъ населеніемъ выраженіями самаго горячаго, неподдѣльнаго восторга. Приближеніе адмиральскаго катера привѣтствовалось колокольнымъ звономъ и стрѣльбою изъ ружей; въ домахъ были выставлены русскіе Андреевскіе флаги; подъ ноги адмиралу бросали цвѣты, деньги и сладости; женщины крестились и плакали, дѣти цѣловали руки у нашихъ офицеровъ и матросовъ, народъ безпрестанно восклицалъ: «Да здравствуетъ Государь нашъ Павелъ Петровичъ! Да здравствуетъ избавитель и возстановитель православной вѣры!»

За время недѣльной стоянки Ушакова у Занте имъ было введено на островѣ военное положеніе; за это же время адмиралъ выслалъ впередъ три отряда: первый, подъ командой капитана 2-го ранга Поскочина, для занятія острова Кефалоніи, второй, капитана 1-го ранга Сенявина, для занятія острова Санта-Мавры; третій, капитана 1-го ранга Селивачева, для блокады острова Корфу. Съ остальнымъ же флотомъ Ушаковъ отправился къ Кефалоніи 21-го октября, оставивъ комендантомъ Занте мичмана Васильева съ командой изъ 14-ти русскихъ и 14-ти турокъ.

Нашъ небольшой десантъ съ отряда Поскочина (около 180 человѣкъ) былъ встрѣченъ на Кефалоніи духовенствомъ въ полномъ облаченіи и всѣми жителями. Французы были выбиты изъ всѣхъ своихъ батарей и крѣпости, разсѣялись по горамъ и ущельямъ, были изловле-

ны и положили оружіе. Въ плѣнъ попало всего 208 французовъ, въ томъ числѣ 11 офицеровъ; трофеями намъ достались 56 пушекъ, 65 бочекъ пороху и свыше 2.500 ядеръ, бомбъ и картечей.

23-го октября Ушаковъ съ флотомъ подошелъ къ Кефалоніи, образовалъ на островѣ новое управленіе, и 29-го числа уже вступалъ подъ паруса для слѣдованія въ Корфу, но извѣстіе, полученное отъ Сенявина съ просьбой о присылкѣ къ острову Санта-Мавра подкрѣпленія, заставило адмирала немедленно идти съ Кадыръ-беемъ къ Санта-Маврѣ; къ Корфу же, для подкрѣпленія Селивачева, отправлены были корабль *Св. Троица* и турецкіе 2 фрегата и 1 корветъ.

Островъ Санта-Мавра, у котораго находился отрядъ Сенявина (корабль *Св. Петръ* и фрегатъ *Навархія*, турецкіе корабль и фрегатъ и, съ 21-го числа, авизо *Панагія Апотуменгана*), былъ занятъ гарнизономъ въ 540 французовъ, укрывшихся въ неприступной крѣпости, расположенной на крутомъ утесѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою (моремъ) и двумя широкими и глубокими, наполненными водою, рвами.

На этотъ островъ, еще до прихода Сенявина, имѣлъ большіе виды Али-паша Янинскій — властолюбивый, почти не признававшій надъ собою власти Константинополя, паша Янинскаго округа (въ нижней Албаніи). Перспектива изъ-подъ власти французовъ перейти подъ деспотическую руку Али-паши вовсе не прельщала жителей острова, и они, при приближеніи русско-турецкаго отряда, восторженно привѣтствовали Сенявина, какъ избавителя, вдвойнѣ: и отъ французовъ, и отъ Али-паши.

18-го октября на островъ были высажены десантъ въ 487 человѣкъ (изъ нихъ только 40 турокъ) при 10-ти офицерахъ съ шестью орудіями, подъ командой капитана-лейтенанта графа Войновича. Десантомъ вскорѣ захвачены были въ плѣнъ 55 французовъ, сдѣлавшихъ попытку бѣжать съ острова, въ томъ числѣ 1 батальонный командиръ и 11 офицеровъ.

Дѣйствія же противъ крѣпости требовали значительныхъ по времени приготовленій. Нашимъ десантомъ съ большими трудностями были устроены три 8-пушечныя батареи; орудія приходилось тащить по едва проходимымъ тропинкамъ, иногда же по совершенно открытой для непріятеля мѣстности. 23-го октября, однако, уже былъ открытъ огонь съ этихъ батарей; 27-го открыли огонь и турки съ 4-пушечной батареи, устроенной ими на Албанскомъ берегу, въ полуверстѣ отъ крѣпости (на батареѣ находилось 180 турецкихъ и 15 русскихъ канонировъ).

На нашъ огонь французы отвѣчали изъ крѣпости такимъ же упорнымъ и оживленнымъ огнемъ. Два раза комендантъ отвѣчалъ отказомъ на предложенія Сенявина о сдачѣ; наконецъ, самъ сталъ просить о переговорахъ. Но условія, предложенныя имъ осаждавшимъ, были отвергнуты Сенявинымъ: французы соглашались сдать знамя, ключи крѣпости, пушки, ружья и боевые припасы, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовали отправленія ихъ во Францію на счетъ союзниковъ. Основываясь на предписаніи, полученномъ имъ передъ отправленіемъ къ Санта-Маврѣ

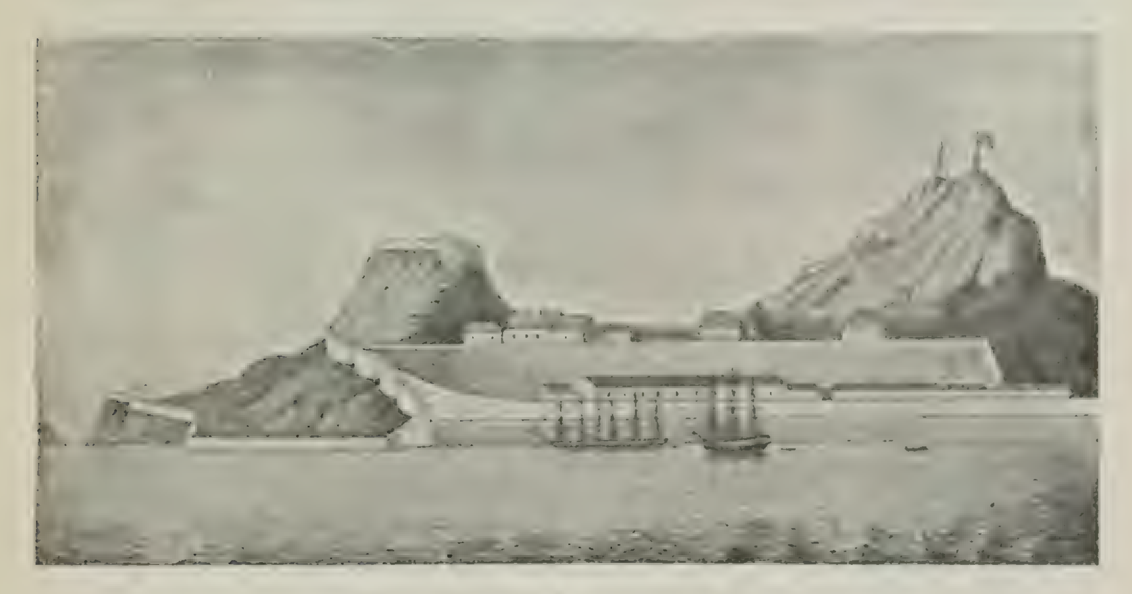
отъ Ушакова («Буде же, паче чаянія, чего я не ожидаю, если войскъ десантныхъ съ вами будетъ недостаточно, и ежели можете предвидѣть сильное сопротивленіе, на таковой случай извольте прислать ко мнѣ увѣдомленіе съ мелкимъ турецкимъ судномъ...»), Сенявинъ для ускоренія покоренія острова и обратился къ адмиралу съ просьбой о подкрѣпленіи. Ушаковъ прибылъ къ Санта-Маврѣ 31-го октября и предполагалъ немедленно штурмовать крѣпость, но французскій комендантъ, сначала отказавшійся сдаться, вступилъ въ переговоры и въ ночь на 3-е ноября сдалъ крѣпость Сенявину. Французы получили право почетнаго выхода, но должны были сложить оружіе, кромѣ офицеровъ (числомъ 46), которымъ оставлялись шпаги, и дать слово въ продолженіе всей войны не сражаться противъ Россіи, Турціи и ихъ союзниковъ. Вмѣсто французскихъ портовъ, объ отправленіи въ которые просили плѣнные, они были доставлены на одномъ нашемъ и одномъ турецкомъ суднѣ въ Патрасъ, съ обѣщаніемъ размѣнять ихъ на нашихъ плѣнныхъ, если таковые окажутся.

Наши потери при взятіи Санта-Мавры — 2 убитыхъ и 6 раненыхъ, у турокъ убито 4; французы изъ своего гарнизона въ 546 человѣкъ потеряли 34 убитыми и 43 ранеными. Въ крѣпости намъ досталось 59 пушекъ, 817 ружей, 520 бомбъ, 160 пудовъ пороху, 10.109 ядеръ, 10.000 боевыхъ патроновъ и провіанту на 600 человѣкъ на цѣлый мѣсяцъ. Императоръ Павелъ объявилъ Ушакову за взятіе Санта-Мавры Монаршее благоволеніе, адмиралу Кадыръ-бею пожаловалъ осыпанную бриллiантами золотую табакерку, и щедро наградилъ отличившихся офицеровъ, особенно подчеркнувъ, по донесенію Ушакова, заслуги въ этомъ дѣлѣ Сенявина.

Успѣшныя дѣйствія Ушакова открывали ему теперь путь къ самому главному изъ Іоническихъ острововъ, защищаемому сильной крѣпостью со значительнымъ гарнизономъ и морскими силами — Корфу, признанной столицы Іоническаго архипелага.

За время дѣйствій у Іоническихъ острововъ Ушаковъ обнаружилъ большой политическій тактъ въ сношеніяхъ какъ съ греческимъ населеніемъ, такъ и съ союзнымъ ему турецкимъ адмираломъ. Изгоняя съ острововъ французовъ, Ушаковъ не навязывалъ населенію какой-либо чуждой власти, а давалъ полную свободу выборнымъ мѣстнымъ управленіямъ, поставивъ ихъ подъ защиту небольшихъ русско-турецкихъ отрядовъ; обхожденіе же съ Кадыръ-беемъ требовало особеннаго такта и для сохраненія видимости извѣстной самостоятельности турецкаго адмирала, и для искорененія въ немъ тѣхъ побужденій, которыя являлись отраженіемъ типичныхъ восточныхъ воззрѣній. Такъ, напримѣръ, Ушаковъ въ мягкой, но рѣшительной формѣ отклонилъ ту, какъ называлъ ее турецкій адмиралъ, «военную хитрость», которую Кадыръ-бей хотѣлъ примѣнить къ уже сдавшимся на островѣ Цериго французамъ. «По обѣщанію вашему», говорилъ Ушакову Кадыръ-бей, «французы надѣются отправиться въ отечество и лежатъ спокойно въ лагерѣ. Позвольте мнѣ подойти къ нимъ ночью тихо и вырѣзать».

Какъ было сказано раньше, первымъ отрядомъ, отправленнымъ Ушаковымъ въ Корфу, былъ высланный отъ острова Занте отрядъ капитана Селивачева изъ трехъ кораблей и трехъ фрегатовъ. 24-го октября отрядъ подошелъ къ Корфу и немедленно предложилъ французскому коменданту, генералу Шабо, сдаться; комендантъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. 31-го октября къ Селивачеву прибылъ на подкрѣпленіе отрядъ Поскочина изъ 4-хъ судовъ (корабль *Св. Троица*, два турецкіе фрегата и одинъ корветъ). 8-го ноября, когда къ Корфу подошелъ самъ Ушаковъ, союзныя русско-турецкія силы вмѣстѣ съ от-

Видъ крѣпости Корфу, въ 1798 году.

рядами Селивачева и Поскочина состояли всего изъ 8-ми кораблей, 7-ми фрегатовъ и мелкихъ судовъ. Часть русско-турецкихъ силъ находилась въ это время въ крейсерствѣ у береговъ Мореи и Египта, часть у покоренныхъ уже Іоническихъ островов.

Островъ Корфу, съ населеніемъ въ то время около 60-ти тысячъ человѣкъ, отдѣляется отъ Албанскаго берега проливомъ, шириною отъ двухъ до восьми верстъ. Положеніе острова, прославленнаго еще Гомеромъ (древне-греческое названіе острова — Керкира), какъ стоящаго на путяхъ сообщенія западнаго міра съ востокомъ, уже многія столѣтія привлекало къ нему вниманіе разныхъ народовъ. Въ древнія времена Эпиръ, Римъ, въ средніе вѣка Неаполь и Византія, позднѣе Турція и, наконецъ, Наполеонъ (именно не Франція, а Наполеонъ Бонапартъ, по его личнымъ планамъ на господство на Ближнемъ Востокѣ), одинъ другому, послѣ отчаянной борьбы, уступали свою власть надъ Корфу, этимъ ключомъ къ странѣ античной Эллады.

Городъ Корфу, лежащій на выдающемся мысу съ восточной стороны острова, былъ укрѣпленъ еще венеціанцами, и крѣпость считалась одной изъ самыхъ неприступныхъ въ Европѣ. Крѣпость состояла, собственно, изъ 5-ти отдѣльныхъ укрѣпленій, расположенныхъ такъ, что

завладѣніе однимъ изъ нихъ не избавляло непріятеля отъ огня остальныхъ четырехъ. Эти 5 укрѣпленій были расположены слѣдующимъ образомъ: къ юго-востоку отъ города, окруженнаго двойнымъ валомъ съ глубокими сухими рвами, находилась на мысѣ Капо-Дезидеро старая крѣпость; крѣпость эта отдѣлялась отъ города очень глубокимъ и широкимъ каналомъ; къ сѣверо-западу отъ города расположена была новая крѣпость, съ укрѣпленіями, высѣченными въ скалѣ, съ подземельями и тайными ходами; ее составляли 3 отдѣльныхъ укрѣпленія: св. Авраама, св. Рока и св. Сальвадора. Съ моря, кромѣ старой и новой крѣпости, Корфу защищался двумя укрѣпленными островами: Видо и Лазаретто; на первомъ изъ нихъ находилось 5 батарей, на второмъ, значительно меньшемъ, укрѣпленный карантинъ. Французскія силы состояли изъ 3000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Шабо; на укрѣпленіяхъ находилось 650 пушекъ разныхъ калибровъ. Морскія силы, стоявшія въ гавани между островомъ Видо и Старой крѣпостью, состояли изъ кораблей Le Généreux и Leander (корабль этотъ былъ взятъ французами у англичанъ послѣ Абукирскаго сраженія у береговъ Египта), фрегата La Brûne, бомбардирскаго судна La Frimairè, брига l'Expédition и четырехъ мелкихъ судовъ.

Отсутствіе достаточныхъ сухопутныхъ силъ и осадной артиллеріи заставило Ушакова, въ ожиданіи прибытія остальныхъ судовъ и вызванныхъ турецкимъ адмираломъ албанцевъ, остановиться на тѣсной блокадѣ крѣпости съ моря и суши. Еще при приближеніи союзниковъ французы спѣшно покинули островъ Лазаретто, вскорѣ занятый нами; на островѣ были взяты 7 пушекъ. Адмиралу пришлось долго ожидать прибытія находившихся въ отдѣльныхъ плаваніяхъ судовъ своей эскадры: «Крѣпость Корфу держу я въ тѣсной блокадѣ, на берегъ высадилъ десантъ, но корабли и фрегаты мои почти всѣ порознь и отъ меня отдѣлены; если бы были всѣ они здѣсь, все бы пошло другимъ манеромъ, а черезъ эту медленность непріятели наши укрѣпились и укрѣпляются безподобно». (Предписаніе Ушакова Сенявину о скорѣйшемъ прибытіи съ острова Санта-Мавры къ Корфу). Трудность положенія Ушакова усугублялась еще тѣмъ, что населеніе Корфу, такъ радостно встрѣтившее русскую эскадру, было сильно смущено появленіемъ вмѣстѣ съ ними турокъ, и что сухопутныя силы, прибытія которыхъ ожидалъ Ушаковъ, должны были состоять изъ албанцевъ-мусульманъ — тѣхъ же турокъ; корфіоты стали уклоняться отъ оказанія помощи Ушакову, и часть населенія даже стояла за французовъ.

Притѣсненія французовъ, однако, скоро образумили корфіотовъ; разоряемые частыми фуражировками и грабежами, производимыми французами вблизи крѣпости, они явились къ русскому адмиралу съ просьбой о защитѣ и обѣщаніемъ, что они и сами вооружатся, если имъ въ помощь будетъ присланъ хоть небольшой русскій отрядъ. Уступая этимъ просьбамъ и измѣнивъ изъ-за этого свой первоначальный планъ («Я желалъ напервѣе взять штурмомъ укрѣпленный многими

батареями островъ Видо, но нашелъ необходимостію оставить оный навремя, чтобы обратить солдатскую команду для защищенія жителей отъ нападенія Французовъ, къ пресѣченію грабежа и заготовленія провіанту въ крѣпость»), Ушаковъ 14-го ноября отправилъ на берегъ, къ деревнямъ Мандуккіо и Кастрадо, лежащимъ къ сѣверу отъ крѣпости, отрядъ въ 128 человѣкъ подъ командою капитана Кикина и лейтенанта Ганфельта. Этотъ отрядъ занялъ холмъ у Мандуккіо, противъ форта св. Авраама, въ нѣсколько часовъ устроилъ тамъ батарею изъ 9-ти орудій, и въ эту же ночь успѣшно отразилъ вылазку, произведенную большими силами непріятеля противъ батареи. Черезъ два дня былъ высаженъ съ южной стороны крѣпости другой небольшой отрядъ — лейтенанта Ратманова съ 13-ю морскими солдатами и 6-ю артиллеристами; отрядъ этотъ устроилъ при помощи вооруженныхъ жителей батарею на холмѣ св. Пантелеймона. Эти двѣ батареи, несмотря на свою слабость, сильно затрудняли французовъ въ фуражировкѣ, и комендантъ крѣпости рѣшилъ ихъ уничтожить. Самъ генералъ Шабо утромъ 20-го ноября повелъ изъ крѣпости на холмъ св. Пантелеймона отрядъ въ 600 человѣкъ при 2-хъ орудіяхъ. Вооруженные корфіоты, числомъ до 1.500, дрогнули подъ стремительнымъ натискомъ непріятеля и бросились бѣжать; 17 изъ нашихъ 19-ти солдатъ были захвачены въ плѣнъ, оставшіеся 2 успѣли спастись на гребномъ суднѣ; 3 нашихъ орудія достались французамъ. Черезъ нѣсколько часовъ французы въ числѣ 1000 человѣкъ бросились на приступъ второй нашей батареи у Мандуккіо; здѣсь находилось 310 русскихъ, 100 турокъ и 30 албанцевъ. Бой длился съ полудня до самаго вечера; наступленіе велось съ 3-хъ сторонъ, при чемъ со стороны французовъ участвовала и кавалерія. Нашъ отрядъ, наконецъ, выступилъ изъ батареи и бросился на непріятеля въ штыки. Мы потеряли 31 человѣкъ убитыми и 3-хъ офицеровъ и 69 нижнихъ чиновъ ранеными; у французовъ — болѣе 100 убитыхъ и множество раненыхъ. Непріятель отступилъ, и, несмотря на повторявшіяся впослѣдствіи нападенія французовъ на эту батарею, они всегда, до самаго паденія крѣпости, были отражаемы съ большимъ для себя урономъ.

Съ конца ноября къ эскадрѣ Ушакова стали прибывать суда, присоединенія которыхъ онъ такъ долго ожидалъ. 22-го ноября отъ острова Санта-Мавры пришелъ къ Корфу съ кораблемъ и фрегатомъ Сенявинъ; 9-го декабря прибылъ съ двумя фрегатами изъ Александріи капитанъ 2-го ранга Сорокинъ; 30-го декабря изъ Севастополя пришелъ съ двумя кораблями (*Св. Михаилъ* и *Симеонъ и Анна*) контръ-адмиралъ Пустошкинъ; прибыли, наконецъ, отъ береговъ Мореи 1 корабль и 1 фрегатъ, отвозившіе туда плѣнныхъ французовъ.

Къ 1-му января 1799 года у Корфу, такимъ образомъ, находилось 12 линейныхъ кораблей, 11 фрегатовъ и нѣсколько мелкихъ судовъ. Союзный флотъ былъ усиленъ, но Ушакову пришлось еще ждать сухопутныхъ войскъ, отсутствіе достаточнаго количества которыхъ не по-

зволяло приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ самой крѣпости.

При союзѣ нашемъ съ Турціей эти сухопутныя войска, естественно, должны были быть турецкими, потому что владѣнія Турціи (Албанія) подходили къ Корфу почти вплотную (мѣстами до 2-хъ верстъ), тогда какъ посылка нашихъ войскъ изъ Севастополя требовала бы значительнаго количества транспортовъ и большой проволочки. Порта отдала приказаніе пашамъ четырехъ ближайшихъ къ Корфу вилайетовъ — Янинскаго, Авлонскаго, Дельвинскаго и Скутарскаго — выслать въ распоряженіе Ушакова по 3000 человѣкъ албанцевъ. Исполненіе этого приказанія, однако, сильно запоздало: первымъ выслалъ небольшой отрядъ паша Скутарскій, высадившій въ Корфу 250 человѣкъ. Остальные паши не только медлили съ присылкой отрядовъ, но одинъ изъ нихъ, о которомъ уже упоминалось выше, именно Али-паша Янинскій, выказывалъ явное нежеланіе подчиняться приказанію изъ Константинополя, и если впослѣдствіи сдѣлалъ это, то подъ давленіемъ не Порты, а самого Ушакова.

Дипломатическая борьба Ушакова съ Али-пашею служитъ между прочимъ, однимъ изъ многихъ примѣровъ, указывающихъ на выдающіеся дипломатическій талантъ, политическій тактъ и твердую, опиравшуюся на величіе русскаго имени, политику Ушакова. Али-паша— личность далеко не заурядная, это — типичный восточный деспотъ, хитрый и умный, необычайно жестокій, обладавшій колоссальнымъ богатствомъ, награбленнымъ у угнетеннаго имъ населенія; онъ фактически былъ почти автономнымъ властителемъ и съ повелѣніями изъ Константинополя считался по-стольку, по-скольку они соотвѣтствовали его личнымъ цѣлямъ: смотря по обстоятельствамъ, онъ то угождалъ блистательной Портѣ, то велъ самостоятельную борьбу съ французами, то обращался въ союзника тѣхъ же французовъ. И этого деспота Ушакову удалось вполнѣ подчинить своей волѣ: средствами воздѣйствія была отчасти дипломатическая переписка, отчасти посылка русскаго фрегата къ берегамъ Албаніи. Въ концѣ-концовъ, Али-паша уступилъ и высадилъ въ Корфу отрядъ въ 2.500 албанцевъ.

За время блокады союзнымъ флотомъ Корфу Ушакову нѣсколько разъ приходилось удѣлять часть своихъ морскихъ силъ для посылки съ разными порученіями. Такъ, въ первый же день Новаго 1799 года былъ отправленъ съ 2-мя кораблями и 4-мя фрегатами контръ-адмиралъ Пустошкинъ — на поиски 3-хъ французскихъ кораблей и 2-хъ мелкихъ судовъ, вышедшихъ, по полученнымъ Ушаковымъ свѣдѣніямъ, изъ Анконы въ Корфу съ десантомъ въ 3000 человѣкъ для подкрѣпленія гарнизона генерала Шабо. Французскія суда находились уже у Далматскихъ острововъ, когда извѣстіе о выходѣ противъ нихъ Пустошкина заставило ихъ спѣшно возвратиться въ Анкону, при чемъ во время шторма они потерпѣли такую тяжелую аварію, что по прибытіи въ портъ принуждены были разоружиться. Возвращеніе Пустошкина долго задерживалось противными штормами; двѣ недѣли про-

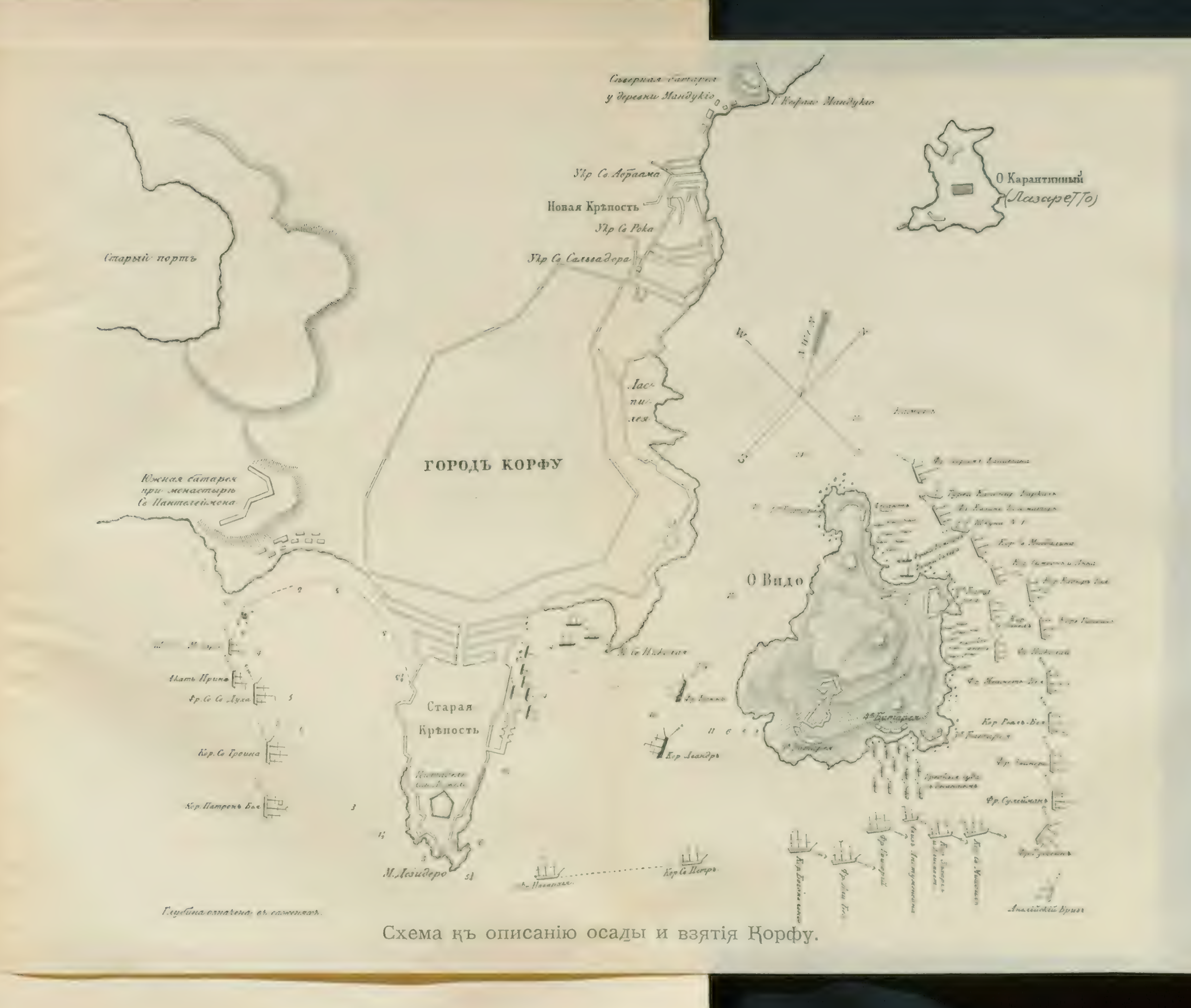

Схема къ описанію осады и взятія Корфу.

стоялъ онъ въ Рагузѣ (Дубровникъ) и вернулся въ Корфу только 4-го февраля. 14-го января Ушаковъ, по просьбѣ неаполитанскаго министра Мишеру, пришлось отправить въ Бриндизи фрегатъ *Св. Михаилъ* и турецкій корветъ, а потомъ и фрегатъ *Счастливый* съ другимъ турецкимъ корветомъ и португальскимъ кораблемъ *Шарлотта* (незадолго до того пришедшимъ къ Корфу для принятія участія въ дѣйствіяхъ Ушакова противъ французовъ) за принцами и тетками бывшаго французскаго короля, ихъ свитою и высшими свѣтскими и духовными сановниками неаполитанскаго королевства. На пути отъ Бриндизи къ Корфу фрегатъ *Счастливый* (командиръ капитанъ-лейтенантъ Белле) взялъ въ плѣнъ французское корсарское судно, шедшее изъ Анконы въ Египетъ съ бумагами къ Бонапарту.

Въ ночь съ 25-го на 26-е января ушелъ изъ Корфу, прорвавъ нашу блокаду, французскій корабль Le Généreux. Командиръ этого корабля, капитанъ Лежуаль, выказалъ при этомъ много смѣлости и доблести. Онъ неоднократно пытался прорваться сѣвернымъ или южнымъ проливомъ, нѣсколько разъ выходилъ даже ночью изъ-за крѣпости подъ турецкимъ флагомъ, но каждый разъ отражался нашими крейсерскими отрядами. Наибольшее пораженіе нанесъ ему однажды Сенявинъ, когда настигъ Лежуаля у Албанскаго берега, разбилъ на его кораблѣ кормовую галлерею, гикъ, пробилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ бортъ, вывелъ изъ строя 8 человѣкъ убитыми и этимъ заставилъ французскій корабль немедленно возвратиться въ гавань. На своемъ образномъ языкѣ, эти постоянные выходы Ушаковъ называлъ «шарлатанствомъ»: «Корабль французскій», писалъ Ушаковъ, «отъ шарлатанства своего, будучи на вѣтрѣ, выходитъ иногда отъ крѣпости и шарлатанствуетъ: однимъ видомъ стрѣляетъ издали, не отдѣляясь отъ крѣпости, и потомъ назадъ уходитъ».

Ночью же 25-го января въ бурную погоду и при необычайной темнотѣ, при крѣпкомъ южномъ вѣтрѣ, Le Généreux прорвался съ вычерненными парусами сквозь линію блокирующихъ кораблей; вмѣстѣ съ нимъ прорвалась одна бригантина и одна галера. Удачному прорыву блокады много способствовала ложная вылазка французовъ изъ крѣпости, произведенная нарочно въ это время съ цѣлью, будто бы, нападенія на возводимыя нами осадныя батареи. Прорывъ Le Généreux своевременно былъ замѣченъ нашими двумя сторожевыми кораблями, немедленно сообщившими объ этомъ сигналомъ главнокомандующему; еще до того, какъ Лежуаль подошелъ къ линіи нашихъ кораблей, Ушаковъ уже подалъ сигналъ къ погонѣ. Съ нашихъ кораблей и турецкихъ фрегатовъ былъ немедленно открытъ огонь, два корабля и фрегатъ погнались за французами и гнались до самой Анконы, но въ темнотѣ потеряли непріятеля изъ виду. Французы благополучно пришли въ Анкону, нашъ же отрядъ, сильно потерпѣвшій при возвращеніи отъ противныхъ штормовъ, вернулся въ Корфу черезъ двѣ недѣли.

Къ концу января 1799 года общее число присланныхъ Ушакову албанскихъ войскъ доходило до 4.250, вмѣсто обѣщанныхъ Портою

10.000. Эти войска были мало дисциплинированы, не имѣли ни продовольствія, ни боевыхъ припасовъ, ни денегъ и для Ушакова явились скорѣе въ тягость, чѣмъ въ помощь. Положеніе адмирала становилось все болѣе труднымъ: турецкіе чиновники, на которыхъ были возложены заботы о продовольствіи эскадры, почти ничего не дѣлали; на эскадрѣ, поэтому, сталъ остро чувствоваться недостатокъ въ припасахъ; погода, холодная и дождливая, а также скудное питаніе вызвали на эскадрѣ болѣзни; прежній восторгъ корфіотовъ смѣнился, особенно съ прибытіемъ албанскихъ войскъ, всячески притѣснявшихъ жителей и грабившихъ селенія, значительнымъ охлажденіемъ къ Ушакову.

Стали даже поговаривать о томъ, чтобы бросить блокаду; но Ушаковъ и въ этихъ обстоятельствахъ проявилъ свою обычную твердость и рѣшилъ продолжать держать Корфу въ самой тѣсной блокадѣ.

Стянувъ къ Корфу почти всѣ свои морскія силы (за исключеніемъ только двухъ нашихъ фрегатовъ и двухъ турецкихъ корветовъ, посланныхъ адмираломъ съ различными порученіями) и не надѣясь, вѣрнѣе, не желая болѣе получать подкрѣпленія отъ албанскихъ пашей, адмиралъ послѣ долгой блокады рѣшилъ приступить къ активнымъ дѣйствіямъ.

Осадныя работы, одно время прекращенныя по тяжелымъ условіямъ зимней блокады, возобновились: 20-го января, подъ прикрытіемъ шебеки *Макарій*, приступлено было къ постройкѣ новой батареи на холмѣ св. Пантелеймона; батарею вооружили 16-ю большими корабельными пушками, 14-ю мортирами и полевыми пушками; корабельныя пушки должны были дѣйствовать по крѣпости, остальныя — по укрѣпленію Санъ-Сальвадора; батарея построена была въ 10 дней, командовалъ ею капитанъ I-го ранга Юхаринъ. Вскорѣ же построена была другая батарея, на 7 мортиръ. Огонь съ этихъ батарей причинилъ не мало вреда французамъ; неоднократныя вылазки, которыя противъ нихъ дѣлалъ непріятель, всегда кончались для него пораженіемъ; въ одной изъ такихъ вылазокъ французы потеряли до 50-ти человѣкъ убитыми и много ранеными.

Въ половинѣ февраля Ушаковъ закончилъ всѣ приготовленія къ рѣшительному нападенію. По выработанному имъ плану флоту предстояло овладѣть островомъ Видо, а затѣмъ дѣйствовать противъ крѣпости, которую должны были штурмовать, одновременно съ нападеніемъ флота на Видо, союзныя войска. Особой прокламаціей къ корфіотамъ Ушаковъ пригласилъ ихъ принять участіе въ этомъ рѣшительномъ нападеніи.

Планъ нападенія былъ подробно обсужденъ Ушаковымъ въ общемъ совѣтѣ адмираловъ и командировъ кораблей; овладѣніе крѣпостью на островѣ Видо было признано настоятельно необходимымъ, такъ какъ только послѣ этого флоту представлялась возможность всѣми своими силами дѣйствовать противъ Корфу. Были тщательно предусмотрѣны и разработаны всѣ могущія быть случайности; въ этомъ планѣ Ушаковъ въ полной мѣрѣ и вполнѣ сознательно проводилъ принципъ единоличнаго

командованія, и 130 особыхъ сигналовъ флагами, составленные спеціально передъ нападеніемъ на Корфу, должны были вести къ этой цѣли — возможности для адмирала руководить рѣшительно всѣми дѣйствіями флота и сухопутныхъ войскъ по своему усмотрѣнію. Въ приказѣ, отданномъ по флоту 17-го февраля, опредѣленно были указаны предстоящія каждому въ отдѣльности судну дѣйствія.

Наступило 18-е февраля; съ ночи задулъ сѣверо-западный, благопріятный для атаки, вѣтеръ. На разсвѣтѣ на флагманскомъ кораблѣ Ушакова *Св. Павелъ* взвился сигналъ, возвѣщавшій флоту и сухопутнымъ силамъ начало общаго нападенія на непріятеля.

Флотъ снялся съ якоря. Впереди шли наши фрегаты и мелкія суда, вмѣстѣ съ турецкими кораблями; идя подъ парусами, они громили батареи острова Видо, сметали своимъ огнемъ траншеи и окопы, становились на якорь въ разстояніи картечнаго выстрѣла и разворачивались къ непріятелю бортомъ; такъ были сбиты на островѣ Видо батареи №№ 1, 2 и 3. Эта передовая линія союзнаго флота въ точности выполнила данную ей адмираломъ инструкцію: «стараться очистить потребныя мѣста на берегахъ для десанта». За передовой линіей шелъ весь остальной флотъ и становился по диспозиціи противъ заранѣе намѣченныхъ на островѣ батарей; корабль *Св. Петръ* и фрегаты *Навархія* и *Богоявленіе Господне* все время держались подъ парусами противъ мыса Дезидеро, вели огонь противъ крѣпости и непріятельскихъ судовъ, не допуская французовъ послать подкрѣпленія изъ крѣпости на островъ. «Турецкіе корабли и фрегаты», писалъ Ушаковъ, «всѣ были позади насъ и не близко къ острову; если они и стрѣляли на оный, то чрезъ насъ, и два ядра въ бокъ моего корабля посадили съ противоположной стороны острова».

Къ 11-ти часамъ утра непріятельскій огонь съ острова Видо значительно ослабѣлъ, и Ушаковъ поднялъ сигналъ о немедленномъ свозѣ десанта. Бросивъ свои батареи, французы бѣжали внутрь острова

Въ десантѣ, свезенномъ на Видо, общей численностью въ 2.169 человѣкъ, 750 были съ турецкой эскадры, остальные — наши. «Храбрыя войска наши», доносилъ Ушаковъ Императору, «вспомоществуемыя Турецкими, такъ сказать мгновенно, бросились во всѣ мѣста острова и непріятель повсюду былъ разбитъ и побѣжденъ... изъ бывшихъ въ сіе время на островѣ до восьми сотъ французовъ, едва успѣли только немногіе возвратиться къ крѣпости». Къ намъ въ плѣнъ попали комендантъ острова Видо бригадный генералъ Пивронъ, 20 офицеровъ и 402 нижнихъ чина; убито и потоплено около 200 французовъ, и только 150 человѣкъ успѣли на гребныхъ судахъ спастись въ главной крѣпости. При взятіи Видо приходилось, ведя бой, одновременно сдерживать неумѣстную жестокость турокъ: разсѣявшись по всему острову, фанатическіе турки, зная, что отъ своего начальства они получатъ по червонцу за каждую голову, никому изъ плѣнныхъ не давали пощады: всѣмъ рѣзали головы и съ дикими воплями носились по острову, гоняясь за французами съ мѣшками, наполненными только-что отрѣзанными,

еще дымящимися головами. И нашимъ офицерамъ пришлось отдать много своихъ денегъ, часовъ и проч. для спасенія отъ ужасной смерти побѣжденныхъ враговъ.

Къ 2-мъ часамъ дня надъ Видо уже развѣвались русскій и турецкій флаги, и союзный флотъ по сигналу Ушакова сталъ отходить отъ острова. При взятіи Видо на нашихъ судахъ было убито 9, раненыхъ 28 человѣкъ, на турецкихъ убито 8, ранено 7; въ нашемъ десантѣ убито 21, ранено 55; въ тѣхъ же цифрахъ приблизительно были потери турокъ и албанцевъ.

Немедленно же по взятіи Видо съ судовъ союзной эскадры былъ высаженъ десантъ, для подкрѣпленія войскамъ, атаковавшимъ крѣпость со стороны укрѣпленій Санъ-Сальвадора и Св. Авраама. Соединенныя силы нашихъ матросовъ и солдатъ, албанцевъ, турокъ и корфіотовъ ворвались, послѣ отчаяннаго сопротивленія французовъ, въ укрѣпленія Санъ-Сальвадора и Св. Авраама, овладѣли ими и заставили непріятеля бѣжать во внутреннюю крѣпость. Въ то же время громили непріятеля батареи у деревни Мандуккіо, съ холма Св. Пантелеймона, и отрядъ флота, стоявшій у южной цитадели.

За весь этотъ день потеря союзниковъ при взятіи Видо и дѣйствіяхъ на берегу состояла изъ 100 убитыхъ и 199 раненыхъ (нашихъ 31 убитый и 100 раненыхъ, остальные — турки и албанцы).

Къ вечеру того же дня Ушакову было доставлено отъ генерала Шабо письмо, датированное 11-мъ Вентозомъ VII года Французской Республики:

«Господинъ адмиралъ!

«Мы думаемъ, что безполезно жертвовать жизнью многихъ храбрыхъ воиновъ, какъ французскихъ, такъ и русскихъ и турецкихъ, находящихся передъ Корфу. Поэтому мы предлагаемъ Вамъ перемиріе, на сколько времени Вы разсудите необходимымъ для постановленія условій о сдачѣ этой крѣпости. Мы приглашаемъ Васъ къ сообщенію намъ намѣреній Вашихъ объ этомъ и если Вы желаете, то составимъ сами пункты предполагаемыхъ нами условій».

Съ чисто-французской любезностью отвѣчалъ Ушаковъ на это письмо:

«Я всегда на пріятные разговоры согласенъ» и обѣщалъ въ самомъ ближайшемъ времени доставить выработанныя имъ самимъ условія сдачи; вмѣстѣ съ тѣмъ адмиралъ извѣщалъ французовъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій на 24 часа.

На другой день французскій главнокомандующій генералъ Шабо и главный комиссаръ Директоріи Дюбуа явились на корабль для предварительныхъ переговоровъ, а 20-го февраля обѣими сторонами была подписана капитуляція о сдачѣ Корфу.

По условіямъ сдачи, въ которыхъ сказались великодушіе Ушакова и его уваженіе къ храбрости побѣжденныхъ, генералъ Шабо долженъ былъ сдать адмиралу городъ и всѣ укрѣпленія со всѣми боевыми

и съѣстными припасами и магазинами и всѣ суда Французской Республики. До отправленія французовъ на судахъ союзниковъ въ Тулонъ они считались военно-плѣнными, и обязывались въ теченіе 18-ти мѣсяцевъ не участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи и Турціи и ихъ союзниковъ. Генераламъ и офицерамъ оставлялись шпаги; весь же гарнизонъ при вступленіи изъ крѣпости долженъ былъ, выстроившись во фронтъ, положить оружіе и знамена передъ фронтомъ десанта союзнаго флота.

Общее число сдавшагося французскаго гарнизона было 2.931 человѣкъ, въ томъ числѣ 4 генерала. Сданы были французскія суда: корабль Leander, фрегатъ La Brune, бригъ l'Expédition, 1 бомбардирское судно, 2 бригатины, 1 канонерская лодка, 3 купеческія судна; кромѣ того, въ портѣ Говино союзникамъ достались 3 старыхъ корабля (изъ нихъ 2 затонувшіе), 2 фрегата, 2 брига, 2 бригантины, 3 канонерскія лодки и 2 полугалеры.

Въ крѣпости было взято: 636 орудій, 5.495 ружей, 105.884 ядра, чиненныхъ бомбъ 1,224, патроновъ 572.420, пороху около 3.000 пудовъ, кипелей 12.708, разной провизіи до 10.000 пудовъ.

При распредѣленіи морскихъ трофеевъ намъ достался Leander, туркамъ La Brune, остальныя суда были также соотвѣтственно распредѣлены между союзниками. Leander, на который командиромъ уже былъ назначенъ русскій лейтенантъ, былъ вскорѣ же, впрочемъ, отданъ, по великодушію Императора Павла, Англіи, какъ бывшій англійскій корабль.

Итакъ, покореніе Корфу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняго изъ Іоническихъ острововъ, было закончено.

Исключительная трудность этого подвига Ушакова была по достоинству оцѣнена всѣми. Императоръ произвелъ его въ адмиралы.

Нельсонъ писалъ Ушакову: «Отъ всей души поздравляю Ваше Превосходительство со взятіемъ Корфу и могу увѣрить Васъ, что слава оружія вѣрнаго союзника столько же дорога мнѣ, какъ и слава моего Государя...»

— Жалѣю, что при взятіи Корфу не былъ хотя бы мичманомъ!— воскликнулъ Суворовъ, когда получилъ объ этомъ извѣстіе.

Заслуга включенія Корфу въ тѣ имена, которыми, по справедливости, гордился русскій флотъ — это, дѣйствительно, большая заслуга Ушакова. При другихъ обстоятельствахъ — при наличіи осадной артиллеріи и достаточнаго числа сухопутныхъ войскъ — покореніе Корфу не было бы тѣмъ, чѣмъ оно было, не было бы подвигомъ. Ушакову же и его флоту, совершившему этотъ подвигъ, пришлось дѣйствовать въ условіяхъ особенно неблагопріятныхъ. Не было достаточной артиллеріи, не было дисциплинированныхъ войскъ; но этого мало: уже въ концѣ декабря на эскадрѣ не было провіанта, почти не было снарядовъ, не было денегъ, ни одежды, ни обуви. Почти за все это вина ло-

жилась на Турцію, обязавшуюся снабжать нашу эскадру всѣмъ необходимымъ, но относившуюся къ этимъ обязанностямъ слишкомъ небрежно.

Ко всему этому приходилось считаться съ необычайно суровой для этихъ краевъ зимой и развившимися на почвѣ скуднаго и плохого питанія болѣзнями. И при такихъ условіяхъ Ушаковъ все-таки держалъ зимнюю блокаду, а вопіющую нужду въ одеждѣ удовлетворилъ тѣмъ, что на привозныя деньги купилъ «до тысячи капотовъ» и около 2.000 разныхъ кожъ «на обносившихся людей, бывшихъ въ самой крайности». Хоть и въ капотахъ, а люди свое дѣло дѣлали, и сдача сильнѣйшей крѣпости, надолго обезпеченной боевыми припасами и провіантомъ, только доказала, что женскіе капоты у ушаковскихъ командъ не измѣнили ихъ неистощимаго мужества.

Взятіе Корфу получаетъ еще болѣе исключительное значеніе при сравненіи съ тѣмъ, что Мальта, еще раньше блокированная англичанами, была взята ими только черезъ 1½ года послѣ покоренія нами Корфу. Ушаковъ еще тогда же писалъ: «Мальта ровесница Корфу; она другой годъ уже въ блокадѣ и когда возьмется, еще не извѣстно, но Корфу нами взята почти безъ всего и при всѣхъ неимуществахъ».

Ушакову предстояло теперь много дѣла: нужно было отправить французскій гарнизонъ, вводить на островахъ новое управленіе, производить необходимыя починки кораблей.

Населеніе отнеслось къ адмиралу самымъ восторженнымъ образомъ.

Особенно горячо чувства благодарности къ Россіи были высказаны корфіотами 27-го марта, въ первый день св. Пасхи, когда, по предложенію Ушакова, былъ произведенъ выносъ мощей Св. Спиридонія Тримифійскаго, патрона Корфу, и понынѣ, со временъ Ушакова, считающихся подъ покровительствомъ Россіи. Духовное торжество соединилось съ восторженной манифестаціей по адресу Россіи и ея достойнаго сына, побѣдителя французовъ. Всѣ дома были украшены нашими Андреевскими флагами, раздавались салюты изъ крѣпостей и ружейная пальба, стоялъ немолчный звонъ колоколовъ. Было бы излишне прибавлять, что все это воодушевленіе было неподдѣльно искренно и что оно ни въ малой степени не было обращено въ сторону Турціи.

По окончаніи всѣхъ формальностей капитуляціи, французы оставались въ Корфу еще около мѣсяца, на положеніи военноплѣнныхъ и на полномъ содержаніи союзниковъ; въ половинѣ марта началась эвакуація французовъ на нашихъ транспортахъ подъ конвоемъ военныхъ судовъ; большинство плѣнныхъ были доставлены въ Тулонъ, генералъ же Шабо со штабомъ въ Анкону.

Побѣдивъ французовъ силою оружія, Ушаковъ вторично побѣдилъ ихъ своимъ отношеніемъ къ плѣннымъ. «Обхожденіемъ моимъ съ ними», писалъ онъ, «и снисходительностью въ кондиціяхъ, которыя мы для нихъ сдѣлали, они столь довольны, что откровенно выражаютъ сердечныя ихъ чувства; особливо же

у гг. Шабо и Пиврона даже многократно слезы на глазахъ показывались отъ удовольствія и благодарности, и можно сказать почти всѣ оказываютъ намъ преданность...»

Задача, выпавшая Ушакову по организаціи новаго управленія на Іоническихъ островахъ, была очень сложной и трудной, и быстрота и легкость, съ какою онъ справился съ нею, заставляютъ признать въ немъ выдающагося государственнаго человѣка.

Такія событія, какъ избавленіе отъ владычества французовъ и перемѣна государственнаго устройства, естественно, не могли для самого населенія пройти безъ потрясенія. Почва для этого была слишкомъ благодарная: постоянные происки другихъ заинтересованныхъ державъ, сильная рознь между высшими и низшими слоями населенія и т. д.

Медаль, поднесенная Ушакову населеніемъ острова Кефалоніи.

Человѣкъ военнаго мышленія и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій политикъ, Ушаковъ сразу же опредѣлилъ линію своего поведенія. Когда, между прочимъ, на островѣ Кефалоніи завязалась ожесточенная внутренняя борьба между враждовавшими дворянскими партіями, грозившая втянуть въ междоусобія и другія сословія, и уже начались грабежи, поджоги и прочія неистовства, то адмиралъ написалъ кефалоніiцамъ, что въ случаѣ продолженія безпорядковъ онъ явится къ нимъ самъ и всѣхъ зачинщиковъ вышлетъ плѣнниками въ Константинополь «или еще гораздо далѣе, куда и воронъ костей вашихъ не занесетъ». Этотъ эпизодъ — только случайный штрихъ въ политикѣ Ушакова, которая вообще была совершенно иного характера и опиралась, прежде всего, на восторженное поклоненіе передъ нимъ населенія всѣхъ острововъ, въ томъ числѣ и Кефалоніи.

Государственное устройство, данное Ушаковымъ Іоническимъ островамъ, отмѣчено какъ глубокимъ пониманіемъ внѣшней политической обстановки (образованіе изъ острововъ республики, какъ наибольшая гарантія ея относительной самостоятельности), такъ и проникновеніемъ въ смыслъ внутренней ихъ жизни и уваженіемъ къ осо-

бенностямъ политическаго быта; что особенно слѣдуетъ отмѣтить — это огражденіе правъ низшихъ сословій отъ порабощенія дворянствомъ, которому, въ свою очередь, даны сообразныя съ его исторической ролью привилегіи.

Всю эту работу адмиралу пришлось вести подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, и множество основныхъ актовъ учреждаемой республики, даже присяга для депутатовъ и пр. написаны лично имъ самимъ; образцами для него послужили какъ мѣстныя установленія, такъ и рагузинскія и венеціанскія, наиболѣе подходящія къ нимъ. Въ этомъ смыслѣ Ушаковъ является историческимъ феноменомъ: монархистъ чистой воды въ качествѣ творца и организатора республики.

Уже въ маѣ закончены были выборы депутатовъ, сенатъ и всѣ государственныя учрежденія сформированы, и республика объявлена открытой.

Законы и учрежденія Республики Семи Острововъ въ августѣ 1800 года удостоились утвержденія Императора Павла, оставившаго ихъ почти безъ измѣненій.

Такъ возникло новое государство, обязанное своимъ существованіемъ Ушакову. Россія же, оставившая за собою право держать въ Республикѣ флотъ и войска и вести контроль надъ Сенатомъ, въ водахъ Іоническаго моря, сообщеніе котораго съ Чернымъ было обезпечено открытіемъ проливовъ, нашла выходъ своей морской силѣ и соотвѣтственно продвинула далеко впередъ свое вліяніе на политическія судьбы Европы.

Медаль для награжденія за успѣхи въ наукахъ, выбитая во время русскаго владычества на островахъ. (Выдавалась Русскимъ уполномоченнымъ въ Республикѣ Семи Острововъ).

2. Эскадра капитана 2 ранга Сорокина въ водахъ Парѳенопейской республики. Возстановленіе Неаполитанскаго королевства. Взятіе Неаполя.

Первымъ же примѣромъ такого вліянія явилось то воздѣйствіе завоеванія Іоническихъ острововъ, которое, даже еще до своего завершенія, сказалось на событіяхъ, происходившихъ въ то время въ средней и южной Италіи.

Одновременно съ тѣмъ, какъ Ушаковъ создавалъ Республику Семи Острововъ, Франція завоеванныя ею Неаполитанское королевство и Римскую область пыталась также превратить въ республики — Парѳенопейскую и Римскую. Обѣ эти республики были мертворожденныя: и потому, что французскія силы не могли считаться достаточными для удержанія ихъ за Франціей, и потому, что, въ противоположность Ушакову, французы вели безпощадную ломку всѣхъ мѣстныхъ установленій, и на совершенно неподходящую почву пересаживали почти безъ измѣненія свою собственную форму правленія.

Бѣгство короля Неаполитанскаго (обѣихъ Сицилій) Фердинанда IV въ Палермо, и переходъ на сторону французовъ части населенія, дѣлали, казалось, ихъ все-таки хозяевами положенія. Но имъ грозила опасность съ двухъ сторонъ: извнѣ отъ коалиціонныхъ державъ, изнутри—отъ преданныхъ королю роялистовъ. Одною изъ причинъ, придававшихъ выступленіямъ роялистовъ особенное воодушевленіе, была ихъ освѣдомленность объ успѣхахъ русскаго флота на Іоническихъ островахъ, и надежда, что этотъ же флотъ явится и въ итальянскія воды для дѣйствій противъ французовъ.

Эти надежды вскорѣ сбылись. Императоръ Павелъ милостиво отнесся къ просьбѣ о помощи короля Фердинанда и въ повелѣніяхъ, данныхъ Ушакову и Суворову, указалъ на свое желаніе помочь нашими флотомъ и войсками Неаполитанскому королю.

29-го марта къ Ушакову прибылъ уполномоченный отъ короля Фердинанда кавалеръ Мишеру, съ просьбой объ оказаніи поддержки намѣстнику короля кардиналу Руффо, который, ставъ во главѣ народнаго движенія, въ пользу возстановленія монархіи, предводительствовалъ народнымъ ополченіемъ, и уже съ нѣкоторымъ успѣхомъ выступалъ противъ французовъ. Одновременно съ Мишеру къ Ушакову прибыли депутаты отъ городовъ Бриндизи и Лечче, также съ просьбой о поддержкѣ противъ французовъ и республиканцевъ. Ушаковъ, занятый исправленіемъ кораблей, отрядилъ къ итальянскимъ берегамъ небольшую эскадру подъ командой капитана 2 ранга Сорокина (наши фрегаты *Михаилъ, Счастливый, Григорій Великія Арменіи* и *Св. Николай* и 2 турецкихъ корвета).

Выйдя 16 апрѣля изъ Корфу, эскадра, задержанная противными вѣтрами, 22 апрѣля явилась въ Бриндизи. Ея прибытіе вызвало у непріятеля такую панику, что французскій комендантъ, только что усѣвшійся со своимъ штабомъ обѣдать, немедленно бросился вонъ изъ города, увлекая за собою весь гарнизонъ и республиканцевъ. Городъ былъ занятъ Сорокинымъ безъ боя; и отсюда же онъ высылалъ отряды для принужденія къ покорности Лечче и другихъ ближайшихъ городовъ, получая отовсюду извѣстія о полномъ возстановленіи порядка и о томъ, что даже одинъ слухъ о приближеніи русскихъ моряковъ заставлялъ французовъ и республиканцевъ бѣжать внутрь страны.

Простоявъ у Бриндизи цѣлую недѣлю, Сорокинъ оставилъ здѣсь капитанъ-лейтенанта Макиеева съ одной шкуной, а самъ съ

эскадрой направился на сѣверъ, держась возможно ближе къ берегу. По развѣвающимся королевскимъ флагамъ и по салютамъ русскому флагу, Сорокинъ убѣждался въ возстановленіи порядка; республиканскій флагъ, поднятый въ городѣ Мола, заставилъ командующаго эскадрой открыть по городу огонь, прекращенный только тогда, когда этотъ флагъ былъ замѣненъ королевскимъ. Сорокинъ, однако, не удовлетворился этимъ: отъ явившихся къ нему съ повинною депутатовъ, онъ взялъ присягу въ вѣрности и далъ имъ строгія приказанія о возстановленіи порядка.

Перейдя затѣмъ къ городу Бари, который также считался во власти республиканцевъ, Сорокинъ былъ встрѣченъ депутаціей, увѣрившей его въ преданности населенія королю; другая депутація, выразившая признательность за поддержку, явилась къ нему сейчасъ же по постановкѣ эскадры на якорь. Командующій эскадрой счелъ нужнымъ, все-таки, отправить на берегъ небольшой отрядъ, который и занялъ форты. Самъ Сорокинъ встрѣтилъ на берегу восторженный пріемъ; въ церкви, гдѣ покоятся мощи Св. Николая Чудотворца, было отслужено благодарственное молебствіе. Высланный въ окрестные города нашъ небольшой десантный отрядъ нашелъ всюду полное спокойствіе, даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались особенно приверженными республикѣ; прибывавшія изъ другихъ городовъ депутаціи, выражавшія преданность королю, убѣдили Сорокина въ полномъ возстановленіи королевской власти, и онъ направился изъ Бари далѣе на сѣверъ, въ Бари же былъ оставленъ для охраны порядка носившій имя патрона города фрегатъ *Св. Николай*. Дальнѣйшее плаваніе эскадры, сопровождавшееся новыми оваціями съ берега въ честь Россіи и Императора Павла, продолжалось до Барлетты, гдѣ, также найдя полный порядокъ, Сорокинъ встрѣтилъ депутацію изъ города Манфредоніи, просившую о защитѣ отъ республиканцевъ города Фоджіо. Оставивъ въ Барлеттѣ фрегатъ *Григорій Великія Арменіи*, Сорокинъ направился къ Манфредоніи, куда прибылъ 8 мая. Восторженная встрѣча русской эскадры и депутаціи отъ окрестныхъ городовъ, въ томъ числѣ и Фоджіо, не остановили Сорокина отъ отправленія десантнаго отряда къ Фоджіо, о чемъ просилъ сопровождавшій его съ отправленія изъ Корфу, находившійся на Неаполитанскомъ фрегатѣ, кавалеръ Мишеру.

Командованіе десантомъ было поручено командиру фрегата *Счастливый*, капитанъ-лейтенанту Белле. 9 мая Белле высадился на берегъ съ 390 матросами и 4 пушками, двинулся на Фоджіо и занялъ его. Полученное извѣстіе о подходѣ къ городу 2-тысячнаго отряда республиканцевъ заставило Белле немедленно выступить противъ непріятеля, поспѣшно разсѣявшагося при первыхъ же слухахъ о приближеніи русскихъ. Белле расположился у Монтекавелло, въ 17 верстахъ отъ Фоджіо, и построилъ здѣсь укрѣпленіе *Св. Павелъ*. Въ то же время кардиналъ Руффо, войдя въ сношенія со стоявшимъ у Манфредоніи Сорокинымъ, просилъ у него содѣйствія присылкой десантныхъ отрядовъ, и Сорокинъ, назначивъ для этого отрядъ Белле, выслалъ на

Карта средней и южной Италіи.

усиленіе его еще два небольшихъ отряда: изъ Манфредоніи и Барлетты. Съ этими подкрѣпленіями, доведшими силы Белле до 500 слишкомъ человѣкъ при 6 орудіяхъ, Белле изъ Монтекавелло направился къ Аріано, гдѣ, какъ было условлено, 25 мая соединился съ ополченіемъ кардинала. Ополченіе представляло собою въ большинствѣ совершенно недисциплинированный сбродъ полудикихъ калабрійскихъ разбойниковъ, вступившихъ въ ряды милиціи просто изъ профессіональной любви «къ дѣлу». Въ Аріано рѣшено было идти къ Неаполю, бывшей столицѣ королевства, теперь Парфенопейской республики. Передъ походомъ Белле пришлось много потрудиться надъ обученіемъ военному строю «рати святой вѣры», какъ называлось ополченіе Руффо.

Положеніе французовъ и республики было въ то время уже безнадежнымъ. Съ уходомъ Макдональда съ главными силами въ сѣверную Италію, все число французскихъ войскъ не достигало и 10.000 чел. Всѣ стремленія ихъ и республиканцевъ были направлены на удержаніе за собою столицы. Приведеніемъ Неаполя въ оборонительное состояніе имъ удалось предупредить высадку англичанъ, эскадра которыхъ, подъ начальствомъ командора Фута, ограничилась только занятіемъ двухъ близлежащихъ острововъ. Атаковать Неаполь англичане все-таки не рѣшались, и честь взятія столицы осталась за Белле.

Подойдя 2 іюня къ Неаполю, куда онъ пришелъ вмѣстѣ съ Руффо черезъ Авеллино и Нола, Белле своимъ появленіемъ передъ Портичи заставилъ республиканцевъ бѣжать изъ форта Гранателло, гдѣ онъ приказалъ остаться отряду ополченцевъ, а самъ продолжалъ наступать, держась берега, къ Неаполю. На пути нашъ десантъ взялъ штурмомъ фортъ Вильена и водрузилъ на немъ королевскій флагъ; тѣ изъ гарнизона, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, были переколоты штыками. Противъ Белле изъ города выступилъ 2-тысячный отрядъ республиканцевъ, подъ командою генерала Виртца, встрѣтившій нашъ десантъ передъ рѣкою Себето, у моста Св. Магдалины, защищеннаго 6 орудіями; съ моря Виртца поддерживалъ адмиралъ Карачіолло съ флотиліей вооруженныхъ лодокъ. Первыя свои дѣйствія Белле началъ противъ флотиліи: сильнымъ огнемъ изъ нашихъ орудій были потоплены двѣ лодки, и Карачіолло принужденъ былъ отступить. Стремительнымъ натискомъ Белле выбилъ затѣмъ непріятеля изъ укрѣпленія передъ мостомъ, прорвался черезъ мостъ и обратилъ въ бѣгство республиканцевъ, захвативъ при этомъ у нихъ 6 орудій. Въ этомъ дѣлѣ непріятель много потерялъ убитыми и ранеными, убитъ былъ и генералъ Виртцъ; вся же потеря нашего десанта состояла въ трехъ раненыхъ. 3 іюня Белле штурмовалъ уже самый Неаполь — нашъ десантъ ворвался въ фортъ дель-Кармине, истребилъ весь гарнизонъ и поднялъ на немъ королевскій флагъ. Въ этотъ же день, получивъ извѣстіе, что противъ него со стороны Портичи надвигается новый отрядъ непріятеля въ 1.000 человѣкъ, Белле выслалъ отрядъ въ 130 чел. при двухъ пушкахъ. Эта горсть русскаго десанта съ такой яростью бросилась на непріятеля

въ штыки, что онъ не выдержалъ атаки и бросился вразсыпную; бѣглецы, впрочемъ, почти всѣ были изловлены въ окрестностяхъ и истреблены роялистами. Нашему десанту достались знамя, 5 орудій и 25 лошадей; вся потеря у насъ составляла 3 убитыхъ и 8 раненыхъ.

Планъ Неаполя и видъ его съ моря.

Кардиналъ Руффо, между тѣмъ, въ эти же дни вступалъ въ Неаполь со своимъ ополченіемъ, и къ вечеру 4-го іюня почти вся столица была въ рукахъ роялистовъ. Французы, не отважившіеся выступить ни

противъ Белле, ни противъ Руффо укрылись въ фортѣ С.-Эльмо, а республиканцы — въ Кастель-Нуово и Кастель-дель-Ово.

Начались неистовства роялистовъ и ополченцевъ, не дававшихъ пощады никому изъ побѣжденныхъ республиканцевъ—не щадили ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей, — и нашему десанту пришлось выступить въ защиту обреченныхъ мучительной смерти жертвъ. «Нѣсколько дней», говоритъ одинъ изъ свидѣтелей-неаполитанцевъ, «русскіе одни охраняли спокойствіе въ Неаполѣ и общимъ голосомъ провозглашены спасителями города».

Засѣвшіе въ Кастель-Нуово и Кастель-дель-Ово республиканцы, послѣ попытки къ сопротивленію, принуждены были заключить 9 іюня перемиріе на три дня, для выработки условій капитуляціи. 12 числа капитуляція уже была подписана, на довольно выгодныхъ для республиканцевъ условіяхъ, на что имѣли свои основанія согласиться и Белле, и Руффо. Но на слѣдующій день къ Неаполю прибылъ изъ Палермо съ эскадрой англійскій адмиралъ лордъ Нельсонъ и, пользуясь данными ему королемъ Фердинандомъ полномочіями, настоялъ на отмѣнѣ капитуляціи и замѣнилъ ее безусловной сдачей, которая и состоялась 14 іюня.

Съ прибытіемъ же 19 числа на англійскомъ кораблѣ короля Фердинанда, Нельсонъ началъ безсмысленную, по своей жестокости, расправу съ побѣжденными республиканцами; однимъ изъ первыхъ былъ казненъ адмиралъ Карачіолло, повѣшенный на мачтѣ англійскаго корабля.

Для уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ республики теперь оставалось только взять тѣ форты и укрѣпленія, гдѣ еще держались французы: С.-Эльмо и крѣпости въ городахъ Капуѣ и Гаэтѣ. Французскій гарнизонъ въ С.-Эльмо не только не принималъ участія въ сраженіяхъ съ Белле и Руффо, но даже отказывалъ республиканцамъ въ убѣжищѣ. 19 іюня противъ С.-Эльмо были начаты осадныя работы, веденныя нашимъ десантомъ, отрядами съ англійскихъ и пришедшихъ въ это время къ Неаполю португальскихъ судовъ и неаполитанскими войсками. Бомбардировкой съ устроенныхъ союзниками батарей въ стѣнахъ форта была пробита брешь, и французскій комендантъ, генералъ Межанъ, въ предотвращеніе готовившагося приступа, былъ принужденъ сдаться на капитуляцію. Это произошло 29 іюня; 17 же іюля, при непосредственномъ участіи нашего десанта, союзниками была взята Капуя, а вслѣдъ за ней — безъ выстрѣла — и Гаэта, послѣдній оплотъ недолговѣчной Парѳенопейской республики.

Республика пала. Фердинандъ IV снова занялъ престолъ Неаполитанскаго королевства, но занялъ его пока въ переносномъ смыслѣ: онъ еще долгое время не съѣзжалъ на берегъ съ англійскаго корабля.

Началась длительная вакханалія казней. Шесть мѣсяцевъ подъ рядъ шли ежедневныя казни, при чемъ число осужденныхъ превышало 50.000 человѣкъ — это, въ значительной степени, плодъ настояній и внушеній Нельсона. Белле, остававшійся въ Неаполѣ для поддержанія

порядка, и весь вообще нашъ десантъ, будучи свидѣтелемъ этихъ неистовствъ, навсегда сохранилъ признательность неаполитанцевъ за примирительную миссію, которую они добровольно взяли на себя, сглаживая ожесточенность мстителей противъ бывшихъ республиканцевъ.

«Срамъ Италіи и слава Русскимъ!» — говоритъ объ этихъ мѣсяцахъ итальянскій историкъ...

То, что было сдѣлано Белле съ горстью матросовъ съ момента ихъ высадки у Манфредоніи, нельзя назвать иначе, какъ изумительнымъ подвигомъ. Такъ это и понялъ Императоръ Павелъ, по полученіи извѣстія о взятіи Неаполя воскликнувшій:

«Белле думалъ Меня удивить, такъ и Я удивлю его!», и пожаловалъ ему, только что произведенному въ капитаны 2 ранга, орденъ св. Анны 1 степени.

Суворову Государь писалъ: «Сдѣланное капитанъ-лейтенантомъ Белле въ Неаполѣ, доказываетъ, что Русскіе люди на войнѣ всѣхъ прочихъ бить будутъ, да и тѣхъ, кои съ ними, тому же научатъ».

Съ самой лучшей стороны отозвался о нашемъ десантѣ и Нельсонъ: онъ писалъ о «величайшей услугѣ», оказанной Неаполитанскому правительству, «этимъ малымъ отрядомъ изъ пятисотъ Русскихъ», о «храбрости, великихъ достоинствахъ, добронравіи и прекраснѣйшемъ поведеніи» Белле и «каждаго офицера и рядового, подъ командою его находящихся».

---

3. Эскадры к.-адм. Пустошкина и капитана 2 ранга гр. Войновича у Анконы. Осада и взятіе Анконы

Вторая эскадра, отправленная Ушаковымъ изъ Корфу, имѣла назначеніемъ Анкону — лежащій на берегу Адріатическаго моря, городъ Римской области, въ то время — Римской Республики. Въ рукахъ французовъ Анкона являлась выгодной базой: отсюда французскія суда легко осуществляли контроль надъ плаваніемъ во всей сѣверной половинѣ Адріатики и этимъ затрудняли снабженіе и продовольствіе итальянскихъ войскъ изъ австрійскихъ портовъ. Просьба Австрійскаго правительства о дѣйствіяхъ противъ Анконы, съ которой оно обратилось къ Суворову, была имъ уважена, и Ушаковъ 24 апрѣля получилъ соотвѣтствующее предписаніе.

1 мая Ушаковъ отправилъ къ Анконѣ и въ Венеціанскій заливъ контръ-адмирала Пустошкина. Эскадру составляли корабли *Св. Михаилъ, Симеонъ и Анна* и 1 турецкій, фрегаты *Навархія, Казанская Богородица* и 2 турецкихъ и 2 нашихъ небольшихъ судна. 7-го мая Пустошкинъ уже явился передъ Анконой; въ его эскадрѣ не было только 2 фрегатовъ и одного мелкаго судна, отправленныхъ съ особымъ порученіемъ въ Тріестъ и присоединившихся къ адмиралу въ Анконѣ черезъ двѣ недѣли.

Предложеніе о сдачѣ не было принято французами (гарнизонъ Анконы составляли 2.000 человѣкъ подъ командой генерала Монье) и Пустошкинъ тогда же началъ бомбардировку, на которую непріятель отвѣчалъ, послѣ чего наша эскадра отошла за пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. Необходимость пополнить недостатокъ въ прѣсной водѣ и провизіи заставила адмирала сдѣлать рекогносцировку къ сѣверу отъ Анконы, но, не найдя подходящаго мѣста, Пустошкинъ ушелъ къ Истріи, въ Порто-Квіето, гдѣ пополнилъ необходимые запасы, и снова вернулся къ Анконѣ. За время перваго пребыванія у Анконы нами былъ взятъ шедшій къ городу съ моря трембакулъ, переименованный въ *Св. Константина*, и отражены канонерскія лодки, пытавшіяся выйти изъ гавани (всего французскихъ судовъ въ гавани было: 2 линейныхъ корабля, вооруженные пушками, но не оснащенные, фрегатъ, бригантина, 10 канонерскихъ лодокъ и нѣсколько купеческихъ судовъ).

Отсутствіе на эскадрѣ достаточныхъ силъ для десантныхъ операцій заставило Пустошкина войти въ сношенія съ генераломъ Лагоцемъ (молодой генералъ, служившій раньше въ австрійскихъ войскахъ, затѣмъ перешедшій къ Наполеону, а при появленіи въ Италіи Суворова, вступившій въ коалиціонныя войска), ополченскій отрядъ котораго, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, занялъ въ это время Пезаро и оттѣснилъ французовъ къ Анконѣ. Пустошкинъ отдѣлилъ нѣсколько судовъ къ Пезаро, гдѣ былъ высаженъ русско-турецкій десантъ въ 200 человѣкъ, соединившійся съ отрядомъ Лагоца. 1-го іюня французы послѣ упорнаго сопротивленія были выбиты союзниками изъ Фано и черезъ нѣсколько дней изъ Сенегальо, и Пустошкинъ уже рѣшилъ приступить вмѣстѣ съ Лагоцемъ къ тѣсной осадѣ Анконы, но полученное отъ Ушакова приказаніе о возвращеніи всей эскадры въ Корфу избавило на этотъ разъ французовъ отъ грозившей имъ опасности: десантъ былъ взятъ на суда, а 10-го іюня Пустошкинъ ушелъ въ Корфу (туда же ушелъ изъ Манфредоніи Сорокинъ).

Причиной отозванія эскадры Пустошкина было опасеніе появленія многочисленнаго франко-испанскаго флота, которое заставило и Нельсона снять блокаду Мальты и собрать весь свой флотъ у Палермо.

Какъ только выяснилась неосновательность этого опасенія (французы ожидались и въ Балтійскомъ морѣ, но передвиженіе ихъ флота произошло только отъ Бреста къ Генуѣ и обратно), Ушаковъ снарядилъ и отправилъ къ Анконѣ новую эскадру — фрегаты *Казанская Богородица*, *Наврхія*, *Сошествіе Св. Духа* и 1 турецкій, бригантину *Новокупленная* и турецкій корветъ — подъ начальствомъ командира *Навархіи* капитана 2 ранга графа Войновича. Эскадра вышла изъ Корфу 26-го іюня и при подходѣ къ Анконѣ вступила въ сообщеніе съ Лагоцемъ; гр. Войновичъ снабдилъ его отрядъ военными припасами и уговорился относительно дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій. Въ поискахъ удобнаго мѣста для высадки, эскадра поднялась къ сѣверу, и по развѣвающимся надъ Фано и Сенегальо французскимъ флагамъ Войновичъ узналъ, что за время отсутствія Пустошкина эти

города снова заняты французами. Произведя у Пезаро высадку десанта и подкрѣпивъ его новымъ небольшимъ отрядомъ, гр. Войновичъ направился къ Фано и бомбардировкой съ эскадры города содѣйствовалъ успѣху десанта. Командующій десантомъ капитанъ 2 ранга Сытинъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ до 600 человѣкъ эскадры (въ томъ числѣ 150 турокъ) съ 5 пушками, и присоединившихся къ нему около 200 мѣстныхъ жителей съ 2 пушками, и небольшой отрядъ австрійскихъ гусаръ. Сопротивленіе французскаго гарнизона было сломлено, подкрѣпленіе въ 1.000 чел., которое велъ изъ Анконы самъ генералъ Монье, принуждено было возвратиться, и 17 іюля городъ Фано сдался на капитуляцію. Условія сдачи были довольно суровыя: только офицеры отпускались во Францію на честное слово не участвовать въ войнѣ, весь же гарнизонъ (553 чел.) объявленъ военно-плѣнными, обезоруженъ и отправленъ въ Тріестъ.

По взятіи Фано гр. Войновичъ направился къ Сенегальо, куда берегомъ шелъ тотъ же десантъ, поступившій подъ начальство командира фрегата *Казанская Богородица,* капитанъ-лейтенанта Мессера. Эскадра открыла по городу огонь, и французы, еще до появленія десанта, оставили городъ безъ сопротивленія.

Въ обоихъ взятыхъ городахъ Войновичъ учредилъ правленіе отъ имени Русскаго и Австрійскаго Императора, назначилъ въ оба города военныхъ комендантовъ; населеніе присылало къ нему депутаціи съ изъявленіемъ благодарности за избавленіе отъ французовъ.

24 іюля командующій эскадрой отдалъ союзнымъ войскамъ приказаніе объ общемъ движеніи къ Анконѣ. Въ ближайшіе же дни капитанъ-лейтенантъ Мессеръ атаковалъ непріятеля и разбилъ его передовые отряды. Французы были принуждены отойти къ самой Анконѣ, которая теперь была тѣсно обложена съ моря эскадрой гр. Войновича, съ суши—Мессеромъ и ополченіемъ Лагоца. 1-го августа противъ Анконы начались осадныя работы.

Стоя, по необходимости, въ значительномъ разстояніи отъ берега, наша эскадра первое время часто тревожилась французскими канонерками, выходившими изъ гавани для препятствованія сообщенію союзныхъ судовъ съ десантомъ. Гр. Войновичъ сформировалъ изъ рыбацкихъ лодокъ и мелкихъ судовъ особую флотилію и назначилъ на нее начальникомъ командира фрегата *Сошествіе Св. Духа,* кап. 2 ранга Константинова. Эта флотилія совершенно прекратила выходъ изъ гавани непріятельскихъ канонерокъ.

Ополченіе Лагоца если чѣмъ и отличалось отъ неаполитанской «рати св. вѣры», то только болѣе высокими нравственными качествами ополченцевъ; въ смыслѣ же военномъ оно представляло почти такую же неорганизованную толпу, какъ и ополченіе Руффо. При этомъ условіи и сравнительно большая численность — 6000 человѣкъ (французскій гарнизонъ въ Анконѣ — 3.000) — не увеличивала его боевыхъ качествъ. По просьбѣ Лагоца гр. Войновичъ отрядилъ къ ополченцамъ новый небольшой десантъ изъ русскихъ и турокъ, подъ начальствомъ

лейтенанта Ратманова. Въ многочисленныхъ сраженіяхъ Ратмановъ съ изумительной храбростью бросался на превосходившаго въ силахъ непріятеля, увлекая за собою и ополченцевъ, и каждая такая горячая схватка стоила французамъ многихъ жертвъ. Въ крѣпости, тѣснимой со всѣхъ сторонъ, уже сталъ ощущаться недостатокъ въ военныхъ и съѣстныхъ припасахъ; бомбардировка съ эскадры причинила такое разрушеніе въ городѣ, что гарнизону пришлось перейти изъ казармъ на бивакп; въ половинѣ сентября крѣпость уже была въ критическомъ положеніи, и паденіе ея совершилось бы, вѣроятно, въ концѣ сентября, если бы въ это время къ Анконѣ не явился 8-тысячный корпусъ австрійскихъ войскъ.

Это былъ корпусъ генерала Фрейлиха, пришедшій изъ окрестностей Рима, занять который ему не удалось: Римъ, какъ будетъ видно ниже, уже былъ подъ охраной пришедшаго изъ Неаполя русскаго десанта.

Съ самаго же начала Фрейлихъ отнесся высокомѣрно къ Войновичу: ему, при численности его войскъ, было слишкомъ легко заставить сдаться Анкону, приведенную къ безнадежному положенію усиліями Лагоца и гр. Войновича, и онъ, очевидно, на нихъ хотѣлъ сорвать досаду за безрезультатность своего похода къ Риму.

20-го сентября скончался отъ ранъ храбрый Лагоцъ, наканунѣ въ сраженіи захваченный непріятелемъ, но немедленно же отбитый у него Ратмановымъ. Русскому лейтенанту, спасителю своей, ужъ слишкомъ недолгой послѣ этого жизни, Лагоцъ повѣдалъ тайну своей двойной измѣны (сначала австрійцамъ, затѣмъ Наполеону): мечтой Лагоца было созданіе изъ его родины, Италіи, единаго и независимаго государства,—мечтой, осуществить которую удалось только слѣдующимъ поколѣніямъ.

Цѣлый мѣсяцъ простоялъ Фрейлихъ въ бездѣйствіи. Скорое паденіе крѣпости было неизбѣжно (къ приходу австрійцевъ французскій гарнизонъ не превышалъ уже 1.500 чел.), и Фрейлихъ добивался теперь другой цѣли — удаленія эскадры гр. Войновича, чтобы честь взятія Анконы принадлежала бы только ему. Въ средствахъ онъ не разбирался: онъ клеветалъ на русскихъ, оказывалъ имъ полное пренебреженіе, запрещалъ жителямъ снабжать продовольствіемъ нашу эскадру и неизмѣнно отказывалъ въ настойчивыхъ предложеніяхъ Войновича относительно общаго штурма крѣпости. Только разъ за все время осады, 21 октября, австрійскій генералъ сдѣлалъ попытку сразиться съ передовыми постами непріятеля, и въ этомъ сраженіи, когда горсть нашего десанта удерживалась противъ сильнѣйшихъ непріятельскихъ отрядовъ, австрійцы были отброшены, потерявъ 300 человѣкъ убитыми.

Несмотря на всѣ старанія Фрейлиха, гр. Войновичъ, даже оставшійся безъ фрегатовъ, которые всѣ были отправлены въ Тріестъ для починки, не оставлялъ Анконы, держась съ мелкими судами въ морѣ

въ бурную осеннюю погоду; не уходилъ со своихъ передовыхъ позицій и нашъ десантъ.

Видя, что его усилія устранить Войновича безуспѣшны, Фрейлихъ безъ его вѣдома заключилъ 2-го ноября капитуляцію, предложенную имъ генералу Монье на самыхъ выгодныхъ для непріятеля условіяхъ: французы выступали изъ крѣпости въ полномъ вооруженіи, съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и всѣми военными почестями; кромѣ того, генералу Монье былъ данъ еще особый почетный караулъ изъ 45 французовъ; французскимъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ оставлялось оружіе. Весь гарнизонъ отправлялся на австрійскій счетъ во Францію сухимъ путемъ.

Когда гр. Войновичъ, отказавшійся принять заключенную безъ его вѣдома капитуляцію, послалъ на французскія суда караулы съ приказаніемъ поднять на нихъ наши, турецкіе и австрійскіе флаги, то австрійцы по приказанію Фрейлиха силою оттѣснили наши караулы и силою же спустили русскіе и турецкіе флаги.

Это оскорбленіе русскаго флага до глубины души возмутило Ушакова, которому донесъ о происшедшемъ Войновичъ, но и онъ на запросъ, отправленный Фрейлиху, получилъ отвѣтъ, что недостатокъ-де времени не позволяетъ генералу давать подробныя объясненія своихъ поступковъ.

Эта австрійская дерзость въ Анконѣ была одною изъ причинъ, вызвавшихъ рѣшеніе Императора Павла разорвать отношенія съ союзниками и отозвать свои силы въ Россію.

Государь потребовалъ строгаго суда надъ Фрейлихомъ. Австрійское правительство впослѣдствіи осудило его, исключило со службы и рѣшило дать всякое удовлетвореніе, чтобы только сохранить союзъ, но было уже поздно: пренебреженія къ Россіи русскій Императоръ не прощалъ.

---

4. Эскадра Ушакова въ Палермо и Неаполѣ. Паденіе Римской республики Занятіе Рима.

Эскадры Сорокина, Пустошкина и гр. Войновича, уже оказавшія такое замѣтное вліяніе на положеніе дѣлъ въ Италіи, были только частью той силы, какую представлялъ собою весь флотъ Ушакова. Если не было недостатка въ недоброжелателяхъ, которые тайными путями вели интригу противъ русскаго адмирала и достигнутыхъ имъ результатовъ его высшаго руководительства флотомъ, то не было, съ другой стороны, недостатка и въ надеждахъ и просьбахъ, обращенныхъ къ нему съ цѣлью использовать русскую морскую силу противъ общаго непріятеля и, въ частности, себѣ на пользу. Съ такими просьбами особенно настойчиво обращался къ Ушакову король Фердинандъ, и, нако-

нецъ, получилъ согласіе на приходъ со всѣмъ флотомъ изъ Корфу къ Неаполю — столицѣ возстановленнаго Белле королевства.

Задача, которая въ этомъ случаѣ ставилась Ушакову, — содѣйствіе королевству въ очищеніи отъ непріятеля Римской республики; тамъ еще держались французы, и это невыгоднымъ образомъ отзывалось на все еще тревожномъ положеніи королевства. Прибытіе Ушакова должно было отрезвляющимъ образомъ подѣйствовать на неаполитанцевъ.

27 іюля, закончивъ исправленіе кораблей, Ушаковъ съ Кадыръ-беемъ вышелъ изъ Корфу, и 3-го августа прибылъ въ Мессину. Составъ эскадры: линейные корабли *Св. Павелъ, Михаилъ, Захарій, Симеонъ и Анна, Марія Магдалина* и 4 турецкихъ, фрегатъ *Григорій Великія Арменіи, Михаилъ, Св. Николай* и 3 турецкихъ; 3 малыхъ судна нашихъ и 2 турецкихъ. Изъ остальныхъ судовъ, русско-турецкаго флота, 4 были съ гр. Войновичемъ подъ Анконой и 4 оставлены въ Корфу.

Изъ Мессины Ушаковъ долженъ былъ отправить двѣ эскадры — къ Генуэзскому заливу, для содѣйствія операціямъ въ сѣверной Италіи Суворова, и къ Неаполю, для поддержанія порядка въ столицѣ. Въ обѣ эти экспедиціи были назначены и турецкія суда, но команда ихъ вышла изъ повиновенія своему начальству: матросы объявили, что они уже слишкомъ долго и на слишкомъ далекое разстояніе разлучены съ родиной, и не соглашались идти ни въ какое плаваніе иначе, какъ цѣлой эскадрой. Въ концѣ-концовъ Ушаковъ отправилъ къ Генуѣ отрядъ Пустошкина (произведеннаго въ вице-адмиралы) изъ кораблей *Михаилъ* и *Симеонъ и Анна* и 2 мелкихъ судна, и къ Неаполю Сорокина съ 3 фрегатами, самъ же направился къ Палермо для личнаго соглашенія о предстоящихъ дѣйствіяхъ съ лордомъ Нельсономъ.

Въ Палермо, куда Ушаковъ прибылъ 21 августа, онъ нашелъ эскадру контръ-адмирала Карцова (линейные корабли *Исидоръ, Азія* и *Побѣда* и фрегатъ *Поспѣшный*, отправленные изъ Англіи для содѣйствія Ушакову), пришедшую въ Палермо 3 августа.

Въ послѣдніе дни пребыванія въ Палермо турецкія команды окончательно вышли изъ повиновенія своему начальству, и только Ушаковъ, явившись въ разгаръ бунта на флагманскій турецкій корабль, могъ кое-какъ ихъ успокоить. Поводомъ къ этому новому бунту было побоище, происшедшее на берегу между сицилійцами и турками, въ которомъ свыше 100 турокъ было убито и ранено. Убѣдившись въ невозможности, при безсиліи самихъ же турецкихъ адмираловъ, водворить порядокъ на союзной эскадрѣ и безполезности, при такихъ условіяхъ, присутствія турецкаго флота, Ушаковъ предоставилъ Кадыръ-бею возвращаться въ Константинополь и снабдилъ его, по его же просьбѣ, особымъ письмомъ къ нашему послу въ Константинополѣ, въ удостовѣреніе того, что турецкая эскадра всегда дѣйствовала успѣшно и что возвращеніе ея въ Константинополь вызвано исключительно внутренними броженіями на корабляхъ; для Кадыръ-бея это письмо служило бы гарантіей въ случаѣ неодобрительнаго отношенія къ его возвраще-

нію со стороны Порты. 1-го сентября Кадыръ-бей со своей эскадрой ушелъ къ Дарданелламъ, и этимъ окончилось содѣйствіе Турціи нашему флоту.

Переговоры, которые Ушаковъ въ Палермо велъ съ Нельсономъ и королемъ Фердинандомъ, касались предстоящихъ дѣйствій русскаго флота. Имѣя соотвѣтствующія повелѣнія отъ Государя, адмиралъ предполагалъ слѣдовать къ Мальтѣ, уже давно блокируемой англійскими, португальскими и неаполитанскими судами, чтобы рѣшительнымъ ударомъ выбить французовъ изъ крѣпости, но Нельсонъ, самъ имѣвшій серьезные виды на Мальту, подъ всякими предлогами отклонялъ предложенія Ушакова; король Фердинандъ, съ своей стороны, убѣдительно просилъ адмирала идти къ Неаполю для возстановленія порядка, что также входило, по указанію Государя, въ задачу, данную Ушакову. Адмиралъ въ концѣ-концовъ уступилъ, и 3 сентября наша эскадра вышла изъ Палермо, а 7-го уже стала на якорь на Неаполитанскомъ рейдѣ.

Русскому адмиралу были даны королемъ необычайно широкія полномочія. На него возлагалось водворить въ Неаполѣ спокойствіе, организовать въ столицѣ неаполитанскія войска и нанести окончательный ударъ французамъ и республиканцамъ въ Римской области. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Ушаковъ былъ облеченъ наибольшею полнотою власти: ему была предоставлена свобода дѣйствій и поставлены въ подчиненіе высшіе неаполитанскіе военные чины.

Въ числѣ лицъ, немедленно по прибытіи эскадры явившихся, по обязанности, на корабль къ Ушакову, былъ Трубриджъ, командиръ англійскаго корабля, стоявшаго на рейдѣ. Узнавъ о приготовленіяхъ Трубриджа къ походу, Ушаковъ освѣдомился у него о цѣли плаванія, и получилъ отвѣтъ, что корабль идетъ въ Чивита-Веккію, чтобы вмѣстѣ съ находящимися тамъ другими англійскими судами немедленно слѣдовать къ Палермо на соединеніе съ Нельсономъ.

Въ Неаполѣ Ушаковъ проявилъ обычную для него кипучую дѣятельность. При съѣздахъ на берегъ, всегда восторженно привѣтствуемый населеніемъ, онъ много вниманія удѣлялъ ознакомленію съ военными учрежденіями столицы, налаживалъ ихъ дѣятельность и производилъ смотры организуемымъ неаполитанскимъ войскамъ, представлявшимъ собою весьма сомнительную силу: общая численность ихъ не превышала 14.000, и изъ нихъ только на 5.000 хватало ружей и боевого снаряженія. Но Ушаковъ отлично зналъ, въ какомъ жалкомъ положеніи были въ это время и «военныя силы» Римской республики, а потому въ ближайшіе же дни приступилъ къ сформированію особаго отряда изъ десанта со своей эскадры и неаполитанскихъ войскъ для похода на Римъ. Въ успѣхѣ этой экспедиціи онъ не сомнѣвался. Прибытіе русскаго флота въ Неаполь уже отозвалось послѣдними судорогами издыхающей Римской республики,—она доживала послѣдніе дни.

Этимъ, какъ Ушаковъ узналъ 14-го сентября, и воспользовался Трубриджъ; слова его о походѣ въ Палермо оказались беззастѣнчивой ложью.

Дальновидный англичанинъ своевременно учелъ впечатлѣніе, которое должно было произвести въ Римѣ появленіе въ Неаполѣ русскаго флота, и ложью, сказанною въ глаза Ушакову, не постѣснялся купить своему отечеству право на сомнительные лавры. Придя въ Чивита-Веккію, онъ съ этой цѣлью вступилъ въ сношенія съ французскимъ гарнизономъ въ Римѣ, предложивъ ему сдаться на почетныхъ условіяхъ, и французскій генералъ Гарнье, войскамъ котораго грозила неминуемая опасность съ юга отъ русскаго десанта и неаполитанцевъ, и съ сѣвера отъ подступавшихъ австрійцевъ (Фрейлихъ), конечно, съ радостью принялъ эти условія. 16-го числа была подписана капитуляція, по которой Римъ, Чивита-Веккія и еще 2 крѣпости сданы англичанамъ и неаполитанцамъ, а французскій гарнизонъ, даже не признанный военно-плѣнными, съ воинскими почестями, оружіемъ и награбленными въ Римѣ античными художественными сокровищами, на англійскихъ транспортахъ черезъ нѣсколько дней былъ доставленъ во Францію.

Какъ бы по-англійски ни назывался этотъ поступокъ Трубриджа въ отношеніи къ интересамъ союзной Англіи Русской державы, на русскомъ языкѣ для него есть только одно опредѣленіе: это называется «передернуть». Именно такъ къ этому поступку отнесся Ушаковъ.

Адмиралъ узналъ объ этомъ 19-го сентября, а днемъ раньше имъ были отправлены къ Риму нашъ десантъ съ эскадры въ 800 слишкомъ человѣкъ и отрядъ неаполитанцевъ въ 1.500 человѣкъ.

Негодованію Ушакова не было границъ. Онъ даже хотѣлъ немедленно вернуть посланный имъ отрядъ, но настоятельныя просьбы кардинала Руффо остановили это его намѣреніе.

Какое дѣло было Трубриджу до того, что Римъ остался почти въ полномъ безначаліи, что тамъ должны были идти обычныя въ такихъ случаяхъ кровопролитныя междоусобія? Никакого. Ни онъ, и никто съ его отряда даже и не былъ въ Римѣ. Туда вступилъ 19-го числа съ небольшимъ отрядомъ неаполитанскій генералъ Буркардъ, признавшій капитуляцію, а затѣмъ прибылъ въ качествѣ намѣстника короля Фердинанда донъ Діего Населли, принцъ Аррагонскій. Въ Римѣ воцарился терроръ, своеволіе и неистовства безначальной толпы. И Населли, и сами римляне съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія русскаго десанта.

30-го сентября этотъ десантъ торжественно вступалъ въ стѣны Вѣчнаго города. Среди несмѣтной толпы римлянъ, минуя Колизей и слѣдуя по древнему форуму, церемоніальнымъ маршемъ медленно проходили наши моряки. Впереди шла неаполитанская кавалерія, за ней нашъ десантъ, имѣя во главѣ лейтенанта Балабина и за нимъ начальника десанта, морского полка полковника Скипора, и надъ нашими колоннами развѣвались 2 корабельныхъ флага; за нашими — неаполитанскій отрядъ и обозы.

Нашихъ моряковъ римляне встрѣчали съ самыми искренними радостью и восторгомъ. Улицы были запружены толпою, балконы и окна домовъ украшены коврами, безпрестанно раздавались рукоплесканія и восторженные клики: «Eviva Paolo primo!.. Eviva Mascovito!...»;

съ балконовъ и на улицахъ махали платками, бросали цвѣты. Въ толпѣ говорили: «Вотъ тѣ, которые всегда бьютъ французовъ и которыхъ французы боятся! Вотъ наши избавители!..»

Нашъ десантъ выставилъ караулъ на площади у палаццо Боргезе и занялъ всѣ важнѣйшіе посты въ городѣ; постоянное помѣщеніе для десанта было отведено въ монастырѣ св. Августина.

Занятіе Рима русскимъ отрядомъ указало австрійцамъ, державшимся поблизости и имѣвшимъ на столицу свои виды, на безполезность ихъ присутствія, и они поспѣшили уйти къ Анконѣ.

5-го ноября нашъ десантъ возвратился въ Неаполь, куда былъ вызванъ Ушаковымъ, собиравшимъ всѣ свои силы для похода на Мальту. Мѣсячное пребываніе десанта въ Римѣ умиротворило разыгравшіяся послѣ паденія республики политическія страсти, способствовало уничтоженію террора и сыграло, вообще, ту же благородную роль, какъ и пребываніе Белле въ Неаполѣ въ первые дни возстановленнаго королевства.

Это особенно подчеркивалъ король Фердинандъ, писавшій Ушакову, что прибытіе русскаго флота въ Неаполь было единственной причиной всѣхъ послѣдовавшихъ событій, что освободителемъ Рима является тотъ же русскій флотъ, и что спокойствіемъ, воцарившимся въ королевствѣ и римской области, онъ обязанъ только Ушакову.

5. Эскадра вице-адмирала Пустошкина въ Генуэзскомъ заливѣ.

Послѣднія по времени военныя дѣйствія нашего флота были возложены на эскадру вице-адмирала Пустошкина въ Генуэзскомъ заливѣ. Эскадра (корабли *Михаилъ* и *Симеонъ и Анна*, полака *Экспедиціонъ* и трембакулъ *Св. Константинъ*—оба послѣднія судна взяты у французовъ), отправленная Ушаковымъ въ началѣ августа изъ Мессины къ Генуэзскому заливу, имѣла задачей пресѣченіе непріятелю подвоза запасовъ моремъ (для поддержки предположеннаго Суворовымъ наступленія нашихъ войскъ къ Генуѣ), а также прикрытіе отъ нападенія съ моря Ливорно, гдѣ находились магазины для нашихъ войскъ.

Придя 30-го августа въ Ливорно, Пустошкинъ, задерживаемый противными вѣтрами, только въ концѣ сентября направился въ море съ тремя судами; четвертое, полака *Экспедиціонъ*, было отправлено имъ къ острову Сардинія (см. ниже). За время стоянки въ Ливорно Пустошкина туда же прибылъ отрядъ нашихъ войскъ изъ трехъ гренадерскихъ баталіоновъ подъ командой генералъ-маіора князя Волконскаго, высланный Суворовымъ послѣ сраженія при Нови на эскадру Ушакова для доставленія на Мальту, гдѣ гренадеры должны были принять участіе въ осадѣ крѣпости ла-Валетта.

Предположено было отправить отрядъ въ Неаполь моремъ, для чего въ Ливорно стояли въ готовности 30 транспортовъ, но сначала

противные вѣтры, а затѣмъ появленіе у Генуи нѣсколькихъ французскихъ кораблей заставили князя Волконскаго предпочесть идти къ Неаполю сухимъ путемъ. 15-го октября, когда событія, вызванныя приходомъ Ушакова въ Неаполь, совершенно очистили римскую область отъ французовъ, Волконскій выступилъ изъ Ливорно черезъ Сіенну и Римъ.

Трехмѣсячное крейсерство Пустошкина въ Генуэзскомъ заливѣ было обставлено большими трудностями: отсутствіе близкой къ Генуѣ базы (въ бурные дни приходилось отстаиваться въ Специи), постоянный рискъ встрѣчи въ морѣ съ превосходными силами непріятеля, затрудненія въ пополненіи запасовъ, бурная осенняя погода. Но и при этихъ условіяхъ крейсерство принесло несомнѣнную пользу (австрійцамъ, дѣйствовашимъ противъ Генуи, которые въ качествѣ союзниковъ просили у Пустошкина помощи; Суворовъ же находился въ Швейцаріи), сильно затрудняя непріятелю подвозъ моремъ къ Генуѣ войскъ и припасовъ изъ Франціи.

Наиболѣе удачнымъ дѣломъ за время этого крейсерства было уничтоженіе непріятельскаго транспортнаго отряда, имѣвшее мѣсто 15-го ноября.

Крейсеруя наканунѣ у береговъ французской Ривьеры, Пустошкинъ замѣтилъ нѣсколько судовъ, идущихъ къ Генуѣ, и отрядилъ противъ нихъ свой трембакулъ и бывшее съ нимъ небольшое австрійское судно, давъ приказаніе атаковать ночью непріятеля, и, если можно, взять въ плѣнъ; самъ же адмиралъ держался подъ берегомъ.

На разсвѣтѣ 15-го ноября, когда оба корабля Пустошкина находились у Онельи, подъ берегомъ былъ замѣченъ другой, въ числѣ около 20, отрядъ непріятельскихъ судовъ—бригантины, транспорты, тартаны и пр.; въ то же время подъ вѣтромъ виднѣлся нашъ трембакулъ, уже имѣвшій у себя за кормою французское двухмачтовое судно на буксирѣ. Адмиралъ съ кораблями немедленно бросился къ непріятелю, чтобы отрѣзать ему путь къ Генуѣ; французы спустились по вѣтру и стали на якорь между городами Маврицціо и Онелья, защищенными батареями. Оставаясь все время у непріятеля на вѣтрѣ, Пустошкинъ дважды проходилъ на самомъ близкомъ разстояніи отъ берега, непрерывно обстрѣливаемый 6-ю береговыми батареями, и самъ велъ въ теченіе полутора часовъ такой жестокій огонь, что потопилъ свыше 10-ти судовъ, въ томъ числѣ большой трехмачтовый новый транспортъ; непріятельскія войска, бывшія на берегу и спасавшіяся съ судовъ — кавалерія и пѣхота, — обращенныя въ бѣгство, бросились укрываться въ горы; и непріятелю, какъ можно было видѣть съ кораблей, былъ нанесенъ сильный уронъ. Адмиралъ сталъ на якорь въ двухъ миляхъ отъ батарей, разсчитывая ночью послать шлюпки и вырѣзать нѣсколько судовъ, но усилившійся съ вечера крѣпкій вѣтеръ не позволилъ этого сдѣлать, и корабли, снявшись съ якоря, легли къ Корсикѣ.

Поврежденія, полученныя кораблями въ сраженіи, были только въ такелажѣ и парусахъ; потеря въ личномъ составѣ — 3 раненыхъ; убитыхъ не было.

Вечеромъ къ адмиралу присоединился трембакулъ, съ котораго рапортовали, что въ ночь на 15-е число, подойдя вмѣстѣ съ австрійскими судами къ берегу (у мѣстечка Санъ-Стефано), трембакулъ нашелъ тамъ три непріятельскихъ судна, которыя немедленно атаковалъ; непріятель, сначала отвѣчавшій на огонь, былъ принужденъ выброситься на берегъ, оставить суда и спасаться бѣгствомъ. Два французскихъ судна были затоплены подошедшими трембакуломъ и австрійскимъ судномъ, а третье, груженое мукою, трембакулъ взялъ на буксиръ и отправился искать адмирала, но задувшій свѣжій вѣтеръ заставилъ бросить призъ, съ котораго на трембакулъ были сняты только пушки *).

Во все время крейсерства Пустошкинъ постоянно сносился съ австрійскимъ генераломъ графомъ Кленау, который неоднократно просилъ его о помощи, и Пустошкинъ по возможности выполнялъ эти просьбы.

Въ концѣ ноября, когда уже вся Италія была очищена отъ французовъ и они держались только въ Генуѣ, Кленау, стоявшій съ войсками въ Кавіари (верстахъ въ 30-ти къ юго-востоку отъ Генуи), обратился къ Пустошкину съ просьбой отрядить десантъ для участія въ наступленіи его войскъ. Это наступленіе на Генуя долженъ былъ поддержать съ другой стороны (съ горъ) другой австрійскій генералъ графъ Гогенцоллернъ. Адмиралъ, еще не зная о разрывѣ между Россіей и Австріей (изъ-за Анконы и пр.), высадилъ въ помощь австрійцамъ десантъ въ 200 человѣкъ подъ командой маіора Гамена. Десантъ шелъ въ авангардѣ австрійскихъ войскъ, 2-го декабря сбилъ передовые непріятельскіе посты у Генуи и подошелъ къ самому городу. Въ рѣшительной атакѣ, предпринятой австрійцами 4-го декабря, нашъ десантъ получилъ приказаніе зайти въ тылъ французамъ, что онъ и исполнилъ и прошелъ далеко въ предмѣстья Генуи; но австрійцы (Кленау; отрядъ гр. Гогенцоллерна въ сраженіи не участвовалъ) были отброшены непріятелемъ и пустились въ безпорядочное бѣгство, оставивъ горсть своихъ союзниковъ-русскихъ на произволъ судьбы. Нашимъ пришлось пробиваться обратно черезъ городъ, сквозь непріятельскія войска, и штыками проложить себѣ дорогу, подъ градомъ пуль и подъ ударами насѣдавшихъ на нихъ французовъ. Этотъ прорывъ стоилъ десанту 38 убитыми, 18 ранеными и 19 взятыми въ плѣнъ, но пробившіеся не только подобрали съ собою всѣхъ своихъ раненыхъ, но и выручили отрядъ австрійскихъ егерей, уже приготовившихся сдаться. Генерала же гр. Кленау десантъ такъ и не могъ догнать за цѣлыя сутки: потерявъ до 3.000 человѣкъ и всѣ четыре пушки, онъ со своимъ отрядомъ проявлялъ при отступленіи необычайную спѣшность.

---

*) Эта версія, приведенная здѣсь по подлиннымъ документамъ, не только снимаетъ съ адмирала Пустошкина упрекъ за дѣло 15 ноября, которое до сихъ поръ, при совершенно превратномъ изложеніи (Веселаго, Кротковъ и др.), считали неудачнымъ, но позволяетъ, наоборотъ, внести и этотъ эпизодъ въ славную лѣтопись Ушаковской кампаніи.

Отрядъ маіора Гамена былъ принятъ Пустошкинымъ на эскадру у Сестри, куда адмиралъ подошелъ въ самый критическій для десанта моментъ: изъ опасенія быть настигнутыми французами, Гаменъ посадилъ свой переутомившійся отрядъ на какое-то, стоявшее подъ берегомъ безъ руля и парусовъ, судно, поставилъ его на якорь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, а самъ на шлюпкѣ вышелъ въ море на поиски адмирала. Такъ окончилось это австрійское предпріятіе противъ Генуи, въ которомъ русскій десантъ проявилъ въ неравной борьбѣ признанную даже непріятелемъ выдающуюся доблесть, тогда какъ австрійцы, какъ писалъ Пустошкинъ, выказали полную растерянность и кучами сдавались въ плѣнъ.

Намѣтивъ своей базою на зимнее время Специю, адмиралъ для пополненія запасовъ прибылъ въ Ливорно, гдѣ получилъ предписаніе Ушакова о слѣдованіи къ Корфу, куда собирались всѣ наши морскія силы для возвращенія, согласно повелѣнія Государя, въ Россію *).

Блокада Генуэзскаго залива была задачей почти несоразмѣримой съ тѣми силами, которыми располагалъ Пустошкинъ: держать съ двумя кораблями въ блокадѣ такой значительный районъ было почти невозможнымъ, и если Пустошкину удалось въ значительной степени выполнить эту задачу, то въ этомъ его несомнѣнная заслуга. Ушаковъ отлично зналъ, кого и съ какими силами онъ посылаетъ, въ какихъ условіяхъ будетъ блокируемый отрядъ (отдаленность базъ — Специи и Ливорно — отъ блокируемаго мѣста, трудность снабженія и продовольствія, наибольшій рискъ встрѣчи съ превосходными силами непріятеля, и др.), и къ тому, какъ Пустошкинъ справился со своей задачей, отнесся съ полнымъ одобреніемъ.

Плаваніе полаки *Экспедиціонъ*, которая еще въ сентябрѣ отдѣлилась отъ Пустошкина, входитъ въ кампанію Ушакова интереснымъ эпизодомъ, касающимся нашихъ сношеній съ государствами Сѣверной Африки. Какъ и при Императрицѣ Екатеринѣ, такъ и теперь, пребываніе въ Средиземномъ морѣ русскаго флота не обошлось безъ соприкосновенія съ берегами Африки: въ самомъ началѣ войны, когда, еще до выхода всего союзнаго флота изъ Дарданеллъ къ Цериго, русско-турецкій отрядъ подъ командой капитана 2-го ранга Сорокина былъ отправленъ Ушаковымъ для содѣйствія англичанамъ къ берегамъ Египта — и 2 нашихъ фрегата участвовали въ блокадѣ французскаго флота при Александріи и бомбардировкѣ фортовъ Абукира, — и теперь, осенью 1799 года, когда полакѣ *Экспедиціонъ* пришлось выполнить отвѣтственную миссію въ Тунисѣ.

Во время стоянки Пустошкина въ Ливорно, куда онъ зашелъ (30-го августа) при слѣдованіи къ Генуѣ, сардинскій корабль обратился къ нему съ просьбой отрядить одно судно для прикрытія транспортныхъ судовъ, уходившихъ изъ Ливорно въ Каліари, и для охраны острова

*) Поэтому отозваніе Пустошкина не можетъ быть понято какъ знакъ, будто бы, недовольства имъ Ушакова (за дѣло 15 ноября), какъ это толкуется нѣкоторыми авторами.

Сардиніи отъ враждебно настроенныхъ корсиканцевъ. Пустошкинъ назначилъ полаку *Экспедиціонъ*, подъ командой лейтенанта Македонскаго, который 26-го сентября и вышелъ къ Каліари, конвоируя 10 транспортныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ было 3 сардинскихъ. Въ темную ночь на 5-е октября, между Эльбой и итальянскимъ берегомъ, отрядъ встрѣтился съ тунисской эскадрой изъ 7-ми судовъ (въ томъ числѣ 26-пушечный фрегатъ), немедленно захватившій сардинскія суда. Македонскій энергично протестовалъ, но тунисцы, находившіеся во враждебныхъ отношеніяхъ съ Сардиніей, захваченныхъ судовъ не отдали. По прибытіи съ остальными судами въ Каліари, Македонскій донесъ о происшедшемъ, и королевскій намѣстникъ герцогъ Генуэзскій немедленно отправилъ его къ Ушакову въ Неаполь съ просьбой оказать воздѣйствіе на Тунисъ для возвращенія сардинскихъ судовъ. Адмиралъ отправилъ полаку въ Тунисъ съ письмомъ Тунисскому бею и поручилъ Македонскому требовать возвращенія взятыхъ судовъ.

Полака прибыла въ Тунисъ 11-го ноября. Оказалось, что сардинскія суда уже проданы. Бей принялъ Македонскаго въ аудіенціи, оказалъ ему вниманіе, подобающее представителю Россіи, и обѣщалъ дать удовлетвореніе. Начались затяжные переговоры, между прочимъ о томъ, какимъ числомъ выстрѣловъ салютовать русскому флагу (Македонскій добился требуемыхъ имъ 21) — и бей, въ концѣ-концовъ, выдалъ 56 сардинцевъ, захваченныхъ на судахъ, не возмѣстивъ, однако, понесенныхъ ими убытковъ.

Простоявъ въ Тунисѣ полтора мѣсяца и получивъ отъ бея отвѣтное письмо Ушакову, Македонскій вышелъ въ Каліари, сдалъ освобожденныхъ изъ плѣна сардинцевъ, и оставался тамъ до марта 1800 года, присоединившись къ эскадрѣ Пустошкина уже при возвращеніи ея изъ Генуэзскаго залива, въ Мессинѣ.

Почтительное отношеніе бея къ маленькому русскому судну (это было не въ обычаяхъ тунисцевъ, жившихъ морскими разбоями) служитъ показателемъ не только страха, навѣяннаго на нихъ еще при Екатеринѣ, когда Ушакъ-паша разбилъ въ Черномъ морѣ, вмѣстѣ съ турецкимъ, и пришедшій на помощь къ туркамъ тунискій флотъ, но и признанія силы русскаго флота даже въ рѣдко посѣщаемыхъ водахъ Средиземнаго моря.

---

6. Прерванный походъ Ушакова къ Мальтѣ. Прибытіе флота къ Корфу. Назначеніе и отмѣна крейсерскихъ эскадръ. Возвращеніе въ Россію.

Прибытіе русскаго флота въ Неаполь, повлекшее за собою такое быстрое паденіе Римской республики, естественно, обратило на себя вниманіе тѣхъ изъ нашихъ союзниковъ, которые раньше, по отдаленности Корфу, гдѣ стоялъ Ушаковъ, отъ района ихъ непосредственныхъ интересовъ, не могли разсчитывать на содѣйствіе русской морской силы. Таковъ былъ король сардинскій, пользовавшійся выгодой отъ при-

суствія у Неаполя и Генуи Ушакова и Пустошкина, таковымъ хотѣлъ быть и лордъ Нельсонъ.

Уже съ октября Нельсонъ въ своихъ письмахъ къ Ушакову сталъ просить — и просилъ неоднократно, «убѣдительно», какъ доносилъ Ушаковъ Государю, «и неотступно» — объ оказаніи поддержки англійскимъ силамъ, все еще блокировавшимъ и осаждавшимъ «ровесницу Корфу» — Мальту. На первую просьбу Ушаковъ категорически отказалъ, напомнивъ въ своемъ письмѣ Нельсону неблаговидный поступокъ Трубриджа, но на послѣдующія, когда Нельсона сталъ поддерживать своими просьбами и Неаполитанскій король, сталъ сдаваться. Воля же Государя, Великаго Магистра мальтійскаго ордена, положила предѣлъ колебаніямъ адмирала, и онъ, рѣшивъ идти къ Мальтѣ, отозвалъ, какъ было видно выше, нашъ десантъ изъ Рима и сталъ дѣйствительно готовиться къ походу.

Характерно слѣдующее мѣсто въ одномъ изъ писемъ Нельсона къ Ушакову, въ которомъ англійскій адмиралъ мотивируетъ необходимость содѣйствія русскаго флота у Мальты:

«Это предпріятіе весьма важно для моего Государя; слѣдовательно, важно и для меня; притомъ оно будетъ пріятно для Великаго Магистра, вѣрнаго союзника моего Короля...»

Настойчивость, проявленная въ этомъ вопросѣ Нельсономъ, объяснялась тѣмъ, что дѣла на Мальтѣ были, дѣйствительно, далеко не блестящи. Блокировавшая Мальту вмѣстѣ съ англичанами португальская эскадра была отозвана въ Лиссабонъ; для дѣйствій противъ крѣпости ла-Валетта англійскія сухопутныя силы были малочисленны; попытка англичанъ привлечь къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ мальтійцевъ встрѣтила съ ихъ стороны отказъ. Генералъ Вобуа, комендантъ ла-Валетты, гарнизонъ которой былъ доведенъ долгой блокадой до отчаяннаго положенія, держался геройски и отвергалъ всѣ требованія о сдачѣ.

Какъ всегда, Ушаковъ и къ походу на Мальту готовился основательно: онъ билъ навѣрняка. На эскадру были приняты десантъ изъ Рима и пришедшій отъ Суворова отрядъ князя Волконскаго (2.000 чел.); корабли спѣшно чинились, производилась пріемка запасовъ, продовольствія, и т. д. Противные вѣтры задерживали выходъ флота въ море, который состоялся, наконецъ, 20-го декабря.

Въ Неаполѣ былъ оставленъ отрядъ изъ трехъ чинившихся тамъ фрегатовъ, эскадра Пустошкина блокировала Геную, гр. Войновичъ держался у Анконы; въ Корфу находились оставленные Ушаковымъ 2 корабля и, кромѣ того, новая эскадра (кап. 1-го ранга С. А. Пустошкина: 2 фрегата, 2 бригантины, 5 небольшихъ военныхъ судовъ и 3 траспорта), доставившая въ половинѣ ноября изъ Одессы сухопутный отрядъ генералъ-маіора Бороздина, предназначенный Государемъ для отправленія въ Неаполь согласно просьбѣ о томъ короля Фердинанда; всѣ же остальныя морскія силы шли подъ флагомъ Ушакова къ столь близкой сердцу Государя Мальтѣ.

Къ мѣсту назначенія флотъ, однако, не дошелъ: въ Мессинѣ, куда

Ушаковъ прибылъ 22-го декабря, онъ получилъ Высочайшее повелѣніе отъ 23-го октября о возвращеніи всего флота въ Черное море — достойный отвѣтъ на интриги нашихъ союзниковъ.

Изъ Мессины же адмиралъ отправилъ предписанія всѣмъ отдѣльнымъ эскадрамъ о немедленномъ возвращеніи въ Корфу, куда и самъ прибылъ съ флотомъ 8-го января 1800 года.

Въ концѣ этого мѣсяца Ушаковъ получилъ новое повелѣніе Государя, отъ 20-го ноября, отмѣнявшее возвращеніе флота въ Россію и требовавшее отправленія эскадръ въ крейсерство у береговъ Италіи и Сициліи: Государь еще разъ сдѣлалъ попытку достичь соглашенія съ союзниками. Почти одновременно съ этимъ англійскій адмиралъ лордъ Кейтъ обратился къ Ушакову съ просьбой оказать содѣйствіе въ дѣлахъ Египта: онъ просилъ объ установленіи крейсерства между берегомъ Африки, Мальтой и Сициліей для загражденія французамъ, если бы ихъ египетскій корпусъ пытался пройти на транспортахъ изъ Египта моремъ, прохода къ берегамъ Франціи.

Итакъ, флоту предстояли новыя дѣйствія. Ушаковъ въ это время былъ занятъ починкой своихъ кораблей, сильно потерпѣвшихъ при штормѣ, встрѣченномъ ими на пути отъ Мессины къ Корфу, и для перваго крейсерства назначилъ эскадру Пустошкина, еще не прибывшую въ Корфу, а для второго (берега Африки—Мальта—Сицилія) сравнительно мало пострадавшую эскадру Карцова. Привезенный изъ Одессы отрядъ (1.656 чел.) былъ отправленъ на доставившей его въ Корфу эскадрѣ въ Отранто, откуда черезъ Бари прибылъ въ Неаполь; эскадра же немедленно возвратилась въ Корфу и въ концѣ марта ушла въ Черное море.

Между тѣмъ происшедшія за это время въ Египтѣ событія (удачное для французовъ сраженіе, которое надолго обезпечивало имъ возможность держаться въ Египтѣ) сдѣлали крейсерство нашихъ эскадръ излишнимъ, и Ушаковъ отозвалъ обоихъ адмираловъ въ Корфу (эскадра Пустошкина прибыла 30-го мая, Карцова — 2-го іюня). Въ то же время французы, одержавшіе рядъ побѣдъ надъ австрійцами, снова овладѣли Сѣверной Италіей. Все, чего еще недавно достигъ здѣсь Суворовъ, было уничтожено; грозило уничтоженіе и плодамъ дѣйствій флота. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ поднялась тревога. Король Фердинандъ неотступно просилъ у Ушакова защиты; просила о присылкѣ эскадры къ берегамъ Египта Турція. Но отъ Государя, окончательно разочаровавшагося въ союзникахъ (Австрія и Англія), адмиралъ получилъ новое повелѣніе о непремѣнномъ возвращеніи флота въ Россію, съ тѣмъ, чтобы передъ уходомъ отправить на Мальту, если она уже сдалась, бывшіе въ распоряженіи Ушакова сухопутные отряды.

Собранный адмираломъ военный совѣтъ, тщательно обсудивъ всѣ обстоятельства, постановилъ: для защиты Королевства Неаполитанскаго оставить въ Неаполѣ не вернувшійся еще оттуда отрядъ Сорокина (3 фрегата и транспортъ) и отправленный недавно сухопутный одесскій отрядъ; на Мальту, которая все еще геройски держалась, ничего

не посылать; всему флоту возвращаться въ Севастополь. Это рѣшеніе, продиктованное какъ Высочайшей волей, такъ и ненадежнымъ состояніемъ многихъ, износившихся въ морѣ, кораблей, трудностью продовольствія флота и пр., осталось неизмѣннымъ и послѣ новыхъ просьбъ короля Фердинанда, и 6-го іюля Ушаковъ съ флотомъ ушелъ изъ Корфу къ Дарданелламъ.

Трогательно было прощаніе адмирала и флота съ Республикой Семи Острововъ. Къ Ушакову являлись депутаціи отъ сената и народа, ему подносили адреса, присылали подарки — и все это съ самой искренней къ нему любовью, которая сквозила въ каждомъ словѣ, каждомъ жестѣ. Объ этомъ можно судить по тѣмъ подношеніямъ, которыя были сдѣланы адмиралу народомъ: отъ столицы Республики, Корфу, осыпанная бриллiантами золотая шпага съ надписью: «Корфу освободителю своему Ушакову»; отъ острова Кефалоніи золотая медаль съ портретомъ Ушакова, отъ Занте серебряный золоченый щитъ съ изображеніемъ островов и золотая шпага, отъ Итаки золотая медаль съ изображеніемъ Одиссея, и пр... Надписи на этихъ подношеніяхъ разными словами говорили объ одномъ и томъ же («благочестивый Федоръ Ушаковъ...», «побѣдителю нашему Ушакову», «мужественный освободитель Итаки», «островъ Занте приноситъ мужественному и храброму главному предводителю морскихъ силъ адмиралу Ушакову въ знакъ благодарности къ своему спасителю и побѣдителю, исторгшему сей островъ отъ беззаконнаго тиранскаго ига», и т. д.).

Ушаковъ — побѣдитель, избавитель, спаситель, освободитель, вотъ гласъ народа, призваннаго русскимъ адмираломъ къ новой жизни.

Но не одни Іоническіе острова искренно горевали при уходѣ русскаго флота. Горевали и тѣ области прибрежной Албаніи (христіанской), освобожденіе которыхъ отъ французовъ совершилось также при помощи Ушакова, и которыя, еще до ухода Ушакова, въ знакъ своего желанія всецѣло отдаться Россіи, украсились русскими флагами и своимъ самодержавнымъ Государемъ считали Императора Павла. Политика—нашъ союзъ съ Турціей—не позволила тогда исполнить ихъ желаніе, но искоренить въ сердцахъ этихъ албанцевъ приверженности къ Россіи не могла.

Съ сознаніемъ исполненнаго долга возвращался Ушаковъ въ Россію. 31-го августа флотъ сталъ на якорь у Константинополя, а 10-го сентября торжественно прошелъ мимо султанскаго дворца къ Буюкдере, гдѣ простоялъ почти мѣсяцъ, пока велись окончательные переговоры объ установленіи русско-турецкаго протектората надъ Республикой Семи Острововъ и происходилъ торжественный размѣнъ ратификацій.

Ушаковъ и весь флотъ были достойнымъ образомъ встрѣчены султаномъ, приславшимъ адмиралу челенгъ (украшенное бриллiантомъ перо на шляпу) и подарившимъ ему 6 турецкихъ пушекъ, которыя были даны на нашу эскадру еще на пути изъ Дарданеллъ къ Цериго, соболью шубу и пр.

12-го октября Ушаковъ вышелъ въ Черное море, а 26-го его побѣдоносный флотъ вошелъ, наконецъ, на реідъ Севастополя.

Свыше двухъ лѣтъ не видалъ Севастополь родныхъ для него кораблей Ушакова, и это время — первые годы союза Россіи съ Турціей — въ самомъ Черномъ морѣ ничѣмъ особеннымъ не отмѣчены. Но флотъ Черноморскій, его лучшіе корабли, его лучшіе адмиралы, офицеры и команды свое отсуствіе изъ Севастополя отмѣтили подвигами, совершенными въ другомъ морѣ, — свободные пути къ которому уже въ послѣдующее царствованіе были — какъ, впрочемъ, остаются и теперь — заказаны.

Нѣтъ основанія считать результаты Ушаковской кампаніи умаленными оттого, что освобожденное, напримѣръ, имъ Неаполитанское королевство снова ожидало вторженія французовъ: въ такомъ случаѣ пришлось бы свести на нѣтъ и походы Суворова, всѣ плоды побѣдъ котораго, по уходѣ его съ арміей изъ сѣверной Италіи, были совершенно уничтожены французами.

Но это было бы и невѣрно.

Ушакову, начавшему борьбу съ французами задолго до появленія въ Италіи Суворова и ушедшему съ флотомъ въ Россію, значительно позже, чѣмъ Суворовъ съ арміей, эта продолжительная кампанія дала право на признательность со стороны Россіи не только за подвиги, которыми восхищался Суворовъ, но и за тѣ выгоды, которыя Россіи доставилъ Ушаковъ и которыхъ, при всемъ желаніи, не могъ въ этой войнѣ дать ей Суворовъ.

Медаль, поднесенная Ушакову населеніемъ острова Итака.

Краткій перечень Ушаковскихъ заслугъ заключаетъ въ себѣ: покореніе Іоническихъ острововъ, низверженіе Парѳенопейской республики и возстановленіе Неаполитанскаго королевства, низверженіе (Ушаковъ причина, Трубриджъ — поводъ) Римской республики, Анкона и Генуя, содѣйствіе Сардиніи, учрежденіе Республики Семи Острововъ, борьба съ терроромъ въ Аппеннинахъ... Этотъ перечень могъ бы быть по-

полненъ Египтомъ, Тунисомъ, Албаніей, Черногоріей («Впрочемъ, тѣмъ менѣе можете Вы теперь», писалъ Государь черногорскому митрополиту св. Петру Негошу въ 1799 г., «подвержены быть какой-либо опасности и потому еще, что флотъ Нашъ, обрѣтающійся нынѣ въ Средиземномъ морѣ... не оставитъ въ нуждѣ всякую дать Вамъ помощь...»), Дубровникомъ, Далмаціей.

Не Нельсонъ, а Ушаковъ далъ понять неаполитанцамъ, что они прежде всего итальянцы; и послѣдовавшая борьба за эту идею создала единую Италію. Не ломкою вѣковыхъ устоевъ, а чуткимъ проникновеніемъ въ народную душу привилъ Ушаковъ въ Республикѣ Семи Острововъ начала государственности.

Все это — свойства русской души, которыя Достоевскій считалъ исключительно ей присущими и называлъ ихъ «всечеловѣчностью» и «всемірною отзывчивостью».

Въ томъ, что Ушаковъ со своимъ флотомъ явился отъ имени Россіи дѣйствительнымъ факторомъ возрожденія потрясенныхъ великой революціей народовъ — его неотъемлемая заслуга.

Другая заслуга — болѣе ощутимая: созданіе на Іоническихъ островахъ базы не только политическаго вліянія Россіи, но и базы военной, русскаго аванпоста въ Европѣ и на Ближнемъ Востокѣ. Оставленные открытыми проливы (опять заслуга Ушакова, умѣвшаго ладить и съ щепетильностью Турціи) обезпечивали вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего юга быстрое развитіе торговли.

Суворовъ явился въ Италію блестящимъ метеоромъ. Ушелъ Суворовъ — и погасъ ослѣпительный свѣтъ. Отъ его побѣдъ Россіи ничего не досталось.

Ушаковъ также сверкнулъ и ушелъ... И не одинъ еще годъ послѣ того на цвѣтущихъ островахъ Средиземнаго моря на чуждомъ для насъ

языкѣ молились о здравіи «Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего» — «республиканцы», если ихъ такъ можно назвать, «отъ Россіи» — греки Іоническихъ острововъ.

Только флотъ, другими словами, далъ осязательные выгоды Россіи въ эту войну.

---

7. Ушаковъ

Потомокъ Редѣди, князя Косожской орды, угловатый, вѣчно розовый, не знавшій ни одного языка, кромѣ русскаго, въ присутствіи женщины прыгавшій отъ смущенія на одной ногѣ, безумно храбрый, обладатель благороднѣйшаго сердца, въ обращеніи грубоватый — вотъ образъ Ушакова, котораго излишне называть адмираломъ, какъ излишне пояснять, говоря о Суворовѣ и Скобелевѣ — «генералъ», о Пушкинѣ — «камеръ-юнкеръ», и т. д. Великіе мастера своего дѣла въ этихъ разъясненіяхъ не нуждаются.

Такимъ же мастеромъ въ морскомъ искусствѣ, въ вопросахъ морской тактики, стратегіи и политики былъ Ушаковъ.

Много общаго связываетъ его съ Суворовымъ, сердечно его любившимъ.

Какъ Суворовъ, такъ и Ушаковъ — герои турецкой екатерининской войны. Оба они — герои первой войны съ Франціей, оба — создатели школы, изъ которой вышли Кутузовъ и Сенявинъ.

Оба — непобѣдимы; Ушаковъ и въ указѣ объ его отставкѣ именуется кратко «побѣдителемъ». Оба — творцы въ своемъ искусствѣ, оба — великіе мастера войны, и оба же, въ довершеніе сходства — имѣли много чудачествъ.

«Великій Петръ нашъ живъ!» — вскричалъ Суворовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Ушаковымъ Корфу: «Что Онъ, по разбитіи въ 1714 году Шведскаго флота при Аландскихъ островахъ, произнесъ, а именно: Природа произвела Россію только одну: она соперницы не имѣетъ,— то и теперь мы видимъ. Ура! Русскому флоту!—Генрихъ IV написалъ знаменитому Криллону: Повѣсься, храбрый Криллонъ; мы побѣдили при Аркѣ, а тебя тамъ не было. Я теперь говорю самому себѣ: Зачѣмъ не былъ я при Корфу, хотя мичманомъ?»

Узнавъ о взятіи Неаполя десантомъ съ эскадры Ушакова, Суворовъ воскликнулъ: «Итакъ, вотъ и другая Парѳенопейская республика исчезла съ лица земли, и она лежитъ теперь во гробѣ съ сиреною Парѳенопеею, въ честь которой получила сіе названіе. Гдѣ же то древо вольности, которое французы обѣщали водрузить на пламенномъ Везувіи? О, хвастунишки!..»

И Суворовъ же распалился гнѣвомъ, когда кто-то изъ нѣмцевъ на вопросъ его о здоровьи Ушакова отвѣтилъ: «Ахъ, да! Господинъ адмиралъ фонъ-Ушаковъ здоровъ».

Суворовъ вспылилъ: «Возьми къ себѣ свое фонъ; раздавай, кому хочешь; а побѣдителя турецкаго флота на Черномъ морѣ, потрясшаго Дарданеллы и покорившаго Корфу, называй Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ!»

Близость и сходство, которыми прославившіе Россію и раздвинувшіе ея границы великіе полководецъ и флотоводецъ были между собою связаны при жизни, требуютъ, чтобы благодарные потомки и нынѣ не раздѣляли ихъ другъ отъ друга.

8. Блокада береговъ Голландіи

Какъ было уже сказано, весною 1798 года, еще до отправленія Ушакова изъ Чернаго въ Средиземное море, Императоръ Павелъ отправилъ двѣ эскадры (вице-адмираловъ Макарова и Тета, изъ Балтійскаго и Бѣлаго морей) для крейсерства совмѣстно съ англійскимъ флотомъ у береговъ Голландіи и Франціи.

Этотъ шагъ явился слѣдствіемъ соглашенія, заключеннаго съ Англіей для совмѣстнаго выступленія противъ революціонной Франціи. Англія серьезно считалась съ опасностью, возникшею для нея со времени занятія Голландіи Франціей, обратившей ее въ Батавскую республику; эта опасность грозила съ моря: батавскій — бывшій голландскій — флотъ, если по своей силѣ и численности не могъ считаться соперникомъ англійскому, то былъ достаточенъ для того, чтобы Франція, при благопріятныхъ условіяхъ, использовала его для высадки своихъ войскъ на берега Англіи.

Частью батавскаго флота Англіи удалось овладѣть осенью 1797 года (въ сраженіи при Кампердоунѣ); оставшійся батавскій флотъ укрылся у острова Текселя и въ другихъ портахъ, и для участія въ блокадѣ этого флота и были призваны эскадры Макарова (5 линейныхъ кораблей, 1 фрегатъ и 1 катеръ) и Тета (5 кораблей и 2 фрегата) и, позднѣе, контръ-адмирала Карцова (5 кораблей и 1 фрегатъ; изъ числа кораблей одинъ потерпѣлъ крушеніе у береговъ Норвегіи и потонулъ, экипажъ же былъ во-время спасенъ и размѣщенъ на другія суда).

Осенью 1798 года общій составъ нашихъ морскихъ силъ, посланныхъ къ берегамъ Голландіи, опредѣлялся, такимъ образомъ, въ 14 кораблей, 4 фрегата и 1 катеръ — съ экипажемъ въ 10.556 человѣкъ и 1.180 пушками. Эскадра Карцова пришла изъ Россіи въ ноябрѣ прямо въ Англію, гдѣ въ это время (въ Ярмутѣ и Норѣ) находились Макаровъ и Тетъ, пришедшіе съ эскадрами на зимовку послѣ блокады Текселя, которую они совмѣстно съ англійской эскадрой адмирала Дункана держали лѣтомъ и осенью.

Въ этомъ, 1798, году англичане не принимали рѣшительныхъ дѣйствій противъ батавскаго флота: ихъ очень безпокоили французскія по-

кушенія на Ирландію, и они предпочитали не связывать свой флотъ операціями у береговъ.

За время зимовки въ Англіи нашъ флотъ, состоявшій подъ главнымъ командованіемъ вице-адмирала Макарова, чинился въ англійскихъ адмиралтействахъ.

Весною 1799 года наши силы нѣсколько уменьшились: эскадра Карцова была отправлена въ Средиземное море къ Ушакову, а 2 корабля и 1 фрегатъ, оказавшіеся непригодными къ продолженію кампаніи, возвращены въ Кронштадтъ. Съ весны же Макаровъ и Тетъ снова обратились къ блокадѣ батавскаго флота: Макаровъ съ Дунканомъ у Текселя, Тетъ — у Гелевутслейса (въ устьяхъ р. Мааса).

Въ это время Англія готовилась и къ сухопутной кампаніи — къ высадкѣ войскъ въ Батавской республикѣ для изгнанія оттуда французовъ и возстановленія власти низложеннаго штатгальтера, принца Оранскаго. Поддержка, которую Англіи должна была оказать Россія, выражалась въ доставленіи корпуса русскихъ войскъ, численностью въ 17.000 человѣкъ (англичане предполагали 30.000) для участія въ общихъ дѣйствіяхъ противъ французскихъ войскъ и республиканцевъ.

Назначенныя для экспедиціи въ Голландію наши войска были отправлены изъ Ревеля въ два пріема: на эскадрѣ контръ-адмирала Чичагова (5 кор., 4 фрегата и 2 транспорта) и, позднѣе, на спеціально присланной за ними англійской эскадрѣ капитана 1-го ранга Ферриса (9 кор., 7 фрег., 4 трансп. и люгеръ).

Но еще до прибытія нашихъ войскъ англичане высадили въ Голландіи свой первый немногочисленный отрядъ, при содѣйствіи десанта съ нашей эскадры овладѣли укрѣпленіями у Гельдера и, совмѣстно съ нашими судами, — батавскимъ флотомъ у Текселя.

Обстоятельства, которыми сопровождался этотъ успѣхъ союзниковъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ началѣ августа дивизія англійскихъ войскъ въ 12.600 человѣкъ подъ командою генерала Аберкромби подходила на транспортахъ, конвоируемыхъ эскадрою Митчеля, къ острову Текселю. Разыгравшійся на морѣ штормъ не только разметалъ всѣ суда этого отряда, но заставилъ адмираловъ лорда Дункана и Макарова снять блокаду Текселя и уйти въ море.

Въ морѣ же произошло соединеніе всѣхъ трехъ эскадръ, общее командованіе которыми принялъ Дунканъ, повелѣвшій весь флотъ съ транспортами къ Текселю.

Прибывъ сюда 10-го августа, Дунканъ отправилъ адмиралу батавскаго флота, Сторей, и комендаиту крѣпости Гельдеръ письменныя предложенія о сдачѣ. Для понужденія непріятеля къ желаемому отвѣту Дунканъ распорядился сдѣлать всѣ приготовленія къ атакѣ и высадкѣ, предполагая начать ихъ на слѣдующій день. Но утромъ 11-го августа опять заревѣлъ штормъ, заставившій союзныя эскадры снова отойти къ Текселю. Парламентеры, вернувшіеся отъ непріятеля, доставили Дункану отказъ на предложенія о сдачѣ, и адмиралу теперь оставалось только начать военныя дѣйствія.

15-го августа, когда штормъ и волненіе улеглись, союзные флоты подошли къ Гельдеру и обложили его въ нѣсколько линій. Въ первой линіи были бомбардирскія и мелководныя суда, во второй фрегаты и шлюпы, въ третьей — транспорты и гребныя суда; линейные корабли раздѣлились: одна часть (Митчель и Макаровъ) на лѣвомъ флангѣ наблюдала за батавскимъ флотомъ, другая (Дунканъ и Тетъ) охраняла высадку съ праваго фланга.

Высадка у Гельдера началась съ разсвѣтомъ 16 августа; англичане высадили около 7.000 сухопутныхъ войскъ, вице-адмиралъ Тетъ — 850 человѣкъ нашего корабельнаго десанта. Кровопролитное и упорное сраженіе, поддержанное со стороны союзниковъ открытіемъ съ флота огня по гельдерскимъ укрѣпленіямъ, продолжалось до самаго вечера, когда батавскія войска очистили, наконецъ, Гельдеръ, оставивъ тамъ заклепанными 100 орудій. Потеря непріятеля за этотъ день — до 1.500 человѣкъ, тогда какъ у союзниковъ не болѣе 450.

Со взятіемъ гельдерскихъ укрѣпленій союзникамъ значительно облегчились дѣйствія противъ батавскаго флота. Въ тотъ же день англичане заняли портъ Ниве-Диппъ, гдѣ нашли верфь съ 2-мя кораблями и 9-ю фрегатами. 17-го числа высадились и остальныя 5.000 англійскихъ войскъ.

Главной цѣлью, которую теперь преслѣдовали англичане, было овладѣніе батавскимъ флотомъ, стоявшимъ у Текселя въ числѣ 8-ми кораблей и 3-хъ фрегатовъ. 19-го августа 11 союзныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 4 корвета, подъ начальствомъ Митчеля и Тета, вошли на Тексельскій рейдъ и стали противъ батавскаго флота. На англійскихъ и русскихъ судахъ еще съ 15-го числа развѣвались, рядомъ съ національными, штатгальтерскіе флаги, въ знакъ того, что дѣйствія союзниковъ направлены не противъ народа голландскаго, какъ таковаго, а противъ республиканцевъ и французовъ.

Еще раньше, при посылкѣ парламентеровъ къ батавскому адмиралу относительно сдачи, англичане успѣли распространить прокламаціи принца Оранскаго и Дункана, призывавшія къ возстановленію власти штатгальтера.

Прокламаціи сдѣлали свое дѣло. Среди командъ батавскихъ кораблей вспыхнуло движеніе въ пользу штатгальтера, перешедшее въ открытое возмущеніе. Всѣ усилія адмирала Сторей и нѣкоторыхъ офицеровъ вернуть команды къ повиновенію оказались тщетными. Матросы

заявили, что не будутъ драться противъ союзниковъ, разрядили пушки и выбросили въ море всѣ снаряды.

При такихъ условіяхъ батавскому адмиралу ничего не оставалось дѣлать, какъ заявить, что онъ, идя противъ своей воли, принужденъ сдать флотъ.

Союзники отправили своихъ офицеровъ и команды на сдавшіяся суда. Нами (корабль *Ретвизанъ* и *Мстиславъ*) были взяты 2 батавскихъ корабля, въ томъ числѣ *Вашингтонъ*, флагманскій корабль адмирала Сторей. Оба корабля были великодушно уступлены Государемъ союзнику, королю Георгу, при чемъ *Вашингтонъ* былъ доставленъ въ Англію *Ретвизаномъ*, а флагъ и вымпелъ съ другого батавскаго корабля, по повелѣнію Государя, были доставлены въ Петербургъ и помѣщены въ Петропавловской крѣпости.

Между прочимъ, командиръ *Ретвизана*, 24-лѣтній капитанъ 2-го ранга Грейгъ, былъ тогда же награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени (орденъ св. Георгія въ это царствованіе не давался никому), а черезъ 3 мѣсяца по вступленіи на престолъ Императора Александра I адмиралъ гр. Кушелевъ писалъ Грейгу: «Государь Императоръ Высочайше указать мнѣ соизволилъ, за взятіе вами при атакѣ и сдачѣ голландскаго у Гельдерской крѣпости флота въ 1799 году корабля *Вашингтонъ*, объявить вамъ Монаршее Его Величества благоволеніе, предоставляя вамъ право, такъ какъ отъ командовавшаго тогда Россійскою эскадрою представленія о семъ не было, просить о награжденіи васъ за дѣло сіе въ капитулъ ордена св. Великомученика Георгія, когда оный откроетъ свои засѣданія въ Петербургѣ»; по рѣшенію кавалерской думы Грейгъ въ 1802 году былъ удостоенъ ордена св. Георгія 4 степени.

Главнокомандующій нашими морскими силами адмиралъ Макаровъ получилъ отъ англійскихъ адмираловъ письма съ изъявленіемъ признательности за оказанное содѣйствіе, а отъ британскаго адмиралтейства особое постановленіе:

«Лорды, члены Адмиралтействъ-Коллегіи, симъ изъявляютъ, что Е. В. Король Великобританскій и вся нація весьма уважаютъ усердіе и ревность всѣхъ находившихся въ бывшую благоуспѣшную экспедицію морскихъ чиновъ, и съ совершенною признательностью чувствуютъ, какую сильную помощь при этомъ случаѣ оказали Ваше Превосходительство, равно какъ и вице-адмиралъ Тетъ, всѣ капитаны, офицеры, матросы и солдаты, бывшіе на корабляхъ Е. И. В. Государя Россійскаго. Почему и просятъ Васъ объ этомъ объявить всѣмъ Вашимъ подчиненнымъ».

Завладѣвъ батавскимъ флотомъ, Англія, въ сущности, добилась наиболѣе важной для себя цѣли: лишила Францію самой сильной на морѣ изъ ея союзницъ. Предстояли еще дѣйствія въ Голландіи на сушѣ, но они для Англіи уже не представляли особаго интереса. Тѣмъ меньшій интересъ представляла Голландія для нашихъ войскъ, прибывшихъ къ Тексслю уже послѣ сдачи батавскаго флота (эскадра

Чичагова заходила въ Ярмутъ и прибыла къ Текселю 3-го сентября, эскадра Ферпса — 31-го августа).

Общее командованіе англо-русскими войсками принялъ на себя герцогъ Іоркскій, сынъ короля Георга.

Еще раньше, когда Суворовъ, принципіальный противникъ десантныхъ операцій, узналъ о готовящейся высадкѣ англо-русскихъ войскъ въ Голландіи, онъ воскликнулъ:

«Господи! Да не буду я пророкомъ!..»

Но именно Суворовъ и оказался пророкомъ: дѣйствія въ Голландіи англійскихъ и нашихъ войскъ, встрѣтившихъ серьезный отпоръ со стороны французовъ и республиканцевъ, закончилось весьма неудачно: потерпѣвъ пораженія въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, потерявъ при этомъ убитыми, ранеными и плѣнными (въ числѣ попавшихъ въ плѣнъ и командующій нашими войсками генералъ-лейтенантъ Германъ, произведенный за это время въ генералъ-отъ-инфантеріи) около 10.000 человѣкъ, союзники, имѣвшіе, кромѣ того, множество больныхъ, были вынуждены очистить Голландію, и уже 13-го октября началась посадка войскъ на англійскія и русскія суда. Эскадра Чичагова, поступившая подъ начальство контръ-адмирала Бреера (Чичаговъ находился съ особымъ порученіемъ въ Англіи), совсѣмъ приготовившаяся къ возвращенію въ Россію, приняла наши войска и доставила ихъ въ Англію; на эскадрѣ слѣдовалъ и генералъ Германъ, освобожденный непріятелемъ, какъ и всѣ плѣнные, въ обмѣнъ на захваченныхъ англичанами французовъ и батавцевъ.

Возвращеніе нашихъ войскъ, зимовавшихъ въ Англіи на островахъ Гернзе и Жеризе, состоялось въ слѣдующемъ 1800 году, когда, съ іюля по сентябрь, уходили въ Россію наши эскадры (осенью 1799 года къ Макарову присоединилась отправленная изъ Архипелага эскадра вице-адмирала Баратынскаго изъ 2-хъ кораблей и 2-хъ фрегатовъ; третій корабль, сильно поврежденный, остался зимовать въ Норвегіи. Плаваніе Баратынскаго было очень бѣдственнымъ — въ океанѣ во время шторма 4 судна потеряли всѣ мачты и бушприты).

Печальный для нашихъ войскъ конецъ Голландской экспедиціи глубоко огорчилъ Императора Павла. Щедро наградивъ чиновъ флота, Государь почти не далъ наградъ сухопутнымъ войскамъ.

Флотъ же нашъ при блокадѣ береговъ Голландіи удачно выполнилъ цѣль, съ которою былъ посланъ — оказаніе содѣйствія Англіи. Успѣхъ флота у береговъ Голландіи, какъ при тяжелой блокадѣ Текселя въ условіяхъ бурной погоды, такъ и въ атакѣ крѣпости Гельдеръ, произведенной судами и десантомъ, по справедливости заслужили признательность Государя.

Послѣ этого можно сказать, что русскій флотъ, подъ высшимъ командованіемъ адмираловъ Ушакова и Макарова, съ гордостью пронесъ въ эту войну свой Андреевскій флагъ по морямъ, омывающимъ Европу, и изъ его многочисленныхъ и разнообразныхъ боевыхъ дѣлъ не было ни одного, не озареннаго славой.

Въ тѣ же осенніе мѣсяцы 1800 года, когда русскій флотъ возвращался изъ Средиземнаго и Нѣмецкаго морей къ своимъ портамъ, назрѣвалъ окончательный разрывъ между союзниками. Если раньше особенное недовольство Императора Павла вызывала Австрія, то въ послѣднее время все чаще и чаще двуличную роль въ отношеніи къ Россіи принимала на себя Англія. Къ общимъ причинамъ недовольства Государя поведеніемъ Лондонскаго кабинета (главнымъ образомъ, неуваженіе правъ нейтральнаго флага) прибавились неблаговидный поступокъ Англіи съ Мальтой, присвоившей ее себѣ вмѣсто отдачи, согласно договора, ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, и пренебреженіе, выказанное англійскимъ правительствомъ къ нашимъ сухопутнымъ войскамъ во время невольной зимовки ихъ въ Англіи послѣ пораженій въ Голландіи. Такое же недовольство Англіей назрѣвало и въ другихъ сѣверныхъ странахъ. Само собою сложилось соглашеніе Россіи, Пруссіи, Швеціи и Даніи для защиты интересовъ нейтральныхъ судовъ. Мѣры, принятыя ими въ этомъ направленіи (наложеніе амбарго на англійскія суда въ русскихъ портахъ и пр.) вызвали настолько рѣзкое противодѣйствіе Англіи, что — какъ это часто бываетъ въ политикѣ — объявленіе ею войны Россіи было только вопросомъ времени.

Считаясь съ опасностью единоборства съ Англіей, Императоръ Павелъ охотно пошелъ на сближеніе съ Бонапартомъ, тогда только-что избраннымъ Первымъ Консуломъ. Это событіе во внутренней жизни Франціи сразу же создало для сближенія благопріятную почву: русскій Императоръ считалъ для себя болѣе удобнымъ договариваться съ опредѣлившимся уже Наполеономъ, чѣмъ съ безличною и неустойчивой Директоріей.

Въ ожиданіи появленія въ русскихъ водахъ англичанъ, наши флотъ и войска дѣятельно, еще съ осени 1800 года, готовились къ оборонѣ. Государь двинулъ казачій отрядъ на Индію, Наполеонъ готовился оказать намъ всякую поддержку.

Такъ запутывался узелъ политическихъ событій, разрубить который Императору Павлу уже не пришлось. 11-го марта 1801 года Государя не стало: нашлись люди, совершившіе тягчайшее изъ убійствъ. Не во флотѣ, озарившемъ царствованіе своего Генералъ-Адмирала ничѣмъ не омраченной славой, нашлись эти люди. И линейный корабль *Императоръ Павелъ I*, сильнѣйшій изъ русскихъ кораблей, нынѣ, 1912 года, бороздящихъ волны Балтійскаго моря — одно изъ доказательствъ близости, въ которой навсегда остался къ флоту Государь-рыцарь, Государь-мученикъ.

IV. Каспійская флотилія. Бомбардировка Баку.

Кончина Императрицы Екатерины II остановила военныя дѣйствія противъ Персіи, предпринятыя Россіей какъ возмездіе за нападеніе Ага-Магометъ-Хана въ 1795 году на Грузію, находившуюся подъ нашимъ покровительствомъ. Ко времени вступленія на престолъ Императора Павла отрядомъ графа Зубова уже были взяты Дербентъ и Баку, и всѣ приморскія области западнаго берега Каспія (до Гиляни) покорились Россіи.

Причинъ, по которымъ Государь пріостановилъ военныя дѣйствія, можно назвать нѣсколько: удовлетвореніе достигнутыми результатами, соотвѣтствіе объявленной миролюбивой политикѣ и, быть можетъ, отрицательное отношеніе къ мысли, которую приписывали Императрицѣ — созданія въ предѣлахъ Персіи и послѣднихъ областей Азіатской Турціи сильнаго Грузино-Армянскаго царства.

Отозвавъ свои войска въ Россію, Государь не заключилъ, однако, съ Персіей никакого договора (причина — постоянная смута въ странѣ и быстрая смѣна ея властителей), и отношенія съ ней за все время царствованія Павла такъ и оставались неопредѣленными и довольно натянутыми.

Это неблагопріятно отозвалось на нашей торговлѣ, и въ защитѣ ея интересовъ, а также охранѣ нашихъ купеческихъ судовъ, и выразилось въ эти годы дѣятельностью нашей каспійской флотиліи, постоянно крейсеровавшей у береговъ Персіи.

На сколько твердо отстаивались эти интересы и на сколько энергично дѣйствовала въ нужныхъ случаяхъ флотилія, показываетъ фактъ бомбардировки Баку, имѣвшей мѣсто въ 1800 году.

Въ концѣ 1799 года Бакинскій ханъ Гуссейнъ-Кулы позволилъ себѣ притѣснять торгующихъ въ Баку нашихъ купцовъ. По Высочайшему повелѣнію отъ него (въ январѣ 1800 года) были потребованы мѣры къ огражденію полной безопасности купцовъ и удовлетвореніе за обиды.

Во исполненіе Высочайшей воли, капитанъ-лейтенантъ Мочаковъ, командующій отрядомъ военныхъ судовъ при персидскихъ берегахъ, выслалъ 2-го февраля къ Баку фрегатъ *№ 1*, предписавъ командиру его, капитанъ-лейтенанту Пелидову, подойти на картечный выстрѣлъ къ городу и прикрыть наши купеческія суда, которымъ также, въ обезопасеніе отъ береговыхъ персидскихъ батарей, было приказано отойти съ рейда къ фрегату. Эти распоряженія были вызваны желаніемъ дать хану понять, что въ случаѣ упорства съ его стороны ему придется считаться съ русскими пушками.

Бакинскій ханъ, однако, медлилъ съ исполненіемъ потребованнаго у него удовлетворенія, и этимъ принудилъ Мочакова къ открытію военныхъ дѣйствій. Для бомбардировки были назначены бомбардирскій

корабль *Кизляръ* (Мочаковъ) и фрегатъ *№ 1*. Было условлено, что огонь откроетъ *Кизляръ*, и если изъ Баку будутъ на него отвѣчать, то немедленно начнетъ бомбардировку и фрегатъ.

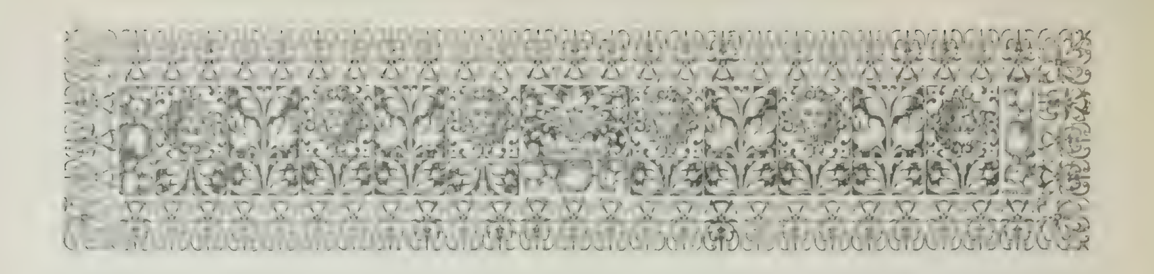
Послѣ первыхъ выстрѣловъ, въ 10 часовъ утра 6-го февраля, съ *Кизляра* было замѣчено, что «Бакинскіе жители скопились на городскихъ стѣнахъ близъ пушекъ, чтобы дѣлать противленіе», почему открылъ огонь и фрегатъ. Изъ города не отвѣчали, и Мочаковъ, «въ ожиданіи высылки пардона», временно прекратилъ бомбардировку, но, не видя «пардона», снова началъ ее и продолжалъ до 4 часовъ, когда опять прекратилъ «въ томъ разсужденіи, что не страхъ ли удерживаетъ хана выслать съ прошеніемъ пардона?» Разсужденіе оказалось вѣрнымъ: черезъ часъ на корабль явились двое старшинъ съ повинной отъ имени хана и съ сообщеніемъ о его готовности дать полное удовлетвореніе по всѣмъ требованіямъ.

Черезъ нѣсколько дней нашъ консулъ, какъ донесилъ Мочаковъ Государю, извѣстилъ его «обо всѣхъ тѣхъ выгоднѣйшихъ для Россійскаго купечества въ торговлѣ со стороны Бакинскаго города вліяніяхъ, каковыя теперь сдѣлало открытіе противъ его военныхъ дѣйствій изъ побѣдоносныхъ Вашего Императорскаго Величества орудій и съ какимъ стыдомъ принужденъ былъ ханъ признать свою вину въ упрямствѣ удовлетворить справедливыми требованіями...»

Это воздѣйствіе на хана было скрѣплено еще особымъ заключеннымъ съ нимъ договоромъ, въ которомъ русскіе купцы ограждались на будущее время отъ какихъ-либо притѣсненій. Удовлетвореніе же, данное ханомъ Гуссейномъ по дѣлу, вызвавшему бомбардировку, выразилось въ принесенныхъ имъ извиненіяхъ, полномъ вознагражденіи потерпѣвшихъ убытки нашихъ купцовъ, отрѣшеніи отъ должностей нѣсколькихъ видныхъ его совѣтниковъ и строгомъ наказаніи другихъ виновниковъ.

Такъ въ царствованіе Императора Павла корабельныя пушки вступались за обиженныхъ русскихъ людей.

Флотъ въ царствованіе Императора Александра I.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ**.

I. Состояніе флота.

Если итоги, подводимые въ концѣ каждаго долгаго царствованія, относительно состоянія какой-либо части государственнаго организма, почти всегда говорятъ о достигнутомъ въ этой части прогрессѣ, то четверть-вѣковое царствованіе Императора Александра I, по тому состоянію, въ которое къ 1825 году былъ приведенъ русскій флотъ, является особенно рѣзкимъ шагомъ назадъ.

Исторія русскаго флота знаетъ и до этого нѣсколько тусклыхъ страницъ — эпоху ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, которымъ просто было не по плечу ни развить, ни даже сохранить на прежней высотѣ дѣло, созданное геніемъ Петра. Но и эта эпоха не носитъ въ себѣ того отпечатка, который во всемъ, что касалось флота, лежитъ на царствованіи Александра I. Этотъ отпечатокъ, въ послѣдовательности его проявленій — сомнѣніе въ значеніи флота и его необходимости для Россіи, приниженіе морской идеи, подчеркнутое пренебреженіе къ флоту и ничѣмъ не оправдываемая неблагодарность къ его историческимъ, оказаннымъ въ это же царствованіе, заслугамъ передъ Россіей.

Все это исходило отъ Государя; всему давало тонъ его личное отношеніе. Только теперь, въ самое послѣднее время, съ появленіемъ въ свѣтъ цѣлаго ряда новыхъ историческихъ трудовъ, выясняющихъ загадочный обликъ императора Александра, явилась возможность яснѣе разобраться и въ причинахъ его явнаго нерасположенія къ флоту.

Причины эти лежатъ, главнымъ образомъ, въ самой личности Императора Александра, въ его человѣческихъ слабостяхъ. Какъ эти слабости отразились на флотѣ, и почему именно отразились — объ этомъ будетъ сказано ниже.

Здѣсь же, передъ краткимъ обзоромъ состоянія флота за это долгое царствованіе, умѣстно сопоставить наслѣдіе, полученное Государемъ отъ своего отца, — многочисленный флотъ съ прошедшими суровую морскую и боевую школу адмиралами, офицерами и командами, флотъ, прославленный множествомъ подвиговъ — съ тѣмъ отзывомъ,

который одинъ изъ современниковъ даетъ о русскомъ флотѣ въ 1824 году:

«Если бы хитрое и вѣроломное начальство, пользуясь невниманіемъ къ благу отечества и слабостью правительства, хотѣло по внушеніямъ и домогательству внѣшнихъ враговъ Россіи, для собственной своей корысти, довести разными путями и средствами флотъ нашъ до возможнаго ничтожества, то и тогда не могло бы оно поставить его въ положеніе болѣе презрительное и болѣе безсильное, въ какомъ онъ нынѣ находится. Если гнилые, худо и бѣдно вооруженные и еще хуже и бѣднѣе того снабженные корабли, престарѣлые, хворые, безъ познаній и присутствія духа на морѣ флотовожди, неопытные капитаны и офицеры и пахари, подъ именемъ матросовъ, въ корабельные экипажи сформированные, могутъ составить флотъ, то мы его имѣемъ».

Къ этому надо добавить, что приведеніе флота къ такому состоянію совершилось не сразу, и что прежде, чѣмъ оказаться въ «презрительномъ» и «безсильномъ» положеніи, флотъ, какъ бы расходуя всю свою живую силу, накопленную въ царствованія Екатерины Великой и Павла, особенно ярко проявилъ себя въ тяжелые для Россіи 1805—7 годы, послѣ чего и — какъ это ни странно — вслѣдствіе чего и начались для него безпросвѣтные годы упадка.

Императоръ Александръ I флота не любилъ, не понималъ, судилъ о немъ, какъ онъ самъ же выразился, «какъ слѣпой о краскахъ» — и, въ общемъ итогѣ, его долгое царствованіе по справедливости должно считаться самой мрачной эпохой въ исторіи русскаго флота. Адріатика, Дарданеллы, Афонъ — это ослѣпительныя вспышки посреди этого мрака; но тѣмъ темнѣе стало послѣ нихъ, тѣмъ горшею оказалась незаслуженная участь русскаго флота.

Особенный Комитетъ. Произведенная въ 1802 году государственная реформа — замѣна коллегіальнаго управленія отдѣльныхъ вѣдомствъ единоличнымъ,—приведшая къ образованію, въ числѣ прочихъ, и «Министерства военныхъ морскихъ силъ», вызвала къ жизни и отдѣльное временное учрежденіе, Особенный Комитетъ, на который было возложено проведеніе насущнѣйшихъ реформъ во флотѣ. Нѣкоторыя частности въ самомъ образованіи этого Комитета дали тогда же понять, что новый Государь относится къ флоту совсѣмъ иначе, чѣмъ его почившій отецъ.

Высочайшій наказъ, данный Комитету, заканчивается словами:

«А дабы дать убѣдительное доказательство истиннаго Нашего желанія объ успѣшномъ преобразованіи сея части (флота), и сколь охотно всѣми способами къ тому спомоществовать желаемъ, Мы повелѣваемъ оному Комитету непосредственно относиться къ Намъ о всѣхъ мѣрахъ, каковыя токмо нужнымъ почтено будетъ принять ко извлеченію флота изъ настоящаго мнимаго его существованія и ко приведенію онаго въ подлинное бытіе».

Только горечью могли отозваться въ сердцахъ моряковъ эти слова. На какую бы высоту Императоръ Александръ ни собирался поднять флотъ въ будущемъ, онъ долженъ былъ считаться съ заслугами и флота «настоящаго», и называть его существованіе «мнимымъ» сейчасъ же послѣ того, какъ флотъ своей непрерывной службой на далекихъ отъ Россіи моряхъ во многомъ упрочилъ положеніе Россіи, значило не признать за нимъ неоспоримаго права на благодарность. Что флотъ нуждался въ реформахъ, что многія отрасли морского управленія также требовали преобразованій — это было естественно; но не «мнимая же величина» исторгла отъ французовъ Іоническіе острова, перекраивала карту Италіи, заслужила признательность Императора Павла за службу въ сѣверныхъ водахъ Европы. Еще рѣзче отношеніе Императора Александра къ флоту сказалось въ назначеніи председателемъ Комитета, составленнаго изъ адмираловъ: Фондезина, Мордвинова, Балле, Макарова, вице-адмирала Карцова, капитанъ-адмирала Чичагова и капитана 1-го ранга Грейга — графа А. В. Воронцова, который къ этой роли не подходилъ не потому, что былъ совершенно чуждый флоту дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, а потому, что являлся убѣжденнымъ противникомъ морской идеи, и отрицалъ необходимость для Россіи сильнаго флота.

Труды Комитета, при такихъ условіяхъ, не обѣщали дать флоту особенно цѣнные плоды. Самый Наказъ Комитету, хотя и ставилъ ему задачей произвести полную реформу всего флота и морского управленія, свидѣтельствуетъ о неясномъ для самого Государя представленіи о морской силѣ. Такъ, напримѣръ, 1-й пунктъ Наказа предлагаетъ Комитету произвести «подробное изслѣдованіе всѣхъ причинъ, особенное вліяніе имѣющихъ на опредѣленіе величины и силы флота нашего; главнѣйшія изъ оныхъ зависятъ отъ способовъ, коими государство наше болѣе или менѣе изобилуетъ первоначальными веществами, въ составленіе флота входящими, какъ-то: различнаго рода лѣсами, желѣзомъ, мѣдью, пенькою и проч...». 2-й же пунктъ указываетъ, что «величина и сила флота нашего должна быть соразмѣрена морскимъ силамъ сосѣднихъ державъ и соотвѣтствовать принятымъ съ союзниками нашими обязательствамъ...» Такимъ образомъ, по Наказу, величина и сила флота зависятъ отъ наличія «... пеньки и мѣди...» и государственной необходимости, при чемъ именно на первое обращалось предпочтительное вниманіе Комитета.

Свою дѣятельность Комитетъ началъ съ учрежденія во всѣхъ портахъ *Контрольныхъ Экспедицій*, созданныхъ съ цѣлью установленія отвѣтственности въ производствѣ дѣлъ и въ предупрежденіе злоупотребленій. Экспедиціи не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и къ концу царствованія, въ связи съ общимъ захирѣніемъ флота, выродились не только въ безполезный, но и вредный органъ, который самъ служилъ очагомъ взяточничества и всякихъ злоупотребленій.

Высшему управленію морскимъ вѣдомствомъ Комитетъ далъ новую организацію, вызванную къ жизни образованіемъ министерства

Схема этой организаціи представляется въ томъ видѣ, что черезъ «*Департаментъ министра военныхъ морскихъ силъ*» министръ осуществлялъ свою власть надъ «*Адмиралтействъ-коллегіей*» и «*Адмиралтейскимъ Департаментомъ*». Соотвѣтственно двумъ послѣднимъ учрежденіямъ «Департаментъ Министра» состоялъ изъ двухъ экспедицій; кромѣ того, при томъ же Департаментѣ состояли «Военно-походная по флоту канцелярія» (дѣла личнаго состава флота) и «Генеральный кригерехтъ» (судная часть).

«Адмиралтествъ-коллегія», въ свою очередь, состоявшая изъ 5 экспедицій — Хозяйственной, Исполнительной, Артиллерійской, Казначейской и Счетной — распоряжалась дѣйствіями флота, вѣдала его содержаніемъ, комплектованіемъ, снабженіемъ и вооруженіемъ, а также постройкой судовъ.

«Адмиралтейскій Департаментъ» состоялъ изъ частей ученой (учебныя заведенія, гидрографія, библіотеки, музеи, морская литература и пр.) и строительной (обслуживающіе флотъ фабрики и заводы, постройка зданій для морского вѣдомства и надзоръ за ними).

Наибольшее касательство собственно къ флоту имѣла, такимъ образомъ, «Адмиралтействъ-Коллегія» (черноморскій флотъ былъ на особомъ положеніи: главный командиръ черноморскаго флота и портовъ осуществлялъ въ своемъ лицѣ власть, распространявшуюся на кругъ дѣятельности «Адмиралтействъ-Коллегіи» и «Адмиралтейскаго Департамента», и состоялъ въ непосредственномъ подчиненіи министру). «Адмиралтействъ-Коллегію» составляли отъ 4 до 6 флагмановъ, изъ которыхъ 2 ежегодно выбывали, дабы не навсегда ихъ отвлечь отъ флотской службы.

Членами «Адмиралтейскаго Департамента» состояли директоръ морскихъ и гидрографическихъ работъ, артиллеристъ, чиновникъ «искусный въ словесныхъ наукахъ», чиновникъ, «искусный въ физикѣ и математикѣ», а необязательными членами — профессора и ученые, извѣстные своими трудами въ наукахъ, имѣющихъ отношеніе къ морскому дѣлу. Какъ въ «Адмиралтействъ-Коллегіи», такъ и въ Адмиралтейскомъ Департаментѣ» предсѣдательствовалъ министръ.

«Департаментъ министра» являлся въ сущности передаточной инстанціей, ведшей личную переписку министра и сношенія съ другими министерствами, заготовлявшей всеподданнѣйшіе доклады и записки въ Комитетъ Министровъ, Государственный Совѣтъ и Сенатъ.

Выяснявшіеся на практикѣ недостатки приведенной организаціи повели къ частичнымъ ея измѣненіямъ (въ 1810 году, напримѣръ, нѣкоторыя функціи Хозяйственной экспедиціи переданы въ Исполнительную и Артиллерійскую; въ 1812 году остроительная часть перешла изъ вѣдѣнія «Адмиралтейскаго Департамента» въ «Адмиралтействъ-Коллегію», въ Хозяйственную и Исполнительную экспедиціи), но въ общемъ она продержалась все царствованіе Императора Александра. Въ 1815 году «Министерство военныхъ морскихъ силъ» было переименовано въ «Морское Министерство»; въ 1821 году временно учреждена

новая должность Начальника Штаба Его Императорскаго Величества по морской части, но занимавшій ее адмиралъ фонъ-Моллеръ одновременно исполнялъ и обязанности министра.

Къ 1825 году вся эта организація, по свидѣтельству современника, представляла собою «безтолковое и перепутанное образованіе всѣхъ частей, главное управленіе морскихъ силъ составляющихъ», и причина такого состоянія — общаго характера: полнѣйшая заброшенность флота, подчеркнутое къ нему невниманіе.

Кромѣ этой, наиболѣе крупной, реформы морского управленія, Особенный Комитетъ поставилъ на новыхъ основаніяхъ военное судостроеніе, упорядочилъ дѣло снабженія флота мореходными инструментами, преобразовалъ морскую медицинскую часть, основалъ особый «Паноптическій институтъ», имѣвшій задачей давать основательно подготовленныхъ мастеровъ по всѣмъ спеціальнымъ потребностямъ флота (институтъ, не вполнѣ оправдавшій возлагавшихся на него надеждъ, уничтоженъ пожаромъ въ 1818 г.), и проч.

Но и эти реформы Комитета не были жизненными и къ концу царствованія сами собой выродились въ рутину.

Штаты флота, также выработанные Комитетомъ и Высочайше утвержденные въ 1803 году, исходили, какъ было указано въ Наказѣ, изъ соображеній о морской силѣ сосѣднихъ державъ, при чемъ составъ Балтійскаго флота долженъ былъ равняться датскому и шведскому флотамъ, вмѣстѣ взятымъ, а Черноморскаго — флоту турецкому. Новые штаты устанавливали для Балтійскаго флота 27 линейныхъ кораблей, 26 фрегатовъ и 189 судовъ гребного флота, для Черноморскаго 21 линейный корабль, 8 фрегатовъ и 140 судовъ гребного флота. Политическія событія вскорѣ же потребовали пересмотра штатовъ, но они до конца царствованія остались безъ измѣненія и, конечно, только на бумагѣ.

Морской бюджетъ въ это царствованіе былъ весьма неустойчивъ. Выражаясь для 1803 года цифрой въ 8,7 милліоновъ рублей, онъ къ 1809 постепенно поднялся до 23,7, затѣмъ до 1819 колебался въ предѣлахъ отъ 16,8 до 23, въ 1821 достигъ наибольшей цифры 27,2, и въ 1825 г. составлялъ 24 милліона рублей. 1806—1807 гг., время наиболѣе оживленной боевой дѣятельности флота, при сравнительно небольшой абсолютной годовой цифрѣ бюджета, 14—17 милліоновъ, даютъ наибольшій для всего XIX столѣтія, вплоть до 1900 года, процентъ въ отношеніи къ общему бюджету государства, именно 11 и 12%.

Порты и верфи. Дѣятельность Особеннаго Комитета распространилась и на устройство портовъ, и Комитетъ прежде всего взялъ на себя задачу опредѣлить, по возможности, значеніе каждаго порта въ отдѣльности.

Главнымъ портомъ для Балтійскаго корабельнаго флота былъ намѣченъ, и совершенно правильно, Ревель, въ которомъ предполагалось оборудовать портъ по образцу Тулона. Однако, работы по исправленію

старой гавани и сооруженію новой (въ расчетѣ на 27 линейныхъ кораблей), далеко не отвѣчавшія намѣченной цѣли, велись очень медленно и закончились только въ 1820 году, а предполагавшееся значеніе Ревеля, какъ главнаго военнаго порта, такъ и осталось за Кронштадтомъ.

Петербургъ и Кронштадтъ, по мысли Комитета, являлись центромъ Балтійскаго судостроенія, но только Петербургъ выполнялъ эту роль. Кронштадтскій же портъ за все царствованіе выстроилъ всего 1 корабль. Петербургъ въ 1810 г. обогатился великолѣпнымъ зданіемъ Адмиралтейства, постройка (вѣрнѣе, передѣлка) котораго, по размѣрамъ и занимаемому имъ мѣсту вполнѣ отвѣчающаго плану Петра Великаго, началась въ 1806 г. Въ этомъ зданіи, являющемся классическимъ образцомъ русскаго ампира, увѣнчанномъ воспѣтой Пушкинымъ «адмиралтейской иглой» и доставившемъ своему строителю, Захарову, славу русскаго архитектурнаго генія, тогда же размѣстились всѣ центральныя учрежденія министерства.

Надзоръ за портами петербургскимъ, кронштадтскимъ и ревельскимъ былъ возложенъ на особый, учрежденный въ 1802 году, органъ— «Комитетъ для поправленія портовъ», имѣвшій въ этихъ портахъ особыя экспедиціи, слѣдившія за состояніемъ портовъ и возведеніемъ въ нихъ новыхъ построекъ; дѣятельность «Комитета» распространялась и на другіе порты Балтійскаго моря. Балтійскій портъ былъ признанъ неудобнымъ по «своему уединенному положенію», и какъ имѣвшій открытый рейдъ. Главнымъ портомъ Балтійскаго гребного флота служилъ попрежнему Роченсальмъ, соотвѣтственно для этого оборудованный; съ 1808 года, по овладѣніи Свеаборгомъ, учрежденъ и Свеаборгскій портъ — мѣсто стоянки для судовъ и корабельнаго, и гребного флотовъ, но оборудованіе этого порта было весьма недостаточнымъ. Иногда мелкія суда оставались на зимовку и въ другихъ балтійскихъ портахъ — Або (послѣ шведской войны), Ригѣ и рѣже въ Выборгѣ, Либавѣ и даже Улеаборгѣ.

Нѣсколько новыхъ построекъ было возведено въ Архангельскѣ, главномъ порту Бѣлаго моря, въ которомъ предполагалось развить преимущественно коммерческую дѣятельность; значеніе же Архангельска, какъ военнаго порта, опредѣлялось намѣченною ему судостроительной дѣятельностью. Отдаленность Архангельска отъ Петербурга и вытекавшая отсюда трудность для высшаго начальства вести дѣйствительный контроль за дѣятельностью этого порта создали изъ него одинъ изъ непригляднѣйшихъ очаговъ портовыхъ злоупотребленій.

Черноморскіе порты, которыхъ почти не коснулась дѣятельность Особеннаго Комитета, посвятившаго свои труды устройству портовъ Балтійскихъ, до назначенія въ 1816 году главнымъ командиромъ Черноморскаго флота адмирала Грейга, содержались въ крайне запущенномъ видѣ. До этого времени, именно въ 1812 г. (по Бухарестскому миру), въ Черномъ морѣ прибавился еще одинъ портъ, Измаилъ—база для гребной флотиліи. Только съ 1816 года началось приведеніе портовъ въ по-

рядокъ; въ этомъ же году былъ упраздненъ какъ излишній, слишкомъ удаленный отъ флота, Таганрогскій портъ въ Азовскомъ морѣ. Севастополь, къ которому еще съ 1804 года перешло отъ Николаева значеніе главнаго военнаго порта, долженъ былъ, по плану Грейга, быть вполнѣ надежно защищенъ съ моря, но только часть проектовъ адмирала была приведена въ исполненіе, остальное осталось на бумагѣ. Николаевъ къ концу царствованія сдѣлался главной судостроительной базой, и Херсонъ окончательно потерялъ свое значеніе; этому способствовало, главнымъ образомъ, углубленіе, при помощи паровой землечерпательной машины, фарватеровъ Ингульскаго и Очаковскаго, что сразу дало Николаеву громадное преимущество передъ мелководнымъ Херсономъ.

Въ главныхъ портахъ, Севастополѣ и Николаевѣ, Грейгомъ было очень много сдѣлано для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ флота: въ Николаевѣ построены 3 корабельныхъ и 1 мортоновъ элинга, обсерваторія, архивъ, казармы, водопроводъ, морское собраніе, въ Севастополѣ — морскія батареи, казармы, офицерская библіотека и пр. Дѣятельность Грейга особенно выгодно отличала черноморскіе порты отъ балтійскихъ къ концу царствованія, быть можетъ потому, что Черноморскій флотъ, хотя и на немъ отразилось приниженіе морской идеи, сохранялъ еще свою относительную независимость отъ высшаго петербургскаго морского начальства.

Въ Средиземномъ морѣ, со времени отправленія въ Корфу нашихъ морскихъ силъ въ 1804 г. и до сдачи Іоническихъ острововъ въ 1807 году, производились работы по устройству русскаго адмиралтейства на островѣ Корфу, при чемъ задачей адмиралтейству ставилась не только починка кораблей, но и построеніе новыхъ небольшихъ судовъ, а также килеваніе судовъ, перемѣна на нихъ мачтъ, и пр. Нужные для адмиралтейства матеріалы требовались изъ Черноморскихъ портовъ.

Въ Астрахани, военномъ портѣ Каспійскаго моря, за все царствованіе такъ и не было сдѣлано никакихъ улучшеній: послѣ долголѣтней волокиты только въ 1824 году былъ рѣшенъ вопросъ о перенесеніи въ этотъ портъ судостроенія изъ Казани, и въ Астрахани было приступлено къ работамъ по устройству адмиралтейства.

Для обслуживанія казенныхъ судовъ, плавающихъ по другому нашему озеру-морю, Байкалу, существовало небольшое адмиралтейство въ Иркутскѣ; со стараго своего мѣста, оказавшагося въ чертѣ города, оно было перенесено на болѣе удобное — внѣ города, за рѣку Ушаковку. Въ Тихомъ океанѣ окончательно потерялъ свое значеніе Охотскъ, и военнымъ портомъ съ 1812 г. былъ избранъ Петропавловскъ на Камчаткѣ.

Дѣятельность верфей въ указанныхъ портахъ за все время царствованія Императора Александра I выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ (относительно крупныхъ судовъ): въ Петербургѣ построено 26 линейныхъ кораблей и 33 фрегата, въ Кронштадтѣ 1 корабль, въ Архангельскѣ 26 кораблей и 15 фрегатовъ, въ Херсонѣ 16 кораблей и 8 фрегатовъ,

въ Николаевѣ 7 кораблей и 3 фрегата, въ Севастополѣ 1 фрегатъ, въ Казани 11 судовъ для Каспійскаго моря, и въ Астрахани одно.

Къ этому же царствованію относится и появленіе въ нашемъ флотѣ первыхъ судовъ съ паровымъ двигателемъ: въ 1817 году на Ижорскомъ заводѣ построенъ пароходъ *Скорый*, и въ 1825 г. тамъ *же—Проворный;* въ Николаевѣ были построены пароходы *Везувій* въ 1820, и *Метеоръ* въ 1825 годахъ. Появленіе пароходовъ въ военномъ флотѣ нѣсколько опоздало: пароходное сообщеніе между Петербургомъ и Кронштадтомъ существовало задолго до 1817 года. Что паровымъ судамъ у насъ и тогда, и много позднѣе, не придавали особеннаго боевого значенія, это краснорѣчиво доказала впослѣдствіи Крымская война.

Судостроеніе. Успѣхи въ судостроеніи, достигнутые еще въ царствованіе Императора Павла, продолжали развиваться и при его преемникѣ, и самымъ цѣннымъ свидѣтельствомъ въ этомъ смыслѣ является признаніе Англичанъ въ 1813 году, когда нашъ флотъ находился въ Англіи, о превосходныхъ качествахъ нашихъ кораблей и фрегатовъ. Надъ упорядоченіемъ судостроенія достаточно потрудился Особенный Комитетъ, но его дѣятельность въ этомъ направленіи ограничивалась реформой административной части, успѣхи же въ техникѣ — дѣло, главнымъ образомъ, иностранныхъ корабельныхъ инженеровъ, поступившихъ на русскую службу еще въ предыдущія царствованія, и ихъ талантливыхъ русскихъ учениковъ. Въ отличіе отъ петербургскихъ, суда архангельской постройки страдали хроническимъ недостаткомъ — строились изъ сырого лѣса; кромѣ того, они не обшивались мѣдью, что отзывалось значительнымъ уменьшеніемъ скорости хода. Со второй половины царствованія захирѣло и балтійское судостроеніе, но поднялось, по случайной причинѣ (личное участіе адмирала Грейга), судостроеніе въ Николаевѣ. Грейгъ ввелъ въ судостроеніе новые для Чернаго моря принципы — употребленіе желѣзныхъ и мѣдныхъ крѣпленій, улучшеніе оконопачиванія судовъ, обязательную обшивку мѣдью, и пр. Адмиралъ самъ составлялъ чертежи кораблей, фрегатовъ и мелкихъ судовъ. Построенный, уже въ царствованіе Николая I, по чертежу Грейга, при чемъ онъ впервые примѣнилъ къ вычисленію подводной части параболическую систему — 100-пушечный линейный корабль *Варшава* своею 15-лѣтней службой (до этого корабли съ трудомъ выдерживали 5—6 лѣтъ) доказалъ высокую авторитетность адмирала въ кораблестроеніи.

Всего въ царствованіе Императора Александра I на нашихъ верфяхъ было построено 76 линейныхъ кораблей и 50 фрегатовъ, не считая судовъ меньшихъ ранговъ.

Учебная часть. «Колыбелью флота», морскимъ корпусомъ, почти все Александровское царствованіе (съ 1802 по 1824 г.) управлялъ адмиралъ Карцовъ. Въ первые годы значительно поднялось научное образованіе воспитанниковъ, но исключительно по морскимъ и математическимъ наукамъ. Въ этой области потрудились извѣстные морскіе педагоги Гамалѣя, Горковенко и др. Были составлены новые курсы

высшей математики, теоретической механики, сферической тригонометріи, астрономіи, кораблевожденія, навигаціи, вполнѣ отвѣчавшіе тогдашней высотѣ этихъ наукъ, и многіе изъ питомцевъ корпуса, извѣстныхъ впослѣдствіи своими научными трудами, получили образованіе именно въ этотъ періодъ.

Въ 1803 году 30 лучшихъ гардемаринъ, въ томъ числѣ и знаменитый впослѣдствіи М. П. Лазаревъ, были отправлены въ Англію, гдѣ они плавали на англійскихъ военныхъ судахъ. При уходѣ нашихъ эскадръ въ Средиземное море, въ первые годы царствованія, на нихъ было отправлено 50 гардемаринъ, и всѣ они въ этомъ званіи получили боевое крещеніе въ сраженіяхъ нашего флота

Въ 1812 году, по случаю войны съ Франціей, воспитанники корпуса частью были отпущены къ роднымъ, частью доставлены моремъ въ Свеаборгъ, откуда въ слѣдующемъ году возвращены въ Петербургъ.

Въ 1816 г. присоединили къ корпусу и перевели въ его зданіе училище корабельной архитектуры; въ 1817 г. комплектъ воспитанниковъ увеличенъ до 700 человѣкъ.

Съ 1811 года и на корпусъ, какъ и на весь флотъ, распространилось стремленіе придать морскому учрежденію организацію, близкую къ сухопутной. Началось это съ внѣшнихъ признаковъ: въ формѣ воспитанниковъ были уничтожены морскія шляпы и введены сухопутные кивера; введено обученіе фронтовой службѣ, появился суровый военный режимъ, наступило долгое царство розги. Эта перемѣна отозвалась и на научной постановкѣ корпуса, и къ концу царствованія, когда ослабѣлъ уже и Карцовъ, корпусъ во многомъ спустился съ прежней своей высоты.

Подъ конецъ царствованія Императора Александра I только въ далекомъ отъ Петербурга, Николаевѣ, благодаря дѣятельности Грейга, болѣе или менѣе процвѣтало морское образованіе: по примѣру учрежденныхъ при Императорѣ Павлѣ «Классовъ для флагмановъ, капитановъ и офицеровъ», адмиралъ организовалъ въ Николаевѣ чтеніе (для желающихъ) лекцій по корабельной архитектурѣ, теоріи кораблестроенія, высшей математикѣ, механикѣ, физикѣ, гидростатикѣ и гидродинамикѣ.

Адмиралы-министры. Короткое царствованіе Императора Павла было слишкомъ полно событіями боевой жизни флота: вся служба флота прошла на далекихъ моряхъ, на почетной стражѣ государевыхъ интересовъ. Значеніе лицъ, стоявшихъ въ это время во главѣ морского управленія, естественно стушевывалось: не они управляли флотомъ, а скорѣе флотъ, дѣйствовавшій на морѣ и всегда увѣренный въ милостивомъ отношеніи къ нему Государя, самъ диктовалъ имъ удовлетвореніе необходимыхъ для него нуждъ. При такихъ условіяхъ тотъ Григ. Кушелевъ (нарочно привожу рѣзкій, быть можетъ, несправедливый, о немъ отзывъ: «старикъ ума ограниченнаго, безъ познаній, безъ опытовъ, безъ честолюбія») не могъ, при отдаленности отъ него флота

и краткости времени, оставить особенно замѣтный слѣдъ своею дѣятельностью.

Царствованіе же Императора Александра I дало просторъ и для дѣятельности лицъ, стоявшихъ во главѣ морского вѣдомства.

Первымъ морскимъ министромъ былъ адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ (впослѣдствіи графъ), съ 1801 года состоявшій вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи: 8-го сентября 1802 года онъ былъ назначенъ на должность министра, 28-го декабря того же года уволенъ отъ нея. Говорить о дѣятельности Мордвинова, поэтому, не приходится, но обстоятельства назначенія и увольненія его должны быть отмѣчены. Мордвиновъ былъ назначенъ общимъ голосомъ флота, «по собраніи (молодымъ кружкомъ, окружавшимъ Государя) справокъ у опытныхъ моряковъ объ адмиралѣ Мордвиновѣ». Человѣкъ глубоко преданный морской идеѣ, «одинъ изъ дивныхъ исполиновъ Екатерины славныхъ дней», какъ его назвалъ поэтъ Рылѣевъ, «сіявшій доблестью, и славой, и наукой», по характеристикѣ Пушкина — Мордвиновъ не могъ работать съ Особеннымъ Комитетомъ, въ главѣ котораго стоялъ отрицатель флота графъ Воронцовъ, и подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности. Россія пріобрѣла въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ (въ 1806 г. состоялъ предводителемъ Московскаго ополченія, впослѣдствіи основалъ Московское общество сельскаго хозяйства, 17 лѣтъ подрядъ выбирался предсѣдателемъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, съ 1810 г. состоялъ въ высшихъ государственныхъ должностяхъ и пр.; скончался въ 1845 г.), флотъ лишился самаго подходящаго министра, «умнаго, съ обширными познаніями въ государственныхъ дѣлахъ и въ морскомъ искусствѣ свѣдущаго». Къ нему и впослѣдствіи обращался за совѣтами Государь, но Мордвиновъ, съ горечью видѣвшій, что флотъ приведенъ уже къ полному разстройству, «совѣтовалъ Его Величеству», какъ говоритъ сложившійся объ этомъ анекдотъ, «какъ сдѣлать, чтобы въ Крыму шли дожди и какъ обсушить сибирскія болота».

Преемникомъ Мордвинова на посту министра явился Павелъ Васильевичъ Чичаговъ. Его податливость «сухопутнымъ», если ихъ можно такъ назвать, тенденціямъ гр. Воронцова (самъ Чичаговъ, сынъ екатерининскаго адмирала, началъ службу въ гвардіи и въ чинѣ поручика перешелъ во флотъ), при положеніи, которое онъ занималъ въ Особенномъ Комитетѣ (докладчикъ Государю), была одной изъ причинъ рѣзкаго расхожденія съ нимъ и послѣдовавшаго ухода Мордвинова. Назначеніе Чичагова министромъ послѣдовало въ 1807 году; до того онъ управлялъ министерствомъ въ званіи товарища министра. Въ 1809 году управленіе министерствомъ, по болѣзни Чичагова, перешло къ маркизу де-Траверсе, утвержденному въ должности въ 1811 году. По своему характеру Чичаговъ во многомъ напоминаетъ Императора Александра. Это былъ человѣкъ очень даровитый, по характеру пылкій, неустойчивый въ своихъ взглядахъ, неспособный къ длительной творческой работѣ. Мѣткую характеристику Чичагову даетъ его современ-

никъ, В. М. Головнинъ: «избалованное дитя счастія, все зналъ по книгамъ и ничего по опытамъ, всѣмъ и всегда командовалъ и никогда ни у кого не былъ подъ начальствомъ... Самого себя считалъ способнымъ ко всему, а другихъ ни къ чему...» Человѣкъ французскаго воспитанія и убѣжденный англоманъ (былъ женатъ на дочери англійскаго морского офицера), Чичаговъ чувствовалъ, все-таки, по-русски, и если въ другихъ дѣлахъ онъ по честолюбію и поступался своими взглядами, то такой для всего флота ударъ, какъ Тильзитскій миръ, онъ принялъ съ рѣдкимъ достоинствомъ, хотя и не выдержалъ роли до конца, не оставилъ своей должности и вскорѣ же самъ сталъ покорнымъ исполнителемъ диктовавшихся ему требованій. Къ своимъ реформамъ, производившимся сначала съ рѣдкою энергіей, Чичаговъ вскорѣ охладѣлъ, быть можетъ, потому, что сознавалъ свое безсиліе передъ волей, которая была выше его.

«Щука» изъ крыловской басни, Чичаговъ почти постольку же былъ и «котомъ»: онъ попеременно служилъ въ арміи и во флотѣ, и не безраздѣльно, во всякомъ случаѣ, отдавалъ флоту свои помыслы; какъ и Государь, и онъ флота не любилъ и своими сомнѣніями въ необходимости для Россіи морской силы только подрывалъ значеніе занимавшейся имъ высокой должности — морского министра.

Замѣнившій Чичагова маркизъ Иванъ Ивановичъ де-Траверсе, а съ 1821 года его преемникъ Антонъ Васильевичъ фонъ-Моллеръ не многимъ, по результатамъ своей дѣятельности, отличались другъ отъ друга. Разница была только въ томъ, что у Моллера все-таки было желаніе, хотя и безсильное, нѣсколько поднять совсѣмъ къ тому времени захирѣвшій флотъ изъ приниженнаго положенія, у маркиза же де-Траверсе и этого желанія не было, и онъ, самъ не проводя ничего своего, угодливо слѣдовалъ указаніямъ свыше. Только Отечественная война заставила маркиза проявить относительно оживленную дѣятельность, послѣ чего онъ окончательно забросилъ флотъ. Французскій эмигрантъ, принятый на русскую службу въ 1791 году прямо въ превосходительномъ чинѣ, де-Траверсе «по праву иностранца пользовался особенною довѣренностью и уваженіемъ», но служилъ не Императору Россіи, какъ таковому, а именно Императору Александру, служилъ не идеѣ, а лицу. На своемъ высокомъ посту онъ не счелъ нужнымъ проявить мужество, раскрыть передъ Государемъ истинную природу и всѣ нужды морской силы, а покорно шелъ по теченію, приведшему флотъ въ тупикъ «Маркизовой лужи», изъ простора морей, на которыхъ такъ гордо развѣвался русскій флотъ, къ мутнымъ, мелкимъ и тѣснымъ водамъ Финскаго залива. Чѣмъ приниженнѣе становился флотъ, чѣмъ больше таялъ онъ въ численномъ своемъ составѣ, тѣмъ уютнѣе становилось въ обширныхъ помѣщеніяхъ Главнаго Адмиралтейства, тѣмъ глубже при Траверсе проникала во флотъ чуждая ему по духу фронтовистика, солдатская муштра. Дошло до того, что достоинства морского офицера стали опредѣляться его знаніями ружейныхъ пріемовъ, его твердостью во фрунтѣ. Это былъ уже признакъ конца, несомнѣнный признакъ насыщенія от-

равленнаго морского организма чуждымъ для него началомъ — чуждымъ потому, что оно прививалось въ явный ущербъ морской службѣ, — но маркизъ де-Траверсе едва ли и сознавалъ свою отвѣтственность: онъ служилъ Государю, а не дѣлу Государеву. Трудно, конечно, было идти противъ теченія, но то, что маркизъ де-Траверсе не послѣдовалъ примѣру Мордвинова, а цѣлыхъ 12 лѣтъ въ должности министра оставался равнодушнымъ зрителемъ разрушенія флота, заставляетъ и въ немъ признать одного изъ дѣятелей и пособниковъ этого разрушенія.

О министерской дѣятельности фонъ-Моллера, по своему прошлому опытнаго и свѣдующаго моряка, не стоитъ и распространяться: при Императорѣ Александрѣ и онъ былъ безсиленъ измѣнить что-либо къ лучшему.

Императоръ Александръ по вступленіи на престолъ изъявилъ желаніе извлечь флотъ изъ «мнимаго существованія» въ «подлинное бытіе».

Приведенный въ началѣ этого обзора отзывъ о состояніи флота при концѣ царствованія даетъ истинное представленіе объ этомъ «бытіи».

И безпристрастный историкъ долженъ признать, что въ личномъ отношеніи Государя къ флоту, за все его долгое царствованіе, такъ и не было «дней Александровыхъ прекраснаго начала».

II. Война съ Франціей 1805—07 гг.

1. Доставленіе сухопутныхъ войскъ въ Шведскую Померанію и Неаполь.

Немедленно же по вступленіи на престолъ Императоръ Александръ I рѣзко измѣнилъ направленіе внѣшней политики Россіи.

Первымъ его шагомъ было возстановленіе дружественныхъ отношеній съ Англіей. Британскій флотъ передъ этимъ только что сломилъ, хотя и не безъ труда, у Копенгагена сопротивленіе Даніи, одного изъ членовъ созданнаго Императоромъ Павломъ Сѣвернаго союза, а отдѣльная эскадра, подъ начальствомъ главнокомандующаго англійскимъ флотомъ адмирала Нельсона, въ концѣ апрѣля направилась къ русскимъ берегамъ. Въ письмѣ графу Палену Нельсонъ объяснялъ свое намѣреніе прибыть въ русскія воды желаніемъ выказать уваженіе къ Особѣ Его Величества Императора Александра. Но по приходѣ въ Ревель Нельсонъ засталъ тамъ не флотъ нашъ, за три дня до этого ушедшій въ Кронштадтъ, а адмирала Чичагова, прибывшаго къ нему съ извѣщеніемъ о желаніи Государя мирнымъ путемъ разрѣшить всѣ недоразумѣнія съ Англіей; отъ графа же Палена Нельсонъ получилъ письмо съ выраженіемъ крайняго удивленія по случаю прихода англійской эскадры и указаніемъ, что только послѣ немедленнаго оставленія Нельсономъ русскихъ водъ возможны какіе-либо переговоры съ Англіей.

Въ тотъ же вечеръ Нельсонъ снялся съ якоря, простоявъ въ Ре[?]вѣ всего 4 дня, и ушелъ обратно; Государь же повелѣлъ снять амбарго съ англійскихъ судовъ.

Этимъ шагомъ было предотвращено вооруженное столкновеніе съ Англіей, и переговоры, вскорѣ же начавшіеся въ Петербургѣ, закончились подписаніемъ 5-го іюня 1801 года особаго трактата между Англіей и Россіей, къ которому впослѣдствіи примкнули Данія и Швеція.

Нельзя сказать, чтобы трактатъ 5-го іюня былъ особенно выгоденъ для Россіи: онъ значительно суживалъ права нейтральныхъ судовъ, установленныя провозглашеннымъ Екатериной Великой вооруженнымъ нейтралитетомъ, и въ этомъ смыслѣ явился со стороны Государя молчаливымъ признаніемъ морской гегемоніи Англіи.

26-го сентября 1801 года послѣдовало заключеніе мирнаго договора и между Россіей и Франціей. Наиболѣе значительными его пунктами явились обязательства обѣихъ державъ совмѣстно дѣйствовать въ германскихъ дѣлахъ, и очищеніе французскими войсками Неаполитанскаго королевства.

Заключенный въ томъ же сентябрѣ и впослѣдствіи (15-го марта 1802 года) окончательно утвержденный въ Амьенѣ договоръ между Англіей и Франціей заключалъ въ себѣ, между прочимъ, признаніе русско-турецкаго протектората надъ республикой Семи Острововъ и обязательство со стороны Англіи о возвращеніи острова Мальты во владѣніе державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Цѣлый рядъ и другихъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ почти одновременно (Франціи съ Португаліей, Россіи съ Испаніей, Франціи съ Турціей), казалось, также обезпечивалъ Европѣ долгое и прочное спокойствіе.

Но Императоръ Александръ, объявившій себя горячимъ сторонникомъ мира, былъ вынужденъ черезъ 4 года нарушить его, какъ этого въ свое время не избѣгъ и его царственный отецъ, такъ же по вступленіи на престолъ возвѣстившій о своемъ стремленіи къ миру.

Причиною новой войны съ Франціей былъ тотъ же Наполеонъ. Неисполненіе имъ Амьенскаго договора уже въ 1803 году поставило Англію во враждебныя отношенія съ Франціей, а появленіе французскихъ войскъ въ германскихъ государствахъ, въ Голландіи, Швейцаріи и Сѣверной Италіи, заставило снова встревожиться всю Европу: теперь ей бросалъ вызовъ уже не первый консулъ французской республики Наполеонъ Бонапартъ, а Наполеонъ I, Императоръ французовъ. Императоръ Александръ этого титула за нимъ не призналъ, но съ воинствующимъ французскимъ империализмомъ и онъ не могъ не считаться.

Для Россіи опасность со стороны Наполеона грозила въ разныхъ мѣстахъ и непосредственнѣе всего на Іоническихъ островахъ — оплотѣ русскаго вліянія въ Италіи и на Ближнемъ Востокѣ.

Одинаковыя стремленія положить предѣлъ завоевательной политики Наполеона сплотили въ 1805 году Англію, Россію, Австрію и Швецію въ коалицію, объявившую Франціи войну.

Начавшаяся (по манифесту о выступленіи арміи за границу—1-го сентября) война ставила нашему флоту задачи на трехъ театрахъ; часть Балтійскаго флота должна была доставить наши войска изъ балтійскихъ портовъ въ Шведскую Померанію; морскія силы, находившіяся, вмѣстѣ съ судами Черноморскаго флота, въ Корфу, предназначались для охраны республики Семи Острововъ отъ покушеній французовъ; и, наконецъ, изъ этихъ же силъ часть должна была перевезти наши войска изъ Корфу въ Неаполь, для защиты, совмѣстно съ англичанами, отъ французовъ Неаполитанскаго королевства.

Доставленіе войскъ въ Шведскую Померанію (къ острову Рюгену) было возложено на эскадру адмирала Тета — 11 линейныхъ кораблей, 10 фрегатовъ и 8 мелкихъ судовъ и значительное число (100, по другимъ свѣдѣніямъ 140) наемныхъ транспортовъ. Въ половинѣ сентября въ Кронштадтѣ, Ревелѣ и Ригѣ началась посадка назначеннаго къ перевозкѣ корпуса гр. Толстого, всего до 19.000 человѣкъ, и эскадра отправилась по назначенію. Плаваніе къ Рюгену, сопровождавшееся штормами, было очень бѣдственнымъ: погибло около 30 транспортовъ, при чемъ утонуло болѣе 4.000 казаковъ, нѣсколько пушекъ, много провизіи и часть боевыхъ припасовъ; изъ военныхъ судовъ разбился у Рюгена катеръ *Диспачъ*. Высадивъ въ Стральзундѣ десантъ, Тетъ, согласно инструкціи, немедленно отправился обратно, при чемъ и въ это плаваніе эскадра сильно потерпѣла отъ непогоды.

Заданіе, такъ быстро, несмотря на всѣ трудности, исполненное флотомъ, оказалось, въ концѣ концовъ, излишнимъ, потому что разгромъ союзныхъ силъ подъ Аустерлицемъ рѣшилъ вопросъ и о назначеніи корпуса гр. Толстого: англичане и шведы, совмѣстно съ которыми долженъ былъ дѣйствовать нашъ корпусъ, послѣ Аустерлица не рискнули выступить противъ французовъ, и въ декабрѣ гр. Толстой, стоявшій съ корпусомъ вмѣстѣ съ англичанами на правомъ берегу Везера, получилъ отъ прусскаго короля приказаніе возвратиться въ Россію.

Въ Высочайшей инструкціи Тету, между прочимъ, было указано, что въ случаѣ, если бы «обнаружились доселѣ скрываемые замыслы Пруссіи начатіемъ непріязненныхъ противу насъ дѣйствій», то на эскадру возлагалась блокада Штетина, Кольберга, Пиллау, Мемеля и другихъ портовъ, занятіе на зимнее время Данцига, а, главнымъ образомъ, всяческое стѣсненіе прусской морской торговли. Но Пруссія враждебныхъ намѣреній не обнаружила, и эта часть инструкціи Тету такъ и осталась не выполненной.

Такимъ же безрезультатнымъ (и по той же причинѣ — Аустерлицъ) оказалось и военное предпріятіе, готовившееся для защиты Неаполитанскаго королевства. И здѣсь, какъ указано выше, флоту также предстояло выполнить только транспортную роль, что онъ съ своей стороны и сдѣлалъ.

Опасенія покушеній Наполеона на Іоническіе острова, занятіе которыхъ открывало бы ему возможность снова распространить свое вліяніе на Ближнемъ Востокѣ, заставили Россію еще въ началѣ 1804 года

озаботиться доставленіемъ надежной защиты Корфу. Союзъ съ Турціей позволялъ намъ доставлять войска на Іоническіе острова изъ Черноморскихъ портовъ, и изъ Чернаго моря въ Корфу стали прибывать отдѣльныя эскадры съ десантомъ: въ мартѣ 1804 г. эскадра капитана 1-го ранга Леонтовича (4 фрегата, 1 транспортъ), въ іюнѣ — Салтанова (2 линейныхъ корабля), въ іюлѣ — Белле (2 лин. корабля), Мессера (2 лин корабля) и Макшеева (1 кор., 1 фрегатъ); на этихъ эскадрахъ была доставлена цѣлая дивизія сухопутныхъ войскъ, находившихся подъ командой генералъ-маіора Анрепа. 5 кораблей и 2 фрегата въ томъ же 1804 г. вернулись въ Севастополь, остальныя суда остались въ Корфу подъ общимъ начальствомъ капитанъ-командора Сорокина— всего 2 корабля, 2 фрегата, 6 корветовъ и 4 брига.

Но и эти силы признавались, конечно, недостаточными, и изъ Балтики было отправлено новое подкрѣпленіе: эскадра капитанъ-командора Грейга, вышедшая изъ Кронштадта въ октябрѣ 1804 г. Въ январѣ 1805 г. эта эскадра (2 корабля и 2 фрегата) прибыла въ Корфу, и Грейгъ принялъ отъ Сорокина въ свое командованіе и его эскадру; общее же начальствованіе надъ всѣми русскими силами на Іоническихъ островахъ принадлежало генералу-отъ-инфантеріи Ласси.

Въ республикѣ Семи Острововъ снова водворилась, такимъ образомъ, русская сила, и наше господство было теперь безраздѣльнымъ: ни турецкаго флота, ни турецкихъ сухопутныхъ силъ на островахъ не было. Согласно договору о республикѣ Семи Острововъ Турція оставила въ своемъ вѣдѣніи (да и то черезъ полунезависимыхъ пашей), только принадлежавшую республикѣ часть албанскаго побережья, которая въ равной же степени находилась подъ покровительствомъ Россіи и защитой нашего флота; въ этихъ мѣстахъ нами сформировывались, для отправленія въ Корфу, особые албанскіе отряды.

По плану, принятомъ коалиціей на совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ въ іюлѣ 1805 года, на эскадру Грейга возлагалось доставить наши сухопутныя войска изъ Корфу въ Неаполь, откуда они, по соединеніи съ англійскими и неаполитанскими, подъ главнымъ командованіемъ генерала Ласси, должны были выступить для вытѣсненія французскихъ войскъ изъ южной Италіи и слѣдовать къ долинѣ рѣки По.

Принявъ на эскадру сухопутныя войска, Грейгъ въ ноябрѣ перешелъ изъ Корфу въ Неаполь, гдѣ прибытіе русскихъ силъ было встрѣчено искреннимъ восторгомъ всего населенія. Но едва только Ласси приготовился выступить въ походъ съ союзными войсками, какъ ему было послано Высочайшее повелѣніе о немедленномъ возвращеніи нашихъ силъ въ Россію и оставленіи въ Корфу только самаго необходимаго количества войскъ для защиты республики Семи Острововъ: Аустерлицъ въ одинъ день разстроилъ всѣ планы коалиціи, и Наполеону, послѣ пораженія нашей и австрійской арміи, ничего бы не стоило раздавить собранныя союзниками въ Неаполѣ войска, имѣвшія противъ себя армію Массены. Съ горечью смотрѣли неаполитанцы, какъ оставляли ихъ не успѣвшіе оказать имъ помощи русскіе полки (Сибир-

скій гренадерскій, Витебскій, Козловскій и Колыванскій мушкетерскіе, 13 и 14 Егерскіе, батальонъ Алексопольскаго и рота батарейной артиллеріи), но съ этимъ приходилось мириться. Эскадра Грейга приняла полки и въ половинѣ января 1806 г. доставила ихъ обратно въ Корфу, гдѣ главнокомандующій Ласси сталъ готовиться къ возвращенію нашихъ силъ въ Россію.

Какъ Тетъ, такъ и Грейгъ съ его эскадрой выполнилъ, такимъ образомъ, назначенную ему роль, но въ обоихъ случаяхъ Аустерлицъ сдѣлалъ эту роль напрасной.

Въ Корфу, гдѣ скорое возвращеніе изъ Неаполя переживалось съ чувствомъ затаенной обиды, настроеніе флота и войскъ было подавленное.

---

2. Прибытіе въ Корфу эскадры вице-адмирала Сенявина.

Черезъ нѣсколько дней, 18-го января 1806 года, громъ пушекъ съ эскадръ Грейга и Сорокина, съ крѣпости и судовъ разныхъ націй возвѣстилъ о прибытіи въ Корфу новой эскадры, вице-адмирала Сенявина, ушедшаго изъ Кронштадта съ 5 кораблями, 1 фрегатомъ и 2 бригами 25-го августа 1805 года, — какъ и Грейгъ, на усиленіе нашихъ силъ въ водахъ республики Семи Острововъ.

Взвились на судахъ Грейга и Сенявина красные флаги (Сенявинъ былъ вице-адмиралъ краснаго флага), потянулись къ адмиральскому кораблю шлюпки съ морскими и сухопутными начальниками, играла на немъ музыка, гремѣли литавры и барабаны.

Радостно былъ встрѣченъ въ Корфу Сенявинъ.

Составъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, общее командованіе которыми принялъ теперь Сенявинъ, былъ слѣдующій: линейные корабли *Уріилъ*, *Ярославъ*, *Св. Петръ*, *Москва*, *Селафаилъ*, фрегатъ *Кильдюинъ*. бриги *Аргусъ* и *Фениксъ* — сенявинскіе; линейные корабли *Елена*, *Параскева*, *Азія*, *Ретвизанъ*, *Михаилъ*, *Марія Магдалина*, фрегаты *Крѣпкій*, *Венусъ*, *Михаилъ*, *Автроилъ*, *Дерзкій*, *Арменій*, корветы *Діомидъ*, *Херсонъ*, *Версона*, *Алциное*, *Днѣпръ*, бриги *Орелъ*, *Александръ*, *Бонасорте*, *Летунъ* и *Богоявленскъ*, шхуна *Экспедиціонъ*, транспорты *Григорій* и *Павелъ* и 12 канонерскихъ лодокъ. Всего на флотѣ у Сенявина было свыше 8.000 человѣкъ экипажа и 1.154 пушекъ. Сухопутныя силы, численностью до 15.000 человѣкъ, состояли изъ уже перечисленныхъ выше полковъ, вернувшихся изъ Неаполя, и, кромѣ того, оставшихся въ Корфу Куринскаго мушкетерскаго полка и Албанскаго легіона.

Силы были достаточныя, но Высочайшее повелѣніе на имя Ласси говорило о возвращеніи нашихъ войскъ въ Россію.

Не имѣя, по своемъ приходѣ въ Корфу, никакихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на материкѣ, Сенявинъ прежде всего отправилъ фрегатъ *Венусъ* въ Рагузу (Дубровникъ), столицу Рагузинской республи-

ки — маленькаго адріатическаго славянскаго государства (большинство населенія — католики), высококультурнаго и богатаго, обладавшаго очень значительнымъ торговымъ флотомъ.

Въ Рагузѣ, гдѣ командиръ *Венуса* былъ торжественно встрѣченъ ректоромъ этой аристократической (по образцу Венеціи) республики, удалось узнать, что по заключенному между Австріей и Франціей послѣ Аустерлица Пресбургскому миру Венеція и Далмація отданы Наполеону, что французскими войсками уже занята вся Далмація и что ожидается дальнѣйшее ихъ движеніе къ югу.

Извѣщенный объ этомъ, а также о сношеніяхъ Наполеона съ Алипашою Янинскимъ, владѣнія котораго въ Албаніи приходились какъ разъ противъ Корфу, Сенявинъ тогда-же рѣшилъ однимъ ударомъ — занятіемъ Катаро — разрушить замыслы Наполеона. Но для этого ему были нужны войска; предстояло выдержать большую борьбу съ Ласси, имѣвшимъ Высочайшее повелѣніе о возвращеніи ихъ въ Россію.

Послѣ долгихъ убѣжденій и переписки Сенявинъ добился, наконецъ, своего: генералъ Ласси отправился въ Россію (въ Черное море) съ однимъ только гренадерскимъ полкомъ. Всѣ же остальныя сухопутныя силы Сенявинъ оставилъ при себѣ и на себя же бралъ отвѣтственность за этотъ смѣлый шагъ.

По отбытіи бывшаго главнокомандующаго, Сенявинъ, уже такъ ярко проявившій свою самостоятельность, сразу же поставилъ себѣ и самостоятельныя политическія и военныя задачи.

Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ служилъ Государю и Россіи не за страхъ, а за совѣсть.

Эта «совѣсть», при сознаніи всего значенія русской силы, собравшейся подъ его начальствомъ въ Корфу, при горечи, наполнявшей послѣ Аустерлица русское сердце Сенявина, и побудила адмирала самостоятельно искать приложенія этой силѣ съ единственной цѣлью: нанести возможно большій вредъ непріятелю, принести наибольшую пользу и славу Государю и Россіи. Твердо установивъ эти положенія, Сенявинъ и сталъ, прежде всего, «искать врага».

Высочайшая инструкція, имѣвшаяся у адмирала, ставила ему задачей только защиту Іонической республики и, въ случаѣ особой надобности, и турецкаго и греческаго побережій.

Въ твердомъ убѣжденіи избытка своихъ силъ, не расходовать которыхъ полностью значило, по мнѣнію адмирала, не наносить наибольшаго вреда непріятелю, Сенявинъ, кромѣ задачи, указанной ему инструкціей, избралъ себѣ и новую: не оборону, а наступленіе — и въ новомъ районѣ, инструкціей вовсе непредусмотрѣнномъ—у славянскихъ береговъ Адріатики.

Вотъ въ краткихъ чертахъ объясненіе положенія, которое по приходѣ своемъ въ Корфу занялъ Сенявинъ. Что же касается того, насколько намѣченный имъ планъ дѣйствій соотвѣтствовалъ тогдашней политической обстановкѣ, то надо признать, что это самостоятельное высту-

ленie Сенявина до сихъ поръ остается въ русской исторіи рѣдкимъ примѣромъ тонкаго, очень искуснаго политическаго шага.

Дѣйствительно, политическое положеніе было таково: по Пресбургскому миру Австрія отдала Наполеону не только Венецію и Далмацію, но вмѣстѣ съ Венеціей уступала и область Боко-ди-Катаро (иначе— Приморская или Бокезская область), нарушая тѣмъ права Бокезцевъ, которые сами только послѣ паденія Венеціи, въ 1797 году, перешли подъ покровительство Австріи на томъ же условіи, на которомъ до этого были подвластны Венеціи. Особымъ договоромъ было установлено, что Венеція, считая область Боко-ди-Катаро состоящей подъ своимъ покровительствомъ, не имѣетъ права уступать ее никакой другой державѣ; въ случаѣ же безсилія Венеціи отстоять для Боко-ди-Катаро это условіе, область получитъ полную отъ нея независимость и по своему выбору можетъ просить покровительства у всякой другой державы.

Уступивъ Наполеону послѣ Аустерлица Боко-ди-Катаро, австрійскій императоръ тѣмъ самымъ нарушилъ признанныя имъ же права этой области и, естественно, вызвалъ у бокезцевъ сильнѣйшее негодованіе и желаніе искать покровительства у родственной имъ Россіи, флотъ которой, какъ они знали, находился въ Корфу. Маленькая область (границы ея — съ сѣвера Рагуза и Герцеговина, съ востока Черногорія, съ запада и юга Адріатическое море и заливъ Боко-ди-Катаро), населенная православными сербами, почти не отдѣлявшая себя отъ Черногоріи, проявила рѣдкое единодушіе въ вопросѣ о своей судьбѣ. Не желая подчиняться Наполеону, войска котораго уже направлялись въ Боко-ди-Катаро, бокезцы должны были, прежде всего, справиться съ австрійскими гарнизонами, которые, занимая въ области всѣ 8 крѣпостей, только ждали прихода французовъ, чтобы передать имъ область. Негодованіе бокезцевъ противъ Австріи вызвало съ ея стороны всяческія притѣсненія, особенно усилившіяся послѣ того, какъ австрійцы узнали о приверженности бокезцевъ къ Россіи.

Эти притѣсненія привели, наконецъ, бокезцевъ къ открытому возстанію противъ Австріи. Въ церкви, послѣ богослуженія, одинъ изъ народныхъ вождей произнесъ рѣчь, въ которой, указавъ на предательство австрійскаго императора, призывалъ бокезцевъ отдаться подъ покровительство Россіи. «Мы стоимъ,—говорилъ онъ,—на краю гибели, бездна подъ ногами нашими. Отечество въ опасности, одна стезя остается намъ къ свободѣ: мечъ и храбрость ваша покажутъ вамъ ее». Всѣ бывшіе въ церкви дали клятву умереть или избавиться отъ ига; въ нѣсколько часовъ народъ вооружился, и возстаніе, во главѣ котораго встали графы Ивеличъ и Войновичъ, распространилось по всей области.

Началось съ того, что въ Катаро ударили въ набатъ и объявили австрійскому губернатору, что весь народъ до послѣдней капли крови готовъ защищать свою независимость.

Тогда же бокезцы рѣшили уже не отдаться только, какъ предполагалось раньше, подъ покровительство Россіи, а объявить область составною частью Россійской Имперіи и немедленно же дать присягу на вѣр-

ное подданство Императору Александру. Старѣйшины народа особой депутаціей сообщили объ этомъ Сенявину, другую же депутацію отправили къ вождю Черногорскаго народа, митрополиту Петру Негошу (св. Петръ Цетинскій, канонизованъ въ 1834 году). Петръ 15-го февраля созвалъ въ Цетинье черногорскихъ старѣйшинъ и, по единодушному ихъ постановленію признавъ, что и Черногорія состоитъ въ подданствѣ Императору Александру, рѣшилъ не только сражаться съ войсками Наполеона, но и прогнать предварительно австрійскія войска.

Эти обстоятельства и заставили Сенявина взять на свой страхъ и рискъ и оставленіе сухопутныхъ войскъ, и задуманное имъ выступленіе въ Катаро: первое противорѣчило Высочайшему повелѣнію на имя Ласси, на второе онъ не имѣлъ никакихъ полномочій. Что Сенявинъ при этомъ руководствовался исключительно высокою цѣлью — горячимъ желаніемъ принести славу и пользу Россіи, — это понятно.

Сенявинъ разсуждалъ такъ: Пресбургскій миръ далъ Наполеону Боко-ди-Катаро, которое съ этого момента и стало французскимъ; а такъ какъ Россія находится въ войнѣ съ Франціей, то ни съ австрійцами, какъ и ни съ кѣмъ другимъ, русскій адмиралъ не находитъ нужнымъ считаться въ своихъ дѣйствіяхъ противъ любой территоріи Франціи — въ томъ числѣ послѣ Пресбургскаго мира—и противъ Боко-ди-Катаро.

Въ этомъ сразу же сказался Сенявинъ. И, конечно, можно понять, почему прибытіе его съ эскадрой въ Корфу такъ подняло духъ подчиненныхъ ему флота и войскъ, такъ окрылило свѣтлой надеждой бокезцевъ и черногорцевъ.

---

3. Занятіе Боко-ди-Катаро. Дѣйствія у Далматскихъ островов. Ультиматумъ Сенявина австрійскимъ властямъ въ Тріестѣ. Сраженія подъ Рагузой. Независимость и твердость Сенявина. Сраженія подъ Кастель-Нуово. Дѣйствія противъ Далматскихъ острововъ и береговъ. Дѣйствія эскадры капитанъ-командора Баратынскаго въ 1807 году.

Первые наши выстрѣлы на морѣ въ эту войну раздались, однако, не сѣвернѣе, а южнѣе Корфу.

Въ началѣ февраля, узнавъ о захватѣ въ Превезѣ французскимъ корсаромъ нашего купеческаго судна, Сенявинъ отправилъ туда бригъ *Летунъ*, командиръ котораго, лейтенантъ Бутаковъ, заставилъ корсара отойти отъ нашего судна. На слѣдующій день, 9-го февраля, корсаръ, бывшій сильнѣе *Летуна*, напалъ на бригъ, но послѣ полуторачасового боя укрылся въ мелководье Превезскаго залива, а *Летунъ* съ освобожденнымъ судномъ благополучно вернулся въ Корфу.

Но не на югъ отъ Корфу были направлены помыслы Сенявина: его мысли были заняты Катаро.

16-го февраля въ Кастель-Нуово (въ Катарской бухтѣ) прибылъ, отправленный адмираломъ, изъ Корфу отрядъ изъ 3 судовъ Черноморскаго флота (корабль *Азія*, фрегатъ *Михаилъ* и шхуна *Экспедиціонъ*) подъ командою прославленнаго въ ушаковскую кампанію взятіемъ Не-

аполя капитанъ-командора Белле. Сенявинъ уполномочилъ Белле дѣйствовать по обстоятельствамъ, согласно извѣстнымъ ему планамъ адмирала.

Белле сейчасъ же вошелъ въ сношенія съ Петромъ Черногорскимъ, и 21-го февраля предъявилъ австрійскому губернатору маркизу де-Гизильери безпримѣрный по краткости указаннаго въ немъ срока ультиматумъ: сдать всѣ 8 крѣпостей въ 15 минутъ. Гизильери пытался ука-

Бухта Боко-ди-Катаро.

зать, что достоинство Австріи не позволяетъ ему сдать крѣпости безъ боя, и просилъ, чтобы съ русскаго корабля хоть разъ выстрѣлили изъ пушки: «тогда», заявилъ онъ, «я буду имѣть право донести своему Императору, что крѣпость пала во время боя».

Не считая возможнымъ для достоинства Россіи согласиться на такое предложеніе, Белле отвѣтилъ, что въ случаѣ упорства заговорятъ всѣ его пушки, — и маркизъ де-Гизильери уступилъ.

Немедленно же на 8 крѣпостяхъ взвились русскіе императорскіе флаги, австрійскіе гарнизоны были изгнаны и караулы во всѣхъ крѣпостяхъ заняты нашими матросами.

Такъ, безъ одного выстрѣла, по смѣлому выступленію адмирала Сенявина, осуществилось присоединеніе къ Россіи славянской области своими берегами и великолѣпной Катарской бухтой, выходящей въ далекое отъ насъ Адріатическое море.

Занятіе Катаро открывало нашему флоту широкую возможность использовать многочисленныя выгоды этой прекрасной базы для дѣйствій противъ французовъ. Если изъ далекаго сравнительно Корфу было затруднительно поддерживать русское господство въ Адріатикѣ, то флотъ, базирующійся на Катаро, свободно могъ пресѣчь морское сообщеніе французскихъ войскъ въ Далмаціи съ Италіей и Австріей.

При блокадѣ Далмаціи нашимъ флотомъ французскія войска уже не могли получать подкрѣпленія кратчайшимъ и скорымъ морскимъ путемъ, а только черезъ горы, по сквернымъ, трудно проходимымъ дорогамъ.

Для дѣйствій противъ непріятеля на сушѣ Сенявинъ съ занятіемъ Катаро получилъ до 15.000 бокезцевъ и черногорцевъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединились герцеговинцы. Вѣсть о принятіи бокезцами русскаго подданства дошла и до сербовъ, которые, подъ предводительствомъ знаменитаго Карагеоргія, также выразили желаніе соединиться съ нами для дѣйствій противъ французовъ.

Въ день изгнанія австрійскихъ гарнизоновъ — первый же день водворенія Россіи въ Адріатикѣ—митрополитъ Петръ со старѣйшинами прибылъ на корабль *Азія*, откуда вмѣстѣ съ Белле, офицерами и матросами вернулся на берегъ. Духовенство съ крестомъ, благословеніемъ, хлѣбомъ и солью, радостные крики восторженнаго народа: «да здравствуетъ Александръ!» — привѣтствовали русскихъ моряковъ. Послѣ молебна, отслуженнаго духовенствомъ у монастыря Савино передъ несмѣтной толпой, Петръ освятилъ крѣпостныя знамена и, передавая ихъ народнымъ вождямъ, говорилъ: «Свершилось желаніе ваше, храбрые славяне! Вы видите посреди васъ давно ожидаемыхъ вами по роду, вѣрѣ, храбрости и славѣ братій вашихъ. Могущественный Монархъ Россійскій пріемлетъ васъ въ число чадъ своихъ. О, да будетъ благословенъ Промыслъ Господа! Да будетъ памятенъ сей радостный и счастливый день... Но прежде, нежели вручу вамъ сіи священныя знамена, вы должны дать клятву защищать ихъ до послѣднихъ силъ». «Клянемся!»— отвѣчалъ народъ, потрясая обнаженными мечами въ знакъ вѣчной своей вѣрности русскому Государю. И здѣсь же, подъ открытымъ небомъ, народъ присягалъ своему Императору Александру Павловичу.

Возвращеніе Белле отъ монастыря къ городу представляло удивительно трогательную картину: морякамъ подъ ноги бросали цвѣты, цѣловали ихъ, обнимали, цѣловали даже края одежды, привѣтствовали самыми ласковыми словами; и наши, и бокезцы — тогда тоже «наши»—

отъ избытка чувствъ плакали... Эти же радостныя чувства проявлялись и болѣе цвѣтисто, и болѣе громогласно.

Гремѣли радостные крики народа: «Да здравъ буди Царь нашъ Бѣлой!.. Да вѣки проживетъ нашъ Александръ!» *Азія Михаилъ*, *Экспедиціонъ* и присоединившійся къ нимъ фрегатъ *Венусъ* и всѣ крѣпости салютовали по 101 выстрѣлу, и пушечная и ружейная пальба не смолкала до поздней ночи. Наши суда, какъ и всѣ купеческія, пестрѣли флагами; русскіе же флаги развѣвались на всѣхъ крѣпостяхъ, дома и шлюпки украсились андреевскими флагами.

Еще за трое сутокъ до этого памятнаго дня отрядъ Белле уже имѣлъ дѣло съ французами: ночью 17-го февраля 5 гребныхъ судовъ съ нашей эскадры, подъ прикрытіемъ шхуны *Экспедиціонъ*, атаковали у Кастель-Нуово французскую шебеку *Азардъ* и взяли ее на абордажъ.

На другой же день послѣ поднятія въ области русскихъ флаговъ Белле, для принужденія Рагузской республики къ нейтралитету, отправилъ для блокады Рагузы фрегатъ *Венусъ;* одновременно митрополитъ Петръ двинулъ къ Рагузѣ часть своихъ войскъ. Эта мѣра была не излишней: имѣлись свѣдѣнія, что сенатъ республики, которая была слишкомъ слаба, чтобы сама могла отстаивать нейтралитетъ, разрѣшилъ пропустить французовъ изъ Далмаціи черезъ земли республики и снабдить ихъ необходимыми припасами. Положеніе маленькаго государства, было, дѣйствительно, не изъ легкихъ: громкая слава наполеоновскихъ войскъ вызывала у нихъ больше довѣрія къ Наполеону, чѣмъ къ его еще невѣдомымъ врагамъ. Принятыя Белле и Петромъ мѣры возымѣли, однако, свое дѣйствіе: Рагуза пока держала нейтралитетъ.

Извѣщенный шхуной *Экспедиціонъ* о занятіи Боко-ди-Катаро, Сенявинъ немедленно отправилъ изъ Корфу на двухъ корабляхъ часть русскихъ войскъ подъ командой генералъ-маіора князя Вяземскаго, и 13-го марта на кораблѣ *Селафаилъ* прибылъ въ Кастель-Нуово и самъ, а оттуда на шлюпкѣ отправился въ Катаро. Пышная встрѣча ожидала русскаго адмирала, еще задолго до нарожденія у насъ славянофильства, положившаго начало братскому единенію двухъ родственныхъ народовъ: еще при прохожденіи его по бухтѣ народъ бѣжалъ по берегу, въ знакъ радости стрѣляли изъ ружей; на купеческихъ судахъ непрерывно салютовали изъ пушекъ. При входѣ на пристань адмиралъ былъ встрѣченъ духовенствомъ съ крестомъ и властями, поднесшими ему ключи города. Сенявинъ тутъ же объявилъ освобожденіе народа отъ всякихъ податей, и бокезцы поднесли ему благодарственный адресъ, а взамѣнъ сложенія податей предложили свою жизнь и имущество въ полное его распоряженіе; черезъ нѣсколько дней ими были снаряжены на свой счетъ и отданы въ распоряженіе Сенявина 30 судовъ, вооруженныхъ каждое отъ 8 до 20 пушекъ. Эти суда очень пригодились Россіи въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, когда, по условіямъ мѣстности въ Далматскихъ шхерахъ, именно они, какъ небольшія и мелкія, были особенно цѣнны.

Вѣрный своей цѣли — поражать французовъ тамъ, гдѣ только возможно, Сенявинъ рѣшилъ распространить дѣйствія и на Далмацію, занятую тогда, какъ онъ узналъ, всего 6-тысячнымъ французскимъ корпусомъ.

Адмиралъ отправилъ для этого Белле съ 3 кораблями, 2 фрегатами, 2 бригами и шхуной — блокировать занятое французами побережье и стараться овладѣть островами.

Изъ Рагузы въ это же время прибылъ къ Сенявину сенаторъ Сорго, имѣвшій полномочія передать русскому главнокомандующему о полной покорности сената и просить о покровительствѣ республикѣ, что адмираломъ и было ему обѣщано.

Отправившись 25-го марта въ Корфу за подкрѣпленіями, Сенявинъ получилъ тамъ Высочайшее именное повелѣніе о немедленномъ возвращеніи со всѣми морскими и сухопутными силами въ Черное море. Съ рѣшимостью идти на все, адмиралъ вскрылъ именной Высочайшій пакетъ, адресованный на имя бывшаго главнокомандующаго, генерала Ласси, находившагося уже на пути въ Черное море, и, къ своей радости, нашелъ въ немъ другое, отъ позднѣйшаго числа, Высочайшее повелѣніе, предписывавшее, наоборотъ, оставить всѣ силы въ Средиземномъ морѣ. Сенявинъ немедленно же послалъ бригъ въ погоню за Ласси, но было поздно: генералъ уже былъ далеко.

Адмиралу пришлось отаться въ недоумѣніи: по бумагамъ трудно было понять, кто же, въ концѣ-концовъ, главнокомандующій; въ ожиданіи отвѣта Государя на его донесенія, Сенявинъ рѣшилъ держаться оборонительно, т.-е. удерживать за собою Боко-ди-Катаро.

Между тѣмъ Белле, до ухода Сенявина въ Корфу получившій отъ адмирала приказаніе дѣйствовать у Далматскихъ береговъ, дѣлалъ свое дѣло.

30-го марта Белле (корабли *Азія*, *Ярославъ*, *Елена*, бригъ *Летунъ*, шхуна *Экспедиціонъ*, шебека *Азардъ* и 9 бокезскихъ судовъ) подошелъ къ острову Курцола на пистолетный выстрѣлъ, сильнымъ огнемъ въ нѣсколько минутъ сбилъ на крѣпости орудія, и не успѣлъ еще десантъ изъ двухъ ротъ высадиться со шлюпокъ на берегъ, какъ французы, потерявъ 85 убитыми, сдались безъ всякихъ условій: комендантъ, 7 офицеровъ и 252 солдата. Въ крѣпости намъ досталось 12 пушекъ, много всякихъ запасовъ и 9 судовъ.

Черезъ нѣсколько дней шебека *Азардъ*, отправленная Белле къ острову Лисса, захватила на этомъ островѣ въ двухъ крѣпостяхъ 10 пушекъ и нѣсколько плѣнныхъ французовъ. Самъ Белле отъ Курцолы, гдѣ оставилъ въ крѣпости небольшой караулъ, перешелъ къ острову Лезино; въ ночь на 20-е апрѣля на островкѣ при входѣ въ гавань матросами была устроена батарея, и свезенный утромъ десантъ въ 100 солдатъ и 42 матроса сперва оттѣснилъ непріятеля, но затѣмъ, уступая численному превосходству французовъ, отступилъ, при чемъ мы потеряли 44 убитыми и ранеными и 34 попавшими въ плѣнъ. Не имѣя

Адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ. (Съ портрета въ музеѣ Морского Корпуса).

Къ стр. 88.

на судахъ достаточнаго десанта для овладѣнія крѣпостями съ сильнымъ гарнизономъ, Белле черезъ 5 дней отошелъ отъ Лезино.

Что касается свободы дѣйствій на морѣ, то Адріатика уже и тогда, до самаго Тріеста, была въ полномъ обладаніи Сенявина: французскія канонерки и другія мелкія суда скрывались въ Далматскихъ шхерахъ и выходили изъ нихъ съ большимъ опасеніемъ. При слѣдованіи фрегата *Венусъ* съ курьеромъ отъ Кастель-Нуово къ Тріесту, противъ него у мыса Капо д'Истрія осмѣлилась выступить изъ-подъ крѣпости (20-го апрѣля) французская канонерская лодка, и ее, сильно поврежденную ядромъ нашего фрегата, французы поспѣшили вытащить на берегъ (потеря французовъ — 17 человѣкъ, на *Венусѣ* потерь не было).

Сенявинъ 19-го апрѣля прибылъ изъ Корфу въ Катаро, доставивъ на своихъ 2 корабляхъ и 1 фрегатѣ новыя войска. Адмиралу пришлось узнать, что за время его отсутствія французы значительно усилились въ Далмаціи.

Отправившись въ обходъ острововъ, у которыхъ дѣйствовалъ Белле, Сенявинъ (корабли *Селафаилъ, Св. Петръ* и фрегатъ *Автроилъ*), подойдя 27-го апрѣля къ острову Курцола, гдѣ былъ оставленъ нашъ небольшой караулъ, замѣтилъ надъ крѣпостью французскій флагъ. Выяснилось, что лишь наканунѣ 350 французовъ на 7 канонерскихъ лодкахъ переправились съ далматскаго берега на островъ, ночнымъ нападеніемъ застали нашъ караулъ врасплохъ и взяли въ плѣнъ. Передъ подходомъ нашихъ судовъ къ Курцолѣ 2 канонерскія лодки успѣли уже уйти, остальныя 5 взяты *Автроиломъ*. Десанту, свезенному на слѣдующее утро, не пришлось встрѣтить непріятеля: французы еще раньше бросились на шлюпкахъ съ острова, и тѣ, кого удалось захватить, были обмѣнены на нашъ караулъ, освобожденный полностью

29-го апрѣля, встрѣтившись на пути къ острову Лезино съ отрядомъ Белле, Сенявинъ рѣшилъ не предпринимать пока никакихъ дѣйствій противъ Лезино, а ограничиться только удержаніемъ Курцолы, что и поручилъ Белле (корабль *Азія*, фрегатъ *Автроилъ* и шебека *Азардъ*); самъ же съ кораблями *Селафаилъ, Св. Петръ, Ярославъ* и *Елена*, бригомъ *Летунъ* и шхуной *Экспедиціонъ* направился къ Рагузѣ. Адмиралъ хотѣлъ лично убѣдиться въ преданности рагузинцовъ, въ которой отъ имени сената республики увѣрялъ его сенаторъ Сорго. Въ Рагузу Сенявинъ прибылъ 6-го мая и былъ встрѣченъ съ пышными почестями. Понимая всю тяжесть положенія Рагузы между русскими и французскими войсками — между молотомъ и наковальней — онъ снисходительно отнесся къ имѣвшимъ уже мѣсто мелкимъ случаямъ нарушенія нейтралитета и заключилъ съ сенатомъ договоръ, по которому, при первомъ же извѣстіи о вступленіи французовъ въ землю республики, въ столицу ея и крѣпость Новую Рагузу долженъ былъ войти русскій гарнизонъ, а правительство обязывалось вооружить крѣпость, предназначенную для занятія нашими войсками.

По возвращеніи Сенявина въ Катаро, туда же 13-го мая прибылъ

изъ Тріеста фрегатъ *Венусъ* съ бумагами отъ Государя. Въ лестномъ рескриптѣ Императоръ Александръ благодарилъ адмирала за занятіе и удержаніе Катаро, утвердилъ его въ званіи главнокомандующаго морскими и сухопутными силами и давалъ полную свободу дѣйствовать противъ французовъ по усмотрѣнію, «сообразуясь съ прежними наставленіями столько, сколько положеніе дѣлъ и настоящія обстоятельства позволятъ». Всѣ дѣйствія адмирала, такимъ образомъ, получили полное одобреніе, и область Боко-ди-Катаро, гдѣ уже давно въ церквахъ возглашали «Благочестивѣйшаго, Самодержавцѣйшаго, Великаго Государя нашего Императора Александра Павловича...», была принята Государемъ въ подданство Россіи.

Тотъ же *Венусъ* доставилъ адмиралу и непріятное для него извѣстіе. Въ Тріестѣ, какъ оказалось, австрійцы, по настоянію Наполеона, потребовали отъ нашихъ купеческихъ судовъ немедленно оставить портъ и не исполнившихъ это требованіе задержали, а относительно русскихъ военныхъ судовъ предупредили, что впредь они не будутъ подпускаться къ Тріесту ближе, чѣмъ на пушечный выстрѣлъ.

Вызывающія дѣйствія Австріи побудили самого адмирала на слѣдующій же день, 14-го мая, сняться съ якоря и отправиться въ Тріестъ съ кораблями *Селафаилъ, Св. Петръ* и *Москва* и фрегатомъ *Венусъ*.

Плаваніе было задержано тихими перемѣнными вѣтрами, и только 20-го мая, миляхъ въ 30 отъ Тріеста, налетѣлъ сильный попутный шквалъ. Корабли быстро неслись къ Тріесту; на адмиральскомъ *Селафаилѣ* взвились сигналы: «приготовиться къ бою» и «стать на шпрингъ». Не успѣли въ Тріестѣ опомниться, какъ эскадра въ боевомъ порядкѣ уже встала подъ самыми батареями города. Комендантъ Тріеста фельдмаршалъ Цахъ немедленно же прислалъ своего адъютанта поздравить Сенявина съ прибытіемъ и просить, чтобы эскадра, въ силу повелѣнія Императора, отошла «на пушечный выстрѣлъ».

Съ присущимъ ему достоинствомъ, Сенявинъ отвѣчалъ словами, которыя стали историческими:

— Стрѣляйте... Я увижу, гдѣ ваши ядра лягутъ и гдѣ мнѣ должно встать...

Австрійцы, однако, не стрѣляли... Всю ночь на нашихъ корабляхъ люди зря простояли у пушекъ, готовые каждую минуту вступить въ бой.

Всю ночь же добивался Цахъ отъ Сенявина добровольнаго ухода эскадры на пушечный выстрѣлъ: доставилъ адмиралу письменное повелѣніе Австрійскаго Императора о закрытіи его портовъ для русскихъ судовъ, посылалъ своихъ генераловъ, которые безпрестанно то пріѣзжали на флагманскій корабль, то съѣзжали съ него. Генералы доказывали, что повелѣніе исходило отъ Наполеона, который, въ случаѣ неисполненія его требованій, угрожалъ занятіемъ Тріеста и Фіуме, увѣряли, что 20-тысячный французскій корпусъ уже стоитъ около Тріеста и что два французскихъ генерала объявили Цаху, что если Сенявинъ сейчасъ же не уйдетъ, то завтра же французскія войска вступятъ

въ Тріестъ; просили, наконецъ, адмирала, хотя бы во имя дружбы Императора Александра съ Австрійскимъ Императоромъ, пожалѣть Австрію...

«Положеніе ваше затруднительное», отвѣчалъ спокойно Сенявинъ, «а мое не оставляетъ мнѣ ни малѣйшаго повода колебаться въ выборѣ. Поступокъ вашъ мнѣ, какъ адмиралу, а не политику, кажется не соотвѣтствующимъ дружбѣ и союзу, въ которыхъ вы меня увѣряете. Съ долгомъ моимъ и съ силою, какъ вы здѣсь видите, не сообразно допустить васъ унижать флагъ, за что отвѣтственность моя слишкомъ велика, ибо это касается чести и должнаго уваженія къ моему отечеству...»

На слѣдующій день, утромъ, когда все еще велись переговоры, на рейдъ прибылъ фрегатъ *Автроилъ* съ извѣстіемъ о занятіи французами Рагузы и опасности, угрожающей вслѣдствіе этого Катаро. Адмиралъ долженъ былъ немедленно идти на выручку, но предстояло еще покончить съ австрійцами. Въ отвѣтъ на ихъ новыя навязчивыя просьбы отойти на пушечный выстрѣлъ Сенявинъ приказалъ кораблю *Св. Петръ* и фрегату *Венусъ* втянуться въ самую гавань, а самъ съ кораблями *Селафаилъ* и *Москва* подошелъ къ главной батареѣ на пистолетный выстрѣлъ. По этому поводу Цахъ обратился къ Сенявину съ протестующимъ письмомъ, на которое адмиралъ немедленно отвѣтилъ и, между прочимъ, писалъ Цаху:

«Въ отвѣтъ на письмо ваше сего дня я приказалъ одному изъ кораблей моихъ, который, можетъ быть, находился ближе пушечнаго выстрѣла отойти — и вы это видите... Черезъ часъ, я надѣюсь, какъ къ Вашему, такъ и къ моему совершенному удовольствію, отправиться отсюда въ дальнѣйшій путь».

Передавая это письмо, Сенявинъ на словахъ объявилъ австрійцамъ: «теперь нѣтъ времени продолжать безполезные переговоры. Вамъ должно избрать одно изъ двухъ: или дѣйствовать по внушенію французскихъ генераловъ, или держаться точнаго смысла правъ нейтралитета. Мой выборъ сдѣланъ, и вотъ послѣднее мое требованіе: если часъ спустя не возвращены будутъ суда, вами задержанныя, то силою возьму, не только свои, но и всѣ ваши, сколько ихъ есть въ гавани и въ морѣ. Увѣряю васъ, что 20 тысячъ французовъ не защитятъ Тріеста. Надѣюсь однако жъ, что черезъ часъ мы будемъ друзьями; я только и прошу, чтобы не было и малѣйшаго вида, къ оскорбленію чести Россійскаго флага клонящагося, и собственно для вашей же пользы, — и чтобы не осталось и слѣдовъ неудовольствія. Скажите генералу Цаху, что теперь отъ него зависитъ сохранить дружбу Августѣйшихъ нашихъ Монарховъ, которая столько разъ вамъ была полезна, и впредь пригодиться можетъ. Увѣрьте его, что черезъ часъ я начну военныя дѣйствія».

Наша эскадра была готова къ бою, но не прошло еще и часа, какъ на задержанныхъ русскихъ купеческихъ судахъ, при громкихъ крикахъ австрійцевъ «ура», взвились русскіе флаги. Въ ту же минуту

корабли Сенявина вступили подъ паруса и, подъ громомъ пушекъ и ружей съ освобожденныхъ судовъ, подъ музыку съ *Селафаила*, Сенявинъ ушелъ изъ Тріеста...

Что особенно поражаетъ въ этомъ подвигѣ Сенявина — это его требованіе, исполненное австрійцами («ура») о томъ, что при освобожденіи русскихъ купеческихъ судовъ «не оставалось и слѣдовъ неудовольствія». Ставить такія требованія могъ только человѣкъ, весь насыщенный мыслью о величіи Россіи, — такимъ и былъ Сенявинъ.

Освобожденныя суда подъ конвоемъ *Венуса* и *Автроила* отправились въ Катаро нѣсколько позднѣе. Корабль *Москва* по выходѣ изъ Тріеста былъ посланъ адмираломъ для блокады Венеціи, самъ же Сенявинъ съ *Селафаиломъ* и *Св. Петромъ* спѣшилъ въ Катаро. При проходѣ мимо мыса Капо д'Истрія корабли теченіемъ при штилѣ стало прижимать къ крѣпости; вышедшія изъ гавани 2 французскія канонерскія лодки сдѣлали по нимъ нѣсколько безрезультатныхъ выстрѣловъ, но Сенявинъ на этотъ огонь даже не отвѣчалъ.

Довѣріе адмирала къ республикѣ Рагузѣ оказалось, какъ показали событія, обманутымъ: нѣсколько сенаторовъ, соблазненныхъ обѣщаніями Наполеона, предали республику въ руки французовъ. 15-го мая генералъ Лористонъ съ 3.000 войска занялъ крѣпость Рагузу, а 16-го именемъ Наполеона объявилъ, что независимость республики была бы признана Франціей только въ томъ случаѣ, если бы Сенявинъ очистилъ Корфу, Боко-ди-Катаро и Курцолу, а такъ какъ этого не случилось, то республика присоединяется къ Франціи. Такъ, изъ-за предательства своихъ сенаторовъ, покончила свое многовѣковое существованіе аристократическая республика Рагуза.

На пути изъ Тріеста въ Катаро Сенявинъ зашелъ къ острову Курцола, гдѣ приказалъ Белле очистить крѣпость и слѣдовать за собою. Въ Катаро Сенявинъ прибылъ 27-го мая и засталъ здѣсь отрядъ Сорокина (уже контръ-адмирала) — корабли *Параскева* и *Елена;* третій корабль Сорокина, *Уріилъ,* находился подъ Рагузой.

Еще за нѣсколько дней до прибытія въ Катаро Сенявина французы сдѣлали попытку сразиться съ нашими силами, но были разбиты. Наши войска, вмѣстѣ съ бокезцами и черногорцами, перейдя въ наступленіе, дали первое сраженіе верстахъ въ 5-ти отъ Старой Рагузы, а затѣмъ непрерывныя сраженія слѣдовали на всемъ пространствѣ между Новою и Старою Рагузами. За четыре дня этихъ сраженій, съ 21 по 25 мая, французы и дѣйствовавшіе въ ихъ рядахъ рагузины потеряли убитыми 8 офицеровъ и 550 солдатъ, съ нашей же стороны убитыхъ и раненыхъ не было и 50 человѣкъ. Непріятель потерялъ крѣпость и городъ Старую Рагузу, 4 пушки, 1 знамя и много боевыхъ припасовъ и былъ вынужденъ укрыться въ Новой Рагузѣ, гдѣ укрѣпился на командующихъ высотахъ. Въ этихъ сраженіяхъ большую помощь нашимъ войскамъ оказалъ съ моря корабль *Уріилъ.*

Считая нужнымъ, въ виду начавшихся серьезныхъ дѣйствій, собрать въ Катаро всѣ свои силы, главнокомандующій вызвалъ въ Катаро

суда, остававшіяся въ Корфу, и отозвалъ отъ Венеціи корабль *Москву* (*Москва*, захватившая при блокадѣ Венеціи много цѣнныхъ призовъ, 30 мая пушечнымъ выстрѣломъ заставила вернуться въ венеціанскую гавань нѣсколько французскихъ канонерскихъ лодокъ, вышедшихъ конвоировать купеческіе корабли). Лично ознакомившись съ обстановкой, Сенявинъ, несмотря на выгоду расположенія и численное превосходство непріятеля (французовъ съ рагузинами было до 7.000 человѣкъ противъ 4.700 нашихъ, бокезцевъ и черногорцевъ), рѣшилъ его атаковать, и утромъ 5-го іюня подъ Новой Рагузой завязалось большое сраженіе, въ которомъ принимала участіе часть флота подъ флагомъ

контръ-адмирала Сорокина (корабли *Селафаилъ*, *Параскева*, *Св. Петръ*, *Елена*, фрегатъ *Венусъ*, шебека *Азардъ* и 5 канонерскихъ лодокъ), обстрѣливавшая, съ цѣлью выяснить боевое значеніе непріятельскихъ укрѣпленій, Новую Рагузу и укрѣпленія на островѣ Св. Марка. На слѣдующій день Сорокинъ отрядилъ десантъ для овладѣнія укрѣпленіями острова, но выяснившееся превосходство непріятеля заставило вернуть десантъ, — такъ и не высаженный, но потерявшій напрасно 70 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ этихъ сраженіяхъ непріятель былъ снова разбитъ и опять укрылся въ Новую Рагузу. Французы и рагузины потеряли убитыми генерала Дельгога и 18 штабъ и оберъ-офицеровъ, рядовыхъ убитыми и ранеными до 900 и взятыми въ плѣнъ 23 человѣка. Непріятель, кро-

мѣ того, оставилъ 19 пушекъ. Наши потери: убиты офицеръ 1, рядовыхъ 16, ранено офицеровъ 3, рядовыхъ 30; бокезцевъ и черногорцевъ убито и ранено около 100 человѣкъ.

Въ слѣдующіе дни наши войска, которыми командовалъ генералъ-маіоръ князь Вяземскій, сражались почти подъ стѣнами Новой Рагузы; потери наши не превышали 100 человѣкъ, а у непріятеля доходили до 200, при чемъ за это же время намъ достались 69 пушекъ, 20 большихъ вооруженныхъ купеческихъ судовъ, много мелкихъ судовъ, верфь и морской арсеналъ со множествомъ всякаго рода запасовъ.

Съ 10-го іюня Сенявинъ приказалъ начать правильную осаду Новой Рагузы. Для обстрѣливанія крѣпости съ окружающихъ ее высотъ, на эти высоты были доставлены 4 корабельныя пушки: 500 матросовъ тащили ихъ десять верстъ по скалистой мѣстности. Почти непрерывная бомбардировка, которая велась изъ этихъ пушекъ, дѣйствовала «съ отмѣннымъ успѣхомъ». Черезъ нѣсколько дней послѣ начала осады къ Сенявину стали являться рагузины съ изъявленіемъ готовности дать присягу на вѣрное подданство Россіи; адмиралъ, не прощавшій предательства, отказалъ имъ въ этомъ, но великодушно спасая ихъ отъ возможной мести со стороны бокезцевъ и черногорцевъ, назначилъ для жительства рагузинамъ особыя мѣста и объявилъ ихъ состоящими подъ покровительствомъ Государя.

Между тѣмъ осада Новой Рагузы затянулась: Лористонъ со дня на день ожидалъ отъ Наполеона сильной подмоги и упорно держался въ крѣпости. Бокезцы, узнавъ, что русскій посолъ въ Вѣнѣ ведетъ переговоры о сдачѣ Боко-ди-Катаро австрійцамъ, а черезъ нихъ французамъ (посолъ исполнялъ повелѣнія Государя), сильно упали духомъ и не могли сражаться съ прежнимъ воодушевленіемъ. Сенявину, поэтому, пришлось вести осаду, расчитывая только на свои силы. Онъ два раза предлагалъ Лористону сдаться и оба раза получалъ отказъ. Черезъ 20 дней осады французы, наконецъ, получили сильное подкрѣпленіе— 3.000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Молитора, зашедшихъ по турецкимъ владѣніямъ въ тылъ нашимъ войскамъ. Считаясь съ неравенствомъ силъ (приблизительно 9.000 непріятеля и около 3.000 нашихъ), упадкомъ духа у бокезцевъ и черногорцевъ и безполезностью, при такихъ условіяхъ, самой осады, Сенявинъ 24-го іюня приказалъ снять осаду Рагузы и отойти къ Катаро. Наши войска частью отступили въ Старую Рагузу, частью сѣли на гребныя суда, присланныя со всей эскадры. 4 корабельныхъ пушки и 3 мортиры были оставлены нашими войсками заклепанными, а остальныя осадныя орудія разстрѣляны. При небольшихъ, сравнительно, потеряхъ съ нашей стороны, осада Рагузы стоила непріятелю свыше 3.000 человѣкъ. За 2 дня до снятія осады Новой Рагузы, 2 нашихъ фрагата, *Венусъ* и *Автроилъ*, на Далматинскомъ побережьи у устья рѣки Нарента сдѣлали удачное нападеніе на 11 французскихъ шебекъ и канонерскихъ лодокъ: 2 шебеки и одна канонерская лодка были взяты въ плѣнъ, одна канонерская лодка потоплена, одна, ставшая на мель, сожжена, но съ нея взяты

пушки; остальныя лодки успѣли уйти. Одна изъ взятыхъ шебекъ, уже съ русскимъ экипажемъ, на слѣдующій же день взяла на батареѣ у острова Лезино въ бухтѣ св. Георгія 2 французскихъ орудія.

По возвращеніи Сенявина въ Катаро ему пришлось пережить нѣсколько мучительныхъ минутъ: депутаты отъ бокезцевъ, обливаясь слезами, подали адмиралу адресъ и горячо просили его быть ихъ заступникомъ передъ Государемъ. Этотъ адресъ, дающій яркое представленіе о трогательной любви бокезцевъ къ Государю и Россіи и привязанности ихъ къ Сенявину, приводится здѣсь цѣликомъ.

«Услыша», начинается адресъ, «что Государю Императору угодно область нашу отдать французамъ, мы именемъ всего народа объявляемъ: не желая противиться волѣ Монарха нашего, единодушно согласились, предавъ все огню, оставить отечество и слѣдовать повсюду за твоимъ флотомъ. Пусть одна пустыня, покрытая пепломъ, насытитъ жадность Бонапарте, пусть онъ узнаетъ, что храброму Славянину легче не имѣть отечества и скитаться по свѣту, нежели быть его рабомъ. Тебѣ извѣстна любовь и преданность наша къ Монарху нашему, ты видѣлъ, что мы не щадили ни жизни, ни имущества для славы Россіи; къ тебѣ же, благодушный великій Амирантъ нашъ, именемъ старцевъ, женъ и чадъ нашихъ, прибѣгаемъ и просимъ: представительствуй у престола Монарха милосердаго и сердобольнаго, склони Его къ моленіямъ нашимъ, да не отринетъ Онъ народа ему вѣрнаго, народа жертвующаго достояніемъ и отечествомъ, любезнымъ каждому гражданину, для малаго уголка земли въ обширной Его Имперіи. Тамъ, подъ Его державою, въ мирномъ и безопасномъ убѣжищѣ увѣрены будемъ, что святотатственная рука грабителей Европы не коснется праха костей нашихъ, и тамъ, посвятивъ себя службѣ новаго, но родного намъ отечества, мы утѣшимся, позабудемъ потери наши и вовѣки благословлять будемъ имя Его. Если же, противно ожиданія и надеждѣ, мы должны повиноваться злѣйшимъ нашимъ врагамъ, врагамъ вѣры и человѣчества, если ты не можешь позволить намъ слѣдовать за тобою, то останься спокойнымъ зрителемъ нашей погибели. Мы рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою независимость и готовы всѣ до единаго положить головы свои за отечество. Обороняя его, пусть кровь наша течетъ рѣкою, пусть могильные кресты свидѣтельствуютъ позднѣйшему потомству, что мы славную смерть предпочли постыдному рабству, и не хотѣли другого подданства, кромѣ Россійскаго».

Положеніе Сенявина было крайне затруднительно: съ одной стороны, онъ и самъ зналъ, хотя и не хотѣлъ этому вѣрить, о переговорахъ, которыя въ Вѣнѣ велись нашимъ посломъ о сдачѣ Боко-ди-Катаро Австріи; съ другой — видѣлъ неподдѣльное отчаяніе народа (бокезцы уже готовили свои дома къ сожженію), такъ беззавѣтно отдававшаго свою жизнь и имущество на служеніе Государю.

Послѣ минутнаго раздумья адмиралъ сказалъ депутатамъ:

«Пошлемъ къ Государю избранныхъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ, будемъ вмѣстѣ надѣяться на Его милосердіе или на перемѣну непріят-

наго положенія политическихъ дѣлъ... До тѣхъ поръ, сколько мнѣ будетъ возможно, не оставлю васъ, храбрый и великодушный народъ! Принимаю на себя всю отвѣтственность, готовъ защищать васъ всею силою и охотою. Успокойтесь и не предавайтесь отчаянію...»

Отвѣтственность Сенявина, дѣйствительно, была велика. Австрійскіе генералы, которые съ войсками находились въ занятой французами, послѣ оставленія ея нами, Курцолѣ, уже давно обращались къ Сенявину съ протестомъ противъ удержанія Боко-ди-Катаро, ссылаясь на извѣстное имъ, полученное черезъ Вѣну, Высочайшее повелѣніе. Адмиралъ чувствовалъ, что это очень похоже на правду, но поступиться передъ бокезцами честью русскаго имени онъ не могъ.

И, принявъ указанное рѣшеніе, главнокомандующій тогда же выслалъ для тѣсной блокады Новой Рагузы корабль *Ярославъ*, фрегатъ *Венусъ* и шебеку (взятую въ плѣнъ у французовъ) *Забіяку*. Эта блокада, прервавшая подвозъ провіанта изъ Далмаціи для французской арміи, нанесла непріятелю весьма ощутительный вредъ.

Радость и благодарность народа, увидѣвшаго въ возобновленіи блокады подтвержденіе обѣщаннаго Сенявинымъ на словахъ заступничества, были безграничны. По всей области раздавались крики: «Да здравъ буди нашъ амирантъ! Да здравъ буди Сенявинъ!» Гдѣ бы Сенявинъ ни появился, его сопровождали громадныя толпы народа, кланялись ему до земли, цѣловали прахъ ногъ его, увѣряли въ вѣчной преданности и любви къ Императору Александру Павловичу.

Но Сенявина ожидало новое испытаніе. Съ австрійцами разговоры адмирала были коротки, но когда отъ Убри, нашего уполномоченнаго въ Парижѣ, Сенявинъ получилъ копію мирнаго договора, заключеннаго 8-го іюля между Россіей и Франціей, по которому Боко-ди-Катаро уступалось Наполеону, то съ этимъ уже нельзя было не считаться.

Въ письмѣ Сенявину Убри требовалъ отъ адмирала немедленной сдачи, согласно условіи мира, Боко-ди-Катаро и заканчивалъ письмо словами:

«Я тѣмъ болѣе прошу Ваше Превосходительство не отлагать сей мѣры, что спокойствіе различныхъ областей Европы можетъ быть нарушено остановками съ Вашей стороны».

Какъ же отнесся Сенявинъ къ этому миру? Самымъ серьезнымъ образомъ: достоинство Россіи адмиралъ поставилъ выше спокойствія Европы, и потому.... не призналъ мира, заключеннаго между Россіей и Франціей.

И началась безконечная бомбардировка Сенявина письмами и требованіями изъ разныхъ концовъ Европы: изъ Парижа, Вѣны, Петербурга, Неаполя. Писали ему снова Убри, нашъ посолъ изъ Вѣны графъ Разумовскій, Чичаговъ изъ Петербурга, вице-король Неаполитанскій Евгеній Богарне, слалъ своихъ курьеровъ Наполеонъ. Австрійцы такъ расхрабрились, что цѣлый корпусъ ихъ войскъ на 29 транспортахъ прибылъ къ Старой Рагузѣ, но Сенявинъ коротко приказалъ выгнать ихъ оттуда, что и было исполнено Белле. Австрійцы потребовали объясне-

Бой брига „АЛЕКСАНДРЪ“ съ 5 французскими канонерскими лодками 17 декабря 1806 года у о-ва Браццо.

(Съ картины въ музеѣ Морского Корпуса).

Къ стр. 100.

ній, но Сенявинъ и въ этомъ имъ отказалъ. Къ адмиралу прибылъ изъ Новой Рагузы самъ Лористонъ, имѣвшій копію мирнаго трактата, но и его миссія была неудачна.

На всѣ эти протесты и приказанія у Сенявина былъ одинъ отвѣтъ: что онъ не считаетъ возможнымъ согласиться на миръ, подписанный въ Парижѣ, и до полученія именного Высочайшаго повелѣнія Боко-ди-Катаро рѣшительно никому не отдастъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенявинъ готовился развить военныя дѣйствія еще шире, чѣмъ раньше: въ Катаро были собраны всѣ наши морскія силы. Желая увеличить и сухопутныя силы, адмиралъ отправилъ воззваніе къ Герцеговинамъ, и депутаты ихъ радостно явились съ предложеніемъ услугъ.

26-го августа, наконецъ, Сенявинъ получилъ отъ Чичагова черезъ фельдъегеря срочную бумагу о томъ, что Государь не утвердилъ мирнаго договора, заключеннаго въ Парижѣ 8 іюля, и что если Сенявинъ, во исполненіе этого договора, уже сдалъ Боко-ди-Катаро, то долженъ снова занять его силой, потому что «воля Его Императорскаго Величества есть на всемѣрное продолженіе воинскихъ дѣйствій».

Бурей восторга была встрѣчена эта вѣсть на эскадрѣ Сенявина...

Адмиралъ не сразу, однако, возобновилъ военныя дѣйствія. Дѣло въ томъ, что, вскорѣ по заключеніи мирнаго трактата 8 іюля, французы начали строить батареи на мысѣ Остро, при входѣ въ Катарскую бухту, и адмиралъ рѣшилъ дать время непріятелю достроить батареи, чтобы взять ихъ уже готовыми и не затруднять себя постройкой новыхъ. Когда же онѣ были совсѣмъ готовы, Сенявинъ, въ письмѣ къ новому французскому главнокомандующему, маршалу Мармону, предложилъ ему очистить батареи и отойти къ позиціямъ, на которыхъ французы держались ко времени заключенія мира. Мармонъ отвѣтилъ на это довольно рѣзко, что, собственно, Сенявину и было нужно, и на другой день, 31-го августа, нашему флоту и войскамъ было объявлено о начатіи военныхъ дѣйствій. Въ тотъ же день контръ-адмиралъ Сорокинъ съ 4 кораблями и 1 фрегатомъ началъ блокаду Новой Рагузы.

2-го сентября отрядъ славянскихъ войскъ — черногорцы, бокезцы, герцеговины,—напавъ на французскую колонну, съ большимъ урономъ прогналъ ее отъ границы. Любезное письмо Мармона, немедленно послѣ этого отправленное имъ Сенявину съ извѣщеніемъ о готовности оставить батареи и отойти на старыя позиціи, уже не помогло: адмиралъ началъ военныя дѣйствія.

Корабль *Св. Петръ* и фрегатъ *Венусъ* 7-го сентября сбили батареи на мысѣ Остро; въ теченіе слѣдующихъ 6 дней эти же суда съ 3 канонерскими лодками безпрестанно стрѣляли по французскимъ войскамъ, пытавшимся возобновить батареи, и 13-го сентября, послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ нападеній кораблями и войсками, всѣ укрѣпленія на мысѣ Остро были взяты, при чемъ захвачено 38 орудій (изъ нихъ 5 были наши, оставленныя 24-го іюня подъ Новой Рагузой) и нѣсколько судовъ. Въ эти же дни корабль *Азія* взялъ подъ Рагузой въ плѣнъ 2 не-

большихъ судна съ 17 офицерами и 46 рядовыми, большимъ количествомъ амуниціи и всякихъ припасовъ. Блокада Рагузы причиняла французамъ большія стѣсненія; 15 и 16-го сентября находившаяся въ гавани Старой Рагузы французская флотилія изъ 1 брига и 10 канонерскихъ лодокъ пыталась прорваться въ Новую Рагузу, но это, да и то благодаря штилю, удалось только одной лодкѣ; вся же флотилія огнемъ съ корабля *Азія*, фрегата *Венусъ* и брига *Бонасорте* принуждена была вернуться въ свою гавань.

Съ момента возобновленія военныхъ дѣйствій, французы потеряли до 350 человѣкъ одними только убитыми, сами не нанеся намъ значительныхъ потерь.

Только 18-го сентября непріятель имѣлъ недолгій успѣхъ: своимъ 20-тысячнымъ корпусомъ Мармонъ оттѣснилъ къ Кастель-Нуово наши сухопутныя войска, и Сенявинъ, въ предупрежденіе нападенія, приказалъ немедленно готовить Кастель-Нуово къ оборонѣ.

Всю ночь на 19-е число матросы, свезенные съ кораблей, и бокезцы неустанно работали, ставили новыя батареи; корабли расположились вдоль Катарской бухты, и два изъ нихъ, *Ярославъ* и *Св. Петръ*, — въ самомъ близкомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ крѣпости; при отступленіи нашихъ войскъ въ Кастель-Нуово, картечный огонь съ *Ярослава* и канонерскихъ лодокъ остановилъ движеніе французовъ, не позволивъ имъ слѣдовать далѣе устья р. Суторина.

20-го сентября было рѣшительнымъ днемъ: Мармонъ, обложившій Кастель-Нуово, разсчитывалъ совершенно разбить Сенявина и овладѣть не только Кастель-Нуово, но и всею Катарскою областью. Соотношеніе силъ позволяло ему на это надѣяться: у Мармона было 20.000 войскъ, у Сенявина не болѣе 5.500, состоявшихъ изъ нашихъ полковъ, корабельныхъ десантовъ, бокезцевъ, черногорцевъ и герцеговинцевъ (они явились на прежній призывъ Сенявина).

Въ результатѣ не только нападеніе Мармона было блистательно отбито, но французскій главнокомандующій на другой день самъ поспѣшилъ отступить со всѣми войсками въ Рагузу.

При отбитіи наступленія французовъ, кончившагося для нихъ такъ неудачно, крѣпости Кастель-Нуово, защищавшейся главнымъ образомъ матросами, громадную поддержку оказалъ корабль *Ярославъ*, своимъ картечнымъ огнемъ почти начисто уничтожившій французскую обходную колонну.

Наши потери за эти дни: убито и пропало безъ вѣсти 175, ранено офицеровъ 12 и рядовыхъ 276; бокезцевъ, черногорцевъ и герцеговинцевъ убито и ранено до 800 человѣкъ (герцеговины, между прочимъ, вмѣстѣ съ черногорцами отбили нашихъ плѣнныхъ и истребили непріятельскіе обозы).

Уронъ у непріятеля былъ гораздо значительнѣе: общая потеря французовъ состояла въ 4.300: убитыхъ и раненыхъ 3.000 (въ томъ числѣ убиты 1 генералъ и 18 офицеровъ, ранены 1 генералъ и 37 офицеровъ), взятыхъ въ плѣнъ (нашими судами, когда непріятель пытал-

ся моремъ на мелкихъ судахъ добраться до Рагузы) 47 офицеровъ и 1.300 рядовыхъ. У плѣнныхъ офицеровъ, между прочимъ, было найдено много картъ Босніи и Герцеговины, указывавшихъ на существованіе у Наполеона замысловъ и на турецкія земли.

Нашимъ войскамъ достались 50 пушекъ, а флотомъ въ эти же дни, когда, изъ-за паники, вслѣдствіе пораженія Мармона рагузскія и другія, обслуживавшія непріятеля, суда слишкомъ неосторожно выходили въ море, захвачено призовъ болѣе чѣмъ на милліонъ рублей.

Потерпѣвъ неожиданный разгромъ, Мармонъ заперся въ Рагузѣ и уже не пытался высылать большіе отряды; мелкіе же отряды, рисковавшіе выходить изъ Рагузы или истреблялись нами, или забирались въ плѣнъ.

Два мѣсяца затѣмъ прошли въ сравнительномъ затишьѣ, и въ концѣ ноября Сенявинъ, найдя, что флотъ и войска достаточно воспользовались отдыхомъ, снова предпринялъ военныя дѣйствія со стороны моря. Адмиралъ рѣшилъ взять у французовъ островъ Курцолу, на которомъ они вновь утвердились по оставленіи его отрядомъ Белле.

27-го ноября самъ главнокомандующій, съ кораблями *Ярославъ*, *Елена* и *Селафаилъ*, фрегатомъ *Кильдюинъ*, транспортами *Днѣпръ* и *Херсонъ* и 5 бокезскими судами, имѣя на нихъ десантъ изъ нашихъ егерей, бокезцевъ и черногорцевъ, отправился въ Курцолѣ. 29-го числа на островъ былъ высаженъ десантъ, которому удалось овладѣть передовыми укрѣпленіями. На предложеніе сдаться, комендантъ крѣпости письменно отвѣчалъ Сенявину, въ очень высокомѣрномъ тонѣ, указавъ, что находящіяся въ крѣпости войска Императора Наполеона «не боятся иррегулярныхъ» сенявинскихъ. Это былъ презрительный намекъ на то, что нашъ десантъ былъ составной — матросы, солдаты, черногорцы, бокезцы, и этого намека Сенявинъ не простилъ. Корабль *Ярославъ* открылъ по крѣпости губительный огонь, десантъ также дѣйствовалъ по укрѣпленіямъ, и никакія мольбы коменданта о смягченіи условій сдачи, на которую онъ уже согласился, не помогли: тамъ, гдѣ дѣло касалось оскорбленной чести, Сенявинъ былъ неумолимъ. И коменданту, позволившему себѣ такъ пренебрежительно отозваться о непріятелѣ, 30-го ноября пришлось ему же сдать крѣпость безъ всякихъ условій, на милость адмирала.

Сенявину сдались: комендантъ крѣпости, 13 офицеровъ и 389 рядовыхъ; убито у непріятеля 6 офицеровъ и 150 рядовыхъ, ранено 3 офицера и 45 рядовыхъ; у насъ убито 3, ранено 9 офицеровъ, рядовыхъ убито 21, ранено 66. Въ крѣпости намъ достались 12 пушекъ и много снарядовъ и всякихъ запасовъ.

10-го декабря Сенявинымъ (корабли *Ярославъ*, *Селафаилъ* и фрегатъ *Кильдюинъ*) былъ взятъ островъ Брацио, гдѣ небольшой французскій гарнизонъ послѣ непродолжительнаго сопротивленія также сдался адмиралу — 4 офицера и 79 ряд.; въ крѣпости намъ досталось 6 пушекъ, потерь съ нашей стороны не было.

У острова Брацио адмираломъ былъ оставленъ бригъ *Александръ*

(Черноморскаго флота), 17-го декабря подвергшійся нападенію 5 французскихъ канонерскихъ лодокъ. Лодки были высланы изъ Сполатро маршаломъ Мармономъ, дававшимъ въ этотъ вечеръ въ городѣ балъ. Когда, во время бала, съ моря послышались раскаты пушечной пальбы и это внесло нѣкоторый испугъ въ оживленное общество, Мармонъ поспѣшилъ успокоить дамъ, объявивъ имъ, что онъ готовитъ для нихъ сюрпризъ и что утромъ на слѣдующій день онъ подаритъ имъ русскаго *Александра*.

На дѣлѣ же вышло совсѣмъ иначе. Несмотря на то, что непріятель въ нѣсколько разъ превосходилъ бригъ вооруженіемъ и числомъ экипажа (на бригѣ было всего 75 человѣкъ), *Александръ* дрался съ поразительнымъ мужествомъ, дважды отбилъ французскій абордажъ, самъ перешелъ въ наступленіе и преслѣдовалъ непріятеля до самаго Сполатро. Одна канонерская лодка была потоплена *Александромъ* со всѣми людьми, другая, *Наполеонъ*, потеряла гротъ-мачту и затонула, не дойдя до Сполатро, остальныя были сильно повреждены. Корпусъ, паруса и снасти нашего брига были сильно избиты, но потеря въ людяхъ была только 5 убитыхъ и 7 раненыхъ матросовъ, тогда какъ французы убитыми, ранеными и потопленными потеряли 217 человѣкъ. Передъ боемъ, который продолжался 3 часа, командиръ брига, лейтенантъ Скаловскій, сказалъ командѣ воодушевленную рѣчь:

«Въ числѣ лодокъ есть одна по названію *Наполеонъ*. Ребята, помните, что вы имѣете честь защищать имя *Александра!* Если я буду убитъ, не сдавайтесь, пока всѣ не положите свои головы. Съ Богомъ, начинай!..».

По представленію Сенявина Скаловскій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени; весь экипажъ брига также получилъ награды.

Сраженіе брига *Александръ* было послѣднимъ боевымъ дѣломъ въ 1806 году. Съ половины декабря Сенявинъ перешелъ въ Катаро, а въ первый день новаго 1807 года туда же прибыла изъ Кронштадта новая эскадра, капитанъ-командора Игнатьева, отправленная изъ Балтики въ Адріатику въ августѣ 1806 года. Эскадра, состоявшая изъ линейныхъ кораблей *Сильный, Рафаилъ, Твердый, Мощный* и *Скорый*, фрегата *Легкій*, корвета *Флора*, шлюпа *Шпицбергенъ* и катера *Стрѣла*, явилась для Сенявина очень сильнымъ подкрѣпленіемъ, и теперь въ рукахъ главнокомандующаго находилась еще болѣе внушительная морская сила.

Занятый въ теченіе всего года дѣлами въ Адріатикѣ, адмиралъ не переставалъ слѣдить и за тѣмъ, что дѣлается въ Турціи, съ которой мы были въ союзѣ, но которая уже и тогда, какъ замѣчалъ Сенявинъ, давала основанія къ тому, чтобы относиться къ ея поведенію съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ. Въ этомъ проявились интриги Наполеона, завязавшаго особенно тѣсныя сношенія съ однимъ изъ албанскихъ пашей, Али-пашою Янинскаго вилайета. Близость владѣній Али-паши къ Іоническимъ островамъ заставляла адмирала даже опасаться за судьбу нѣ-

которыхъ изъ нихъ. Самъ Али-паша одно время высказывалъ желаніе поддерживать дружбу съ Россіей, но затѣмъ, послѣ неудачи наполеоновскихъ войскъ въ попыткѣ взять у Сенявина Боко-ди-Катаро, на честолюбиваго пашу было обращено особое вниманіе Наполеона, соблазнявшаго его разными обѣщаніями, и въ первые дни 1807 года въ Катаро разнесся слухъ объ опасности, грозившей отъ Али-паши Іоническимъ островамъ.

Имѣя теперь въ Катаро слишкомъ достаточныя силы и разсчитывая, что пораженіе, нанесенное имъ Мармону, надолго отсрочило всякія наступательныя дѣйствія французовъ, Сенявинъ рѣшилъ съ главными силами флота отправиться въ Корфу, чтобы своимъ присутствіемъ остановить враждебные, если они были, замыслы Али-паши.

Съ большою торжественностью отпраздновавъ въ Катаро день Крещенія Господня, Сенявинъ утромъ 7-го числа вышелъ изъ Катаро въ Корфу. Въ Адріатикѣ осталась меньшая часть нашихъ морскихъ силъ, составившихъ эскадру подъ начальствомъ капитанъ-командора Баратынскаго: корабли *Св. Петръ*, *Параскева* и *Москва*, фрегаты *Легкій*, *Кильдюинъ* и *Автроилъ*, корветъ *Дерзкій*, бриги *Фениксъ*, *Александръ* и *Летунъ* и катеръ *Стрѣла;* изъ этихъ силъ часть должна была оставаться въ Катаро, часть у острововъ Курцола и Брацдо.

Началась война съ Турціей, Сенявинъ вскорѣ же ушелъ изъ Корфу въ Архипелагъ, и ему такъ и не удалось возвратиться въ Адріатику. И на небольшую, сравнительно, эскадру Баратынскаго легло продолженіе въ Адріатикѣ войны съ Франціей.

По уходѣ главнокомандующаго, Баратынскій предпринялъ развѣдку относительно положенія дѣлъ въ Далмаціи, населеніе которой, сильно тяготившееся пребываніемъ французскихъ войскъ, не скрывало своихъ симпатій къ Россіи.

Положеніе Мармона, несмотря на то, что онъ разсчитывалъ теперь и на содѣйствіе Турціи, было, какъ выяснилъ Баратынскій, весьма шаткимъ. Отброшенный Сенявинымъ къ Рагузѣ, онъ и тамъ не чувствовалъ себя въ безопасности и перенесъ главную квартиру въ Сполатро. Но и здѣсь положеніе французовъ было не прочно: составъ французской арміи значительно порѣдѣлъ, на подкрѣпленія отъ Наполеона надежды было мало. Поддержаніе же связи съ нимъ становилось теперь особенно труднымъ, потому что почти всѣ средства морского сообщенія, какія имѣлись у французовъ, за 1806 годъ были истреблены нашимъ флотомъ. Но не располагая и самъ достаточными сухопутными силами (часть войскъ Сенявинъ взялъ съ собою), чтобы переходить въ наступленіе противъ Мармона, и не имѣя вовсе объекта для дѣйствій противъ непріятельскихъ судовъ, Баратынскій, по уходѣ Сенявина, ограничился содержаніемъ въ блокадѣ Сполатро и другихъ портовъ; на сушѣ же, гдѣ также наступило затишье, наши войска, черногорцы и бокезцы изрѣдка тревожили непріятеля (въ апрѣлѣ, для оказанія помощи герцеговинамъ противъ турокъ, наши отряды выступали въ Никшичъ и

Требинье, гдѣ имѣли нѣсколько жаркихъ схватокъ съ турками и съ грофеями вернулись въ Катаро).

Въ маѣ же, когда тяготѣніе къ Россіи единокровныхъ намъ далматинцевъ выразилось въ бунтѣ, поднятомъ ими противъ французскихъ войскъ, Баратынскій, по просьбѣ ихъ, рѣшилъ оказать имъ возможную поддержку, и съ фрегатомъ *Автроилъ*, корветомъ *Дерзкій*, бригами *Александръ* и *Летунъ* и катеромъ *Стрѣла*, взявъ въ Катаро 6 ротъ егерей, на нѣсколько недѣль отправился изъ Катаро къ берегамъ Далмаціи.

25-го мая эта эскадра уже приняла участіе въ сраженіи возставшихъ далматинцевъ съ французами у мѣстечка Полица около Спалатро, и своимъ огнемъ обратила непріятеля въ бѣгство.

Какъ узналъ Баратынскій, къ которому Далматинцы прибыли сами, чтобы клятвенно увѣрить въ томъ, что они присягнуть, по примѣру бокезцевъ, въ подданство русскому Императору, возстаніе началось одновременно по всей Далмаціи: по сигналу въ церквахъ ударили въ набатъ, и вооружившійся народъ, съ криками «Да здравствуетъ Александръ», бросился истреблять разсѣянные по разнымъ пунктамъ французскіе гарнизоны.

26-го мая Баратынскій высадилъ близъ Сполатро небольшой десантъ, взятый въ тотъ же день обратно на суда, обстрѣливавшія французовъ картечью и ядрами. 28-го числа десантомъ съ эскадры, къ которой присоединились корабль *Москва* и канонерскія лодки, была занята находящаяся къ югу отъ Сполатро крѣпостца Алмисса. Десантъ (800 чел.) держался въ ней двое сутокъ и долженъ былъ ее оставить, уступая превосходнымъ силамъ французовъ. При оставленіи Алмиссы 30 мая десанту пришлось долго отбиваться отъ нападеній французовъ, и въ этомъ большую ему поддержку оказали бригъ *Летунъ*, канонерскія лодки и мелкія суда съ эскадры, вошедшія въ устье рѣки, у которой стояла крѣпостца. Принявъ ночью десантъ изъ Алмиссы, Баратынскій 31-го мая спустился съ эскадрой къ югу, все время обстрѣливая по побережью французовъ. У города Макарска Баратынскій задержался даже на два дня, 2 и 3-го іюня, огнемъ съ эскадры опустошая ряды находившихся около Макарска непріятельскихъ войскъ. 6 іюня, проходя въ виду села Тучети, гдѣ была замѣчена сильная перестрѣлка французовъ съ далматинцами, эскадра стала на якорь, и свезенный съ нея десантъ заставилъ французовъ отступить. На слѣдующій день, однако, французы усилились, и нашъ десантъ послѣ упорнаго пятичасового боя вернулся на эскадру, которая, все время дѣйствуя по непріятелю сильнымъ огнемъ, въ это же время принимала перебиравшихся на нее 1.000 далматинцевъ съ семействами, высаженныхъ затѣмъ на островъ Браццо.

Оказавъ, такимъ образомъ, возможную поддержку далматинцамъ, Баратынскій въ концѣ іюня прибылъ въ Катаро.

Черезъ нѣсколько дней со стороны Кастель-Нуово показался сильный отрядъ французскихъ и турецкихъ войскъ, но, замѣтивъ, что у крѣпости стоятъ два корабля и корветъ, быстро отступилъ, не рѣшившись предпринять какія-либо дѣйствія.

Было ясно, что силы французовъ сломлены.

Поспѣшное, безъ одного выстрѣла, отступленіе французско-турецкаго отряда отъ Кастель-Нуово было послѣднимъ событіемъ въ лѣтописи этой войны.

14-го іюля генералъ Лористонъ извѣстилъ Баратынскаго о заключеніи Тильзитскаго мира.

4. Тильзитъ

1-я секретная отдѣльная статья Тильзитскаго договора гласитъ:

«Россійскія войска сдадутъ французскимъ войскамъ землю, извѣстную подъ именемъ Катаро».

2-я статья:

«Семь Острововъ поступятъ въ полную собственность и обладаніе Его Величества Императора Наполеона».

Эти, приведенныя полностью, статьи исчерпываютъ все содержа-

ніе мирнаго договора, поскольку онъ учитывалъ русскіе и французскіе итоги войны со стороны Средиземнаго моря.

Краткій лаконизмъ этихъ двухъ секретныхъ статей соотвѣтствуетъ крайнему же трагизму, какой онѣ создавали для нашего флота. Въ переводѣ на языкъ лѣтописей войны 1798—1800 и 1805—07 гг., эти статьи означали сдачу Россіей Наполеону всѣхъ завоеваній нашего флота въ Средиземномъ морѣ: уничтоженіе республики Семи Острововъ, уничтоженіе всѣхъ трудовъ адмирала Ушакова, сдачу Боко-ди-Катаро и Далматинскихъ отрововъ, сдачу бокезцевъ, уничтоженіе всѣхъ трудовъ адмирала Сенявина.

Четырьмя строчками были вычеркнуты девятилѣтнія усилія Россіи выйти къ теплому морю, что въ концѣ-концовъ и было достигнуто съ наименьшими жертвами, съ наибольшею славой.

При всемъ желаніи объяснить эти двѣ статьи крайнею необходимостью, которая противъ воли могла заставить Императора Александра согласиться на включеніе ихъ въ Тильзитскій договоръ, этого сдѣлать нельзя.

Конечно, неудачи, преслѣдовавшія въ эту же войну нашу армію, начавшіяся Аустерлицемъ и закончившіяся Фридландомъ, вынудили Императора Александра просить мира. Очевидецъ Фридландскаго сраженія, цесаревичъ Константинъ Павловичъ передъ Тильзитомъ сказалъ Императору: «Государь, если Вы не желаете заключить миръ съ Франціей, то дайте каждому Вашему солдату хорошо заряженный пистолетъ и прикажите имъ выстрѣлить въ себя, въ такомъ случаѣ Вы получите тотъ же результатъ, какой Вамъ дало бы новое и послѣднее сраженіе, которое навѣрно открыло бы двери Вашей Имперіи французскимъ войскамъ, привыкшимъ къ битвамъ и всегда побѣдоноснымъ». Но если бы вопросъ шелъ о спасеніи только Россіи, то, понятно, и эти двѣ статьи не встрѣтили бы никакого упрека.

Между тѣмъ Тильзитскій договоръ, нанеся въ секретныхъ статьяхъ русскому флоту рану въ самое сердце, въ открытыхъ статьяхъ говоритъ о томъ, что Пруссія, изъ уваженія Наполеона къ Императору Александру, получаетъ завоеванныя французскими войсками «страны, города и земли», и дальше слѣдуетъ длинный перечень возвращаемыхъ Пруссіи земель. Но не ради прекрасныхъ глазъ королевы прусской Луизы Наполеонъ возвращалъ Пруссіи завоеванныя имъ страны, города и земли. Утверждать, что Императоръ Александръ, включившій въ договоръ эти выгодныя для Пруссіи статьи, не сознавалъ, что сдача Іоническихъ острововъ и Боко-ди-Катаро, хотя отчасти является компенсаціей за уступки Наполеона въ пользу Пруссіи, невозможно*). А

*) Въ собственноручной замѣткѣ Императора Александра I, помѣченной Тильзитомъ $\frac{\text{24 іюня}}{\text{6 іюля}}$ 1807 г., говорится: „Я прошу только... взамѣнъ очищенія Молдавіи и Валахіи, уступки княжества Іеверъ, *Катаро и Семи Острововъ*, для облегченія участи прусскаго короля, возвратить ему 200.000 душъ на лѣвомъ берегу Эльбы, включая сюда Старую Марку, остальную часть Магдебурга и Гальберштадта, которыя по признанію самого Наполеона обѣщаны мнѣ, и назначить Нетце и Древенцъ границами съ герцогствомъ Варшавскимъ". (Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ., т. 88).

если это было сдѣлано сознательно, то остается только искать причину такого страннаго отношенія Государя къ вопросу, коренным образомъ измѣнявшему русскую морскую политику и долгимъ болѣзненнымъ процессомъ грозившему отозваться и отозвавшемуся на личномъ составѣ флота.

Причина, хотя ее до сихъ поръ и не называли, объясняется, въ концѣ-концовъ, нѣкоторыми свойствами самой личности Императора Александра.

Двѣ секретныя статьи Тильзитскаго мира касаются тѣхъ областей, которыя неразрывно связаны съ именами Ушакова и Сенявина. Отношенія Императора къ каждому изъ этихъ адмираловъ въ отдѣльности диктовались различными чувствами. Образъ Ушакова вставалъ передъ Императоромъ, какъ живой упрекъ въ неблагодарности. «Не прошу я», писалъ Ушаковъ Государю за годъ до Тильзита, «награды знатныхъ имѣній, высокославными предками Вашими за службу мою мнѣ обѣщанныхъ...». «Послѣ окончанія знаменитой кампаніи, бывшей на Средиземномъ морѣ, честію прославившій флотъ Вашъ, замѣчаю, въ сравненіи противу прочихъ, лишеннымъ себя высокомонаршихъ милостей и милостиваго воззрѣнія...» И Ушаковъ—въ то время, когда только на дѣйствіяхъ флота, опиравшагося на завоеванные Ушаковымъ же Іоническіе острова, отдыхала удрученная пораженіями армія Россіи — тогда же, въ 1806 году, былъ уволенъ по прошенію въ отставку. Со стороны Императора Александра это былъ актъ глубокой неблагодарности. Еще болѣе неприглядный оттѣнокъ приняло ко времени Тильзита отношеніе Императора Александра къ Сенявину. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но къ этому отношенію примѣшивались и зависть, и мелочная мстительность. Къ чему же зависть? За что же мстительность?

По человѣчеству, Александръ I завидовалъ Сенявину тогда, когда, самъ будучи во многомъ виноватъ въ неудачахъ, сопровождавшихъ въ эту войну нашу армію, только и слышалъ отъ Сенявина, что объ успѣхахъ флота. Тутъ Аустерлицъ, тутъ конфузъ съ корпусомъ гр. Толстого, зря отправленнымъ въ Шведскую Померанію, конфузъ съ дивизіей, также зря посланной въ Неаполь, уязвленное военное честолюбіе, неизбѣжность новыхъ пораженій, тяжкія думы о будущемъ, полное крушеніе плановъ войны, разгромъ подъ Фридландомъ, а Сенявинъ такъ и сыпетъ донесеніями: «Вашему Императорскому Величеству Всеподданнѣйше доношу:... разбилъ, захватилъ, запялъ, взялъ въ плѣнъ уничтожилъ, истребилъ...».

Этимъ рѣзкимъ контрастомъ въ настроеніяхъ, которыя Александръ I воспринималъ тогда отъ горячо любимой имъ неудачливой арміи и нелюбимаго побѣдоноснаго флота, и создавалось, и питалось чувство зависти къ Сенявину. (На эту отрицательную черту въ характерѣ Императора Александра — способность къ зависти по отношенію къ лицамъ, стоявшимъ по положенію даже ниже его, указываютъ по-

слѣдніе, посвященные изученію личности Императора, капитальные историческіе труды).

Мелочная же мстительность основывалась на другомъ личномъ качествѣ Императора: «онъ предпочиталъ», говоритъ въ своихъ запискахъ современникъ, С. А. Тучковъ, «терпѣть уронъ отъ безпрекословнаго повиновенія, нежели выгоды отъ рѣшительности. Правило сіе онъ распространилъ и на главнокомандующихъ». Сенявинъ же далъ особенно много примѣровъ самостоятельности и рѣшительности (неисполненіе повелѣнія о возвращеніи флота въ Россію, занятіе Боко-ди-Катаро, ультиматумы австрійцамъ въ Катаро и Тріестѣ, отказъ въ признаніи мира, заключеннаго между Россіей и Франціей и мн. др.), правда, всегда приводившихъ къ «выгодѣ» для Россіи, и за эти цѣнныя качества, такъ широко имъ проявленныя, на него же впослѣдствіи и обрушилось ревнивое недоброжелательство Государя.

И эта мстительность Сенявину только возросла, когда, по заключеніи Тильзитскаго мира, она же была поставлена въ упрекъ Александру I Карамзинымъ въ письмѣ, отправленномъ Государю по случаю заключенія мира:

«Сенявинъ, по причинѣ достохвальныхъ своихъ поступковъ и уваженія своей націи, которое онъ успѣлъ заслужить, почитаемый какъ ученикъ адмирала Мордвинова, гонимъ за оное».

Здѣсь указанъ и новый мотивъ гоненія на Сенявина — любовь и уваженіе, которыя всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, окружали адмирала.

Оставить въ своемъ владѣніи Іоническіе острова и Боко-ди-Катаро, это для Александра I значило дать пышный расцвѣтъ морской идеѣ, сторонникомъ которой онъ не былъ, признать исключительное значеніе для Россіи флота, которое онъ отрицалъ, сознаться, что передъ Ушаковымъ и Сенявинымъ онъ глубоко виноватъ, на что онъ не былъ способенъ.

И все, что было завоевано въ Средиземномъ морѣ флотомъ, отошло къ Наполеону.

Здѣсь умѣстно вспомнить, что въ 1802 г. гр. Воронцовъ (председатель Особаго Комитета), отражавшій взгляды на флотъ самого Государя, писалъ въ своемъ докладѣ:

«По многимъ причинамъ, физическимъ и локальнымъ, Россіи нельзя быть въ числѣ первенствующихъ морскихъ державъ, да въ томъ ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должна быть въ сухопутныхъ войскахъ... Посылка нашихъ эскадръ въ Средиземное море и другія далекія экспедиціи стоили государству много, дѣлали нѣсколько блеску и пользы никакой».

Неумолимый ходъ событій слишкомъ скоро и слишкомъ зло посмѣялся надъ этими наивными словами. «Не было надобности» — но съ 1804 г. эскадру за эскадрой посылали въ Средиземное море. А о «пользѣ» и говорить не приходится: кто же, какъ не флотъ, лишенный всѣхъ завоеваній, послѣ Фридланда спасъ Россію отъ грозившаго ей

испытанія? Чьими же, какъ не исключительно того же флота, побѣдами Россія по Тильзитскому миру получила Бѣлостокскую область и милостивое разрѣшеніе Наполеона на свободу дѣйствій въ Финляндіи и Бессарабіи?

И тотъ же Тильзитъ, ставшій для флота синонимомъ униженія, особенно рѣзко предопредѣлилъ судьбу флота на все царствованіе Императора Александра. Вмѣсто глубокой благодарности флотъ заслужилъ пренебреженіе, и для Государя, имя котораго онъ же прославилъ, окончательно сталъ нелюбимымъ пасынкомъ.

И Тильзитъ переживался во флотѣ съ тѣмъ большею горечью, что по времени совпалъ съ блистательными побѣдами Сенявина надъ турецкимъ флотомъ въ Архипелагѣ; и рѣзкій переходъ отъ упоенія побѣдой къ вынужденной сдачѣ своихъ завоеваній явился для флота особенно тяжелымъ.

Тяжело было Баратынскому сдавать французамъ то, что Сенявинъ, уходя изъ Катаро, завѣщалъ ему защищать до послѣдней капли крови. Вѣдь положеніе, въ которомъ засталъ его Тильзитъ — утвержденіе Россіи въ Адріатикѣ, оно было куплено кровью не только русскою, но и черногорской, и бокезской, и герцеговинской, и далматинской. Рушились результаты трудовъ св. Петра, лично водившаго черногорцевъ въ отчаянные бои съ французами; усилія славянскихъ народовъ, беззавѣтно отдававшихъ Россіи свои жизнь и имущество, подвели ихъ подъ власть Наполеона.

Тильзитъ, поэтому — вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжелый ударъ славянству, насильственный разрывъ той связи, которая сама собою сложилась между Россіей и тяготѣвшими къ ней, ей единокровными и единовѣрными, адріатическими славянами.

Сдача Боко-ди-Катаро, взятыхъ нами Далматинскихъ и всѣхъ Іоническихъ острововъ произошла въ отсутствіе Сенявина. Когда онъ въ сентябрѣ вернулся изъ Архипелага въ Корфу, на крѣпости уже развѣвался французскій флагъ, и генералъ Бертье потребовалъ немедленнаго салюта, на что тогда же получилъ отъ адмирала рѣшительный отказъ. Сенявинъ разрыдался, въ послѣдній разъ прикладываясь въ Корфу къ мощамъ св. Спиридонія и прощаясь съ народомъ: онъ оплакивалъ эту безславную сдачу и потерю купленнаго тяжелыми жертвами русскаго вліянія въ Средиземномъ морѣ.

Такъ, сдачей Наполеону всѣхъ нашихъ завоеваній, закончилась на Средиземномъ морѣ война съ Франціей.

Флоту было приказано возвращаться въ Балтику.

Тильзитъ, ставшій нарицательнымъ именемъ для одного изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ въ исторіи русскаго флота, оставившій глубокіе слѣды на всемъ дальнѣйшемъ царствованіи Императора Александра, всего ощутительнѣе, конечно, отозвался на ближайшихъ же войнахъ.

Въ одну изъ нихъ, войну съ Англіей 1807—12 гг., опредѣлилась и дальнѣйшая судьба флота Сенявина — этого, уже и тогда, «по при-

чинѣ достохвальныхъ своихъ поступковъ и уваженія своей націи» гонимаго, великаго русскаго адмирала.

III. Война съ Турціей 1806—1812 гг.

Планъ взятія Константинополя. Военныя дѣйствія въ Архипелагѣ. Взятіе Тенедоса Дарданелльское и Аѳонское сраженія. Военныя дѣйствія въ Черномъ морѣ и на Дунаѣ.

Возникшая въ 1806 г. война съ Турціей явилась отдаленнымъ эхомъ русско-французской войны 1805—07 гг. Уже Аустерлицъ опредѣлилъ тотъ путь, по которому, бывшая съ нами въ дружественныхъ отношеніяхъ, Порта черезъ годъ была приведена къ полному разрыву съ Россіей и объявленію намъ войны.

Сейчасъ же послѣ Аустерлица Турція признала за Наполеономъ императорскій титулъ, въ чемъ ему отказали тогда Россія и Англія, и обмѣнялась съ Франціей посольствомъ. Этотъ шагъ Порты диктовался какъ ея увѣренностью въ томъ, что силы Россіи надолго сломлены, такъ и податливостью передъ Наполеономъ, достигшимъ тогда, какъ казалось, наибольшей славы и могущества. Виды же Наполеона на Турцію были весьма прозрачны: онъ хотѣлъ поднять ее на войну съ Россіей, участницей образовавшейся противъ Франціи коалиціи. Въ этомъ смыслѣ и далъ Наполеонъ инструкціи генералу Себастіани, назначенному имъ посланникомъ въ Константинополь. Искуснѣйшій дипломатъ, къ тому же вовсе не стѣснявшійся въ средствахъ, Себастіани въ короткій срокъ успѣлъ совершенно подчинить Турцію вліянію Франціи. Все время возбуждая Порту противъ Россіи, онъ одновременно заботился о поднятіи ея боевой мощи, и появившіеся въ турецкой арміи французскіе инструкторы не оставляли сомнѣнія въ томъ, въ какую именно сторону обрушится подготовляемый Турціей ударъ.

Особенно удачно Себастіани использовалъ въ своихъ цѣляхъ сербское возстаніе, поднявшееся противъ Турціи знаменитымъ вождемъ сербовъ Кара-Георгіемъ въ 1804 году. Хотя обращеніе сербовъ за помощью въ Петербургъ встрѣтило достаточно холодный пріемъ и указаніе на то, что обращаться слѣдовало бы не въ Петербургъ, а въ Константинополь, Себастіани со свойственнымъ ему искусствомъ сумѣлъ убѣдить Турцію въ томъ, что возстаніе сербовъ питается исключительно поддержкой Россіи. Настроенная враждебно Турція не замедлила сдѣлать съ своей стороны такіе шаги, которые по отношенію къ Россіи были уже явно недружелюбны: произвольно, до установленнаго договорами срока, смѣнила преданныхъ Россіи господарей Молдавіи и Валахіи, отмѣнила старинныя привилегіи греческихъ судовъ, плававшихъ подъ русскимъ флагомъ, запретила, наконецъ, проходъ русскихъ военныхъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы (послѣднее, чтобы стѣ-

сить, въ угоду Наполеону, снабженіе эскадры Сенявина корабельными и другими припасами изъ Черноморскихъ портовъ); въ то же время Турція передвигала свои войска къ Дунаю и укрѣпляла придунайскія и приднѣстровскія крѣпости. (Днѣстромъ тогда опредѣлялась русско-турецкая граница).

Русскій ультиматумъ, объявленный Портѣ въ отвѣтъ на нарушеніе ею договоровъ, даже подкрѣпленный отправленіемъ части южной арміи къ Днѣстру, желаемаго дѣйствія не произвелъ: права господарей были возстановлены, но всѣ другія требованія Россіи остались безъ отвѣта.

Для Россіи не было другого исхода, какъ принять болѣе рѣшительныя мѣры. Генералу Михельсону было приказано перейти черезъ Днѣстръ и вступить въ Дунайскія княжества, что и было сдѣлано въ концѣ ноября 1806 года. Но Михельсону вскорѣ же пришлось отдѣлить часть своихъ силъ, вызванную къ границамъ Пруссіи, и онъ остался всего при 40.000.

Именно тогда, по настоянію Себастіани (18-го декабря 1806 года) султанъ объявилъ Россіи войну.

Застигнутая если не врасплохъ, то, во всякомъ случаѣ, съ малочисленной арміей, Россія для самого же начала войны намѣтила планъ, который въ другія наши войны съ Турціей неизмѣнно ставился въ концѣ, планъ взятія Константинополя. Совершенно правильно поставленный вначалѣ, этотъ планъ предполагалъ одновременность дѣйствій флотовъ со стороны Чернаго и Средиземнаго морей и арміи — главныхъ силъ Михельсона и десантнаго корпуса, который долженъ былъ быть доставленъ на Черноморскихъ судахъ.

Разбору этого не осуществленнаго плана слѣдуетъ предпослать нѣсколько предварительныхъ объясненій.

Общая численность турецкой арміи достигала въ то время внушительной цифры — 266.000 регулярныхъ войскъ и 60.000 милиціи; на театрѣ войны находилась, конечно, только часть этихъ вооруженныхъ силъ. Турецкій флотъ насчитывалъ 15 линейныхъ кораблей, въ большинствѣ прекрасной французской постройки, 10 фрегатовъ, 18 корветовъ и 100 мелкихъ судовъ, и держался почти безвыходно въ Мраморномъ морѣ. Нашъ Черноморскій флотъ, уже въ то время сильно запущенный тогдашнимъ главнымъ командиромъ, впослѣдствіи морскимъ министромъ, вице-адмираломъ маркизомъ де-Траверсе, состоялъ изъ 6 кораблей, 5 фрегатовъ, 2 бриговъ и 50 канонерскихъ лодокъ. Наши силы, находившіяся въ Средиземномъ морѣ (Іоническіе острова и Адріатика) — 16 (съ присоединеніемъ къ Сенявину эскадры капитанъ-командора Игнатьева) линейныхъ кораблей, 7 фрегатовъ, 7 корветовъ, 7 бриговъ и до 40 мелкихъ судовъ.

Какъ извѣстно изъ предыдущаго (война съ Франціей 1805—07 гг.), Сенявинъ, оставивъ въ Адріатикѣ эскадру капитанъ-командора Баратынскаго, 7-го января 1807 года съ главными силами флота отправился изъ Катаро въ Корфу, чтобы принять мѣры противъ возмож-

ныхъ покушеній на Іоническіе острова Али-паши Янинскаго, подстрекаемаго Наполеономъ. О войнѣ съ Турціей адмиралу еще ничего не было извѣстно.

По прибытіи въ Корфу Сенявинъ узналъ, что распространившіеся тревожные слухи имѣли нѣкоторыя основанія: Али-паша собиралъ свои войска, задерживалъ суда съ провизіей, шедшія изъ Албаніи къ Іоническимъ островамъ, и вообще держалъ себя довольно подозрительно.

Энергичное письмо, отправленное Сенявинымъ Али-пашѣ, сразу же охладило его воинственный пылъ: адмиралъ получилъ отъ него отвѣтное письмо, составленное въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, съ увѣреніями въ отказѣ отъ какихъ-либо враждебныхъ противъ Россіи намѣреній.

Вскорѣ же Сенявинъ получилъ изъ Петербурга отъ Чичагова инструкцію о выступленіи флота, въ случаѣ возникновенія войны съ Турціей, въ Архипелагъ и о планѣ войны, который предлагался адмиралу къ исполненію.

Этотъ планъ и говорилъ о походѣ на Константинополь: «главнѣйшею цѣлью» дѣйствій адмиралу ставилось «нанесеніе удара въ самое нѣдро Оттоманской Имперіи, достиженіемъ и покореніемъ ея столицы». Эта инструкція, загроможденная множествомъ второстепенныхъ задачъ (занятіе главныхъ пунктовъ Архипелага, въ томъ числѣ острововъ Митилены и Родоса, блокада Египта, недопущеніе морского сообщенія между Турціей и Франціей, отправленіе нѣсколькихъ кораблей въ Сицилію для поддержки неаполитанскаго короля и пр.), возлагавшихся на находившіяся въ распоряженіи Сенявина морскія силы (съ присоединеніемъ къ нимъ, какъ ожидалось, нѣсколькихъ союзныхъ англійскихъ судовъ), при условіи, кромѣ того, охраны Іоническихъ острововъ, Боко-ди-Катаро и Далмаціи, была, въ сущности, во всемъ своемъ объемѣ невыполнима. Кромѣ того, она была очень неопредѣленна въ смыслѣ указанія времени, въ какое Сенявинъ долженъ былъ идти въ Архипелагъ и ей въ этомъ смыслѣ противорѣчила другая, полученная въ Корфу бумага (не на имя Сенявина, но также по Высочайшему повелѣнію—отъ министра иностранныхъ дѣлъ графу Моцениго, нашему уполномоченному при республикѣ Семи Острововъ), помѣченная въ Петербургѣ той же датой (8 января), что и инструкція; въ этой бумагѣ говорилось, что адмиралъ долженъ идти къ Дарданелламъ только по полученіи офиціальнаго извѣстія о началѣ войны.

Вѣрный самому себѣ, Сенявинъ рѣшилъ не ждать больше никакихъ бумагъ изъ Петербурга и не ждать офиціальнаго объявленія войны, а идти теперь же къ Дарданелламъ, чтобы, во-первыхъ, тамъ лично убѣдиться, что война уже началась, а, во-вторыхъ, чтобы не быть предупрежденнымъ англичанами, которые, хотя и состояли съ нами въ союзѣ, но вели свою особую политику и, какъ догадывался Сенявинъ, хотѣли предупредить русскаго адмирала въ появленіи передъ Константинополемъ.

Относительно взятія Константинополя имѣвшаяся у Сенявина

инструкція не давала особыхъ подробностей; она указывала, между прочимъ, что адмиралъ, въ случаѣ завладѣнія Константинополемъ, долженъ требовать отъ турокъ свободнаго сообщенія съ арміей Михельсона, и что «для равномѣрнаго нападенія на нихъ со стороны Чернаго моря пріемлются всѣ могущія способствовать къ тому мѣры и дѣятельности».

10-го февраля, оставивъ для защиты Іоническихъ острововъ нѣсколько судовъ подъ начальствомъ капитана 1 ранга Лелли и большую часть находившихся тамъ войскъ, Сенявинъ съ кораблями *Твердый* (флагъ Сенявина), *Ретвизанъ* (флагъ Грейга, произведеннаго въ контръ-адмиралы), *Сильный, Рафаилъ, Мощный, Скорый, Селафаилъ, Ярославъ*, фрегатомъ *Венусъ* и шлюпомъ *Шпицбергенъ* отправился изъ Корфу въ Архипелагъ; на корабляхъ находились, для предстоящихъ десантныхъ дѣйствій, два батальона Козловскаго мушкетерскаго полка, артиллеристы и стрѣлки — всего 1.300 человѣкъ. Передъ уходомъ къ адмиралу явилась депутація отъ населенія всѣхъ Іоническихъ острововъ и при особомъ адресѣ, въ которомъ говорилось «о всеобщемъ и великомъ благоговѣніи» передъ Сенявинымъ, поднесла адмиралу, по рѣшенію народнаго собранія, за заботы «о безопасности, продовольствіи и благоденствіи народа», усыпанные брилліантами жезлъ и почетную золотую шпагу.

Остановившись 15-го февраля у острова Идро, гдѣ эскадра была восторженно встрѣчена греками, предложившими въ распоряженіе Сенявина нѣсколько мелкихъ вооруженныхъ судовъ, адмиралъ пополнилъ запасы прѣсной воды и провіанта, и на слѣдующій день вышелъ въ дальнѣйшее плаваніе, сопровождавшееся свѣжими противными вѣтрами.

23-го февраля, подходя къ острову Тенедосу, Сенявинъ замѣтилъ англійскую эскадру изъ 7 кораблей, подъ флагомъ вице-адмирала Дукворта, стоявшую между Тенедосомъ и входомъ въ Дарданелльскій проливъ, и здѣсь же сталъ съ эскадрой на якорь. Англійскіе корабли были повреждены: было ясно, что они только что вернулись съ боя.

Отъ Дукворта Сенявинъ узналъ, что англійская эскадра, пришедшая изъ Мальты къ Тенедосу 2-го февраля, 7-го числа, при первомъ попутномъ вѣтрѣ, направилась въ Дарданеллы (въ эскадрѣ были еще 2 фрегата и 2 бомбардирскихъ судна). Встрѣченный слабымъ огнемъ батарей, Дуквортъ сжегъ въ проливѣ нѣсколько стоявшихъ тамъ турецкихъ судовъ и 9-го февраля подошелъ къ Константинополю. Наступившій съ этого дня штиль, а затѣмъ противные вѣтры, заставили Дукворта 10 дней провести въ полномъ бездѣйствіи; турки же, при дѣятельной помощи Себастіани и французскихъ инженеровъ, за это время дѣятельно укрѣпляли Константинополь и Дарданеллы. Не сумѣвъ извлечь никакой пользы изъ своей стоянки у Константинополя, оставивъ на произволъ судьбы захваченныхъ на берегу турками посланныхъ за провизіей мичмана и нѣсколькихъ матросовъ, Дуквортъ счелъ за лучшее удалиться, и 19-го февраля, при первомъ попутномъ

вѣтрѣ, направился въ обратное плаваніе. Но теперь ему пришлось прорываться черезъ сильно укрѣпленные Дарданеллы: почти всѣ англійскіе корабли были избиты. Обратный прорывъ дорого обошелся и личному составу эскадры, потерявшему около 100 человѣкъ убитыми и ранеными.

Впечатлѣніе, произведенное на Дукворта этимъ неудачнымъ походомъ, было самое тяжелое.

«За всѣми тѣми невозможностями», доносилъ Государю Сенявинъ, «которыя представлялъ мнѣ г. Дуквортъ атаковать вторично Константинополь общими настоящими силами, я упрашивалъ его всевозможно, чтобы еще разъ попытать, но онъ, наконецъ, рѣшительно и письменно отказалъ мнѣ».

28-го февраля Сенявинъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, въ виду отказа въ помощи со стороны англичанъ, не предпринимать похода на Константинополь, а ограничиться тѣсною блокадой Дарданеллъ. Планъ взятія Константинополя со стороны Средиземнаго моря оказался, такимъ образомъ, не осуществленнымъ. Сенявинъ сдѣлалъ все, что могъ: ушелъ къ Дарданелламъ до полученія свѣдѣній объ объявленіи войны, настаивалъ передъ Дуквортомъ на совмѣстномъ прорывѣ черезъ Дарданеллы; прорываться же теперь одному значило подвергать всю свою эскадру такому риску, который не оправдывался никакими соображеніями. Въ чемъ, кромѣ того, былъ глубоко правъ Сенявинъ, это въ его подозрѣніяхъ, что англичане хотѣли насъ предупредить: Дуквортъ не подождалъ Сенявина и за свою торопливость былъ жестоко наказанъ.

Но еще раньше выяснилось, что отъ плана взятія Константинополя отказались и со стороны Чернаго моря. Хотя малочисленный и запущенный Черноморскій флотъ и готовился къ прорыву черезъ Босфоръ и командующему эскадрой контръ-адмиралу Пустошкину, Чичаговъ отправилъ относительно прорыва и взятія Константинополя очень подробную инструкцію, но судьба Босфорской экспедиціи была рѣшена въ Одессѣ: герцогъ Ришелье и маркизъ де-Траверсе 12-го февраля дали письменный отзывъ, въ которомъ, указывая, что 17-тысячный десантный корпусъ, назначенный для овладѣнія Константинополемъ, въ большинствѣ состоитъ изъ совершенно неспособныхъ къ службѣ офицеровъ и командъ (рекруты), признали, что при этихъ условіяхъ они «не осмѣливаются отваживать самую честь и славу цѣлой Россіи». Въ Петербургѣ съ этимъ отзывомъ согласились, и вопросъ о взятіи Константинополя былъ надолго отложенъ.

Этотъ неосуществленный планъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, представляетъ довольно стройное стратегическое заданіе. Арміи и флоту были даны вполнѣ опредѣленныя задачи, разработанныя, однако, не съ одинаковой подробностью и не съ достаточной освѣдомленностью и въ нашихъ, и турецкихъ силахъ. Тщательнѣе всего разработанъ прорывъ черезъ Босфоръ и совмѣстныя дѣйствія десанта и Черноморскаго

флота противъ Константинополя, и здѣсь обиліе мелкихъ указаній могло бы даже сильно стѣснить личную иниціативу.

Но если бы Черноморскій флотъ и десантъ и взяли Константинополь, то задача, поставленная Михельсону — дѣйствіями въ Молдавіи и Валахіи отвлекать турецкія силы отъ Константинополя — при малочисленности имѣвшихся у него войскъ была еще труднѣе выполнимой.

Надо признать, что при тѣхъ средствахъ, которыми располагала Россія, этотъ планъ могъ бы имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если бы Сенявинъ до Дукворта прошелъ въ Константинополь. Рѣшительность и твердость адмирала говорятъ за то, что свое требованіе передъ турецкой столицей онъ сумѣлъ бы обратить въ пользу Россіи или добился бы заключенія мира, или такъ или иначе, вступивъ въ связь съ Черноморскимъ флотомъ и арміей Михельсона, нанесъ бы наибольшій вредъ непріятелю.

Судьба рѣшила иное. Но Константинополю все-таки суждено было почувствовать силу Сенявина, хотя и не непосредственно. 1-го марта адмиралъ Дуквортъ, окончательно отказавшійся отъ какихъ-либо новыхъ дѣйствій даже въ Архипелагѣ, со всѣми своими кораблями ушелъ на Мальту чинить поврежденія, и въ этотъ же день Сенявинъ отправилъ къ Тенедосу контръ-адмирала Грейга съ кораблями *Ретвизанъ* и *Рафаилъ* и фрегатомъ *Венусъ*, съ предложеніемъ турецкому коменданту сдать крѣпость.

Сношенія, которыя 2 и 3 марта Грейгъ имѣлъ съ комендантомъ крѣпости, закончились категорическимъ отказомъ турокъ сдать крѣпость и островъ: отлично понимая значеніе Тенедоса, какъ ключа къ Дарданелламъ, и сознавая, что занятіе острова обезпечило бы Сенявину прочное господство въ Архипелагѣ, турки рѣшили защищать его до послѣдней капли крови.

Извѣщенный объ этомъ Грейгомъ, Сенявинъ, оставивъ для наблюденія за Дарданеллами корабли *Скорый* и *Селафаилъ*, съ остальными судами эскадры 6-го марта самъ подошелъ къ Тенедосу.

7-го марта главнокомандующій дѣлалъ нужныя распоряженія о назначенной имъ атакѣ Тенедоса, и въ ту же ночь корабли стали передъ крѣпостью на назначенныя мѣста.

Съ разсвѣтомъ корабль *Мощный* и фрегатъ *Венусъ* открыли огонь, очищая на берегу позицію для десанта, крѣпость немедленно отвѣтила по стоявшему къ ней ближе *Рафаилу*, и завязалась долгая перестрѣлка. Турки очистили берегъ и отошли къ крѣпости, и въ 7 часовъ утра съ кораблей уже высадился десантъ въ 1.660 человѣкъ, съ 6-ю полевыми орудіями.

Вскорѣ же къ десанту прибылъ самъ Сенявинъ. Ознакомившись съ положеніемъ на мѣстѣ, онъ немедленно приказалъ первой колоннѣ десанта (контръ-адмиралъ Грейгъ) атаковать непріятеля, отошедшаго на высоты, а второй — взять ближайшій ретраншементъ, и самъ же повелъ эту колонну.

Съ высотъ турки были быстро отброшены къ крѣпости, ретран-

шементъ взять атакой въ штыки; Сенявинъ во главѣ своей колонны ворвался въ форштадтъ, куда, по водруженіи русскаго флага, были поставлены наши орудія, открывшія по крѣпости сильный огонь.

На вторичное предложеніе сдаться турки отвѣчали новымъ отказомъ, но продержались послѣ этого только 2 дня: 10-го марта къ Сенявину явился посланный отъ коменданта съ изъявленіемъ согласія на сдачу, а 11-го турки очистили Тенедосъ, «оставя побѣдителямъ», какъ доносилъ Сенявинъ Государю, «крѣпость, на которой вѣетъ флагъ Вашего Императорскаго Величества».

Взятіе Тенедоса стоило намъ 4 нижнихъ чиновъ убитыми и 6 офицеровъ и 80 нижнихъ чиновъ ранеными; турки же потеряли убитыми около 200 и ранеными свыше 150. Въ крѣпости Сенявину достались 79 пушекъ и большое количество снарядовъ; провіантъ же, доставшійся отъ турокъ, адмиралъ роздалъ бѣднымъ жителямъ Тенедоса—грекамъ, «потерпѣвшимъ при семъ случаѣ раззореніе». Турецкому гарнизону, въ числѣ 1.200 человѣкъ, вмѣстѣ съ 400 женщинъ и дѣтей, было разрѣшено отправиться съ имуществомъ на анатолійскій берегъ, причемъ турки дали слово не принимать болѣе участія въ войнѣ противъ Россіи.

По овладѣніи Тенедосомъ, Сенявинъ получилъ господство въ Архипелагѣ и удобную базу для блокады Дарданеллъ, но это господство было условное: скрывавшійся въ Мраморномъ морѣ турецкій флотъ былъ по своему составу достаточно силенъ, чтобы при удачѣ разбить русскую эскадру.

Но Сенявинъ не только предвидѣлъ встрѣчу съ турецкимъ флотомъ, но и желалъ ея, и со времени занятія Тенедоса всѣ его дѣйствія сводятся къ тому, чтобы вызвать турецкій флотъ изъ Мраморнаго моря и въ генеральномъ сраженіи нанести ему рѣшительное пораженіе, послѣ чего русское господство въ Архипелагѣ явилось бы неоспоримымъ.

Личный боевой опытъ въ прежнихъ войнахъ съ турками и знакомство съ ихъ военной психологіей по участію въ ушаковской кампаніи подсказали Сенявину, что наилучшимъ съ его стороны пріемомъ, который заставилъ бы турокъ выйти изъ Дарданеллъ, было бы временное раздѣленіе нашихъ силъ.

Съ этой цѣлью адмиралъ 19-го марта отправилъ нѣсколько судовъ подъ командой контръ-адмирала Грейга къ Салоникамъ съ тѣмъ, чтобы Грейгъ немедленно же возвращался къ Тенедосу съ первымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Конечно, здѣсь былъ большой рискъ, но Сенявинъ разсчитывалъ, что пока турецкій флотъ, узнавъ о раздѣленіи нашихъ силъ, соберется выйти изъ пролива, Грейгъ успѣетъ вернуться къ эскадрѣ, и турки будутъ встрѣчены всею нашей эскадрой.

Появленіе Грейга передъ Салониками едва не привело къ бомбардировкѣ города, но задувшій передъ началомъ бомбардировки свѣжій сѣверный вѣтеръ заставилъ Грейга ограничиться только нѣсколькими пушечными выстрѣлами и немедленно возвращаться къ Сенявину. У Тенедоса, гдѣ Грейгъ въ началѣ апрѣля соединился съ главнокоман-

дующимъ, онъ нашелъ присоединившiеся въ это время къ эскадрѣ, пришедшiе изъ Корфу, корабли *Урiилъ* и *Св. Елена* и нѣсколько бриговъ; у Дарданеллъ же, для блокады пролива и наблюденiя за возможнымъ выходомъ турецкаго флота, посмѣнно держались спецiально назначенныя для этого суда.

Блокада Дарданеллъ вскорѣ же дала себя знать: подвозъ провiанта (хлѣбъ изъ Египта) въ Константинополь былъ прекращенъ, и населенiе открыто выражало недовольство на бездѣйствiе флота, допустившаго русскаго адмирала занять Тенедосъ и оттуда дѣйствовать на щитательный нервъ Оттоманской столицы.

Ободренный свѣдѣнiями объ уходѣ части русской эскадры къ Салоникамъ и разсчитывая и впредь на возможное раздѣленiе нашихъ силъ, турецкiй флотъ, стоявшiй у Галлиполи, рѣшился, наконецъ, выступить противъ Сенявина, и 7-го мая вышелъ изъ пролива. Флотъ состоялъ изъ 8 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ, 4 шлюповъ, 1 брига и свыше 50 судовъ гребной флотилiи; командовалъ флотомъ капуданъ-паша (генералъ-адмиралъ) Сеидъ-Али, имѣвшiй у себя трехъ флагмановъ: адмирала Бекиръ-бея, вице-адмирала и контръ-адмирала.

Сенявинъ, узнавъ о выходѣ турокъ, рѣшилъ немедленно отойти отъ Тенедоса, оставивъ тамъ незначительный гарнизонъ: адмиралъ разсчитывалъ выйти у турокъ на вѣтеръ, отрѣзать ихъ отъ пролива и атаковать; къ тому же обилiе у непрiятеля мелкихъ судовъ грозило нашей эскадрѣ, при стоянкѣ у Тенедоса, атакой брандеровъ, а оставленный эскадрой Тенедосъ являлся для турокъ нѣкоторой приманкой, обнадеживавшей Сенявина въ томъ, что непрiятель изъ-за нея все-таки достаточно отдалится отъ Дарданеллъ и прикрывающихъ ихъ батарей.

Позднимъ вечеромъ того же 7-го мая наша эскадра обошла Тенедосъ съ южной стороны и направилась къ острову Имбро, но отсюда, вслѣдствiе неблагопрiятныхъ вѣтровъ, Сенявинъ вернулся только 9-го мая утромъ.

По возвращенiи къ Тенедосу Сенявинъ узналъ о неудачномъ, за время отсутствiя эскадры, покушенiи турокъ высадить на островъ десантъ (подъ командою французскихъ офицеровъ), стоившемъ непрiятелю значительныхъ потерь, и о томъ, что турецкiй флотъ стоитъ на якорѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тенедоса подъ Анатолiйскимъ берегомъ, у островковъ Маври.

10-го мая, воспользовавшись задувшимъ съ 2 часовъ дня свѣжимъ SW, наша эскадра снялась съ якоря, построилась въ боевой порядокъ и бросилась на непрiятеля. Едва корабли вступили подъ паруса, какъ немедленно же снялся съ якоря и непрiятельскiй флотъ и поспѣшно направился къ Дарданелламъ.

Сенявинъ поднялъ сигналъ: «нести всѣ паруса и напасть на непрiятеля по способности», — и началась погоня.

Но вѣтеръ скоро сталъ стихать, боевой порядокъ нашей эскадры разстроился, и въ 6 часовъ вечера, уже при свѣжемъ W , когда Сенявинъ сблизился съ непрiятелемъ, турки уже подходили къ Дарданел-

ламъ. Отрѣзать ихъ отъ пролива было уже невозможно, но адмиралъ рѣшилъ вступить въ бой подъ самыми батареями Дарданеллъ.

Фрегату *Венусъ*, шедшему впереди, было приказано атаковать отдѣлившійся турецкій корабль; *Венусъ* далъ залпъ въ корму непріятельскаго корабля, къ которому подошелъ на самое близкое разстояніе; другіе турецкіе корабли были атакованы *Селафаиломъ*, *Ретвизаномъ*, *Рафаиломъ* и *Сильнымъ*, и завязалось сраженіе.

Наши корабли прорѣзали непріятельскую линію, опережали бѣжавшихъ въ паникѣ турокъ и, обходя ихъ съ кормы или носа, дрались сразу на оба борта — въ сплошномъ пороховомъ дыму, въ наступившей темнотѣ, въ узкости пролива, подъ огнемъ съ обоихъ Дарданелльскихъ береговъ.

Самъ Сенявинъ на *Твердомъ*, пройдя подъ кормой корабля Бекиръ-бея и не отвѣчая на его выстрѣлы, устремился на корабль Сеидъ-Али и, подойдя къ нему такъ близко, что реи сошлись съ реями, далъ по немъ залпъ цѣлымъ бортомъ, нанеся ему огромныя поврежденія; *Уріилъ* вплотную сошелся съ турецкимъ вице-адмиральскимъ кораблемъ и своимъ такелажемъ снесъ у него бушпритъ, и этотъ же непріятельскій корабль, только что увернувшійся отъ *Уріила*, попалъ подъ жестокій огонь *Ретвизана* и *Мощнаго*, и едва успѣвалъ отстрѣливаться, спѣша укрыться подъ батареи. Корабль *Сильный* расправлялся съ подвернувшимся ему кораблемъ турецкаго контръ-адмирала и готовился свалиться на абордажъ, но этому помѣшала смерть убитаго въ этотъ моментъ командира корабля, капитанъ-командора Игнатьева. Во время сраженія, береговыя батареи съ обоихъ береговъ Дарданелльскаго пролива поддерживали бѣгущій въ паникѣ турецкій флотъ, но ихъ огонь былъ очень безпорядочный; своими каменными и мраморными ядрами онѣ поражали и своихъ, и чужихъ. Съ европейскаго берега, куда теченіемъ прижимало наши суда, по нимъ былъ открытъ также ружейный огонь.

Сраженіе прекратилось только къ полночи. Вѣтеръ совершенно стихъ, наступила полная тишина. Наша эскадра оказалась отнесенной теченіемъ подъ одну изъ европейскихъ крѣпостей въ Дарданеллахъ, къ мѣсту стоянки непріятельскаго флота. Адмиралъ приказалъ скрыть на эскадрѣ всѣ огни, спустить гребныя суда и, соблюдая полнѣйшую тишину, отбуксировать ими корабли изъ пролива. Къ 2 часамъ ночи турки замѣтили возвращеніе эскадры и открыли по ней изъ батарей пушечный и ружейный огонь, но было уже поздно; Сенявинъ вывелъ эскадру изъ обстрѣла батарей и, выйдя изъ пролива, сталъ на якорь у входа.

Съ разсвѣтомъ съ эскадры были замѣчены три турецкихъ корабля, сильно избитые (изъ нихъ одинъ вице-адмиральскій), безъ стенегъ, которые во время ночного сраженія стали на мель у азіатскаго берега при входѣ въ проливъ, и теперь спѣшно буксировались въ Дарданеллы гребною флотиліей. Сенявинъ сигналомъ приказалъ Грейгу съ кораб-

лями *Ретвизанъ, Ярославъ, Селафаилъ, Скорый* и фрегатомъ *Венусъ* атаковать непріятеля.

Турецкая гребная флотилія немедленно бросилась въ бѣгство; оставленные ею три корабля прибавили парусовъ и направились въ проливъ, но изъ нихъ только одинъ вошелъ въ Дарданеллы; два же другіе были вынуждены снова выброситься на мель подъ защиту береговыхъ батарей; всѣмъ тремъ были нанесены такія тяжелыя поврежденія, что они оказались совершенно негодными къ дальнѣйшей службѣ. Наступившій штиль заставилъ Грейга выйти изъ пролива, и этимъ окончилось Дарданелльское сраженіе.

Наши потери въ этомъ сраженіи: убито на эскадрѣ, кромѣ капитанъ-командора Игнатьева, 26 матросовъ и ранено 3 офицера, 1 гардемаринъ и 50 матросовъ; корабли на слѣдующій день справились съ поврежденіями, самыми незначительными. Потери у турокъ были очень большія: убитыхъ и раненыхъ у нихъ было около 1.000 человѣкъ, почти всѣ корабли сильно избиты.

Первый выходъ турецкаго флота противъ Сенявина оказался, такимъ образомъ, весьма неудачнымъ: потерпѣвъ сами пораженіе, турки не отняли Тенедоса и не нанесли урона нашей эскадрѣ. Огорченный капуданъ-паша сорвалъ свою досаду на своихъ же вице-адміралѣ и двухъ командирахъ кораблей: потребованные сигналомъ къ Сеиду-Али,

они, какъ наиболѣе, по его мнѣнію, виновные въ неудачѣ, всѣ трое на его же кораблѣ были удавлены.

12-го мая Сенявинъ перешелъ къ Тенедосу, и здѣсь состоялись торжественныя похороны капитанъ-командора Игнатьева, павшаго въ тотъ моментъ, когда онъ на *Сильномъ* отдавалъ приказаніе свалиться съ непріятельскимъ кораблемъ на абордажъ.

Къ Дарданелламъ Сенявинъ 16-го мая снова выслалъ блокирующія суда — корабль *Мощный* и фрегатъ *Венусъ*, а черезъ два дня отправилъ на смѣну имъ Грейга съ 5 кораблями, тѣсно обложившими входъ въ проливъ и окончательно прекратившими подвозъ провіанта въ Константинополь.

Въ столицѣ Турціи, гдѣ цѣны на съѣстные припасы непомѣрно вздорожали, началась голодовка, перешедшая вскорѣ въ голодный бунтъ, завершившійся государственнымъ переворотомъ: возмутившимися янычарами и чернью были убиты всѣ министры, султанъ Селимъ III сверженъ съ престола, на престолъ вступилъ Мустафа IV. Отъ новаго султана народъ требовалъ вторичнаго отправленія морскихъ силъ противъ Сенявина, но турецкій флотъ все медлилъ выходомъ изъ пролива.

Сенявину, жаждавшему рѣшительнаго сраженія съ непріятельскимъ флотомъ, оставалось снова обратиться къ испытанному имъ пріему — раздѣленіемъ своихъ силъ вызвать турокъ въ Архипелагъ, и мѣстомъ для демонстраціи онъ избралъ на этотъ разъ островъ Лемносъ. Въ концѣ мая Грейгъ былъ отозванъ отъ Дарданеллъ и съ кораблями *Уріилъ, Ярославъ, Рафаилъ, Елена* и *Ретвизанъ* отправленъ къ Лемносу.

Демонстрація удалась и на этотъ разъ: 3-го іюня Грейгъ, ставшій у Лемноса противъ крѣпости Пелари, высадилъ десантъ въ 812 чел. при 28 офицерахъ подъ командой командира корабля *Рафаилъ*, капитана 1 ранга Лукина; десантъ, взявшій послѣ атаки передовыя укрѣпленія, готовился уже на слѣдующее утро штурмовать крѣпость Ликодію, какъ полученное ночью приказаніе заставило его немедленно возвращаться: турецкій флотъ показался изъ пролива, и Сенявинъ потребовалъ Грейга къ Тенедосу.

Не закончивъ, такимъ образомъ, и здѣсь начатаго дѣла (на Лемносѣ мы потеряли 14 убитыми и 6 ранеными, а турки всего до 150 человѣкъ), Грейгъ на слѣдующій день ушелъ отъ Лемноса, взявъ съ собою 7 захваченныхъ здѣсь турецкихъ судовъ съ разнымъ грузомъ.

Оказалось, что турки только ненадолго показались изъ пролива и сейчасъ же ушли. Но это, какъ считалъ Сенявинъ, было признакомъ скораго ихъ выхода въ Архипелагъ на болѣе продолжительное время, и въ этомъ адмиралъ не ошибся.

Настойчивыя требованія народа и приказанія новаго султана, желавшаго ознаменовать начало своего царствованія блистательной морской побѣдой, заставили, наконецъ, капудана-пашу собрать всѣ годные

для боя корабли и, всенародно поклявшись доставить въ Константинополь голову Сенявина, снова выйти противъ русскаго адмирала.

10-го іюня турецкій флотъ показался изъ Дарданеллъ. Турки стали на якорь по южную сторону острова Имбро — всего 10 кораблей, 6 фрегатовъ, 3 шлюпа и 2 брига: у Сеида-Али было два флагмана: адмиралъ Бекиръ-бей и контръ-адмиралъ.

Свѣжій N, державшійся непрерывно трое сутокъ, только 14-го числа позволилъ Сенявину сняться съ якоря и выйти въ море; у Тенедоса же, для его защиты, адмиралъ оставилъ бригъ *Богоявленскъ* (Черноморскаго флота) подъ командой лейтенанта де-Додта.

Схема къ дѣйствіямъ Сенявина и Грейга въ Архипелагѣ въ 1807 году.

Передъ выходомъ въ море Сенявинъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Обстоятельства обязываютъ насъ дать рѣшительное сраженіе, но покуда флагманы непріятельскіе не будутъ разбиты сильно, до тѣхъ поръ ожидать должно сраженія весьма упорнаго, посему сдѣлать нападеніе слѣдующимъ образомъ: по числу непріятельскихъ адмираловъ, чтобы каждаго атаковать двумя нашими, назначаются: *Рафаилъ* съ *Сильнымъ*, *Селафаилъ* съ *Уріиломъ* и *Мощный* съ *Ярославомъ*. По сигналу № 3, немедленно спускаться симъ кораблямъ на флагмановъ непріятельскихъ и атаковать ихъ со всевозможной рѣшительностью, какъ можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы непріятель пожелалъ зажечь себя. Прошедшее сраженіе 10-го мая показало, чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ отъ него меньше вреда, слѣдовательно, если бы кому случилось и свалиться на абордажъ, то и тогда можно ожидать вящшаго успѣха. Пришедъ на картечный выстрѣлъ, начинать стрѣлять. Если непріятель подъ парусами, бить по мачтамъ, если же на якорѣ, то по корпусу. На-

падать двумъ съ одной стороны, но не съ обоихъ бортовъ, если случится дать мѣсто другому кораблю, то ни въ какомъ случаѣ не отходить далѣе картечнаго выстрѣла. Съ кѣмъ начато сраженіе, съ тѣмъ и кончать, или потопленіемъ, или покореніемъ непріятельскаго корабля. Какъ по множеству непредвидѣнныхъ случайностей невозможно сдѣлать на каждый положительныхъ постановленій, я не распространяю оныхъ болѣе; надѣюсь, что каждый сынъ отечества почтится выполнить долгъ свой славнымъ образомъ. Корабль *Твердый*. Дмитрій Сенявинъ».

Этотъ приказъ, ярко характеризующій творчество Сенявина какъ флагмана, краткій и ясный по цѣли, исчерпывающій по содержанію, оригинальный по замыслу, дышитъ увѣренностью въ своей силѣ, вѣрой въ конечную побѣду (несмотря на преимущество турокъ въ числѣ орудій — 1.196 противъ 754 нашихъ), глубокимъ благородствомъ духа (отсутствіе громкихъ фразъ, почти вѣчныхъ спутниковъ обычныхъ приказовъ передъ сраженіемъ).

Только 16-го іюня, изъ-за противнаго маловѣтрія, Сенявинъ сталъ съ эскадрой на якорь между островомъ Имбро и Европейскимъ берегомъ; но турецкаго флота уже не было: Сеидъ-Али еще наканунѣ спустился къ Тенедосу.

Этотъ островъ, какъ разсчитывалъ Сенявинъ и раньше, явился для турокъ приманкой; и для Тенедоса, на который теперь обрушился весь турецкій флотъ и подошедшая съ анатолійскаго берега и гребная флотилія, настали тяжелыя минуты: наши силы на Тенедосѣ составляли оставленный тамъ гарнизонъ въ числѣ до 1.000 человѣкъ, бригъ *Богоявленскъ* и два греческихъ судна; эскадра же, ушедшая на Имбро, задерживалась противными вѣтрами.

Бригъ *Богоявленскъ* втянулся въ гавань—и началась безпримѣрная оборона.

На островъ высадилось 7.000 турецкихъ войскъ, находившихся подъ командою французскихъ офицеровъ; весь турецкій флотъ Сеида-Али, вся гребная флотилія обрушились противъ нашихъ ничтожныхъ силъ. Непрерывная бомбардировка съ моря, отчаянные штурмы на сушѣ, стоившіе туркамъ множества людей — не привели къ желаемому результату. Избивъ своими снарядами почти весь бригъ, турки были принуждены отбуксировывать получившій сильныя поврежденія свой фрегатъ, рискнувшій было на атаку *Богоявленска*, потеряли потопленными 2 канонерскія лодки и все-таки не добились никакого успѣха, какъ не добились его и на сушѣ, гдѣ полковникъ Падейскій одну за другой отбивалъ яростныя атаки непріятеля.

17-го іюня, какъ только позволилъ вѣтеръ, Сенявинъ спустился къ Тенедосу. Сеидъ-Али, завидѣвъ нашу эскадру, поспѣшно принялъ на корабли часть десанта, снялся съ якоря и успѣлъ уйти въ море въ южномъ направленіи до прихода Сенявина, въ полдень ставшаго у Тенедоса на якорь.

Теперь каждая минута была дорога. Сенявинъ истребилъ нѣсколько судовъ турецкой гребной флотиліи, снабдилъ необходимыми припа-

Афонское сраженіе 19 іюня 1807 года.

(Съ картины въ музеѣ Морского Корпуса.)

Къ стр. 1.1.

Сожженіе турецкихъ 1 корабля и 2 фрегатовъ 21 Іюня 1807 г. при приближеніи отряда контръ-адмирала Грейга

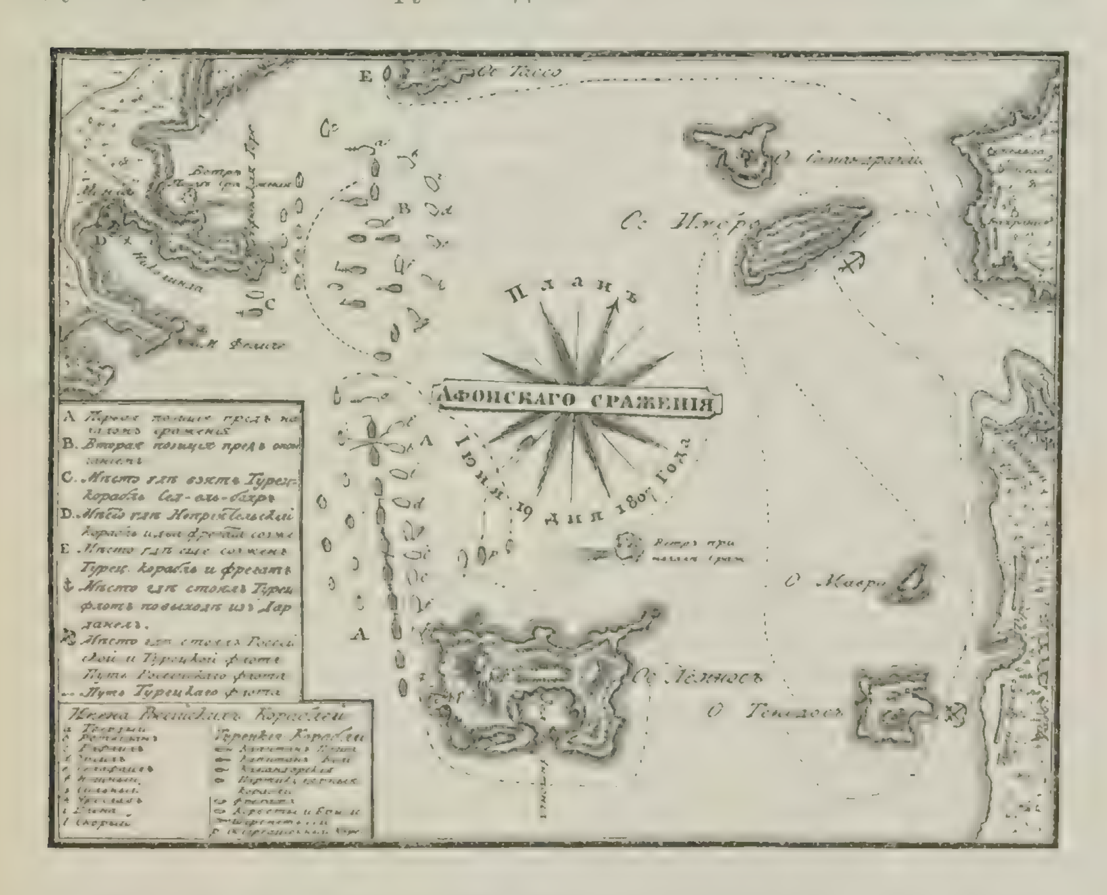

Корабль „Селафаилъ" ведетъ на буксирѣ взятый имъ турецкій адмиральскій корабль „Сэдъ-эль-бахръ"

сами крѣпость, которой приходилось держаться противъ оставшагося на островѣ 6-тысячнаго непріятельскаго десанта, оставилъ для защиты острова фрегатъ *Венусъ*, шлюпъ *Шпицбергенъ*, бригъ *Богоявленскъ* и 2 греческихъ судна, и раннимъ утромъ 18-го іюня вышелъ въ море.

На эскадрѣ полагали, что турецкій флотъ либо спустился дальше на югъ, къ острову Митилена, либо уже успѣлъ повернуть и спѣшитъ укрыться въ спасительныя для него Дарданеллы.

Сенявинъ рѣшилъ иначе. Проницая психологію своего противника, адмиралъ считалъ самымъ вѣроятнымъ, что турки направятся къ Лемносу, о нашей диверсіи у котораго капуданъ-паша не могъ не знать и, быть можетъ, разсчитывалъ и тамъ найти оставленный, какъ онъ могъ думать, малочисленный русскій десантъ.

Но если въ своемъ расчетѣ обманулся Сеидъ-Али, то не обманулся Сенявинъ: утромъ 19-го іюня, при подходѣ къ Лемносу, у острова былъ замѣченъ сперва одинъ непріятельскій корабль, а затѣмъ и весь флотъ, стоявшій въ неровной линіи подъ берегомъ и немедленно же снявшійся въ направленіи къ Афону. Турки построились въ боевую линію, имѣя въ кордебаталіи три флагманскіе корабля; наша эскадра спускалась на нихъ.

Въ девятомъ часу утра турки первыми открыли огонь съ большой дистанціи, но Сенявинъ не отвѣчалъ, пока не сблизился съ непріятелемъ на картечный выстрѣлъ.

Нашей эскадрѣ оставалось исполнить вышеприведенный Сенявинскій приказъ. *Рафаилъ*, шедшій впереди съ *Сильнымъ* и принявшій на себя огонь всего турецкаго флота, прорѣзалъ непріятельскую линію и, сражаясь на оба борта съ кораблями капудана-паши и капитанъ-бея, скрылся въ дыму, потерявъ своего доблестнаго командира, почти легендарнаго русскаго силача капитана 1 ранга Лукина, убитаго ядромъ въ животъ.

Остальные наши корабли, назначенные атаковать турецкихъ флагмановъ, привели къ вѣтру и, образовавъ почти сплошную огнедышащую стѣну, сблизились съ ними на пистолетный выстрѣлъ.

Сенявинъ на *Твердомъ* вмѣстѣ со *Скорымъ* бросился на передовыя турецкія суда, противъ которыхъ дѣйствовалъ Грейгъ съ *Ретвизаномъ* и *Еленой*, быстро сбилъ турецкій фрегатъ и заставилъ лечь въ дрейфъ передовой корабль. Этимъ адмиралъ остановилъ непріятельскую линію и далъ возможность *Рафаилу*, теперь выбравшемуся на вѣтеръ, снова войти въ строй; попытка турокъ отрѣзать *Рафаилъ* не удалась, и ихъ 3 передовые корабля были принуждены спуститься; шедшій за ними корабль *Седъ-эль-бахръ*, подъ флагомъ адмирала Бекиръ-бея, сталъ носомъ противъ борта *Твердаго* и въ нѣсколько минутъ потерялъ всѣ паруса и реи. Сбитые *Твердымъ* съ линіи 3 корабля и фрегатъ одновременно бросаются на *Скорый* и одинъ изъ кораблей пытается взять его на абордажъ, но встрѣчаетъ такой жестокій картечный и ружейный огонь, что немедленно отходитъ и попадаетъ подъ продольный залпъ *Ярослава*.

Къ передовымъ турецкимъ кораблямъ навстрѣчу спѣшатъ два арьергардныхъ и одинъ фрегатъ, но на нихъ на *Твердомъ* налетаетъ Сенявинъ — и снова останавливаетъ непріятельскую линію.

Адмиралъ хладнокровно руководитъ сраженіемъ. На *Твердомъ*, въ двухъ шагахъ отъ Сенявина, падаетъ сигнальщикъ, подающій адмиралу трубу: картечь оторвала сигнальщику руку и въ ту же минуту ядро разорвало его пополамъ и убило еще двухъ матросовъ около Сенявина. Но адмиралъ невредимъ, онъ продолжаетъ отдавать въ рупоръ приказанія и своимъ примѣромъ вдохновляетъ обожающихъ его подчиненныхъ.

И они вдохновенно сражаются, и грядущимъ поколѣніямъ даютъ высокіе примѣры самоотверженія.

На *Скоромъ* тяжело раненъ и тутъ же умираетъ лейтенантъ Кубарскій. Его смѣняетъ лейтенантъ Денисьевскій, и сейчасъ же ядро отрываетъ ему ногу. Его поднимаютъ на носилки, и Денисьевскій подбодряетъ команду: «Ребята! Мало васъ, но вы герои! Потрудитесь для русской славы!..»

И этотъ доблестный духъ царилъ на всей эскадрѣ. Какъ на ученьѣ, *Селафаилъ* въ самомъ пылу сраженія, отстрѣливаясь на оба борта, мѣняетъ перебитую марса-рею. Какъ на ученьи, корабли мастерски маневрируютъ, соблюдаютъ разстоянія, поражаютъ непріятеля безпощадной мѣткой стрѣльбой.

И строки безхитростной матросской пѣсни, сложенной про это сраженіе — «многи щепки рвутся, люди въ кровь дерутся; хотятъ въ крови драться, туркамъ не поддаться...» — говорятъ не только объ ожесточенномъ боѣ, но о боѣ желанномъ, въ которомъ люди для того дерутся «въ кровь», чтобы цѣною хоть послѣдней ея капли, но получить свое — праздновать побѣду.

Этотъ праздникъ на нашей эскадрѣ наступилъ черезъ 3½ часа послѣ начала боя.

Турки дрогнули, стали спускаться. На нашихъ корабляхъ заиграла музыка, загремѣло и раскатилось по всей эскадрѣ могучее «ура».

Съ полдня до 6 часовъ вечера держался легкій NW. Турки шли очень круто къ вѣтру, а къ вечеру, когда засвѣжѣло, немного спустились. Замѣтивъ, что *Сэдъ-эль-бахръ*, корабль капуданъ-бея, страшно избитый, съ голыми, обгорѣвшими мачтами, ведется на буксирѣ 2 фрегатами подъ охраною сравнительно мало поврежденнаго корабля и что вся эта группа значительно отстала отъ флота, Сенявинъ приказалъ кораблямъ *Селафаилу, Сильному* и *Еленѣ* отрѣзать ее и атаковать.

Наступила ночь на 20 іюня.

Враждебные флоты потеряли другъ друга изъ виду, и только *Селафаилъ* гнался за *Сэдъ-эль-бахромъ: Елена* и *Сильный*, плохіе ходоки, отстали, турецкій же корабль-конвоиръ и буксировавшіе фрегаты бросили корабль Бекиръ-бея и скрылись по направленіи къ Афону. Турецкій адмиралъ кое-какъ поставилъ на своемъ кораблѣ штормовые паруса, но спастись отъ погони уже не могъ: *Селафаилъ* все ближе и ближе настигалъ *Сэдъ-эль-бахра* и посылалъ ему въ корму нещадные, уничтожающіе залпы.

Былъ третій часъ ночи, когда до *Селафаила,* совсѣмъ настигшаго *Сэдъ-эль-бахра* и готовившагося дать послѣдній продольный залпъ, съ турецкаго адмиральскаго корабля донеслись умоляющіе крики о пощадѣ: «аманъ! аманъ!..»: это Бекиръ-бей сдавалъ свой корабль капитану 1 ранга Рожнову.

И черезъ нѣсколько часовъ, когда Рожновъ на буксирѣ своего *Селафаила* привелъ взятый имъ корабль къ нашей эскадрѣ, Бекиръбей на *Твердомъ* покорно вручалъ свой адмиральскій флагъ Сенявину...

Еще раньше, чуть только стало свѣтать, выяснилось, что турецкій флотъ, въ числѣ 14 судовъ, находится отъ насъ далеко къ N, а 1 корабль и 2 фрегата, бросившіе ночью *Сэдъ-эль-бахра,* на NW отъ нашей эскадры направляются въ заливъ Монте-Санто.

Туда же, къ Монте-Санто, въ погоню за этими 3 судами, Сенявинъ немедленно отправилъ контръ-адмирала Грейга съ 4 кораблями.

Раннимъ утромъ 21-го іюня Грейгъ подошелъ къ заливу, но захватить тамъ непріятеля ему не удалось: при приближеніи нашего отряда, между 4 и 5 часами дня, турецкіе корабль и оба фрегата *(Бешаретъ, Нессимъ* и *Митилена)*, подожженные самими турками, взлетѣли на воздухъ. Послѣ этого Грейгу оставалось только соединиться съ Сенявинымъ.

У турокъ въ это же время затонули, у острова Самоѳраки, 2 сильно поврежденные фрегата, а на слѣдующій день у острова Тассо ими же были взорваны еще 1 корабль и 1 фрегатъ, также сильно избитые въ сраженіи 19-го іюня.

Турки, такимъ образомъ, съ 19-го по 22 іюня потеряли въ бою съ нашимъ флотомъ 3 корабля и 5 фрегатовъ, не выведя у насъ изъ строя ни одного судна.

Поврежденія, полученныя на нашей эскадрѣ въ бою 19-го іюня, были довольно значительныя. Изъ нашихъ кораблей наиболѣе пострадали *Твердый, Скорый, Мощный* и *Рафаилъ,* имѣвшія поврежденія, преимущественно, въ рангоутѣ и парусахъ. Потеря въ личномъ составѣ: убиты капитанъ 1 ранга Лукинъ, лейтенантъ Кубарскій, гардемаринъ Бахметьевъ, штурманскій ученикъ Вакеръ и 77 матросовъ, ранены 5 офицеровъ, 5 гардемаринъ и 160 матросовъ.

Потери же турокъ были громадныя. Всѣ ихъ суда были страшно избиты; личный составъ сильно порѣдѣлъ. Точныя цифры потери въ людяхъ даютъ только два адмиральскіе корабля: у Сеида-Али было до 500 убитыхъ и раненыхъ, у Бекиръ-бея на *Сэдъ-эль-бахрѣ* убито 230, ранено 160, взято въ плѣнъ 774 человѣка.

80-пушечный корабль *Сэдъ-эль-бахръ* оказался очень цѣннымъ призомъ: онъ былъ хорошей, сравнительно недавней, постройки, имѣлъ мѣдныя орудія. Подъ тѣмъ же именемъ взятый корабль вошелъ въ составъ судовъ Россійскаго Императорскаго флота.

По возвращеніи Грейга, когда уходившій въ Дарданеллы, побѣжденный и опустошенный, турецкій флотъ еще былъ на виду у нашей эскадры, Сенявину предстояла соблазнительная возможность преслѣдовать непріятеля, отрѣзать его отъ пролива и принудить или вступить въ новый бой, или покончить самоубійствомъ — выброситься на мель и взорваться. Къ этому шагу Сенявинъ вынуждался элементарными требованіями стратегіи — эксплоатаціи побѣды; но адмиралъ отказался отъ лавровъ, которые достались бы ему, онъ это зналъ — цѣною крови, проливавшейся въ это время на Тенедосѣ. Съ Тенедоса Сенявинъ получилъ извѣстіе о крайне тяжеломъ положеніи крѣпости; этого было достаточно, чтобы, бросивъ всякую мысль о погонѣ за непріятелемъ, адмиралъ со своими, теперь 11, кораблями поспѣшилъ на выручку Тенедоса.

Положеніе же на Тенедосѣ было, дѣйствительно, критическимъ. Оставленный тамъ небольшой гарнизонъ съ 18 по 25 іюня, за время отсутствія Сенявина, безпрепятственно, днемъ и ночью, обстрѣливался турецкимъ десантомъ — и ядрами, и картечью, и 9-пудовыми бомбами. Крѣпость, гдѣ держался нашъ гарнизонъ, не имѣла ни казематовъ, ни погребовъ, вся была открыта окружающимъ ее высотамъ, занятымъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Только неистощимое мужество ея защитниковъ удержало въ нашихъ рукахъ Тенедосъ до прибытія Сенявина.

Теперь же, съ 25-го іюня, положеніе рѣзко перемѣнилось. Турецкій десантъ оказался между двухъ огней: между крѣпостью, занятой

русскимъ гарнизономъ, и обложившей островъ со всѣхъ сторонъ нашей эскадрой.

26-го числа турецкая эскадра, въ числѣ 11 судовъ, при свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ вошла въ Дарданеллы (а 10 іюня она выходила оттуда въ числѣ 21); но Сенявинъ въ это время былъ занятъ на Тенедосѣ: желая поскорѣе освободить гарнизонъ и прекратить безполезное кровопролитіе, онъ предложилъ начальнику турецкаго десанта сдаться на условіяхъ оставленія оружія и имущества и отправленія на анатолійскій берегъ. Начальникъ десанта просилъ разрѣшенія снестись по этому вопросу съ анатолійскимъ сераскиромъ, которому онъ былъ подчиненъ, но адмиралъ въ этомъ отказалъ; на слѣдующій день турки согласились на предложенныя имъ условія, и 28-го іюня весь ихъ десантъ, въ числѣ 4.600 человѣкъ, былъ перевезенъ на азіатскій берегъ.

Тенедосъ былъ освобожденъ.

Нашъ флотъ теперь получилъ полное господство въ Архипелагѣ: вмѣсто головы Сенявина Сеидъ-Али, возвратившійся послѣ сраженія безъ Бекиръ-бея, доставилъ въ Константинополь извѣстіе о потерѣ своихъ 3 кораблей и 5 фрегатовъ и тяжелыхъ поврежденіяхъ уцѣлѣвшихъ судовъ. Въ столицѣ наступило уныніе, и ни народъ, ни султанъ уже не требовали отъ Сеидъ-Али новаго выхода противъ Сенявина: турецкій флотъ такъ и не показывался больше изъ пролива.

Зато на нашей эскадрѣ настроеніе было самое радостное. Каждый, кто бы онъ ни былъ, сознавалъ, что и его трудами, его вѣрной службою, а часто и кровью адмиралъ получилъ возможность донести государю о побѣдѣ, закончившейся взятіемъ въ плѣнъ турецкаго адмирала, «коего флагъ», какъ доносилъ Сенявинъ, «при семъ повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества».

Оставшись полнымъ хозяиномъ Архипелага, Сенявинъ рѣшилъ развязаться съ Тенедосомъ: раньше этотъ островъ былъ ему нуженъ какъ база, на которую эскадра опиралась при установленіи блокады Дарданеллъ и въ ожиданіи выхода турецкаго флота; теперь же, послѣ пораженія турокъ, адмиралъ взвѣсилъ отрицательныя стороны Тенедоса — слабость находящихся на немъ укрѣпленій и близость къ анатолійскому берегу, съ котораго турки могли производить новыя покушенія, и въ половинѣ іюля разрушилъ всѣ тенедосскія укрѣпленія до основанія.

«По таковомъ распоряженіи», доносилъ Государю Сенявинъ, «я нахожусь теперь съ эскадрою, Высочайше мнѣ ввѣренною, гораздо свободнѣе и развязнѣе на всякое движеніе противу непріятеля».

Но Афонское сраженіе совпало съ Фридландомъ.

И въ отвѣтъ на полученное отъ Сенявина извѣстіе о сдачѣ ему *Сэдъ-эль-бахра* и Тенедоса, Императоръ Александръ, подписавшій въ Тильзитѣ мирный договоръ, оговаривавшій и пріостановленіе военныхъ дѣйствій противъ Турціи, двумя рескриптами на имя Сенявина повелѣлъ адмиралу сдать Іоническіе и Далматскіе острова и Боко-ди-Ка-

таро Франціи и Тенедосъ Турціи и всему флоту возвращаться въ Россію.

И побѣдоносная эскадра Сенявина 25 августа, черезъ 2 дня по полученіи адмираломъ второго рескрипта, снялась, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, съ якоря и отъ Тенедоса направилась въ Корфу, куда прибыла 4 сентября, заставъ уже вмѣсто республики Семи Острововъ французскую область. Передъ уходомъ съ Тенедоса, куда послѣ Афонскаго сраженія подошли ревнивые къ успѣхамъ нашего флота англичане, Сенявину пришлось убѣдиться, что хотя англійскій адмиралъ, лордъ Коллингвудъ, и велъ съ нимъ переговоры относительно совмѣстнаго прорыва въ Дарданеллы, но въ его поведеніи уже чувствовалась нѣкоторая фальшь — признакъ, какъ это вѣрно опредѣлилъ Сенявинъ, скораго разрыва между Англіей и Россіей.

Въ послѣдніе дни пребыванія въ Архипелагѣ Сенявинъ получилъ текстъ перемирія съ Турціей, заключеннаго 12 августа въ Слободзеѣ генераломъ Михельсономъ и ратификованное послѣ его смерти генераломъ Мейендорфомъ, по которому русскія и турецкія войска очищали Молдавію и Валахію, турки прекращали военныя дѣйствія противъ сербовъ, а Россія сдавала Турціи взятые корабли и Тенедосъ. Сенявинъ не былъ бы Сенявинымъ, если бы призналъ эти условія: онъ просто сообщилъ, что ратификацію не считаетъ для себя обязательною, и ушелъ въ Корфу съ *Сэдъ-эль-бахромъ* и захваченными въ призъ другими судами.

Что касается эскадры капитана 1 ранга Лелли, которую Сенявинъ при уходѣ въ Архипелагъ оставилъ для защиты Корфу (см. стр. 111), то ей въ эту войну пришлось имѣть дѣло съ турками только у Патраса, гдѣ турецкія войска готовились къ посадкѣ на суда, какъ предполагалъ Лелли, для нападенія на островъ Санта-Мавру.

Корабль *Азія* и фрегатъ *Легкій*, отправленные въ началѣ мая къ Патрасу и по пути прихватившіе съ собою съ острова Занте корсарское судно *Ахиллъ*, бомбардировали патрасскую крѣпость; турки установили противъ нашихъ судовъ особую батарею изъ 3 большихъ орудій, но фрегатъ *Легкій* 12-го мая очень быстро сбилъ батарею. Удачныя дѣйствія и самое присутствіе нашихъ судовъ вынудили непріятеля совершенно отказаться отъ задуманной операціи и разоружить стоявшія въ гавани 4 вооруженныхъ судна, послѣ чего наши суда возвратились въ Корфу.

Такимъ образомъ, и здѣсь сенявинскія суда, хотя и имѣли другую спеціальную задачу по войнѣ съ Франціей, парализовали попытку турокъ сдѣлать покушеніе противъ Іоническихъ острововъ.

Дѣйствія же самого Сенявина и его архипелажской эскадры, безспорно, относятся къ лучшимъ страницамъ въ исторіи нашего флота. Не потерявъ самъ ни одного судна, адмиралъ вывелъ изъ строя у непріятеля (Дарданелльское и Афонское сраженія) 6 кораблей и 5 фрегатовъ и остальнымъ судамъ нанесъ настолько тяжелыя поврежденія, что до самаго конца войны, до 1812 года, турецкій флотъ уже не могъ

подняться на прежнюю высоту, и это соотвѣтственно отзывалось на нашемъ положеніи въ Черномъ морѣ. Сравненіе съ Дуквортомъ еще болѣе возвышаетъ заслуги Сенявина: не считая нужнымъ рисковать, когда въ этомъ не было особой нужды, Сенявинъ въ тѣхъ же Дарданеллахъ, гдѣ при ретирадѣ жестоко пострадалъ англійскій адмиралъ, сумѣлъ броситься въ погоню за турками и, давъ имъ хорошій урокъ, во время остановился и благополучно вывелъ эскадру изъ обстрѣла батарей. Въ Афонскомъ сраженіи, гдѣ такъ блестяще проявились высокія качества личнаго состава эскадры — искусство маневрированія, пониманіе своего адмирала съ полуслова, мѣткая стрѣльба и пр., все это тѣмъ болѣе цѣнно, что самая эскадра была, въ извѣстномъ смыслѣ, сборная: она состояла изъ кораблей собственно сенявинской эскадры (пришедшихъ изъ Кронштадта съ Сенявинымъ) и эскадры Грейга и, наполовину, изъ эскадры Игнатьева, только въ началѣ 1807 года пришедшей изъ Балтики. Конечно, адмиралъ много потрудился надъ обученіемъ всѣхъ этихъ кораблей; но кратковременность пребыванія 5 игнатьевскихъ кораблей подъ флагомъ Сенявина позволяетъ отнести достоинства его эскадры не только лично къ нему, но и вообще къ качествамъ тогдашняго личнаго состава флота. Въ этомъ смыслѣ архипелажская экспедиція — лишнее свидѣтельство тому, что пренебреженіе къ флоту Императора Александра не могло основываться на оцѣнкѣ личнаго состава.

Тяжелый ударъ морскимъ силамъ, голодовку въ Константинополѣ, бунты янычаръ и черни и паденіе султана Селима III — вотъ что принесъ Турціи Сенявинъ.

Нѣсколько орденовъ, при чемъ никому изъ флотскихъ офицеровъ орденъ св. Георгія пожалованъ не былъ, вотъ награда флоту за тѣ же Дарданеллы и Афонъ.

Если дѣйствія Сенявинскаго флота говорятъ о ясно поставленной цѣли и твердой волѣ, направленной къ ея достиженію, то дѣятельность въ этой же войнѣ Черноморскаго флота, начавшаяся въ 1806 и продолжавшаяся до 1812 года, указываетъ на отсутствіе у него твердо опредѣленныхъ задачъ и часто проявлявшуюся растерянность. Причины этого были слишкомъ глубоки, чтобы ихъ можно было видѣть исключительно въ качествѣ личнаго состава.

Отмѣтивъ, что сказанное не относится къ флоту гребному, слѣдуетъ указать, что Черноморскому корабельному флоту, малочисленному по судовому составу, съ самаго начала войны были даны очень неясныя заданія: быть приведеннымъ въ такое положеніе, «чтобы онъ, во всякое время года, могъ выйти въ море и двинуться для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ», и «имѣть въ виду крейсерующіе въ Черномъ морѣ фрегаты и отряды турецкихъ судовъ, не превосходящіе числомъ нашихъ, чтобы захватить ихъ и тѣмъ причинить непріятелю вредъ въ самомъ началѣ войны». Эти двѣ темы, въ зависимости отъ обстановки, и

чередовались между собою, и варьировались во время войны. И то обстоятельство, что флоту съ самаго же начала предназначалась только служебная и пассивная роли, и было, можно предполагать, одною (но не главною) изъ причинъ сравнительной малоуспѣшности его дѣйствій.

Случайный, по этой причинѣ, характеръ почти всѣхъ дѣйствій Черноморскаго корабельнаго флота отнимаетъ у нихъ поучительный интересъ, присущій послѣдовательному развитію и выполненію всякаго стройнаго стратегическаго плана. Дѣйствія Черноморскаго флота, поэтому, приводятся здѣсь только въ бѣгломъ обзорѣ.

Послѣ того, какъ предполагавшійся въ началѣ войны планъ прорыва черезъ Босфоръ и взятія Константинополя съ моря былъ признанъ неосуществимымъ, тому же Пустошкину, который долженъ былъ вести эскадру въ Босфоръ, было дано новое заданіе — дѣйствія противъ крѣпости Анапы, «для истребленія ея, въ наказаніе хищныхъ народовъ закубанскихъ», поддерживавшихъ связи съ Турціей.

Съ конца марта флотъ стоялъ въ готовности на севастопольскомъ рейдѣ, но только по полученіи маркизомъ де-Траверсе свѣдѣній объ отвлеченіи эскадрой Сенявина турецкихъ силъ къ Дарданелламъ было рѣшено отправить Пустошкина къ Анапѣ. Пустошкинъ — корабли *Ратный*, *Ягудіилъ*, *Исидоръ*, *Варахаилъ*, *Побѣда* и *Правый*, фрегаты *Крѣпкій*, *Назаретъ*, *Поспѣшный*, *Воинъ* и *Іоаннъ Златоустъ*, бриги *Елизавета* и *Діана*, брандеръ *Рождество Богородицы* и 5 канонерскихъ лодокъ — 9-го апрѣля вступилъ подъ паруса и вышелъ въ море, но черезъ 5 дней, выдержавъ у Балаклавы сильный штормъ, значительно повредившій старыя суда флота, вернулся въ Севастополь и вторично вышелъ въ море 20, а къ Анапѣ прибылъ 27-го апрѣля.

Овладѣть Анапой, защищавшейся малочисленнымъ гарнизономъ, большого труда не представляло. Послѣ двухдневной бомбардировки крѣпость, не принявшая предложеннаго Пустошкинымъ условія сдаться въ четырехчасовый срокъ, была взята десантомъ. Флоту достались 98 орудій со снарядами и стоявшія на рейдѣ два купеческія судна; наши потери — убиты 1 офицеръ и 6 нижнихъ чиновъ, ранены 11 нижнихъ чиновъ; потери турокъ — около 100 человѣкъ.

Къ сообщенному маркизомъ де-Траверсе извѣстію (маркизъ, желая присутствовать при анапскомъ дѣлѣ, самъ на бригѣ *Діана* прибылъ къ Анапѣ въ день взятія крѣпости) о разрушеніи Анапы, Государь отнесся самымъ благосклоннымъ образомъ: приказалъ отслужить благодарственный молебенъ и утвердилъ всѣ представленія о наградѣ, въ томъ числѣ о пожалованіи четыремъ офицерамъ ордена св. Георгія 4 степени.

Въ концѣ мая тотъ же Пустошкинъ отправился въ новую экспедицію—къ Трапезунду. Ему предписывалось, пользуясь политической интригой противъ Порты одного изъ турецкихъ пашей, обратившагося въ Петербургъ съ просьбой утвердить его трапезундскимъ сераскиромъ (это былъ Таяръ-паша, попавшій въ плѣнъ при штурмѣ Анапы въ 1791 году и съ того времени поддерживавшій связи съ Россіей), пы-

таться овладѣть Трапезундомъ путемъ убѣжденія жителей признать надъ собою власть Таяръ-паши и покровительство Россіи; для выполненія этой миссіи на флотѣ отправились нашъ дипломатическій чиновникъ, турецкій чиновникъ и нашъ бывшій трапезундскій консулъ. По занятіи же Трапезунда Пустошкинъ долженъ былъ войти въ сношенія съ главнокомандующимъ кавказской арміей Гудовичемъ и отправить отдѣльный отрядъ къ Синопу для истребленія строившагося тамъ 80-пушечнаго корабля. Инструкція, какъ видно, довольно фантастическая; и она такъ и осталась на бумагѣ.

Изъ Севастополя флотъ вышелъ 31-го мая, имѣя на судахъ 2½ тысячи десантныхъ войскъ. Подойдя 6-го іюня къ Платанѣ, Пустошкинъ сдѣлалъ попытку завязать дружественныя сношенія съ мѣстнымъ на-

Къ дѣйствіямъ Черноморскаго флота и Дунайской флотиліи 1806—1812 гг.

селеніемъ, но чиновникъ-турокъ, посланный для этой цѣли на берегъ, назадъ такъ и не вернулся: сразу же выяснилось, что весь расчетъ на интригу Таяръ-паши ни на чемъ не основанъ. И до 12-го числа, когда Пустошкинъ рѣшилъ возвратиться въ Севастополь, слѣдуетъ рядъ крайне нерѣшительныхъ дѣйствій: перестрѣлка съ батареями Платаны и Трапезунда, новыя неудачныя попытки завязать сношенія съ турецкими властями и пр. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, опасавшійся за судьбу старыхъ судовъ при условіяхъ тогдашней бурной погоды и стоянки на неудобныхъ и мало извѣстныхъ рейдахъ и считавшійся съ трудностью пополнить оказавшійся у него недостатокъ въ прѣсной водѣ, Пустошкинъ на флагманскомъ кораблѣ собралъ военный совѣтъ, по постановленію котораго, въ виду признанной невозможности овладѣть Трапезундомъ, и было рѣшено возвратиться въ Севастополь.

Слободзейское перемиріе надолго пріостановило военныя дѣйствія, и они возобновились только весною 1809 года. За время перемирія

флотъ, пополнившійся 2 новыми кораблями и фрегатомъ, состоялъ подъ командой замѣнившаго Пустошкина контръ-адмирала Трескина.

Въ кампанію 1809 года было произведено новое нападеніе на Анапу: 15-го іюня отрядъ капитанъ-лейтенанта Перхурова изъ 1 корабля, 2 фрегатовъ, 1 бомбарды и 1 транспорта обстрѣливалъ успѣвшую отстроиться крѣпость, послѣ чего она безъ боя была занята свезеннымъ съ отряда десантомъ.

Въ эту же кампанію, по занятіи нашими войсками Кюстенджи и Мангаліи, къ румелійскимъ берегамъ былъ отправленъ отрядъ изъ 3 фрегатовъ и брига, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Стулли, съ назначеніемъ «прикрывать берега, занятые нашими войсками, наносить по всей возможности вредъ непріятелямъ, истреблять ихъ суда и распространять страхъ на нихъ около самой Варны». Небольшой отрядъ Стулли, вслѣдствіе появленія у Варны значительнаго турецкаго флота, не могъ, конечно, выполнить возложенной на него задачи: ему самому приходилось искать защиты отъ сильнѣйшаго непріятеля, и только вялостью самихъ турокъ можно объяснить случай (4-го октября), когда фрегатъ *Назаретъ*, отдѣлившійся отъ отряда, оказался подъ Варной на виду непріятельской эскадры изъ 11 судовъ. Два турецкихъ линейныхъ корабля сдѣлали по *Назарету* нѣсколько выстрѣловъ но, не преслѣдуя его, дали нашему фрегату возможность благополучно удалиться и соединиться съ отрядомъ.

Для усиленія отряда Стулли изъ Севастополя разновременно были высланы еще 2 отряда, но они разошлись другъ съ другомъ, а турки, которыхъ можно было бы атаковать, за это время успѣли уйти изъ Варны.

Лѣтомъ 1809 года главный командиръ Черноморскаго флота адміралъ маркизъ де-Траверсе получилъ назначеніе на должность министра и былъ замѣненъ вице-адмираломъ Языковымъ. На характерѣ военныхъ дѣйствій флота эта перемѣна, однако, почти не отразилась.

Кампанія 1810 года началась при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ въ томъ смыслѣ, что если раньше флоту давались слишкомъ неопредѣленныя и широкія заданія, что, хотя часто и было невыполнимо но вселяло въ личный составъ извѣстную бодрость, то теперь, на случай ожидавшагося появленія въ Черномъ морѣ англійскихъ морскихъ силъ соединенно съ турецкими, предписывалось держаться такъ осторожно, чтобы «не только флотъ нашъ, но даже корабля или фрегата и другихъ судовъ не отваживать», т.-е. внушалось излишнее недовѣріе къ самимъ же себѣ.

Наибольшій интересъ кампаніи 1810 года представляетъ двукратное крейсерство корабельнаго флота въ неудачныхъ поискахъ за турками.

Въ концѣ мая вице-аадмиралъ Языковъ получилъ свѣдѣнія о томъ, что турецкій флотъ, въ числѣ 13 кораблей и фрегатовъ, вышелъ изъ Босфора и, раздѣлившись на 2 части, направился къ румелійскимъ и анатолійскимъ берегамъ. Желая использовать раздѣленіе турецкихъ

силъ, Языковъ приказалъ назначенному командовать флотомъ контръ-адмиралу Сарычеву отправиться для истребленія турецкаго отряда къ анатолійскимъ, а, если тамъ непріятеля не окажется, то къ румелійскимъ берегамъ.

30-го іюня Сарычевъ вышелъ въ море, направляясь къ Синопу. Составъ флота — корабли *Ратный, Полтава, Ягудіилъ, Правый, Анапа, Марія* и *Дмитрій Донской*, фрегаты *Воинъ, Крѣпкій* и *Лилія*, бригъ *Алексѣй* и корветъ *Евлампій*.

Сарычевъ осмотрѣлъ анатолійскій берегъ отъ мыса Керемпе до Самсуна, турецкихъ судовъ не нашелъ и рѣшилъ идти къ Варнѣ, но державшійся пять сутокъ съ 13-го іюля жестокій NW сбилъ флотъ къ крымскимъ берегамъ, гдѣ смѣнился штилемъ и тихими перемѣнными вѣтрами, задержавшими флотъ до 23 числа. Войдя за это время въ связь съ Севастополемъ, Сарычевъ узналъ о появленіи, за время его отсутствія, въ виду Севастополя турецкаго флота въ числѣ 9 кораблей, 6 фрегатовъ и 3 малыхъ судовъ и, рѣшивъ зайти на короткое время для необходимыхъ починокъ поврежденныхъ штормомъ судовъ, 26-го іюля спустился въ Севастополь.

Турки же, дѣйствительно, 10 іюля показались близъ Балаклавы, 11-го держались въ виду Севастополя, а 12-го ихъ видѣли изъ Георгіевскаго монастыря (у мыса Фіолентъ), послѣ чего они исчезли, захвативъ за эти дни вышедшее изъ Севастополя купеческое судно.

9-го августа Сарычевъ, уже съ большимъ числомъ судовъ — 8 кораблей, 5 фрегатовъ и 4 мелкихъ судна—вышелъ на вторичные поиски непріятеля. Вице-адмиралъ Языковъ далъ ему инструкцію слѣдовать къ Варнѣ и оказать содѣйствіе блокирующей ее нашей арміи, а при возможной встрѣчѣ съ непріятельскимъ флотомъ соблюдать крайнюю осторожность противъ превосходныхъ силъ. По уходѣ же Сарычева, Языковымъ было получено Высочайшее повелѣніе о томъ, «чтобы Черноморская эскадра отправилась опять въ море для поиска турецкаго флота, не въ тѣхъ, однако, мѣстахъ, гдѣ его нѣтъ, но тамъ, гдѣ онъ находится, и стараться овладѣть имъ, или истребить по всей возможности и потомъ уже обратиться къ Варнѣ, дабы съ сухопутными нашими войсками принудить крѣпость сію къ сдачѣ».

11-го августа, при попутномъ вѣтрѣ, Сарычевъ перешелъ къ мысу Каліакрія и отправилъ къ Варнѣ фрегатъ на развѣдку; развѣдка выяснила отсутствіе у Варны какихъ бы то ни было турецкихъ военныхъ судовъ. Нашъ флотъ сталъ на якорь у Коварны, и адмиралъ выслалъ корветъ для установленія связи съ арміей, но оказалось, что берегъ занятъ непріятельскими войсками; нашихъ же войскъ нигдѣ обнаружено не было.

Не найдя ни турецкихъ судовъ, ни войскъ, Сарычевъ рѣшилъ возвратиться въ Севастополь и 12-го числа снялся съ якоря, но противный свѣжій NO пять сутокъ удерживалъ корабли почти на мѣстѣ.

17-го числа, когда флотъ находился въ 16 миляхъ отъ Варны, на OSO была замѣчена непріятельская эскадра — 8 кораблей, 2 фрегата

и бригъ; она шла однимъ съ нашимъ флотомъ галсомъ. Сарычевъ поворотилъ на другой галсъ, вышелъ у непріятеля на вѣтеръ, построилъ флотъ въ линію баталіи и сигналомъ приказалъ приготовиться къ атакѣ. «Оставалось», какъ доносилъ самъ же Сарычевъ, «желать баталіи». Но адмиралъ сдѣлалъ непоправимую ошибку: будучи на вѣтрѣ у непріятеля, онъ не атаковалъ его, а самъ ждалъ его нападенія. Турки же, увидѣвъ нашъ флотъ, рѣшили уклониться отъ сраженія, поставили всѣ паруса и бросились въ бѣгство къ Босфору. Догнать непріятеля оказалось невозможнымъ не только для старыхъ тихоходныхъ кораблей, но и для болѣе легкихъ судовъ (4 корабля и фрегатъ), посланныхъ съ цѣлью отрѣзать непріятельскій арьергардъ. Сарычевъ опасался, какъ бы турки, пользуясь наступавшей темнотой, не атаковали бы высланный впередъ отрядъ всѣми своими силами. На разсвѣтѣ 18-го августа турецкой эскадры на горизонтѣ не оказалось, и адмиралъ, не сдѣлавъ попытки направиться къ Босфору, поднялъ сигналъ о возвращеніи въ Севастополь.

И второе крейсерство флота оказалось, такимъ образомъ, безрезультатнымъ. Сарычевъ не безъ основанія оправдывался тѣмъ, что имѣвшаяся у него инструкція говорила о соблюденіи крайней осторожности при встрѣчѣ съ непріятелемъ и, въ частности, предписывала «стараться до наступленія равноденствія возвратиться въ Севастополь».

По возвращеніи (27-го августа) Сарычевъ сталъ готовиться къ новой, задуманной въ Петербургѣ, экспедиціи — отправленію флота съ десантными войсками къ Трапезунду для овладѣнія этимъ городомъ и всею трапезундскою областью. Въ экспедицію были назначены 7 кораблей, 5 фрегатовъ, 2 корвета, 1 бригъ, 1 требака и десантныя войска въ числѣ 3.899 человѣкъ; десантомъ (егеря, мушкетеры, артиллеристы и казаки) командовали генералъ-маіоръ Гангебловъ и Панчулидзевъ.

6-го октября флотъ вышелъ изъ Севастополя, 9-го подошелъ къ трапезундскимъ берегамъ. Держась до 14 числа, вслѣдствіе штилей и маловѣтрія, вблизи береговъ, Сарычевъ убѣдился въ полной готовности непріятеля къ отраженію нападенія: были построены новыя батареи, усилены сухопутныя войска. По совѣту находившагося на флотѣ нашего бывшаго трапезундскаго консула, Сарычевъ рѣшилъ, все-таки, атаковать Трапезундъ и по выработанному плану расположилъ флотъ противъ города. Затѣмъ, при наступившемъ безвѣтріи, флотъ буксирами подтянулся къ самому городу, выславъ впередъ отдѣльный отрядъ изъ 3 кораблей, но нашедшій въ это время густой туманъ разстроилъ все дѣло: корабли сильно разсѣяло теченіемъ, а задувшій затѣмъ внезапно сильный NW развелъ большое волненіе, и Сарычевъ, по постановленію собраннаго имъ военнаго совѣта, рѣшилъ на время укрыться въ Платанѣ, чтобы при первой же возможности атаковать Трапезундъ; самую же Платану, «не теряя времени, разорить и нанести непріятелю страхъ и вредъ».

17-го октября отрядомъ изъ корабля *Ратный*, фрегатовъ *Крѣпкій*, *Назаретъ* и *Лилія* и брига *Алексѣй*, подъ командой капитанъ-коман-

iора Макшеева, была атакована Платана и 5 прикрывающихъ ее батарей. Черезъ 6 часовъ всѣ батареи были сбиты. По совѣту генерала Гангеблова Сарычевъ высадилъ десантъ въ 320 человѣкъ, успѣвшiй выбить непрiятеля изъ батарей и занять одну изъ нихъ, но появившiеся въ большомъ количествѣ турки окружили десантъ и отрѣзали его отъ берега; при прорывѣ въ штыки сквозь непрiятеля десантъ потерялъ много людей убитыми и ранеными. Отправившiйся на выручку десанта, второй отрядъ въ 400 человѣкъ, подъ командой генералъ-маiора Панчулидзева, при приближенiи къ берегу также потерялъ много людей и не былъ допущенъ турками къ высадкѣ; возвращенiе же перваго отряда произошло подъ прикрытiемъ огня со стоявшихъ поблизости нашихъ фрегатовъ. Эта неудача стоила намъ 5 офицеровъ убитыми и 4 ранеными, нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными 259 и потопленныхъ турками двухъ гребныхъ судовъ.

Вторично собранный Сарычевымъ военный совѣтъ, признавъ невозможнымъ предпринять что-либо противъ сильно укрѣпленныхъ турецкихъ береговъ, «счелъ за полезное, дабы не подвергать себя явной потерѣ безъ нанесенiя вреда непрiятелю, возвратиться къ своимъ портамъ, не предпринимая ничего противъ Трапезунда и тѣмъ, сокрывъ наше настоящее намѣренiе, дать непрiятелю думать, что прибытiе наше въ Платану имѣло цѣлью укрыться отъ бурнаго времени».

18-го октября флотъ удалился отъ Платаны и 30-го, послѣ плаванiя при противныхъ вѣтрахъ, прибылъ въ Севастополь, такъ и не выполнивъ возложенной на него задачи.

Только у кавказскихъ береговъ кампанiя 1810 года ознаменовалась успѣхомъ. Въ Сухумъ-Кале, находящемся въ Абхазiи, вступившей тогда въ подданство Россiи, утвердился младшiй братъ абхазскаго владѣтеля Сафиръ-Али-Бека, Арсланъ-Бекъ и, поддержанный присланными ему Турцiей судами, отказался повиноваться брату и велъ усиленную пропаганду въ пользу переселенiя абхазцевъ въ Батумъ. Для дѣйствiй противъ Сухумъ-Кале былъ назначенъ отрядъ изъ корабля *Варахаилъ*, фрегата *Воинъ*, требаки *Константинъ* и 2 канонерскихъ лодокъ, подъ командою капитанъ-лейтенанта де-Додта.

Принявъ на суда десантъ въ 863 чел., де-Додтъ вышелъ изъ Севастополя 19 iюня и прибылъ къ Сухумъ-Кале 7-го iюля. Послѣ усиленной бомбардировки съ моря былъ высаженъ десантъ, овладѣвшiй крѣпостью съ потерей при этомъ 109 человѣкъ убитыми и ранеными. Въ крѣпости были найдены 300 непрiятельскихъ труповъ; были взяты въ плѣнъ 2 офицера и 76 рядовыхъ, и трофеями достались крѣпостной флагъ, 8 знаменъ, 62 орудiя и множество снарядовъ; отъ предыдущей бомбардировки крѣпость жестоко пострадала, «буквально камня на камнѣ не осталось». По разрушенiи крѣпости отрядъ вернулся въ Севастополь и участвовалъ въ экспедицiяхъ Сарычева.

Кампанiя 1811 года также не богата военными событiями и отмѣчена только удачнымъ набѣгомъ небольшого отряда на Пендераклiю. Флотъ, поступившiй въ командованiе вице-адмирала Галла, 27 iюня

вышелъ изъ Севастополя къ Варнѣ на поиски непріятеля. Получивъ извѣстіе, что турецкій флотъ въ полной готовности стоитъ въ Босфорѣ, адмиралъ остался въ крейсерствѣ между Босфоромъ и Варной, а къ Пендераклін, гдѣ, какъ онъ узналъ, находились непріятельскіе фрегатъ и корветъ, 19-го іюля отправилъ для захвата или истребленія этихъ судовъ капитана 1 ранга Быченскаго съ кораблями *Марія* и *Анапа* и корветомъ *Евлампій*.

Къ Пендераклін Быченскій подошелъ 24-го іюля съ 2 кораблями; корвету *Евлампій*, получившему поврежденіе въ морѣ, онъ 21-го числа приказалъ возвратиться къ флоту. При подходѣ къ Пендераклін оба наши корабля подняли турецкіе флаги; корабль *Марія* (Быченскій), сталъ на картечный выстрѣлъ отъ фрегата, *Анапа* (капитанъ 2 ранга Стулли) отъ корвета. При приближеніи *Анапы* турецкій корветъ пытался спуститься на мель подъ батареи, но Стулли, бросившись ему подъ корму въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла, при спускѣ на *Анапѣ* турецкаго и подъемѣ русскаго флага, открылъ огонь съ обоихъ бортовъ и принудилъ корветъ бросить якорь и спустить флагъ, а береговыя батареи замолчать. Турецкій же фрегатъ безъ боя спустилъ флагъ одновременно съ поднятіемъ на *Маріи* русскаго флага. На сдавшихся фрегатѣ *Магубей-Субханъ* и корветѣ *Шагинъ-Гирей* (40 и 22-хъ пушечные) взяты были въ плѣнъ 35 офицеровъ и 239 человѣкъ команды. Назначивъ на плѣнныя суда нашихъ офицеровъ и команду, Быченскій съ удвоеннымъ въ числѣ отрядомъ ушелъ на соединеніе съ адмираломъ, пробывъ у Пендераклін, съ момента прихода до ухода, всего 8 часовъ и за этотъ короткій срокъ совершивъ свое отважное, блестящее дѣло.

Вице-адмиралъ Галлъ, такъ и не дождавшись выхода въ море непріятеля (турецкій флотъ простоялъ въ Босфорѣ до самаго конца войны), изъ-за недостатка въ прѣсной водѣ въ половинѣ августа вернулся въ Севастополь, оставивъ одинъ фрегатъ въ крейсерствѣ у Варны. Съ этого времени нашъ корабельный флотъ до конца войны не имѣлъ никакихъ столкновеній съ непріятелемъ.

Какъ видно изъ изложеннаго, дѣятельность корабельнаго флота, въ общемъ, не отличалась особыми успѣхами.

Дѣятельность же Черноморскаго гребного флота въ этой войнѣ— почти исключительно на Дунаѣ, не можетъ навлечь никакихъ осужденій [1]).

Турки впервые оцѣнили значеніе гребного флота еще въ 1806 году, когда въ октябрѣ наша армія занимала Молдавію и Валахію и готовилась овладѣть Аккерманомъ и для содѣйствія ей въ этомъ контръ-адми-

---

[1]) Дѣйствія гребного флота здѣсь только перечислены, безъ всякихъ подробностей, т. к. дѣйствія эти были тѣсно связаны съ сухопутными операціями, къ описанію которыхъ и слѣдуетъ обратиться за всѣми подробностями. (*П. М. Андріановъ*. Русско-Турецкая война 1806—12 гг. „Ист. Арм. и Фл.“, т. V).

ралъ Пустошкинъ съ 44 канонерскими и бомбардирскими лодками и 4 мелкими судами прибылъ въ устье Днѣстра. Аккерманъ палъ, и турецкій паша, сдавая крѣпость герцогу Ришелье, говорилъ ему: «не овладѣть бы вамъ Аккерманомъ, если бы не налетѣли эти черные вороны» — канонерскія лодки. Въ концѣ февраля 1807 года эти же лодки вошли въ Дунай, участвовали въ бомбардировкѣ Измаила, Тульчи и Исакчи и перевозили войска на правый берегъ Дуная, а по заключеніи Слободзейскаго перемирія отошли къ занятой нами крѣпости Киліи.

По возобновленіи военныхъ дѣйствій въ 1809 году Дунайская флотилія (какъ сталъ называться Черноморскій гребной флотъ), увеличившаяся до 90 судовъ разныхъ типовъ (канонерскія и бомбардирскія лодки, баркасы и пр.), съ отличіемъ принимала участіе въ операціяхъ арміи.

Съ 9 апрѣля часть флотиліи бомбардировала Браиловъ, и бомбардировкой же поддержала наши войска во время неудачнаго для нихъ ночного штурма 20-го апрѣля. Съ іюля флотилія обложила крѣпости Измаилъ, Тульчу и Исакчу и островъ Чаталъ, которые вскорѣ и были заняты войсками, кромѣ Измаила, продержавшагося до 12-го сентября и сдавшагося послѣ успѣшной бомбардировки флотиліи, причинившей крѣпости большія поврежденія и пожары.

Послѣ занятія Измаила часть флотиліи прикрывала въ октябрѣ отступленіе нашихъ войскъ отъ крѣпости Силистріи; остальная же часть съ 1-го октября блокировала Браиловъ и бомбардировкой, продолжавшейся съ 2 по 12 ноября, подготовила послѣдовавшую 22 числа сдачу крѣпости нашимъ сухопутнымъ войскамъ.

Въ кампанію 1810 года флотилія содѣйствовала арміи въ дѣйствіяхъ противъ Силистріи, сдавшейся 23-го мая. Въ сраженіи 26-го августа подъ Батинымъ, въ которомъ Голенищевъ-Кутузовъ нанесъ непріятелю рѣшительное пораженіе, флотилія принудила отойти турецкія суда, 2 изъ нихъ потопила и 5 взяла въ плѣнъ; послѣдовавшей 13-го сентября сдачѣ Рущука и Журжи также не мало способствовали дѣйствія флотиліи.

Въ 1811 и 1812 годахъ флотилія, не имѣвшая болѣе значительныхъ столкновеній съ непріятелемъ, содѣйствовала арміи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась возможность нанести непріятелю какой-либо вредъ со стороны Дуная.

Дѣятельность флотиліи, вообще, заслужила самую лестную оцѣнку сухопутныхъ начальниковъ, особенно отмѣчавшихъ заслуги капитана 1 ранга Акимова и капитана 2 ранга Попандопуло. Кутузовъ, напримѣръ, въ приказѣ по арміи отъ 7-го октября 1810 года, какъ главнокомандующій, объявляетъ: «Отличное дѣйствіе флотиліи Дунайской, при Рущукѣ находящейся, обязываетъ меня, прежде нежели буду имѣть честь донести о подвигахъ ея Государю Императору, изъявить ей совершенную мою благодарность».

Подводя итогъ дѣйствіямъ флота, въ этой войнѣ сражавшагося

съ турками отъ Патраса до Сухумъ-Кале, остается признать, что главная заслуга въ нанесеніи вреда непріятелю принадлежитъ Сенявину: онъ одинъ въ морскомъ бою между Лемносомъ и Афономъ нанесъ тяжелый ударъ турецкимъ морскимъ силамъ; послѣ этого боя численное ослабленіе и моральная пришибленность турецкаго флота давали себя знать до самаго конца войны, обезпечивъ для Россіи сравнительную безопасность ея плохо защищенныхъ черноморскихъ береговъ. Можно сказать даже больше: вынужденное оставленіе Сенявинымъ турецкихъ водъ, обезопасившее Турцію со стороны Архипелага и Дарданеллъ, было вѣроятной причиной возобновленія Турціей военныхъ дѣйствій послѣ Слободзейскаго перемирія.

Дунайская флотилія оказала цѣнную услугу нашей главной арміи, Черноморскій корабельный флотъ — разрушеніемъ Анапы и Сухумъ-Кале — дѣлу позднѣйшаго утвержденія Россіи на Кавказѣ.

Послѣ Бухарестскаго мира, давшаго Россіи, между прочимъ, Килію и Измаилъ, въ Черномъ морѣ возникъ новый русскій военный портъ: Измаилъ сдѣлался главнымъ дунайскимъ портомъ, базой нашей дунайской флотиліи. Здѣсь было учреждено адмиралтейство и имѣлъ пребываніе начальникъ дунайскихъ портовъ со своимъ штабомъ.

IV. Война съ Англіей 1807—1812 гг.

Лиссабонскій договоръ. Судьба эскадры Сенявина. Военныя дѣйствія въ Финскомъ заливѣ.

Покойный профессоръ Мартенсъ, отецъ русской науки международнаго права, въ своемъ капитальномъ офиціальномъ трудѣ «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами», говоритъ (по поводу англо-русскаго мирнаго трактата 1812 г.):

«Война, объявленная Россіею Англіи въ 1808 г., существеннымъ образомъ отличается отъ всѣхъ войнъ, когда-либо происходившихъ: она отличалась полнымъ отсутствіемъ военныхъ дѣйствій... Русскія коммерческія суда, правда, подвергались въ эту войну задержанію и конфискаціи со стороны англійскихъ каперовъ. Однако, случаевъ такого захвата было весьма мало. Никакихъ другихъ военныхъ дѣйствій между русскими и англійскими войсками или флотами не происходило».

Кровь, русская и англійская, проливаемая на Балтійскомъ морѣ въ эту войну, какъ бы ни было мало ея количество — опровергаетъ приведенныя строки.

Но не боевыя столкновенія въ Балтикѣ представляютъ интересъ

въ этой войнѣ. Весь интересъ ея заключается въ судьбѣ — поскольку на этой судьбѣ отразилась возникшая война — побѣдоноснаго флота Сенявина.

Послѣ Тильзита, какъ уже извѣстно, Сенявину рескриптомъ Государя было приказано возвратиться въ Балтику; въ Черное море предписывалось отправить только суда Черноморскаго флота, о свободномъ пропускѣ которыхъ изъ Архипелага будетъ хлопотать, какъ сообщалось адмиралу, французское правительство. И въ этомъ же рескриптѣ (отъ 28-го іюня 1807 года) Сенявину уже указывалось на необходимость держаться крайне осторожно съ англичанами, такъ какъ отношенія Россіи и Англіи весьма натянуты.

Такимъ образомъ, Сенявинъ посылался изъ Средиземнаго моря въ Балтику при крайне рискованныхъ условіяхъ, и это, казалось бы, должно было побудить Императора Александра отдалить разрывъ съ Англіей до той поры, пока побѣдоносный флотъ, заслужившій право на извѣстное вниманіе и къ его участи, не пройдетъ, по крайней мѣрѣ, Гибралтара и Англійскаго канала.

Но разрывъ Россіи съ Англіей былъ нуженъ Наполеону. И быстро, одно за другимъ, идутъ событія, все болѣе и болѣе широкой пропастью отдѣлявшія Россію отъ Англіи и приведшія, въ концѣ-концовъ, къ разрыву, офиціально объявленному Императоромъ Александромъ въ деклараціи отъ 26-го октября, и, затѣмъ, въ ноябрѣ, къ объявленію войны.

По тексту деклараціи, причины разрыва были слѣдующія: въ Тильзитѣ Императоръ Александръ принялъ на себя посредничество между находившимися въ войнѣ Франціей и Англіей, но англійское правительство «отвергло сіи предложенія»; вскорѣ послѣ этого (въ августѣ) Англія своимъ флотомъ и войсками произвела нападеніе на Данію, безъ всякихъ основаній подозрѣвая ее въ какихъ-то противъ нея замыслахъ, и этимъ произвела «насиліе, коему равнаго по всей исторіи, толико во всѣхъ примѣрахъ обильной, найти трудно» (англичане, дѣйствительно, бомбардировали Копенгагенъ, наполовину сожгли его и овладѣли датскимъ флотомъ и запасами морского арсенала; со стороны Англіи это было отвѣтомъ на Тильзитскіе разговоры, гдѣ шла рѣчь о привлеченіи сѣверныхъ державъ къ континентальной системѣ); вѣрный своимъ обязательствамъ, связывающимъ его съ сѣверными державами, Русскій Императоръ прекращаетъ всякія сношенія съ Англіей до тѣхъ поръ, «доколѣ Данія удовлетворена не будетъ»; только по удовлетвореніи всѣхъ русскихъ требованій и возобновленіи «мира между Франціей и Англіей... Его Величество съ удовольствіемъ паки воспріемлетъ дружественныя съ Великобританіею сношенія, кои въ настоящемъ положеніи праведнаго неудовольствія, Его Величество не можетъ быть слишкомъ долго сохранялъ».

Дѣло, какъ видно, было не столько въ заступничествѣ за Данію, сколько въ примиреніи Англіи съ Наполеономъ.

Хлопоты французскаго правительства ни къ чему не привели: несмотря на перемиріе съ Россіей, Турція отказалась пропустить въ Черное море наши черноморскія суда, бывшія въ составѣ флота Сенявина.

Самъ Сенявинъ съ 10 кораблями, бывшими съ нимъ въ Архипелагѣ, фрегатами *Венусъ* и *Кильдюинъ* и шлюпомъ *Шпицбергенъ* 19-го сентября отправился изъ Корфу въ Балтику и по выходѣ въ началѣ октября изъ Гибралтара въ океанъ попалъ въ жесточайшій штормъ, за 3 недѣли настолько измотавшій корабли и людей, что для исправленія полученныхъ поврежденій адмиралъ 28-го октября былъ вынужденъ зайти въ Лиссабонъ (корабль *Уріилъ* еще изъ Средиземнаго моря, вслѣдствіе полученныхъ поврежденій, долженъ былъ возвратиться въ Корфу; фрегатъ *Венусъ* вскорѣ ушелъ изъ Лиссабона въ Средиземное море; шлюпъ *Шпицбергенъ* штормомъ загнало въ Испанію, въ Виго, гдѣ онъ и остался).

Судьба оставшихся въ Средиземномъ морѣ другихъ эскадръ и судовъ сенявинскаго флота была весьма печальная: въ октябрѣ 1807 года они оказались разбросанными въ разныхъ портахъ, гдѣ ихъ и застало объявленіе войны Англіи: въ Тріестѣ, Венеціи, Корфу, Тулонѣ и др.

Итакъ, Сенявинъ 28-го октября вошелъ въ Лиссабонъ. Если бы адмирала къ этому не принудилъ штормъ, то это сдѣлалъ бы Наполеонъ. 26-го октября, въ тотъ же день, когда Императоръ Александръ подписалъ декларацію о разрывѣ съ Англіей, Наполеонъ писалъ Государю: «Братъ мой... Я вновь вспоминаю все счастіе, которое я испытывалъ въ Тильзитѣ... Эскадра Вашего Величества 19-го октября (нов. ст.) прослѣдовала мимо Кадикса и не вошла въ этотъ портъ. Я полагаю, что она войдетъ въ Лиссабонъ или въ Коронью, или же въ одинъ изъ моихъ портовъ въ океанѣ. Я велѣлъ выйти нѣсколькимъ фрегатамъ къ ней навстрѣчу и убѣдить адмирала Сенявина не входить въ Ла-Маншъ...»

Не объ опасности, грозившей Сенявину отъ англичанъ, думалъ Наполеонъ. Посылая за адмираломъ свои фрегаты, онъ разсчитывалъ приспособить его для своихъ плановъ противъ Португаліи; но это Наполеону такъ и не удалось.

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ въ Лиссабонъ Сенявина столица Португаліи была занята французскими войсками подъ командою генерала Жюно, и правитель Португаліи, принцъ-регентъ, спѣшно готовился отплыть въ Бразилію съ престарѣлою королевой и всѣмъ королевскимъ семействомъ. Присутствіе на Лиссабонскомъ рейдѣ нашей эскадры, связанной съ Франціей провозглашеннымъ въ Тильзитѣ союзомъ, сильно смущало португальцевъ: они предполагали, что русскій адмиралъ, въ силу союзныхъ отношеній обязанный оказывать содѣйствіе генералу Жюно, воспрепятствуетъ португальскимъ судамъ уйти изъ Лиссабона.

Но Сенявинъ не счелъ возможнымъ впутывать русское имя въ мелкую вражду Наполеона къ Браганцской династіи и къ покидавшему

свое королевство португальскому королевскому дому отнесся самымъ благожелательнымъ образомъ: никакого выступленія противъ португальской эскадры онъ не сдѣлалъ.

Въ это время (въ ноябрѣ) Лиссабонъ уже блокировался сильной англійской эскадрой, и положеніе Сенявина, съ его поврежденными кораблями, становилось почти безвыходнымъ.

Это поняли, наконецъ, и въ Петербургѣ.

10-го февраля 1808 года Сенявинъ получилъ отъ Чичагова предписаніе, въ которомъ сообщалось, что Государь, въ случаѣ, если наша эскадра будетъ атакована превосходными англійскими силами и окажется не въ состояніи защищаться, предоставляетъ адмиралу «снявъ людей, корабли сжечь или затопить такъ, чтобы отнюдь не могли они сдѣлаться добычею непріятеля».

1-го же марта Императоръ Александръ отправилъ Сенявину рескриптъ, извѣщавшій о рѣшеніи Государя, «для нанесенія вящаго вреда непріятелю», «предоставить находящіяся внѣ Россіи морскія силы Наши распоряженію Его Величества Императора Французовъ» и повелѣвавшій адмиралу чинить «неукоснительно точнѣйшія исполненія по всѣмъ предписаніямъ, какія отъ Его Величества Императора Наполеона насылаемы вамъ будутъ».

Очутиться въ роли исполнителя приказаній Наполеона, еще такъ недавно безсильнаго въ своемъ желаніи вырвать изъ рукъ Сенявина Боко-ди-Катаро, — Наполеона, получившаго въ Тильзитѣ всѣ завоеванія сенявинскаго флота и преслѣдовавшаго теперь въ Португаліи свои личныя цѣли — это для адмирала было слишкомъ тяжело. Онъ отправилъ всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи въ Россію, но Государь, какъ Чичаговъ сообщилъ Сенявину, «отозваться соизволилъ, что какъ въ водахъ, гдѣ предлежитъ вамъ совершать плаваніе ваше, кампанія не прекращается, и между тѣмъ Ваше Превосходительство имѣетъ отъ Императора Наполеона повелѣніе быть съ эскадрою вашею въ готовности: то засимъ Его Величество и не находитъ возможнымъ удовлетворить желанію вашему».

И Наполеонъ выступилъ въ новой роли. Весь находившійся въ портахъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана русскій флотъ получилъ въ его лицѣ второго для себя Императора; и изъ этихъ двухъ Императоровъ, Александра и Наполеона, Наполеонъ, хотя и въ своихъ цѣляхъ, проявилъ все-таки большее вниманіе къ флоту.

Его (Наполеона) рескрипты Сенявину и командующимъ оставшимися въ Средиземномъ морѣ отдѣльными эскадрами показываютъ, что Императоръ входилъ въ мелочи жизни флота, былъ освѣдомленъ въ главныхъ его нуждахъ и самъ отдавалъ повелѣнія иногда по самымъ мелкимъ вопросамъ, напримѣръ, о ремонтѣ или комплектаціи того или иного корабля.

Но тѣ, къ кому обращался со своими повелѣніями Императоръ, полагали иногда своимъ долгомъ не считаться съ ними, и тогда одинъ Императоръ жаловался другому, и на командующихъ русскими мор-

[illegible] силами обрушивалось неудовольствіе Александра I за [illegible]ніе или замедленіе въ исполненіи повелѣній Наполеона I...

Но уже близился конецъ этой тяжелой агоніи побѣдоноснаго сенявинскаго флота.

Англійскія войска въ августѣ 1808 г. разбили генерала Жюно и вошли въ Лиссабонъ. Въ конвенціи, заключенной при капитуляціи города, въ особой статьѣ было оговорено, что для русской эскадры Лиссабонъ остается нейтральнымъ, но вице-адмиралъ Коттонъ, командовавшій блокирующей эскадрой, не согласился на эту статью. Что оставалось дѣлать Сенявину? Сами англичане признали состояніе его эскадры «чрезвычайно бѣдственнымъ»; и если бы эскадра и вышла изъ устья рѣки Таго, гдѣ она стояла, то въ печальномъ исходѣ сраженія съ сильнѣйшимъ англійскимъ флотомъ (13 кораблей, 11 фрегатовъ и 5 мелкихъ судовъ), сомнѣваться было невозможно.

Оставалось только исполнить Высочайшее повелѣніе: свезти людей съ эскадры на берегъ, а самую эскадру сжечь или затопить. Правда, это значило, что люди попадутъ къ англичанамъ въ плѣнъ, а Россія лишится хотя и поврежденныхъ, но по исправленіи еще могущихъ служить ей кораблей. На это шелъ Императоръ Александръ I, но не пошелъ на это Сенявинъ.

Онъ доблестно вышелъ изъ безвыходнаго, казалось бы, положенія, и обнаруженной передъ Коттономъ готовностью сражаться въ случаѣ, если бы русскія условія не были приняты, своимъ личнымъ обаяніемъ, европейскою славой своего имени — добился заключенія съ Коттономъ договора на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Наша эскадра вмѣстѣ съ англійской отправляется въ Англію, содержится тамъ «подъ сохраненіемъ Его Британскаго Величества» и возвращается въ Россію черезъ шесть мѣсяцевъ по заключеніи мира; 2) Сенявинъ и весь личный составъ эскадры безъ всякихъ условій возвращаются въ Россію на военныхъ корабляхъ «или на другихъ приличныхъ судахъ» на счетъ англійскаго короля; 3) русскіе флаги на корабляхъ не спускаются, пока адмиралъ и командиры съ должными почестями не оставятъ своихъ судовъ; 4) по заключеніи мира эскадра возвращается Россіи «въ томъ же точно состояніи», въ какомъ она находится въ Лиссабонѣ. (Первые два пункта предложены Коттономъ, послѣдніе Сенявинымъ).

Ни одинъ человѣкъ съ эскадры не попалъ, такимъ образомъ, въ плѣнъ; ни одного судна, ни одного ружья, не говоря уже о флагахъ, не достались въ трофеи Англіи.

И Императору Александру, еще въ самомъ началѣ 1808 года примирившемуся съ мыслью о неизбѣжности потери цѣликомъ всей эскадры и плѣненіемъ всего ея личнаго состава, Сенявинъ далъ высокій образецъ своего доблестнаго служенія и ревностнаго отношенія къ чести русскаго флага и интересамъ Россіи.

Вѣдь въ первоначальной инструкціи Адмиралтейства адмиралу Коттону, представленной впослѣдствіи въ парламентъ, указывалось, что [illegible]ніе Россійскою эскадрою сдѣлалось предметомъ величайш[illegible]

важности» и что для содѣйствія Коттону съ суши въ «пріобрѣтеніи того предмета» въ Лиссабонъ спеціально высылаются корпуса генераловъ Мура и Спенсера.

«Предметъ» оказался неудобопріобрѣтаемымъ и инструкцію пришлось замѣнить новой, гдѣ не только не говорилось о завладѣніи эскадрой, но были предложены первые два пункта договора.

Коттонъ вышелъ изъ предѣловъ инструкціи: онъ принялъ и предложенныя Сенявинымъ статьи, и за это подвергся въ Англіи рѣзкимъ нападкамъ.

Когда наша эскадра въ сентябрѣ прибыла въ Портсмутъ, по всей странѣ прошелъ гулъ негодованія: англичане не могли примириться съ тѣмъ, что русская эскадра не досталась въ собственность Англіи. Въ парламентѣ были предъявлены запросы: королю стали подавать адреса, и въ одномъ изъ нихъ было прямо сказано, что «потеря сраженія вслѣдствіе измѣны была бы менѣе унизительна для англичанъ, чѣмъ принятіе условій Сенявина»; Лиссабонскій договоръ иначе не назывался, какъ «посрамленіемъ чести англійской націи».

Но общее и, пожалуй, объяснимое недоброжелательство къ Сенявину вскорѣ же замѣнилось въ народѣ самымъ искреннимъ къ нему почтеніемъ, и причиной такой рѣзкой перемѣны отношеній послужила твердость, проявленная адмираломъ въ вопросѣ о флагахъ. Когда, уступая негодующему голосу общественнаго мнѣнія, возмущеннаго «картиной изъ англо-русской войны», которую представлялъ собою портсмутскій рейдъ со стоявшими на немъ съ развѣвающимися русскими флагами нашими кораблями, король предложилъ Сенявину не поднимать флаговъ, адмиралъ изъ уваженія къ королю согласился на это. Но когда къ нашему адмиралу явился адмиралъ Монтегю и заносчиво сталъ требовать немедленнаго спуска флаговъ, то Сенявинъ съ обычной для него твердостью отвѣтилъ:

— Во владѣніяхъ короля я не нахожу возможнымъ противиться его желанію. Поэтому корабельные флаги будутъ со всѣми почестями спущены въ обычное время, мой же флагъ — ночью. Если же ваше превосходительство считаетъ себя въ правѣ мнѣ угрожать и этимъ нарушаете святость договора, то я долженъ вамъ сказать, что я здѣсь еще не плѣнникъ, никому не сдавался, не сдамся, флагъ мой днемъ не спущу и не отдамъ его иначе, какъ вмѣстѣ съ жизнью.

И Сенявинъ сдѣлалъ такъ, какъ хотѣлъ; и за это же въ англійскомъ народѣ заслужилъ восторженныя похвалы.

За время пребыванія въ Англіи ни адмиралъ, ни командиры судовъ не покидали кораблей; за себя и за всѣхъ командировъ Сенявинъ отказался даже отъ приглашенія короля посѣтить Лондонъ.

При открытіи навигаціи 1809 года адмиралъ и весь экипажъ эскадры на англійскихъ транспортахъ отправились въ Россію, и Сенявину сейчасъ же было дано знать, чтобы онъ не являлся ко Двору. Императоръ Александръ не пожелалъ его видѣть.

Часть оставшейся въ Портсмутѣ эскадры по заключеніи въ 1812

году мира была возвращена Россіи (вошла въ составъ прибывшей въ Англію эскадры адмирала Тета); за другую же часть (пришедшіе въ ветхость корабли) Англія полностью заплатила Россіи ихъ стоимость.

Что касается судьбы остального сенявинскаго флота, разбросаннаго въ разныхъ средиземноморскихъ портахъ, то конецъ его былъ совсѣмъ печальный: состоявшія въ распоряженіи Императора Наполеона наши суда гнили, стоя безвыходно въ портахъ и, въ концѣ концовъ, по приказанію изъ Петербурга, въ 1809 — 10 гг. были проданы (въ томъ числѣ и *Сэдъ-эль-бахръ*) тому же Наполеону, при чемъ, во исполненіе того же приказанія, были проданы и всѣ трофеи въ орудіяхъ, взятые въ Адріатикѣ и Архипелагѣ; офицеры же и команды этихъ эскадръ, съ гордостью пронесшихъ свои флаги изъ Балтійскаго и Чернаго морей, были принуждены пѣшкомъ возвращаться въ Россію, гдѣ ихъ встрѣтили далеко не съ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживали они — прославившіе русское имя, никѣмъ не побѣжденные моряки.

Изъ этихъ эскадръ, нашедшихъ для себя такой незаслуженный конецъ, только эскадрѣ капитана 1 ранга Быченскаго, стоявшей въ Тріестѣ, пришлось считаться съ возможностью серьезнаго боевого столкновенія съ англичанами. Это было въ 1809 году. Наша эскадра состояла изъ кораблей *Уріилъ, Сэдъ-эль-бахръ, Параскевія* и *Азія*, фрегата *Михаилъ*, корветовъ *Діомидъ* и *Легкій*. Время было самое тяжелое — эпоха подчиненія Императору Наполеону.

17-го мая на виду Тріеста (незадолго до того времени занятаго французскими войсками) показалась англійская эскадра—5 кораблей, 3 фрегата и бригъ. Свою эскадру Быченскій немедленно расположилъ подъ самымъ берегомъ въ боевую линію, обоими флангами подходившую къ береговымъ батареямъ, вооруженнымъ пушками съ корабля *Уріилъ*, и приготовился къ бою. Англичане подъ всѣми парусами спустились на нашу эскадру, но, встрѣченные нѣсколькими выстрѣлами съ батарей, отошли на разстояніе внѣ пушечнаго выстрѣла и стали на якорь. Больше 2 мѣсяцевъ простояли они въ виду нашей эскадры, выжидая для нападенія удобнаго случая, но Быченскій во всякое время готовъ былъ къ сраженію: на нашей эскадрѣ, на картечномъ выстрѣлѣ защищенной линіей боновъ, каждый день производились пушечныя и ружейныя ученія, а на шлюпкахъ команда пріучалась къ абордажу и рукопашному бою.

Ночью 9-го іюня наши шлюпки воспрепятствовали англичанамъ налиться около Тріеста водою; 24-го іюня одинъ изъ англійскихъ фрегатовъ, отойдя въ сосѣднюю бухту, открылъ по эскадрѣ стрѣльбу бомбами, но онѣ только ложились близъ кораблей; фрегатъ же, получивъ отъ нѣсколькихъ мѣткихъ выстрѣловъ поставленной на высотѣ одной *Уріильской* пушки, подводную пробоину, былъ принужденъ отступить. Этимъ и исчерпываются попытки англичанъ атаковать нашу эскадру: не рискуя сдѣлать открытое нападеніе, они вскорѣ удалились.

Изъ другихъ эпизодовъ этой войны, также имѣвшихъ мѣсто въ заграничныхъ водахъ, слѣдуетъ отмѣтить задержаніе англичанами

двухъ нашихъ судовъ въ Портсмутѣ и одного у мыса Доброй Надежды и неудачную попытку въ водахъ Сициліи овладѣть фрегатомъ *Венусъ*.

Въ ноябрѣ 1807 года изъ Кронштадта въ Портсмутъ прибыли фрегатъ *Спѣшный* и транспортъ *Вильгельмина*, шедшіе къ эскадрѣ Сенявина съ денежнымъ грузомъ въ 600.000 испанскихъ піастровъ и 140.000 голландскихъ червонцевъ. Въ Англіи еще не знали о деклараціи Императора Александра, но какъ только прибылъ курьеръ съ извѣщеніемъ о разрывѣ, англичане немедленно задержали оба нашихъ судна (о разрывѣ сношеній съ Англіей наши командиры узнали нѣсколькими часами позднѣе) и конфисковали денежный грузъ.

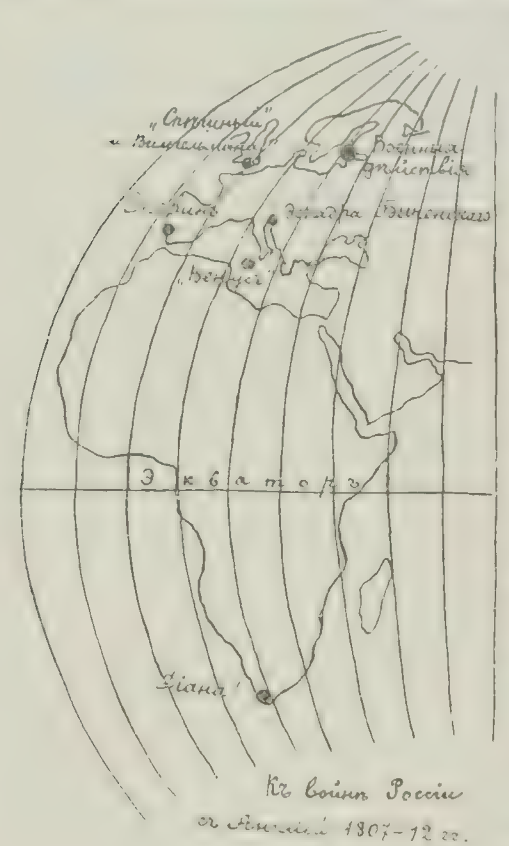
Случай у мыса Доброй Надежды относится къ шлюпу *Діана*, въ 1807 г. ушедшему изъ Кронштадта въ Тихій океанъ для научныхъ изслѣдованій и доставленія разныхъ грузовъ въ Петропавловскъ. Объ этой спеціальной цѣли плаванія 16-пушечнаго шлюпа было сообщено англичанамъ еще до войны, и Британское правительство выдало особое разрѣшеніе на свободный заходъ *Діаны* въ англійскіе порты даже въ случаѣ войны между обѣими державами.

Весною же 1808 года, когда *Діана*, огибая съ юга Африку, находилась у мыса Доброй Надежды, англичане, не считаясь ни съ какими протестами командира шлюпа, лейтенанта Головнина, задержали шлюпъ и тринадцать мѣсяцевъ держали его подъ строжайшимъ надзоромъ. Было сдѣлано, кажется, все, чтобы отнять у Головнина всякую возможность освободиться: *Діана* была отведена въ самую глубину залива и поставлена на двухъ якоряхъ между непріятельскими военными судами и подъ пушками крѣпости; паруса у шлюпа были отвязаны, провизія и вода намѣренно отпускались на *Діану* въ количествѣ, котораго хватало только на ближайшіе дни. Головнинъ, тѣмъ не менѣе, сумѣлъ обмануть бдительность англичанъ и исподволь приготовился къ долгому плаванію, а 15-го мая 1809 г., когда въ сумеркахъ налетѣлъ попутный для *Діаны* шквалъ, обрубилъ канаты, поставилъ штормовые стакселя и благополучно вышелъ въ океанъ, гдѣ поднялъ брамъ-стеньги, поставилъ паруса и черезъ 40 дней, сдѣлавъ переходъ въ 6.000 миль, прибылъ въ Ново-Гебридскій архипелагъ.

Попытка къ овладѣнію фрегатомъ *Венусъ* была произведена англичанами въ концѣ 1807 года, когда фрегатъ находился въ Палермской гавани. Вскорѣ по приходѣ въ составѣ эскадры Сенявина въ Лиссабонъ фрегатъ отправился въ Средиземное море съ разными порученіями отъ адмирала, но по прибытіи въ Палермо былъ принужденъ произвести основательный ремонтъ, для чего и вошелъ въ гавань, при чемъ весь порохъ былъ свезенъ на берегъ, въ Сицилійскіе королевскіе погреба; при такомъ положеніи Венуса, командующій фрегатомъ, капитанъ-лейтенантъ Андреяновъ, и получилъ извѣстіе о разрывѣ съ Англіей.

Явившійся въ Палермо съ эскадрой изъ 5 кораблей и 2 фрегатовъ, англійскій вице-адмиралъ Торнброу 27-го декабря задержалъ сицилійскую канонерскую лодку, которая, по требованію Андреянова, направлялась къ *Венусу* съ принадлежавшимъ нашему фрегату порохомъ,

и въ письмѣ на имя Андреянова потребовалъ сдачи фрегата. Собранный Андреяновымъ изъ офицеровъ *Венуса* военный совѣтъ единогласно постановилъ: 1) остаться въ гавани; 2) купить въ городѣ на свои деньги пороху въ количествѣ, достаточномъ для огня ружейнаго и пушекъ верхняго дека; и 3) въ случаѣ, если англичане не произведутъ нападенія на шлюпкахъ или абордажемъ, а будутъ дѣйствовать огнемъ линейнаго корабля, то, разстрѣлявъ весь порохъ, фрегатъ сжечь. Извѣщенный объ этомъ постановленіи, нашъ посланникъ при сицилійскомъ Дворѣ Татищевъ, хотя и преклонился, какъ русскій человѣкъ, передъ рѣшимостью экипажа *Венуса* до конца отстаивать честь русскаго флага, но для предупрежденія напраснаго кровопролитія поспѣшилъ принять свои мѣры. Офицеру, отправленному къ нему Андреяновымъ съ извѣщеніемъ о томъ, что весь экипажъ *Венуса* рѣшилъ лучше взлетѣть съ фрегатомъ на воздухъ, чѣмъ сдаться англичанамъ, Татищевъ отвѣтилъ:—Скажите вашему капитану, что я узнаю въ немъ русскаго! Ваше намѣреніе самое геройское, но я надѣюсь отвратить смерть храбрыхъ людей, какъ бы славна для нихъ она ни была. Если же не успѣю, то буду самъ на фрегатѣ и, окончивъ свое дипломатическое дѣло, сочту за счастье раздѣлить съ вами вашу опасность...

Къ войнѣ Россіи съ Англіей 1807-12 гг.

Андреяновъ уже досталъ нѣкоторое количество пороху и приготовился къ бою, но Татищевъ, учитывая опасность, грозившую отъ сожженія въ гавани *Венуса* не только ближайшимъ къ нему англичанамъ, но и всѣмъ находившимся въ гавани сицилійскимъ судамъ и самому Палермскому порту, нашелъ для нашего фрегата спасительный и достойный выходъ: *Венусъ* вручался королю Сициліи Фердинанду на сохраненіе, съ обязательствомъ возвратить фрегатъ Россіи по окончаніи войны, личный же составъ фрегата былъ признанъ гостями короля и по желанію могъ или оставаться въ Палермо, гдѣ отъ короля получилъ бы содержаніе, или безпрепятственно возвратиться въ Россію. Эти условія были выработаны Татищевымъ независимо отъ англичанъ, и въ тотъ самый моментъ, когда ближайшій къ *Венусу* англійскій корабль разворачивался бортомъ, чтобы открыть огонь, на нашемъ фрегатѣ былъ поднятъ сицилійскій флагъ.

Военныя дѣйствія въ Балтійскомъ морѣ (см. слѣдующую главу —

Сраженіе тендера „Опытъ“ съ англійскимъ фрегатомъ „Сальсетъ“ 11 іюня 1808 года.

(Съ картины въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго).

Къ стр. 145.

война съ Швеціей), куда Англія въ эту же войну отправила часть своихъ морскихъ силъ, хотя и сопровождались въ 1808 и 1809 гг. нѣсколькими сраженіями между русскими и англійскими судами, но почти всѣ эти столкновенія были случайными: англійскій флотъ не имѣлъ прямой задачи непосредственно дѣйствовать противъ Россіи, а только оказывалъ нѣкоторое содѣйствіе находившейся съ нами въ войнѣ Швеціи; нашъ же Балтійскій флотъ, тогда достаточно слабый и малочисленный, связанный дѣйствіями противъ шведовъ и оказаніемъ поддержки арміи, и самъ не искалъ случая выступить противъ англичанъ.

Въ этой вялой войнѣ въ Балтикѣ, въ которой ни одна изъ сторонъ не слѣдовала какому-нибудь строго установленному плану, заслуживаютъ быть отмѣченными только нѣсколько эпизодовъ, между собою почти ничѣмъ не связанныхъ.

И въ порядкѣ хронологическомъ, и по уваженію къ проявленной въ этомъ дѣлѣ доблести, прежде всего слѣдуетъ сказать о боѣ тендера *Опытъ* съ англійскимъ фрегатомъ *Сальсетъ*.

Корветъ *Шарлотта* съ тендеромъ *Опытъ* въ началѣ іюня 1808 г. были посланы изъ взятаго нами Свеаборга въ море на развѣдку и, обнаруживъ непріятеля около Гангута, разошлись: *Шарлотта* осталась въ морѣ, *Опытъ* же вернулся въ Свеаборгъ и оттуда былъ снова высланъ за *Шарлоттой*, чтобы вернуть и ее. *Шарлотта*, между тѣмъ, отъ сильнѣйшаго непріятеля успѣла укрыться въ Балтійскій портъ. Въ поискахъ *Шарлотты* — тендеръ *Опытъ* у острова Наргенъ встрѣтился 11-го іюня, во время пасмурности, съ англійскимъ фрегатомъ *Сальсетъ*. Силы были далеко не равныя: на фрегатѣ 44 орудія и 400 человѣкъ, на нашемъ тендерѣ, бывшемъ подъ командой лейтенанта Невельскаго, — 19 орудій, 2 гардемарина и 50 матросовъ. Отказавшись сдаться, что ему было предложено командиромъ фрегата, Невельской вступилъ съ непріятелемъ въ ожесточенный бой, продолжавшійся 4 часа. Послѣдній англійскій залпъ, уничтожившій на совершенно избитомъ тендерѣ всѣ бортовыя орудія, принудилъ израненнаго командира сдаться: на *Опытѣ* было много убитыхъ, почти всѣ, въ томъ числѣ и Невельской, переранены; потерю въ людяхъ понесъ, съ своей стороны, и *Сальсетъ*. Долгая отчаянная защита *Опыта* внушила англичанамъ такое уваженіе къ экипажу тендера, что и самъ Невельской и вся его команда были тогда же освобождены отъ плѣна.

Другое сраженіе съ англичанами въ 1808 году произошло также у южнаго берега Финскаго залива. На разсвѣтѣ 14-го августа корабль *Всеволодъ*, сильно отстававшій отъ шедшей вблизи Балтійскаго порта эскадры адмирала Ханыкова, былъ атакованъ состоявшими при шведской эскадрѣ 2 англійскими кораблями: Centaur и Impeacable. Въ теченіе получаса, пока не подоспѣла помощь, отбивавшійся отъ непріятеля *Всеволодъ* получилъ очень тяжелыя поврежденія; но англичане, замѣтивъ приближеніе русскаго адмирала, прекратили сраженіе, поставили всѣ паруса и отошли къ шведской эскадрѣ.

Разсчитывавшій принять сраженіе со шведами у русскаго порта,

Ханыковъ съ нашей эскадрой направился въ Балтійскій портъ и прибылъ туда въ полдень; туда же на буксирѣ фрегата *Поллуксъ* шелъ и *Всеволодъ*, но въ 11 часовъ утра буксиръ оборвался, и поврежденный *Всеволодъ*, не имѣя возможности обогнуть мысъ острова Рогге, былъ вынужденъ стать на якорь у острова, миляхъ въ 6 отъ Балтійскаго порта. Адмиралъ Ханыковъ отправилъ со всей эскадры шлюпки для прибуксированія *Всеволода* въ портъ, и въ 4 часа дня корабль уже буксировался шлюпками и былъ готовъ обогнуть мысъ, но спустившійся въ это время Centaur картечнымъ огнемъ разогналъ шлюпки и бросился въ атаку на *Всеволода;* на нашемъ кораблѣ, по рѣшенію собраннаго командиромъ совѣта, рѣшили защищаться и, при крайности, выброситься на мель и спасти людей, а корабль сжечь. Но положеніе сразу же стало крайнимъ, и *Всеволодъ* приткнулся къ мели; къ этой же мели приткнулся носомъ и Centaur, почти вплотную къ *Всеволоду*, и завязался горячій бой, продолжавшійся около часа: дѣйствовали и пушечнымъ, и ружейнымъ огнемъ, и въ рукопашную; но неоднократныя попытки англичанъ взять *Всеволодъ* на абордажъ успѣха не имѣли. Только когда на помощь къ Centaur'у подошелъ Implacable и продольными залпами сталъ громить нашъ и безъ того сильно избитый корабль, уже потерявшій 303 человѣка, англичане овладѣли *Всеволодомъ*. Съ *Всеволода*, не желая сдаваться непріятелю, стали бросаться въ воду его защитники. Попытка англичанъ снять съ мели доставшійся имъ корабль оказалась безуспѣшной, и они сожгли его.

Потеря корабля *Всеволодъ* была одной изъ причинъ отдачи адмирала Ханыкова подъ судъ, приговорившій его къ разжалованію въ матросы, на что Высочайшей конфирмаціи не послѣдовало, а было повелѣно предать весь судъ надъ Ханыковымъ забвенію, «во уваженіе прежней его службы».

Что касается *Всеволода*, да и не только *Всеволода*, то Ханыковъ въ этомъ былъ вовсе не такъ виноватъ. Для оказанія помощи *Всеволоду* изъ Балтійскаго порта пытались выйти корабль и нѣкоторые фрегаты, но противное маловѣтріе не позволило имъ этого сдѣлать. Самъ *Всеволодъ*, наконецъ, — это былъ старый, уже тимберованный корабль, очень тихоходный и неповоротливый, а его команду въ громадномъ большинствѣ составляли только что прибывшіе ратники, еще не успѣвшіе даже снять свои ополченскіе кафтаны. И если *Всеволодъ* въ такомъ видѣ и съ такимъ личнымъ составомъ былъ посланъ не только въ море, но и для военныхъ дѣйствій, то сдѣлано это было только потому, что все лучшее изъ Балтійскаго флота — и корабли, и личный составъ находились въ это время въ распоряженіи Императора Наполеона *).

Въ 1809 году боевыя столкновенія съ англичанами, также всегда случайныя, происходили почти исключительно у береговъ Финляндіи.

(*) Чичаговъ писалъ маркизу де-Траверсе: „Ханыковъ, котораго отправляютъ съ жалкими остатками нашего несчастнаго флота съ тѣмъ, чтобы онъ нанесъ рѣшительный ударъ шведскому“ ...

Начались они съ высадки 8-го іюня у Гангута съ двухъ англійскихъ кораблей десанта на 10 вооруженныхъ барказахъ; десантъ, успѣвшій заклепать на батареѣ 2 нашихъ пушки, былъ выбитъ ротой Псковскаго полка, а преслѣдовавшія англійскіе барказы наши гребныя суда потопили 1 барказъ. Въ концѣ іюня 4 англійскихъ вооруженныхъ барказа имѣли сраженіе у Паркалауда съ нашими 3 судами гребного флота, закончившееся для англичанъ, не нанесшихъ намъ никакихъ потерь, потопленіемъ двухъ барказовъ. Эту свою неудачу англичане поспѣшили тотчасъ же загладить, и къ тому же Паркалауду, гдѣ у насъ было всего 6 іоловъ и 2 канонерскія лодки, отправили съ 2 кораблей и 2 фрегатовъ свыше 20 барказовъ и катеровъ. Пройдя шхерами и окруживъ въ полночь наши суда, англичане атаковали 4 іола и 2 лодки и послѣ отчаяннаго сопротивленія взяли ихъ на абордажъ; 2 іола успѣли уйти къ Свеаборгу. Въ этомъ сраженіи мы потеряли убитыми 2 офицеровъ и 39 нижнихъ чиновъ и взятыми въ плѣнъ 106 человѣкъ, въ томъ числѣ 50 раненыхъ. Непріятель, бывшій въ превосходныхъ силахъ (270 чел.), потерялъ убитыми 2 офицеровъ и 17 нижнихъ чиновъ и 37 чел. ранеными. Взятыя англичанами суда были тогда же сожжены ими; у непріятеля въ этомъ же сраженіи до 15 барказовъ и катеровъ были частью тяжело повреждены, частью потоплены.

10-го іюля одинъ изъ англійскихъ кораблей, въ числѣ прочихъ непріятельскихъ судовъ преслѣдовавшій шедшія въ Або наши канонерскія лодки и транспорты, подвергся нападенію канонерскихъ лодокъ, потерялъ форъ и крюйсъ-брамъ-стеньги и только благодаря засвѣжѣвшему вѣтру успѣлъ уйти отъ выстрѣловъ; наши 2 транспорта получили при этомъ подводныя пробоины.

Послѣднимъ значительнымъ столкновеніемъ съ англичанами было нападеніе ихъ на отрядъ мичмана Коробки — 4 канонерскія лодки, транспортъ, 2 бота и 2 кухонныхъ судна — шедшій къ Свеаборгу и 13-го іюля вблизи Аспенскаго рейда натолкнувшійся на барказы и катера, числомъ 19, посланные стоявшими на рейдѣ англійскими 2 кораблями, 3 фрегатами и бригомъ. Одной канонерской лодкѣ удалось при началѣ сраженія прорваться, и она благополучно дошла къ Свеаборгу; остальныя же суда послѣ отчаяннаго сопротивленія въ теченіе 2½ часовъ были взяты англичанами на абордажъ (одна лодка была взята ими только тогда, когда изъ 44 человѣкъ ея экипажа всѣ 44 были убиты и ранены). Потерявъ въ своемъ отрядѣ 105 человѣкъ изъ 167, Коробка, также раненый, упорнымъ сопротивленіемъ канонерскихъ лодокъ нанесъ и непріятелю достаточный уронъ: убитыми и ранеными 76 человѣкъ изъ 320. Мужество, съ которымъ дрался отрядъ Коробки, вызвало восхищеніе англичанъ: «Русскіе», говоритъ объ этомъ дѣлѣ англійскій историкъ, «сражались съ величайшею храбростью».

3-го сентября 1809 года послѣдовало заключеніе мира между Россіей и Швеціей, Швеція присоединилась къ континентальной системѣ, и англійскій флотъ тогда же покинулъ Балтику.

Приведенными эпизодами почти исчерпываются столкновенія и военныя дѣйствія русскаго и англійскаго флотовъ за все время войны (англичане, блокировавшіе въ Балтикѣ наши порта, иногда появлялись и въ Бѣломъ морѣ, но ихъ дѣятельность, и притомъ неудачная, направлялась исключительно противъ не защищенныхъ побережій и купеческихъ судовъ). Всѣ дѣйствія англичанъ были безсистемны — это были случайныя нападенія на небольшіе отряды нашихъ мелкихъ судовъ, разбросанныхъ на побережьяхъ Финляндіи для защиты шхеръ и несенія транспортной службы для нуждъ оккупаціоннаго корпуса — и производятъ впечатлѣніе скорѣе азартныхъ спортивныхъ состязаній при случайныхъ встрѣчахъ, чѣмъ преслѣдованія опредѣленныхъ стратегическихъ цѣлей. Единственное, что, пожалуй, преслѣдовали англичане — это была охрана Швеціи отъ русскаго корабельнаго флота, но и это, послѣ перехода нашей арміи черезъ Ботническій заливъ по льду, потеряло свое значеніе.

Объясненіе этой вялости въ веденіи войны весьма несложно, и въ цитированномъ въ началѣ настоящаго очерка трудѣ профессора Мартенса оно дается въ слѣдующихъ немногихъ словахъ:

«Обѣ великія державы имѣли общаго врага въ лицѣ Наполеона I, для котораго Тильзитскій миръ былъ только этапнымъ пунктомъ для достиженія послѣдней цѣли — порабощенія всей Европы. По мѣрѣ того какъ Наполеонъ послѣ 1807 года, увлекаясь своимъ ненасытнымъ властолюбіемъ, открыто сталъ преслѣдовать свою завѣтную мысль, по мѣрѣ того Императоръ Александръ I принужденъ былъ убѣдиться въ нежеланіи Наполеона исполнить принятыя на себя въ отношеніи Россіи обязательства. По мѣрѣ охлажденія взаимныхъ отношеній между Россіею и Франціею должны были все болѣе и болѣе сближаться Россія и Англія. Сознаніемъ этой мысли былъ вполнѣ проникнутъ принцъ-регентъ Англійскій и его правительство».

Къ этому слѣдуетъ добавить, что Англія, значительно ослабленная созданной противъ нея Наполеономъ континентальной системой, пожалуй, больше, чѣмъ Россія, нуждалась въ сближеніи съ нею, и что затаенною цѣлью дальнѣйшей англійской политики явилось вовлеченіе Россіи въ борьбу съ Наполеономъ и эгоистическое, въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, использованіе этой борьбы.

Въ іюнѣ 1812 года Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи, — 6-го іюля въ Эребро между Англіей и Россіей былъ заключенъ миръ.

V. Война съ Швеціей 1808 — 1809 гг. [1]).

Причины войны Россіи съ Швеціей меньше всего лежали въ тѣхъ обычныхъ небольшихъ разногласіяхъ по текущимъ вопросамъ, касавшимся непосредственныхъ интересовъ обоихъ государствъ, которыя су-

[1]) См. „Ист. Арм. и Фл.", т. V, стр. 38—62.

ществовали между Швеціей и Россіей въ то время, когда Императоръ Александръ I рѣшалъ вопросъ о войнѣ.

Если, начиная войну, Императоръ и желалъ довершить дѣло завоеванія Финляндіи, начатое Петромъ Великимъ, то немалую роль въ вопросѣ о войнѣ или мирѣ сыгралъ и орденъ св. Андрея Первозваннаго, возвращенный послѣ Тильзита, за ненадобностью, Александру I королемъ Швеціи.

Наполеонъ, съ своей стороны, еще въ томъ же Тильзитѣ, получивъ отъ Императора Александра отданныя ему за Аустерлицъ и Фридландъ завоеванія рускаго флота, указалъ на страну, на территоріи которой наша армія могла бы оживить свои поникшіе лавры. Это была Швеція, которую Наполеону нужно было привлечь къ континентальной системѣ.

Начавшаяся при этихъ условіяхъ война застала Балтійскій флотъ въ достаточно разстроенномъ состояніи. Вынужденное, послѣ Тильзита, хотя и безполезное, пребываніе значительныхъ — «знатныхъ», какъ ихъ называлъ Чичаговъ, — морскихъ силъ въ Лиссабонѣ и портахъ Средиземнаго моря отражалось въ Балтикѣ слишкомъ замѣтнымъ пробѣломъ, и для его пополненія пришлось комплектовать флотъ старыми, отжившими свой вѣкъ, судами; личный же составъ флота слишкомъ горько чувствовалъ, особенно съ 1807 года, незаслуженное къ себѣ пренебреженіе, особенно подчеркивавшееся вниманіемъ Государя къ арміи.

Безъ объявленія войны наша армія въ февралѣ 1808 года вступила въ Финляндію, гдѣ встрѣтила слабое сопротивленіе, и къ открытію навигаціи успѣла занять финское побережье до города Гамле-Карльбю въ Ботническомъ заливѣ и Аландскіе острова. Въ Свеаборгѣ, между прочимъ, у шведовъ были взяты 80 судовъ гребного флота, впослѣдствіи составившихъ 2 нашихъ шхерныхъ отряда.

Этотъ быстрый успѣхъ нашихъ войскъ временно былъ омраченъ неудачей, постигшей отрядъ, занявшій Аландскіе острова: какъ только море очистилось ото льда, шведы высадили десантъ, и весь нашъ отрядъ, въ 500 человѣкъ, попалъ въ плѣнъ.

Неудачнымъ оказалось и первое наше выступленіе на морѣ, извѣстное подъ именемъ Готландской экспедиціи.

Такъ какъ начавшаяся война привлекала особое вниманіе Наполеона, то французскій посланникъ при русскомъ Дворѣ счелъ себя въ правѣ давать благожелательные совѣты; и ему-то, высказавшему, между прочимъ, что не дурно было бы занять нашими войсками островъ Готландъ, и принадлежитъ инипіатива экспедиціи. Нелѣпая сама по себѣ мысль — занятіе отдаленнаго Готланда безъ обезпеченія владѣнія моремъ (нашъ корабельный флотъ былъ еще скованъ льдами) — была не менѣе нелѣпымъ образомъ приведена въ исполненіе: въ апрѣлѣ въ Либавѣ былъ снаряженъ десантный отрядъ въ 1657 человѣкъ при 6 орудіяхъ, посаженъ на 9 зафрахтованныхъ коммерческихъ судовъ и отправленъ къ Готланду, гдѣ занялъ городъ Висби. Какъ только объ

этомъ стало извѣстно въ Стокгольмѣ, къ Готланду изъ Карлскроны былъ посланъ контръ-адмиралъ Целерстремъ съ эскадрой изъ 3 кораблей, 2 фрегатовъ и нѣсколькихъ меньшихъ судовъ съ 5.000 (по шведскимъ источникамъ 1.900) десанта. Превосходному непріятелю нашъ отрядъ почти не оказалъ сопротивленія и черезъ 2 дня по приходѣ шведовъ долженъ былъ капитулировать; вскорѣ онъ былъ перевезенъ въ Либаву. Этимъ и кончилась готландская экспедиція — характернѣйшій для александровскаго времени примѣръ полнаго непониманія руководившихъ военными дѣйствіями лицъ (не морскихъ) основныхъ истинъ морской стратегіи.

Къ открытію навигаціи составъ нашего флота, корабельнаго и гребного, былъ слѣдующій: въ корабельномъ флотѣ (въ Кронштадтѣ и Ревелѣ) 9 линейныхъ кораблей, 7 фрегатовъ и 25 меньшихъ судовъ; въ гребномъ, не считая взятыхъ въ Свеаборгѣ 80 судовъ — 11 плавучихъ батарей и 115 канонерскихъ лодокъ и іоловъ въ Петербургѣ, и 30 лодокъ въ Роченсальмѣ и Вильманстрандѣ.

Гребному флоту сразу же была поставлена опредѣленная задача: защита занятаго нами Або отъ нападенія съ моря, содѣйствіе арміи въ овладѣніи побережьями Финляндіи и подготовка для нея зимняго перехода черезъ Ботническій заливъ.

Первыя нападенія шведскаго гребного флота (всего шведы насчитывали въ немъ около 100 судовъ) пришлось выдержать обоимъ отрядамъ свеаборгскихъ лодокъ, спѣшившихъ придти въ Або до появленія передъ нимъ, какъ ожидалось, шведовъ и англичанъ. Въ двухъ сраженіяхъ, у острововъ Ганго и Хирвисало, 18 и 22 іюня, наши отряды, атакованные сильнѣйшими (14 противъ 23 и 26 противъ 58) отрядами адмирала Гіельмстіерна, отбили атаку и нанесли шведамъ значительный уронъ, оставшись на прежней позиціи въ 8 верстахъ отъ Або.

Зная, что къ Або стягиваются и другіе отряды русскаго гребного флота, шведы обложили всѣ ведущіе къ Або фарватеры и своей базой, откуда, съ помощью судовъ корабельнаго флота, разсчитывали преградить путь всѣмъ идущимъ къ Або нашимъ судамъ, избрали Юнгферзундъ.

Третій отрядъ гребного флота, изъ 40 судовъ, подъ командою капи-

тана 1 ранга графа Гейдена, подходя въ началѣ іюля къ Або, во избѣжаніе встрѣчи у Юнгферзунда съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, обошелъ его: графъ Гейденъ повелъ свой отрядъ узкимъ проливомъ, отдѣляющимъ островъ Кимито отъ матерого берега. Проходъ этимъ проливомъ потребовалъ предварительной двухдневной неустанной работы: пришлось очищать проливъ отъ камней, которыми онъ былъ заваленъ еще въ петровскія времена. Выйдя 9-го іюля изъ пролива, нашъ отрядъ былъ атакованъ 25 судами гребной флотиліи подъ командой контръ - адмирала Раялина; 4-часовый бой, въ которомъ гр. Гейденъ былъ раненъ, кончился поспѣшнымъ отступленіемъ шведовъ, отошедшихъ къ острову Сандо, гдѣ они снова преградили путь отряду.

Къ войнѣ со Швеціей 1808 — 09 гг.
Карта прохода около острова Кимито.

Пробиться къ Або удалось только послѣ 20-го іюля, когда, по присоединеніи къ 3-му нашего 4-го отряда, начальникъ котораго, капитанъ - лейтенантъ де-Додтъ, вмѣсто раненаго гр. Гейдена принялъ командованіе соединенными отрядами. Шведы у острова Сандо были нами атакованы и послѣ жаркаго боя разбиты: часть непріятельскихъ судовъ отошла къ Юнгферзунду, часть къ острову Корпо, и нашимъ отрядамъ открылся свободный путь къ Або.

Очередной задачей теперь было поставлено очищеніе отъ шведовъ Юнгферзунда, и это было возложено на подошедшій 5-й отрядъ гребного флота, состоявшій подъ командою капитана 2 ранга Новокшенова и находившійся въ Рилаксъ-фіордѣ.

Новокшеновъ допустилъ ошибку, обошедшуюся намъ слишкомъ дорого: изъ бывшихъ въ его отрядѣ 25 судовъ онъ 7-го августа пошелъ къ Юнгферзунду только съ 14, а остальныя 11 оставилъ въ Рилаксъ-фіордѣ въ резервѣ.

Эти 11 судовъ и подверглись нападенію шведовъ въ то время, какъ Новокшеновъ дѣйствовалъ по стоявшему у Юнгферзунда непріятелю. Шведы использовали раздѣленіе нашихъ силъ и явились въ Рилаксъ-

флотъ въ подавляющемъ количествѣ: 20 канонерскихъ лодокъ и 25 барказовъ и катеровъ съ сухопутными войсками, подъ главнымъ начальствомъ адмирала Гіельметіерна. Непріятель бросился на абордажъ, буквально облѣпивъ наши суда, изъ которыхъ 5 вскорѣ же пошли ко дну со всѣми людьми; на оставшихся 6 судахъ люди дрались съ необычайнымъ мужествомъ. Услышавъ пальбу позади себя, Новокшеновъ поспѣшилъ къ Рилаксу. Атакованные имъ шведы дрогнули и, пользуясь наступившей темнотою, отступили, взявъ съ собою 1 наше судно, а вскорѣ очистили и Юнгферзундъ и ушли въ Аландскія шхеры.

Сраженіе при Рилаксѣ стоило резервному отряду 3 офицеровъ и 80 нижнихъ чиновъ убитыми и 98 ранеными; уцѣлѣвшія суда были сильно повреждены. Шведы, въ свою очередь, потеряли 3 канонерскія лодки и 2 барказа, также потопленныхъ со всѣми людьми.

Въ этомъ сраженіи доблестной смертью погибъ мичманъ Сухотинъ, убитый въ тотъ моментъ, когда, уже израненный нѣсколькими пулями и истекавшій кровью, онъ, собравъ послѣднія силы, рвалъ сигнальную книгу, чтобы она не досталась въ руки непріятеля.

Результатомъ всѣхъ этихъ сраженій, въ которыхъ съ берега, когда представлялось возможнымъ, гребному флоту оказывали содѣйствіе сухопутныя войска, было очищеніе отъ шведовъ, для движенія обслуживавшихъ армію транспортныхъ судовъ, всѣхъ шхерныхъ проходовъ отъ Выборга до Або.

Дальнѣйшія дѣйствія гребного флота, поступившаго въ командованіе контръ-адмирала Мясоѣдова, происходили почти исключительно у острова Судсало, въ районѣ Абосскихъ шхеръ. Первое сраженіе у Судсало произошло 18-го августа, когда вышедшій на рекогносцировку отрядъ капитана 1 ранга Селиванова, изъ 30 судовъ, встрѣтился съ непріятельскимъ отрядомъ въ 51 судно и былъ атакованъ имъ. Селивановъ, однако, использовалъ неудобную позицію шведовъ, при началѣ сраженія еще не вышедшихъ изъ узкости, и, закрывъ имъ выходы, прекратилъ 8-часовое сраженіе только тогда, когда на отрядѣ нехватило снарядовъ; къ тому же, сильно поврежденныя лодки требовали скораго исправленія, — и нашъ отрядъ возвратился въ Або. Потерявъ въ этомъ сраженіи затонувшими 2 избитыя канонерскія лодки, съ которыхъ были сняты флаги и люди, 45 человѣкъ убитыми и 68 ранеными, Селивановъ нанесъ непріятелю болѣе тяжелый ударъ: 8 потопленныхъ и 2 взорванныхъ канонерскихъ лодокъ и 242 чел. убитыми и ранеными.

У того же Судсало 5-го сентября произошло новое сраженіе нашего отряда, вышедшаго изъ Або подъ командой контръ-адмирала Мясоѣдова; шведы были разбиты, потеряли нѣсколько судовъ потопленными и взорванными и отступили: свое нападеніе на шведовъ, снова появившихся у Судсало, Мясоѣдовъ возобновилъ 18-го сентября и продолжалъ тревожилъ стоявшаго на этой позиціи непріятеля до тѣхъ поръ, пока, по условіямъ осенняго времени, это позволяла погода.

Этимъ и закончились дѣйствія гребного флота въ кампанію 1808 года. 1809 годъ уже не далъ гребному флоту никакихъ боевыхъ задачъ: наша армія, въ концѣ 1808 года занявъ всю Финляндію, въ началѣ 1809 Ботническимъ заливомъ перешла въ Швецію; и заслуга подготовки этого блестящаго перехода — прикрытіемъ Або, на которое съ моря такъ покушались шведы — въ достаточной степени принадлежитъ гребному флоту.

Что же касается флота корабельнаго, то о его дѣйствіяхъ въ эту войну много говорить не приходится.

Получивъ инструкцію «стараться истребить шведскія морскія силы или овладѣть ими прежде соединенія ихъ съ англичанами, очистить финляндскія шхеры отъ непріятельскихъ судовъ и содѣйствовать сухопутнымъ войскамъ недопущеніемъ высадки непріятельскаго десанта», корабельный флотъ — 9 кораблей, 7 фрегатовъ, 4 корвета и 15 мелкихъ судовъ — подъ начальствомъ адмирала Ханыкова, 14 іюля 1808 года вышелъ изъ Кронштадта. Вскорѣ же, въ отмѣну этой инструкціи, совершенно правильно указавшей первую и славную задачу флота — истребленіе морскихъ силъ непріятеля, Ханыковъ получилъ предписаніе, обязывавшее его условиться о своихъ дѣйствіяхъ съ главнокомандующимъ войсками въ Финляндіи графомъ Буксгевденомъ. Графъ же потребовалъ того, что самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчило принципамъ незнакомой ему морской стратегіи: онъ, когда о владѣніи моремъ еще не могло быть и рѣчи, настаивалъ на отправленіи Ханыкова въ Ботническій заливъ для предотвращенія высадки непріятельскихъ десантовъ (гр. Буксгевденъ сильно опасался высадки англійскихъ войскъ корпуса Мура, направленнаго съ англійскимъ флотомъ въ Балтику для оказанія содѣйствія шведамъ, но опоздавшаго предупредить занятіе Финляндіи, а потомъ ушедшаго къ берегамъ Испаніи и Португаліи для дѣйствій противъ французскаго корпуса Жюно) и, одновременно, на дѣйствіяхъ корабельнаго флота вмѣстѣ съ гребнымъ и атакѣ шведовъ у Юнгферзунда.

Съ такой, навязанной ему, программой, требовавшей недопустимой разбросанности флота, Ханыковъ и долженъ былъ считаться; и до встрѣчи съ непріятельскимъ флотомъ нашъ флотъ уже былъ ослабленъ отдѣленіемъ нѣсколькихъ судовъ по требованію гр. Буксгевдена.

Придя изъ Кронштадта въ Гангутъ, Ханыковъ пробылъ здѣсь 2 недѣли, оказывая содѣйствіе гребному флоту и высылая въ крейсерство отдѣльныя суда, захватившія за это время въ морѣ 1 шведскій бригъ и 5 транспортовъ, а затѣмъ ушелъ къ Юнгферзунду. Время было пропущено: къ шведскому флоту присоединились 2 англійскіе корабля, и нашъ адмиралъ, имѣя теперь противъ своихъ 9 кораблей и 6 фрегатовъ (одинъ фрегатъ былъ оставленъ для надобностей гребного флота), непріятельскій флотъ изъ 13 кораблей и 6 фрегатовъ и узнавъ, что непріятель вышелъ изъ шхеръ, 13-го августа ушелъ отъ Юнгферзунда на востокъ съ цѣлью не быть отрѣзаннымъ отъ нашихъ портовъ, гдѣ хотѣлъ принять сраженіе. Ночью боевая линія разстроилась, а съ раз-

свѣтомъ 14-го августа, оказавшись у Балтійскаго порта преслѣдуемымъ непріятелемъ, адмиралъ направился въ портъ, потерявъ при этомъ (см. война съ Англіей) сожженный англичанами корабль *Всеволодъ*, и въ Балтійскомъ портѣ и былъ заблокированъ. Непріятель, черезъ нѣсколько дней получившій подкрѣпленіе изъ 4 кораблей и 2 фрегатовъ, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія атаковать стоявшую на якорѣ эскадру: сначала вслѣдствіе дувшихъ неблагопріятныхъ для союзниковъ свѣжихъ южныхъ вѣтровъ, а затѣмъ изъ-за признанной невозможности разрушить поставленные Ханыковымъ у входа на рейдъ боны.

Въ началѣ октября, когда начались осенніе штормы и сталъ чувствоваться недостатокъ въ провизіи, непріятель былъ вынужденъ снять блокаду.

Это и было единственное, за всю войну, столкновеніе корабельнаго флота съ непріятелемъ. Какъ и гребному, кампанія 1809 года и корабельному флоту не дала случая встрѣтиться со шведами, не пытавшимися уже показаться въ Финскомъ заливѣ. Мелкія же наши суда и транспорты продолжали дѣлать свое дѣло — доставлять, по возможности, арміи необходимые ей припасы и грузы.

Въ небогатой, такимъ образомъ, событіями лѣтописи участія въ этой войнѣ корабельнаго флота самымъ темнымъ мѣстомъ долженъ остаться пристрастный судъ надъ адмираломъ Ханыковымъ. Пункты поставленныхъ ему обвиненій — недостаточное наблюденіе за шведами въ Юнгферзундѣ, допущеніе соединенія шведовъ съ англичанами, уклоненіе отъ боя, поспѣшный уходъ въ Балтійскій портъ, неоказаніе помощи кораблю *Всеволодъ*—это, въ сущности, обвинительный актъ противъ тѣхъ, кто главныя силы Балтійскаго флота (сенявинскія) поставилъ въ вынужденное бездѣйствіе, предоставивъ Ханыкову со старыми и скверно укомплектованными судами добывать трофеи въ сраженіяхъ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, и, въ частности, противъ Буксгевдена, отвлекшаго Ханыкова, еще до соединенія англичанъ со шведами, совсѣмъ неумѣстными тогда операціями.

Статья же, по которой обвинили Ханыкова—«кто отъ лѣности, глупости или медленіемъ, однако безъ упрямства, зависти и умыслу...» — слишкомъ для этого случая цинична по своей оскорбительности.

Но дѣло о Ханыковѣ предано забвенію... Корабельный же флотъ, которымъ онъ командовалъ, такъ или иначе, но самымъ бытіемъ своимъ защитилъ русскіе берега отъ нападенія непріятельскаго флота, и въ этомъ смыслѣ въ спорномъ, вообще, для этой войны вопросѣ о владѣніи моремъ — можно говорить и въ его пользу.

3-го сентября въ Фридрихсгамѣ былъ заключенъ миръ, давшій Россіи Финляндію съ Аландскими островами и часть Ботніи, а Наполеону союзъ Швеціи съ Франціей и Даніей и принятіе ею континентальной системы.

Ушаковскія и сенявинскія пріобрѣтенія дали Россіи мѣсто на

синихъ водахъ Адріатики. Императоръ Александръ I сложнымъ процессомъ обмѣнялъ ихъ на омываемую заливами Балтики Финляндію. Можно спорить о своевременности и относительно цѣнности тѣхъ и другихъ пріобрѣтеній, но нельзя спорить объ одномъ, о дѣйствительности, въ обоихъ случаяхъ, «покоренія сердецъ»: пришлось бы, по степени приверженности къ Россіи, сравнить черногорцевъ съ финляндцами.

VI. Война съ Франціей 1812—14 гг.

Отечественной войнѣ 1812 года, въ которой весь наличный Балтійскій флотъ принялъ то или иное участіе, предшествовалъ цѣлый рядъ мѣръ и распоряженій по флоту, спѣшно принятыхъ Императоромъ Александромъ съ того момента, когда онъ впервые узналъ объ одной подробности существовавшаго у Наполеона плана вторженія въ Россію.

Эта существенная подробность выяснилась изъ свѣдѣній, полученныхъ въ Петербургѣ 2 марта и исходившихъ отъ нашего посла въ Швеціи барона Николаи и шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ Энгестрема, и заключалась въ томъ, что Наполеонъ готовилъ сильную эскадру канонерскихъ лодокъ, которыя изъ французскихъ портовъ должны были перейти Голштинскимъ каналомъ въ Балтику и поддерживать лѣвый флангъ арміи, предназначенной къ вторженію въ Россію.

Этотъ планъ самъ по себѣ не только не былъ химерой, но грозилъ, если бы у насъ отсутствовала соотвѣтственная морская сила, самому Петербургу; кромѣ того, установленіе коммуникаціи моремъ, освободивъ непріятельскую армію отъ заботъ объ обезпеченіи тыла, устройствѣ продовольственныхъ складовъ и проч., придало бы ей гораздо большую подвижность и свободу дѣйствій.

Въ случаѣ, если бы этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе до открытія навигаціи, когда нашъ флотъ еще былъ скованъ льдами Финскаго залива (въ Кронштадтѣ и Ревелѣ), то Швеція, во главѣ которой тогда стоялъ наслѣдный принцъ (по происхожденію французскій буржуа) Бернадотъ, приглашала русское правительство выслать изъ Риги или Либавы всѣ суда, какія тамъ нашлись бы, для соединенія со шведскими у Голштинскаго канала, чтобы атаковать французовъ сейчасъ же по выходѣ ихъ въ Балтику.

Нашъ корабельный флотъ въ Балтійскомъ морѣ къ началу 1812 года состоялъ изъ 9 линейныхъ кораблей, 11 фрегатовъ, 2 бомбардирскихъ судовъ, 4 корветовъ, 7 шлюповъ, 7 бриговъ и до 30 меньшихъ судовъ; въ гребномъ флотѣ до 500 судовъ, изъ нихъ половина — канонерскія лодки (въ томъ же Балтійскомъ флотѣ числились 9 сенявинскихъ кораблей, находившихся на сохраненіи британскаго правительства и подлежавшихъ возвращенію Россіи по окончаніи англо-русской

войны, 9 кораблей, находившихся въ постройкѣ, и 11 стоявшихъ въ Архангельскѣ).

Зимняя дислокація флота очень мало отвѣчала той готовности, съ какою Россія, по шведскому плану, должна была бы встрѣтить французскую эскадру канонерскихъ лодокъ, если бы Наполеонъ предпринялъ вторженіе до открытія навигаціи: главныя силы флота находились въ Кронштадтѣ, другія суда были разбросаны по разнымъ портамъ, въ томъ числѣ нѣсколько судовъ и въ Ригѣ, и только 1—2 мелкихъ судна зимовали въ Либавѣ.

Полученныя 2-го марта въ Петербургѣ свѣдѣнія сильно встревожили Императора Александра. Уже 10-го марта по Высочайшему повелѣнію было приказано немедленно приступить къ постройкѣ въ двухмѣсячный срокъ, въ дополненіе къ уже имѣвшимся, 60-ти большихъ канонерскихъ лодокъ, «годныхъ для перехода моремъ съ десантными войсками»; 14-го марта повелѣно возвратить во флотъ всѣхъ офицеровъ по происхожденію изъ англичанъ (списанныхъ, въ угоду Наполеону, послѣ Тильзита съ русскихъ кораблей и отправленныхъ тогда же, частью въ Москву, частью въ Саратовъ и другую россійскую глушь); того же 14-го марта назначены командующіе на предстоящую кампанію; 21-го марта маркизомъ де-Траверсе было предложено Адмиралтействъ-Коллегіи «учинить немедленное распоряженіе, дабы стоящія во всѣхъ портахъ корабельныя и гребного флота суда, къ службѣ благонадежныя, были въ совершенной готовности къ плаванію ко времени ранней кампаніи»; въ этихъ же числахъ было повелѣно отпустить морскому министру значительныя суммы для экстренныхъ расходовъ.

Постройка канонерскихъ лодокъ была произведена въ кратчайшій, по возможности, срокъ: въ относящейся къ ней перепискѣ неоднократно указывается, что это дѣло «не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства».

Спѣшно принятыя, въ отвѣтъ на планъ Наполеона, эти спеціальныя мѣры, въ связи съ приготовленіемъ всего флота къ самой ранней кампаніи, служили достаточной гарантіей того, что съ открытіемъ навигаціи Россія выставила бы наличныя силы корабельнаго и гребного флота въ такомъ составѣ и такой готовности, что для Наполеона поддержка своего лѣваго фланга со стороны моря оказалась бы не исполнимой.

Такъ оно и случилось: освѣдомленный о готовящемся со стороны русскаго флота отпорѣ, Наполеонъ отказался отъ мысли о поддержкѣ арміи эскадрой канонерскихъ лодокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ предположеннаго первоначальнаго движенія на Петербургъ.

Самая мысль Наполеона объ отправленіи въ Балтику сильной эскадры канонерскихъ лодокъ вовсе не была фантастичной: это доказывается какъ опытомъ русскаго флота въ Великую Сѣверную войну — походы 1712 — 21 гг., галернаго флота южнымъ берегомъ Балтики отъ Петербурга до Копенгагена,—такъ и слишкомъ недавнимъ, съ 1803 году, опытомъ Булонской флотиліи самого же Наполеона, когда французскія канонерскія лодки, прикрываемыя мелководьемъ, а у приглубыхъ

береговъ береговыми батареями, совершали большіе переходы почти безнаказанно, часто въ виду сильнаго англійскаго корабельнаго флота. Этотъ же опытъ Наполеона давалъ ему возможность не придавать слишкомъ большого значенія присутствію въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ англійскаго корабельнаго флота и въ предположенномъ имъ походѣ въ Балтику канонерскихъ лодокъ, которыя, притомъ, у береговъ Балтійскаго моря, почти до русской границы уже занятыхъ тогда французскими войсками, въ нужныхъ случаяхъ легко прикрывались бы французскими батареями.

Итакъ, отъ своего первоначальнаго плана Наполеонъ отказался. Война началась по другому расчету, въ которомъ уже не французскимъ, а русскимъ морскимъ силамъ пришлось выступить въ роли нападающей стороны.

Стратегическія заданія, данныя въ самомъ началѣ войны нашему флоту, были различны въ зависимости отъ самой природы его составныхъ частей: корабельнаго и гребного флотовъ. Поэтому роль того и другого флота въ Отечественной войнѣ удобнѣе разсматривать въ отдѣльности, не связывая ихъ хронологически, какъ они не были связаны по поставленнымъ имъ цѣлямъ.

Первая задача, поставленная корабельному флоту, была выработана въ согласіи съ планомъ Швеціи и заключалась въ томъ, чтобы, въ случаѣ вторженія Наполеона въ Россію, произвести высадку союзнаго русско-шведскаго корпуса (15 — 20 тысячъ русскихъ войскъ и 25—30 тысячъ шведскихъ), для диверсіи въ тылъ французамъ на нѣмецкіе берега Балтики. Съ нашей стороны для этого были предназначены войска, находившіяся въ Финляндіи подъ командой генералъ-лейтенанта Штейнгеля; они, въ числѣ 15.000, должны были быть въ Свеаборгѣ, Або и на Аландѣ посажены на эскадру адмирала Тета, военные транспорты и наемныя суда (эскадра Тета, назначеннаго командовать Балтійскимъ корабельнымъ флотомъ, — линейные корабли *Благодать*, *Храбрый*, *Гавріилъ*, *Смѣлый*, *Борей*, *Орелъ*, *Сѣверная Звѣзда* и *Михаилъ Архистратигъ*, фрегаты *Венера*, *Быстрый* и *Свеаборгъ*, корветъ *Герміонъ*, бригъ *Гонецъ* и люгеръ *Ящерица*) и отправиться на соединеніе со шведскими силами къ назначенному мѣсту высадки. Россія самымъ добросовѣстнымъ образомъ готовилась исполнить свое обязательство: эскадра Тета съ открытіемъ навигаціи перешла изъ Кронштадта въ Свеаборгъ; въ ожиданіи похода у насъ съ весны почти безвыходно стояли въ Свеаборгѣ 38 судовъ, въ Або 31 и на Аландѣ 39, и только 18-го августа это неопредѣленное положеніе было разрѣшено Высочайшимъ указомъ на имя Штейнгеля, въ которомъ говорилось, что такъ какъ шведское правительство, повидимому, раньше октября не можетъ приступить къ выполненію намѣченнаго плана, то назначенный въ экспедицію корпусъ слѣдуетъ теперь же перевезти въ Ригу, что и возлагается на адмирала Тета.

Тету пришлось тогда же донести, что углубленіе кораблей и фрегатовъ не позволяетъ высадить десантъ у мелководной Риги, почему

корпусъ Штейнгеля въ концѣ августа и былъ перевезенъ на эскадрѣ и транспортахъ въ Ревель, откуда 2-го сентября перешелъ къ Ригѣ, значительно усиливъ корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена и этимъ давъ ему возможность произвести демонстрацію противъ Макдональда.

Перебросивъ черезъ Финскій заливъ корпусъ Штейнгеля въ одинъ изъ критическихъ моментовъ войны, когда Макдональдъ всѣми своими силами готовился обрушиться на флангъ графа Витгенштейна и тѣмъ пробить себѣ путь на Петербургъ, корабельный флотъ, несомнѣнно, оказалъ арміи значительную, хотя и косвенную, услугу.

Этимъ закончился первый періодъ дѣятельности корабельнаго флота, и эскадра перешла въ Кронштадтъ. Здѣсь часть эскадры была использована для перевоза изъ столицы въ Свеаборгъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній, спѣшно переводимыхъ, по постановленію Комитета Министровъ, сильно опасавшагося за судьбу столицы, изъ Петербурга въ болѣе безопасныя мѣста.

Вскорѣ же корабельному флоту предстояла новая задача. 28-го сентября состоялся Высочайшій Указъ на имя адмирала Тета объ отправленіи ввѣренной ему эскадры къ берегамъ союзной намъ Англіи, для дѣйствій совмѣстно съ англійскимъ флотомъ противъ Франціи. Еще раньше, 24-го іюля, изъ Бѣлаго моря была вызвана въ Балтику эскадра вице-адмирала Кроуна изъ 8 кораблей, теперь находившаяся въ пути, которая должна была присоединиться къ эскадрѣ Тета въ Готенбургѣ. Выйдя 15-го октября изъ Кронштадта, Тетъ направился не обычнымъ путемъ черезъ Зундъ, а, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній съ Даніей, союзницей Наполеона, черезъ Большой Бельтъ. На переходѣ отъ Скагена къ берегамъ Англіи наша эскадра, по предупрежденію шедшаго вмѣстѣ съ нею со своей эскадрой англійскаго адмирала, ожидала встрѣчи съ французскимъ флотомъ въ 25 линейныхъ кораблей (изъ Шельды и Текселя) и приготовилась къ бою, но непріятель не появился.

Къ 1 декабря эскадра Тета благополучно прибыла къ Англіи. Составъ эскадры, включая и корабли вице-адмирала Кроуна, при двухъ еще, кромѣ Кроуна, флагманахъ — контръ-адмиралѣ Коробка и капитанъ-командорѣ Эллiотъ — слѣдующій: линейные корабли *Храбрый, Смѣлый, Сѣверная Звѣзда, Орелъ, Борей, Чесма, Мироносецъ, Три Святителя, Память Евстафія, Юпитеръ, Архистратигъ Михаилъ, Святославъ, Побѣдоносецъ, Три Іерарха, Нордъ-Адлеръ* и *Не тронь меня;* фрегаты *Венера, Быстрый, Свеаборгъ, Архипелагъ, Автроилъ* и *Касторъ*, корветы *Герміонъ* и *Мельпомена*, бригъ *Гонецъ*, люгеръ *Ящерица*, шлюпы *Соломбалъ* и *Кола* и транспортъ *Іоанна-Шарлотта;* къ нимъ въ Англіи были присоединены еще два линейныхъ корабля изъ стоявшихъ тамъ судовъ сенявинской эскадры.

Эскадрѣ Кроуна, прежде чѣмъ соединиться съ Тетомъ, пришлось выдержать продолжительное и очень тяжелое плаваніе. Выйдя 11-го августа, по полученіи Высочайшаго указа, изъ Бѣлаго моря, эскадра, въ большинствѣ укомплектованная рекрутами, еще не разу не бывав-

шими въ морѣ, встрѣтила въ Атлантическомъ океанѣ, на параллели Шотландскихъ острововъ, жестокій четырехдневный штормъ, причинившій кораблямъ такія тяжелыя поврежденія, что въ Готенбургѣ пришлось полтора мѣсяца отстаиваться для починокъ; на почвѣ плохого питанія и антисанитарныхъ условій (почти всѣ корабли, скверно построенные, дали сильную течь) на эскадрѣ развилась цынга, и число больныхъ доходило до 500 человѣкъ. Изъ Готенбурга Кроунъ направился въ Свеаборгъ (посланный ему указъ о слѣдованіи прямо въ Англію до него во-время не дошелъ), куда прибылъ 9-го октября, и здѣсь получилъ новый указъ: немедленно слѣдовать въ Готенбургъ для соединенія съ ушедшимъ уже 15-го октября изъ Кронштадта въ Англію Тетомъ. 27-го октября Кроунъ вышелъ въ обратное плаваніе, уже съ 6 кораблями вмѣсто 8: одинъ, *Всеволодъ*, былъ сильно поврежденъ, на немъ особенно свирѣпствовала цынга (225 больныхъ и 90 умершихъ) и онъ остался зимовать еще въ Фридрихсверде; другой, *Саратовъ*, наскочилъ на камень сейчасъ же по выходѣ изъ Свеаборга.

Въ Англіи вся наша эскадра, въ составъ которй были включены и сенявинскія суда, базировались на Блэкстексъ (устье рѣки Медвей, близъ Лондона), откуда съ 1813 года отдѣльные отряды ея выходили совмѣстно съ англійскимъ флотомъ для крейсерства къ французскимъ и голландскимъ берегамъ.

25-го декабря окончилась Отечественная война. И роль, сыгранная въ эту войну корабельнымъ флотомъ, помимо того, что онъ перебросилъ войска черезъ Финскій заливъ для поддержки рижскаго корпуса Эссена, устанавливается совершенно опредѣленно: это было парализованіе, для будущей кампаніи 1813 года, французскаго флота неизбѣжностью, при первомъ же его выходѣ въ море, удара на него со стороны соединенныхъ англо-русскихъ силъ. Французскій флотъ, насчитывавшій въ портахъ Канала и Нѣмецкаго моря 38 однихъ только линейныхъ кораблей, не считая фрегатовъ и прочихъ судовъ, былъ вынужденъ, подъ постоянною опасностью грозившаго ему англо-русскаго удара, стоять въ бездѣйствіи въ гаваняхъ.

Что касается вопроса о томъ, насколько равноцѣнны были слагаемыя направленной противъ Франціи англо-русской морской силы, то если нашъ корабельный флотъ былъ не слишкомъ на высотѣ, то въ тяжеломъ положеніи былъ и англійскій флотъ, на которомъ лежало выполненіе множества задачъ въ виду обширности театра войны съ Франціей и одновременной съ этимъ войны съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки.

Континентальная система къ тому времени уже слишкомъ истощила Англію, и такіе факты, какъ государственный долгъ, превосходившій еще въ 1811 году 3.500.000.000 долларовъ, полный застой промышленности, повсемѣстныя банкротства, начавшіяся голодовки и, наконецъ, вспыхнувшій въ 1812 году хлѣбный бунтъ, — не могли не отозваться и на жизнеспособности флота; доказательство этому — пеньковый голодъ въ англійскихъ адмиралтействахъ, едва утоленный от-

правленнымъ съ эскадрой Тета нашимъ транспортомъ съ 15.000 пудовъ русской пеньки.

Въ сѣверныхъ моряхъ, Нѣмецкомъ и Балтійскомъ, Англія держала сравнительно небольшія силы. Изысканною любезностью, оказанной нашимъ эскадрамъ на пути въ Англію, и принятіемъ на себя содержанія и снабженія эскадры Тета, Англія дала лишнее доказательство того, что присутствіе въ ея водахъ русскаго флота для нея являлось не излишнею роскошью, а жизненною необходимостью. Историческія изысканія, къ сожалѣнію, позволяютъ говорить о большемъ: о томъ, что нахожденіе въ Англіи нашего флота (до 1814 года) служило какъ-бы залогомъ въ выполненіи обязательствъ, принятыхъ Императоромъ Александромъ передъ Англіей, въ своихъ интересахъ добивавшейся окончательнаго пораженія и низложенія Наполеона.

Если дѣятельность корабельнаго флота связывается, такимъ образомъ, въ первомъ періодѣ войны соглашеніемъ со Швеціей и во второмъ — съ Англіей, и въ зависимости отъ этого флоту были поставлены разныя задачи, то роль флота гребного, разъ опредѣленная, до конца Отечественной войны оставалась неизмѣнной. Эта роль всего яснѣе выражена въ Высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ генералъ-лейтенанту Эссену: «Отряды канонерскихъ лодокъ, прибывшихъ и слѣдующихъ къ Ригѣ, составляютъ не только великое подкрѣпленіе и оборону для сей крѣпости, но, что еще важнѣе, могутъ всегда производить въ разныхъ мѣстахъ по рѣкѣ Двинѣ сильную преграду и противодѣйствіе дальнѣйшимъ намѣреніямъ непріятельскимъ».

«Намѣренія непріятельскія» — это угрожающія рижскому району движенія корпуса Макдональда, который одновременно съ главными силами Наполеона переправился черезъ Нѣманъ съ 30-тысячнымъ корпусомъ, 18-го іюня занялъ Россіены и отсюда отправилъ дивизію Граверта (пруссаки) къ Ригѣ, а самъ пошелъ на Якобштадтъ, угрожая правому флангу 1-й арміи.

Гарнизонъ Риги въ то время состоялъ изъ 18.000 человѣкъ; рижскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Эссенъ принялъ всѣ мѣры къ оборонѣ: укрѣпленія Риги и Динамюнде были заняты нашими войсками и городъ приведенъ въ готовность къ защитѣ: горючіе матеріалы были вывезены въ окрестности, населенію предложено запасаться провіантомъ на 4 мѣсяца.

Еще въ половинѣ іюня (слѣдовательно, до заключенія мира между Россіей и Англіей) Эссенъ получилъ письмо отъ контръ-адмирала Мартена (одинъ изъ флагмановъ стоявшей въ датскихъ водахъ англійской эскадры), въ которомъ тотъ предлагалъ ему свое содѣйствіе въ защитѣ Риги противъ общаго непріятеля. Эссенъ отвѣтилъ согласіемъ принять его помощь, и 24-го іюня Мартенъ прибылъ къ Ригѣ съ 1 кораблемъ и нѣсколькими мелкими судами.

Ригѣ предстояло выдерживать длительную осаду. Наполеонъ считался съ Ригой по ея значенію и какъ сухопутной крѣпости и какъ морского порта. Какъ крѣпость, она была фланговымъ опорнымъ пунктомъ

на оборонительной линіи Западной Двины и тѣмъ самымъ закрывала путь на Петербургъ; какъ портъ, стояла на очереди для занятія ея французами, владѣвшими уже всѣмъ Балтійскимъ побережьемъ до Риги.

Сосредоточеніе къ Ригѣ нашего гребного флота задерживалось тѣмъ, что онъ, по Высочайшему повелѣнію, долженъ былъ принять въ финляндскихъ портахъ войска, предназначенныя въ ту же Ригу. До его прибытія главный командиръ рижскаго порта вице-адмиралъ Шешуковъ расположилъ въ устьяхъ Двины имѣвшіяся тамъ мелкія суда — наши и англійскія, пришедшія съ Мартеномъ.

Между тѣмъ положеніе Риги значительно ухудшилось. Шеститысячный отрядъ генерала Левиза, посланный Эссеномъ противъ Граверта къ Экау, 7-го іюля былъ выбитъ оттуда атаковавшимъ его непріятелемъ и былъ принужденъ отступить къ Ригѣ съ потерею 600 человѣкъ, тогда какъ пруссаки потеряли не болѣе 150. Пораженіе Левиза заставило Эссена принять новыя экстренныя мѣры: изъ Риги были вывезены въ Перновъ всѣ архивы и казна, а жителямъ рижскихъ предмѣстій приказано переселиться въ городъ.

Въ это именно время—въ половинѣ іюля—сталъ прибывать къ Ригѣ гребной флотъ — канонерскія лодки съ войсками, посаженными на нихъ въ Свеаборгѣ и Роченсальмѣ, и 31-го числа прибылъ послѣдній отрядъ — 30 канонерскихъ лодокъ (въ первомъ отрядѣ 37, во второмъ 30, не считая другого типа судовъ), 1 гемамъ, 1 яхта, 1 галіотъ и 7 транспортовъ подъ начальствомъ командующаго гребнымъ флотомъ, контръ-адмирала фонъ-Моллера (впослѣдствіи морской министръ). Всѣ эти отряды были разставлены по Двинѣ между Ригой и Динамюнде.

О начавшейся затѣмъ боевой службѣ гребного флота официальные документы говорятъ, что «бомбардирскія и канонерскія лодки занимали по рѣкамъ Двинѣ и Болдеръ-Аа форпосты, на коихъ почти ежедневно производились съ непріятелемъ перепалки, и имѣли сраженія по рѣкамъ Болдеръ-Аа: у Дризена 26-го іюля за деревнею Калинецъ, 10-го августа при взятіи у непріятеля батареи о четырехъ пушкахъ и при овладѣніи города Митавы 17-го сентября, и у Вольгукта октября 6-го числа».

Скудость относящихся къ этимъ боевымъ дѣйствіямъ матеріаловъ, имѣющихся въ морскихъ архивахъ, не позволяютъ изложить эти дѣйствія въ связномъ обзорѣ.

О характерѣ же боевой службы канонерскихъ лодокъ могутъ говорить слѣдующіе отдѣльные эпизоды.

16-го іюля значительное количество непріятельской конницы и пѣхоты, показавшихся на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двины, были отражены и обращены въ бѣгство огнемъ съ канонерскихъ лодокъ и 4 англійскихъ ботовъ.

26-го іюля, при слѣдованіи капитанъ-лейтенанта Сеславина съ канонерскими лодками по рѣкѣ Аа отъ Воренъ-Круга къ Шлоку, ему добровольно сдался непріятельскій отрядъ.

Того же 26-го іюля 6 канонерскихъ лодокъ, шедшія по рѣкѣ Аа

подъ командой капитана 1 ранга Развозова, у корчмы Дризенъ вступили въ сраженіе съ непріятельскими батареями и войсками; огнемъ канонерскихъ лодокъ батареи были сбиты. Въ сраженіи особенно отличились капитанъ 1 ранга Развозовъ, капитанъ-лейтенантъ Бирштетъ, лейтенанты Рикордъ и Станюковичъ, мичманы Глотовъ и Борисовъ (всѣ, кромѣ Развозова, были ранены), особенно Бирштетъ, дважды раненый, но не оставившій командованія лодкой; на лодкахъ убито матросовъ 10, ранено 42. Объ этихъ же офицерахъ по поводу сраженія 26-го іюля Эссенъ писалъ маркизу де-Траверсе, что они, «при атакѣ лѣваго непріятельскаго фланга, особенную оказали храбрость и расторопность».

О взятіи Митавы контръ-адмиралъ фонъ-Моллеръ донесъ рапортомъ, содержащимъ интересныя указанія на рѣдкую согласованность дѣйствій гребного флота и арміи:

«Исполняя въ точности планъ атаки, доставленный ко мнѣ при повелѣніи г. генералъ-лейтенанта Штейнгеля, 14-го числа сего мѣсяца съ канонерскими лодками и вооруженными гребными судами отправился я вверхъ по рѣкѣ Болдеръ-Аа къ Бильдрингсгофу, отъ коего сухопутныя войска наши перевезли на другую сторону рѣки. 15 числа дошелъ до корчмы Дублингъ, а 16-го пришелъ въ Шлокъ, который непріятелемъ оставленъ безо всякаго сопротивленія, почему, занявъ оный 6-ю канонерскими лодками подъ командою капитана 2 ранга Капельцова, посадилъ сухопутныя войска на лодки, а конницу и артиллерію на нарочито устроенные для сего барки; съ невѣроятнымъ трудомъ въ разсужденіи противнаго, ненастнаго и чрезвычайно крѣпкаго вѣтра, пришелъ къ назначенному времени въ Кальнецеемъ (Калнецъ?) и, высадя войска, оставилъ при ономъ форпостъ изъ 4 канонерскихъ лодокъ. 17-го числа, слѣдуя къ Митавѣ, истребилъ на пути устроенные непріятелемъ, поставленные черезъ фарватеръ рѣки, три бона и подводныя морскія рогатки съ желѣзными шпицами, укрѣпленныя цѣпями. Во все время плаванія непріятель съ такою поспѣшностью ретировался изо всѣхъ своихъ укрѣпленій, что оставилъ намъ на батареяхъ при бонахъ двѣ мѣдныя 24-фунтоваго калибра пушки, и двѣ таковыя же пушки брошены имъ во время побѣга въ воду, которыя вынуты и взяты всѣ на флотилію. Преслѣдуя такимъ образомъ бѣгущаго непріятеля, пришелъ къ Митавѣ, въ то время, когда онъ вышелъ другою стороною, оставя въ Шлокѣ больныхъ до 300 человѣкъ. Для занятія карауловъ послалъ я въ Шлокъ 1-й гребной экипажъ, подъ командою капитанъ-лейтенанта Казина, поставя лодки по рѣкѣ такъ, чтобы они могли имѣть въ защитѣ городъ со всѣхъ сторонъ и дѣйствовать по непріятелю. 18-го числа по словесному сношенію съ генералъ-лейтенантомъ Бризиманъ фонъ-Неттингомъ отправился съ флотиліею отъ Митавы обратно, посадя на лодки высаженный въ Шлокѣ 1-й гребной экипажъ и истребя множество припасовъ, заготовленныхъ непріятелемъ къ осадѣ города Риги, забралъ изъ нихъ сколько можно помѣстить на лодки, не обременяя ихъ съ излишествомъ, какъ-то: нѣсколько ружей, тесаковъ и сумъ, якорей, заготовленныхъ съ такелажемъ для наведенія мостовъ

противъ Риги, шубъ и сѣраго овечьяго сукна для зимняго одѣянія и госпитальныхъ матеріаловъ... И, наконецъ, срывъ три батареи до основанія и переправивъ войска подъ командою маіора Любецкаго, сего числа (21-го сентября) съ флотиліею прибылъ благополучно въ Ригу...».

О сраженіи канонерскихъ лодокъ у Вольгукта 6-го октября архивныя данныя даютъ крайне смутное понятіе; о немъ можно судить только по выдержкѣ изъ представленія къ наградѣ рижскимъ комендантомъ генералъ-адъютантомъ маркизомъ Паулуччи капитана 1 ранга Развозова:

«Потомъ октября 6-го числа подъ командою г. генералъ-лейтенанта Бриземана Неттинга, отличился онъ, Развозовъ, съ онымъ же отрядомъ (18 канонерскихъ лодокъ) при нападеніи на непріятеля по рѣкѣ Аа, гдѣ непріятель, бывъ въ сильномъ укрѣпленіи съ превосходными силами, напалъ на нашъ отрядъ, но капитанъ Развозовъ искусными своими распоряженіями, не давъ ему себя вредить, отпаливаясь, благоразумно отретировался безъ малѣйшаго урона и сохранилъ войска наши, которыя бы непріятель на берегу неминуемо захватилъ въ плѣнъ, если бы капитанъ Развозовъ не успѣлъ взять ихъ на лодки».

Въ половинѣ октября, по условіямъ наступающаго зимняго времени, гребной флотъ перешелъ изъ Риги въ Свеаборгъ, кромѣ 22 лодокъ, оставленныхъ по Высочайшему повелѣнію для зимовки у острова Эзеля.

Гребной флотъ, во всякомъ случаѣ, выполнилъ назначеніе, данное ему Государемъ, указавшимъ, что «отряды канонерскихъ лодокъ, прибывшихъ и слѣдующихъ къ Ригѣ, составляютъ не только великое подкрѣпленіе и оборону для сей крѣпости, но, что еще важнѣе, могутъ всегда производить въ разныхъ мѣстахъ по рѣкѣ Двинѣ сильную преграду и противодѣйствіе дальнѣйшимъ намѣреніямъ непріятельскимъ». Здѣсь указывалась, такимъ образомъ, для флота роль не только оборонительная, но и наступательная, каковую (Шлокъ, Митава и пр.) онъ и выполнилъ.

Кромѣ того, канонерскія лодки, доставивъ въ Ригу отряды войскъ изъ Финляндіи, и этимъ оказали гарнизону поддержку.

Что же касается отношенія дѣйствій флота къ общему ходу Отечественной войны, то надо признать, что совмѣстныя дѣйствія рижскаго корпуса (хотя Штейнгель и потерпѣлъ неудачу) и гребного флота оттянули Макдональда отъ Витгенштейна и тѣмъ содѣйствовали наступленію нашихъ войскъ къ Полоцку.

Отдѣльнымъ эпизодомъ въ Отечественной войнѣ стоитъ блокада и бомбардировка Данцига, о которой имѣются лишь самыя скудныя архивныя данныя. По отношенію къ общему ходу войны блокада Данцига связана со слѣдующими событіями: «Эссенъ два раза (26-го іюля и 10-го августа) пытался оттѣснить противника, но, послѣ частныхъ успѣховъ, отошелъ опять къ крѣпости. Узнавъ объ этомъ, Макдональдъ двинулъ бригаду Гюнейбейна къ Фридрихштадту, для поддержки, въ случаѣ надобности, Іорка, а самъ (двѣ дивизіи) продол-

жалъ оставаться у Динабурга, угрожая Витгенштейну. Вслѣдъ за-тѣмъ Эссенъ, съ цѣлью отвлечь подкрѣпленія, направляемыя къ французской арміи, послалъ къ Данцигу эскадру. Появленіе ея заставило стянуть сюда войска изъ Пилау и Мемеля, послѣ чего эскадра вернулась подъ Ригу» (Лееръ, «Энцикл. Военн. и Морск. Наукъ», томъ VI, стр. 311).

Отправленная изъ Риги эскадра состояла изъ гемама *Торнео*, галетовъ *Аглай* и *Эхо*, транспортовъ *Единорогъ*, *Монтецелло*, *Филадельфія*, *Алфіусъ*, *Фрау-Корнилія*, *№ 11*, *№ 12*, *№ 23* и *№ 50* и нѣсколькихъ мелкихъ англійскихъ судовъ, состоявшихъ подъ командой находившагося на своемъ кораблѣ контръ-адмирала Мартена; въ морѣ къ ней присоединился крейсерскій отрядъ капитана 2-го ранга Тулубьева: фрегатъ *Амфитрида*, корветъ *Ла-Шарлотта* и бриги *Фениксъ* и *Меркурій*. На вышедшихъ изъ Риги нашихъ судахъ находились сухопутныя войска, на рейдѣ Данцига частью перевезенныя на крейсерскій отрядъ.

Еще 22-го іюля Тулубьеву была дана инструкція, въ которой, между прочимъ, предписывалось: «Главнѣйшимъ попеченіемъ вашимъ имѣете постановить, чтобы прикрывать Рижскій заливъ... По прибытіи же вашемъ къ устью Рижскаго залива или по отрядѣ нарочнаго отъ васъ брига или корвета должно явиться къ находящемуся тамъ англинскому адмиралу и, объяснивъ ему причину вашей экспедиціи, ожидать дальнѣйшихъ отъ него порученій или предписаній, по которымъ и производить непремѣнное исполненіе».

Въ полдень 19-го августа эта соединенная эскадра стала на якорь у Данцига, а со слѣдующаго дня началась бомбардировка.

Изъ Данцига эскадра ушла 4-го сентября.

Диверсія флота къ Данцигу сдѣлала свое дѣло: непріятель долженъ былъ стянуть къ Данцигу свои силы, что соотвѣтственно облегчило положеніе Эссена.

———

Итакъ, весь Балтійскій флотъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ. Въ составѣ арміи, кромѣ того, съ отличіемъ дѣйствовали Гвардейскій и Черноморскій 75-й корабельный экипажи.

Общіе выводы о роли, которую сыгралъ въ Отечественную войну нашъ флотъ, сводятся къ слѣдующему:

Самымъ бытіемъ своимъ Балтійскій флотъ, еще до войны, заставилъ Наполеона отказаться отъ плана поддержки съ моря лѣваго фланга своей арміи и установленія коммуникаціи моремъ, что грозило опасностью Петербургу.

Въ войнѣ флотъ оказалъ содѣйствіе нашимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ лѣваго фланга арміи Наполеона и парализовалъ, вмѣстѣ съ морскими силами Англіи, возможность какого-либо выступленія французскаго флота.

Большаго проникновенія флота къ вторгнувшейся въ предѣлы

Отечества Наполеоновской арміи, чѣмъ это было сдѣлано на рѣкахъ Западной Двинѣ и Аа — сдѣлать было невозможно.

И Отечество должно признать, что въ числѣ силъ, въ трудную для него годину вставшихъ на защиту Россіи, Флоту принадлежитъ свое почетное мѣсто.

Въ начавшейся послѣ Отечественной войны, войнѣ за освобожденіе Европы, нашему флоту также не пришлось имѣть дѣла съ непріятельскими морскими силами въ сѣверныхъ водахъ Европы: французскій флотъ, какъ боевая сила, уже не существовалъ.

Гребной флотъ, пришедшій 5-го іюля 1813 года, подъ командой капитана 1 ранга графа Гейдена, къ Данцигу и поступившій здѣсь въ распоряженіе руководившаго осадой Данцига съ моря контръ-адмирала Грейга, блокировалъ Данцигъ и оказывалъ содѣйствіе сухопутнымъ войскамъ. Составъ флота — свыше 70 канонерскихъ и 2 бомбардирскія лодки, фрегатъ *Амфитрида*, 4 бомбардирскихъ судна, нѣсколько другихъ мелкихъ судовъ и транспортовъ. Содержа Данцигъ и устья Вислы въ строгой блокадѣ, наши суда три раза, 21 и 23 августа и 4 сентября, подходили къ крѣпости на самое близкое разстояніе и производили бомбардировку.

Получивъ отъ командовавшаго осаднымъ корпусомъ герцога Виртембергскаго приказаніе быть готовымъ къ военнымъ дѣйствіямъ, Грейгъ еще къ 12 августа привелъ флотилію въ полную готовность атаковать непріятельскія батареи, но жестокій NO, разметавшій канонерскія лодки и выбросившій нѣсколько изъ нихъ на берегъ, помѣшалъ этому.

Бомбардировку, назначенную на 21-го августа, герцогъ отмѣнилъ, но до флота отмѣна приказанія не дошла, и раннимъ утромъ 21-го числа, ставъ на указанныя по диспозиціи мѣста, наши суда открыли по крѣпости огонь, продолжавшійся около 2-хъ часовъ, возобновленный и днемъ и вызвавшій у непріятеля сильный взрывъ на одной изъ батарей. 22-го августа опять задулъ сильный N, заставившій Грейга приказать флоту отойти, а къ утру 23-го числа, когда вѣтеръ стихъ, суда снова расположились по диспозиціи.

23-го августа бомбардирскія суда *Торнео* и *Перунъ*, подойдя на ближайшую дистанцію къ крѣпости, открыли огонь по батареямъ; канонерскія лодки, приближаясь въ это же время къ крѣпости, были встрѣчены сильнымъ огнемъ батарей, но, не обращая вниманія на непріятельскія ядра, подошли на самое близкое разстояніе, съ какого изо всѣхъ орудій болѣе 3 часовъ громили непріятельскія укрѣпленія. Нижнія батареи, вынужденныя умолкнуть, были оставлены непріятелемъ; но противъ Нейфарвассерскихъ укрѣпленій и крѣпости Вексельмюнде, какъ расположенныхъ на высотѣ, огонь съ гребного флота не былъ особенно дѣйствителенъ, хотя и эти укрѣпленія временно были принуждены къ молчанію. Потери, понесенныя на флотѣ въ этомъ сра-

женіи, состояли изъ 1 офицера и 9 матросовъ убитыми и 37 ранеными; 7 лодокъ были пробиты въ подводной части; поврежденія въ корпусѣ, пушечныхъ станкахъ и парусахъ имѣлись на многихъ лодкахъ.

О дѣйствіяхъ канонерскихъ лодокъ контръ-адмиралъ Грейгъ доносилъ герцогу Виртембергскому: «Ничто не могло превзойти рвенія ихъ, съ коимъ онѣ упорствовали приблизиться къ батареямъ противу сильнѣйшаго теченія изъ рѣки Вислы. Подъ жестокимъ огнемъ онѣ заводили на гребныхъ судахъ верпы и, подтягиваясь ближе, употребляли всѣ средства вредить непріятелю».

Послѣ сраженія 23-го августа канонерскія лодки для исправленія поврежденій отошли въ ближайшую бухту и, какъ только позволилъ вѣтеръ, снова прибыли къ Данцигу для участія въ назначенной герцогомъ атакѣ Нейфарвассера и Вестерплата. Борясь съ сильнѣйшими шквалами, канонерскія лодки только 4-го сентября подошли къ батареямъ и въ 6 часовъ утра съ самаго близкаго разстоянія открыли по укрѣпленіямъ жестокую канонаду, продолжавшуюся непрерывно до 7 часа вечера, когда уже сумерки и сильный дождь принудили ее прекратить.

Въ этомъ сраженіи каленымъ ядромъ, попавшимъ въ крюйтъ-камеру одной изъ лодокъ, эту лодку взорвало, при чемъ на ней погибли всѣ, кромѣ командира и 3 матросовъ; большинство лодокъ получили тяжелыя поврежденія; общее число убитыхъ и раненыхъ доходило до 300 человѣкъ.

Незаслуженной обидой флоту звучатъ слова предписанія контръ-адмиралу Грейгу отъ герцога Виртембергскаго отъ 2-го сентября, когда гребной флотъ, борясь съ жестокими шквалами, подходилъ къ Данцигу: «не нужно мнѣ постановлять въ виду Вашего Превосходительства, колико честь флотиліи зависитъ отъ сего дѣйствія (атака Нейфарвассера и Вестерплата) и сколь пріятно мнѣ будетъ отдать справедливость усердію, которое она окажетъ, ибо невозможно, дабы она прибыла къ Данцигу и была вовсе безполезною». Отвѣтъ Грейга на эти слова: «Для меня крайне прискорбно думать, чтобы честь флотиліи зависѣла отъ дѣйствіи, кои превосходятъ ея силы и не соотвѣтствуютъ ея качествамъ, да и то предпринятымъ по прошествіи уже удобнѣйшаго на то времени. Цѣль старанія всѣхъ господъ офицеровъ и прочихъ чиновъ служителей была навсегда выполнять лестныя для нихъ повелѣнія Вашего Высочества и заслуживать Ваше одобреніе; усердіе же ихъ, я уповалъ, довольно доказано во все теченіе сей столь трудной и еще безпримѣрной для нихъ кампаніи въ опасномъ открытомъ морѣ вспомоцествуя блокадѣ Данцига, въ коей, я льстилъ себя надеждою, что флотилія не была вовсе безполезною».

Держаться гребному флоту на открытомъ Данцигскомъ рейдѣ становилось уже слишкомъ опаснымъ, и 23-го сентября онъ перешелъ въ Пилау, а 1-го октября въ Кенигсбергъ, гдѣ и остался на зимовку.

16-го ноября Данцигъ сдался.

Какъ гребной флотъ, такъ и состоявшіе въ осадномъ корпусѣ от-

рядъ изъ 32 морскихъ офицеровъ и 745 матросовъ своими дѣйствіями, несомнѣнно, приблизили срокъ этой сдачи.

Находившійся въ Англіи нашъ корабельный флотъ совмѣстно съ англійской эскадрой отдѣльными отрядами выходилъ въ море для крейсерства и блокады французскихъ и голландскихъ портовъ, а также высылалъ свои экипажи къ непріятельскимъ берегамъ въ качествѣ десанта; англичане съ самой высокой похвалой отзывались объ участіи нашихъ силъ въ сраженіи при Флиссингенѣ, при занятіи островов Бевелендъ и осадѣ крѣпостей французско-голландскаго побережья.

Такъ, въ январѣ 1814 года, отрядъ (5 кораблей и 1 фрегатъ) подъ начальствомъ вице-адмирала Кроуна былъ посланъ въ крейсерство къ берегамъ Голландіи, въ которомъ состоялъ подъ главнымъ командованіемъ англійскаго адмирала Юнга. Съ остальныхъ судовъ эскадры Тета тогда же былъ сформированъ отрядъ для сухопутной экспедиціи на берегахъ и островахъ Голландіи изъ 87-ми офицеровъ и 3.000 матросовъ. Этотъ десантъ въ февралѣ былъ перевезенъ на англійскихъ транспортахъ къ Голландіи, гдѣ занялъ нѣсколько островов, а въ концѣ апрѣля посаженъ на суда крейсеровавшаго у голландскихъ береговъ отряда Кроуна и перевезенъ въ Блекстексъ.

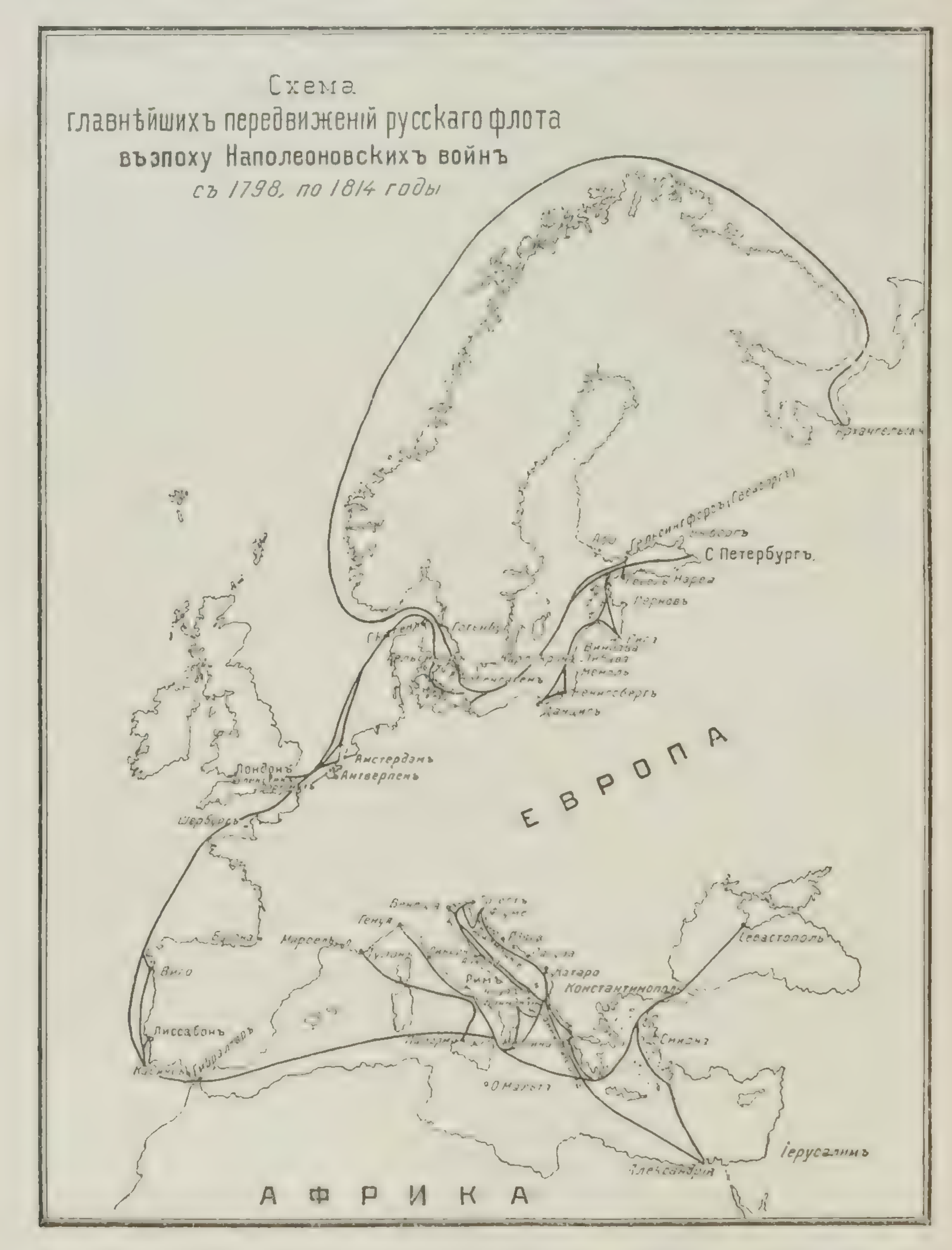
Въ маѣ 1814 года корабельный флотъ по Высочайшему повелѣнію отправился изъ Англіи въ Шербургъ для амбаркированія нашей гвардіи и доставленія ея въ Россію. Отправивъ эскадру Кроуна впередъ съ приказаніемъ зайти въ Шербургъ, Тетъ съ остальными судами вышелъ съ Доунскаго рейда 24 іюня и прибылъ въ Кронштадтъ 16-го іюля. Кроунъ же отправился съ Норскаго рейда (Блекстексъ) 25-го мая, прибылъ въ Шербургъ 27-го и, по посадкѣ на суда войскъ гвардіи, 10-го іюня вышелъ изъ Шербурга и 8-го іюля прибылъ въ Кронштадтъ. Въ августѣ Кроунъ съ эскадрой изъ 13 кораблей и 2 фрегатовъ ходилъ изъ Кронштадта въ Любекъ, откуда также доставилъ въ Кронштадтъ сухопутныя войска.

Въ эту же войну Гвардейскій и Черноморскій 75-й корабельный экипажи вмѣстѣ съ арміей совершили весь походъ въ Парижъ, причемъ черноморцы, помимо участія во всѣхъ сухопутныхъ бояхъ, на Рейнѣ дѣйствовали противъ непріятеля на канонерскихъ лодкахъ.

Къ политической и стратегической обстановкѣ войнъ Отечественной и 1813 — 14 гг., такъ полно изложенной въ выпускахъ III и IV настоящаго изданія, ничего новаго, для освѣщенія въ этихъ войнахъ дѣйствій нашего флота, прибавить нельзя.

Въ личномъ составѣ флота, такъ и оставшимся униженнымъ, до самаго вторженія Наполеона въ Россію, не отмѣненнымъ предоставле-

ніемъ Императору французовъ права повелѣвать заброшеннымъ въ иностранные порты отдѣльнымъ русскимъ судамъ (шлюпъ *Шпицбергенъ*, находившійся въ Испаніи, и др.) обѣ эти войны, какъ веденныя противъ Наполеона, вызывали горячее рвеніе къ борьбѣ, стремле-

ніе къ непосредственному участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но это понятное рвеніе ослаблялось тяжелымъ сознаніемъ того, что если война 1813 — 14 гг. вообще велась преимущественно въ интересахъ Англіи, то, въ частности, флотъ нашъ непосредственнѣе, чѣмъ армія, несъ эту,

навязанную ему, служебную роль. Вынужденныя политическими условіями къ пребыванію въ водахъ Англіи, наши морскія силы были лишены возможности наносить непріятелю вредъ въ Средиземномъ морѣ, гдѣ дешевые лавры пожинала та же Англія, подъ шумъ европейской войны утвердившаяся... *на Іоническихъ островахъ.*

Окончаніе борьбы съ Наполеономъ блистательнымъ походомъ, сопровождавшимся множествомъ сраженій, нашей арміи въ Парижъ, не можетъ стушевать роли въ Наполеоновскихъ войнахъ русскаго флота.

Черноморскій флотъ (адмиралъ Ушаковъ) открытіемъ въ Средиземномъ морѣ въ 1798 году военныхъ дѣйствій противъ французовъ положилъ начало вооруженной борьбѣ Россіи съ тогда еще только восходящимъ свѣтиломъ — Наполеономъ.

Участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на всемъ протяженіи Наполеоновскихъ войнъ, съ 1798 по 1814 годъ, только русскій флотъ не зналъ ни одного пораженія.

Въ трудную для Россіи минуту флотъ и всѣ его завоеванія явились въ Тильзитѣ искупательной жертвой, принесенной Отечеству за Аустерлицъ и Фридландъ. Своимъ униженіемъ защитивъ нашу армію отъ дальнѣйшаго испытанія, флотъ далъ ей возможность поднять свой духъ въ войнѣ со Швеціей и собраться съ силами къ Огечественной войнѣ.

VII. Сенявинъ.

Въ ту-же Отечественную войну, когда Россія напрягала всѣ свои силы въ борьбѣ съ обрушившимся на нее нашествіемъ, глубоко страдало за Родину, переживая трагедію вынужденнаго бездѣйствія, чуткое, благородное сердце Сенявина. Ему, чье имя еще такъ недавно распаляло безсильнымъ гнѣвомъ Наполеона, не только не разрѣшили принять участіе въ Отечественной войнѣ, но его всеподданнѣйшее прошеніе о желаніи служить противъ непріятеля даже вызвало у Императора Александра удивленные вопросы: «Гдѣ? Въ какомъ родѣ службы? И какимъ образомъ?» Сенявинъ — тогда главный командиръ Ревельскаго порта — черезъ маркиза де-Траверсе отвѣтилъ, что готовъ служить хотя-бы въ ополченіи, въ должности, какую ему ни дадутъ, и «служить такимъ точно образомъ, какъ служилъ я всегда и какъ обыкновенно служатъ вѣрные и приверженные русскіе офицеры Государю Императору своему и Отечеству». Но ему не разрѣшили и этого, и въ началѣ 1813 года уволили, по прошенію, въ отставку.

«Великій человѣкъ», какъ его, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, называли еще при жизни, Сенявинъ былъ устраненъ, такимъ образомъ, Императоромъ Александромъ отъ службы Престолу и Родинѣ.

Проведя свои дѣтскіе годы въ деревнѣ (въ селѣ Комлевѣ, Калужской губерніи, гдѣ и родился 6 августа 1763 года), Сенявинъ по вы-

ходѣ изъ морского корпуса, куда былъ опредѣленъ своимъ дядей-адмираломъ, сразу попалъ въ благопріятныя условія. Вскорѣ же по производствѣ въ мичманы, онъ вышелъ въ Черноморскій флотъ, и здѣсь его выдающіяся способности были быстро оцѣнены свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ, сдѣлавшимъ Сенявина своимъ генеральсъ-адъютантомъ. Морскую и боевую школу Сенявинъ прошелъ у Ушакова, участвуя во всѣхъ ушаковскихъ кампаніяхъ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ. Ушаковъ же, когда въ 1805 году возникъ вопросъ о назначеніи флагмана на отправлявшуюся въ Средиземное море эскадру, горячо рекомендовалъ на эту должность Сенявина.

О Сенявинѣ, какъ флотоводцѣ, достаточно было сказано при описаніяхъ соотвѣтствующихъ войнъ, и изъ этихъ же описаній можно было убѣдиться, какъ выпукло во всѣхъ дѣйствіяхъ адмирала выступали его отличительныя черты: служеніе Престолу и Родинѣ не за страхъ, а за совѣсть, независимость, проникновенная гордость русскимъ именемъ, блестящія дипломатическія способности, умѣнье покорять людей не только силою всегда побѣдоноснаго въ его рукахъ оружія, но и сердцемъ.

Открытое лицо, поражавшее сходствомъ съ Императоромъ Александромъ, величественная осанка, ясные голубые глаза и покоряющая, обаятельная улыбка — вотъ внѣшнія черты Сенявина, какъ онѣ запечатлѣлись въ благодарной памяти его современниковъ.

Долгіе годы переживалъ Сенявинъ свое униженіе. Цѣлые десять лѣтъ тянулась волокита по выдачѣ ему и всему составу его побѣдоноснаго флота призовыхъ денегъ. Заѣла Сенявина нужда, одолѣвали его горькія думы о кускѣ хлѣба для семьи. Только помощью добрыхъ людей, у которыхъ онъ заимообразно бралъ маленькія суммы, тщательно записывая каждый свой долгъ въ надеждѣ, что онъ все отдастъ, что для него снова придутъ свѣтлые дни, жилъ — вѣрнѣе, перебивался— долгіе годы Сенявинъ. «Это великій человѣкъ», — говорили тогда про него: «это нищій, которому Россія должна милліоны, истраченные имъ для чести и славы Отечества...»

И эти свѣтлые дни пришли.

Кончилось царствованіе Императора Александра. На престолъ вступилъ Государь-Рыцарь, Императоръ Николай I.

И уже 24-го декабря 1825 года «нищій» былъ опредѣленъ на службу вице-адмираломъ со старшинствомъ, пожалованъ въ генералъ-адъютанты къ Его Императорскому Величеству (первый генералъ-адъютантъ изъ моряковъ), награжденъ единовременно 25.000 рублями; въ 1826 г. произведенъ въ адмиралы съ оставленіемъ генералъ-адъютантомъ и назначенъ сенаторомъ. И не одинъ годъ Сенявинъ командовалъ Балтійскимъ флотомъ; въ 1827 году онъ водилъ его къ берегамъ Англіи, и оттуда выслалъ въ Средиземное море эскадру графа Гейдена, прославившую русское имя при Наваринѣ.

«Принять прежнимъ старшинствомъ и объявить, что Я радуюсь видѣть опять во флотѣ имя, его прославившее»—вотъ резолюція Импе-

ратора Николая Павловича при подписаніи въ 1825 г. приказа о возвращеніи Сенявина на службу.

5-го апрѣля 1831 года Сенявинъ скончался. Предсмертная воля адмирала — похоронить его самымъ скромнымъ образомъ, на Охтѣ, въ халатѣ — была сознательно нарушена Государемъ: «великій человѣкъ», которому Россія была обязана столь многимъ, былъ положенъ въ гробъ въ адмиральскомъ мундирѣ, и погребенъ въ самомъ центрѣ собора Александро-Невской лавры.

И только останкамъ Сенявина — на всемъ протяженіи русской исторіи — только Сенявина, вѣрнаго слуги Императрицы Екатерины, Императоровъ Павла, Александра и Николая, вѣрнаго слуги Россіи, были отданы Императорскія почести: только на похоронахъ Сенявина взводомъ командовалъ Самъ Россійскій Императоръ.

VIII. Война съ Персіей 1805—1813 гг.

Вступленіе Грузіи въ 1801 году въ русское подданство вызвало въ ближайшіе годы большія осложненія съ Персіей. Для обезпеченія безопасности Грузіи, тревожившейся побѣдами сосѣднихъ независимыхъ племенъ, и для болѣе прочнаго утвержденія Россіи на Кавказѣ, нашими войсками съ 1803 года были покорены мелкія ханства, лежащія между Грузіей и Персіей; нѣкоторыя независимыя области за это же время добровольно отдались въ подданство Россіи. Эти событія, хотя и неизбѣжныя въ стремленіи Россіи къ естественнымъ границамъ, вызвали въ Персіи большое безпокойство.

Совершенно неосновательно опасаясь и за собственную судьбу и отвергнувъ всякія со стороны Россіи попытки разрѣшить возникшіе спорные вопросы мирнымъ путемъ, персы, по подстрекательству Англіи, предпочли прибѣгнуть къ оружію и въ 1805 году начали войну противъ Россіи.

Начавшаяся война поставила Россіи новую задачу — пріобрѣтеніе западнаго берега Каспійскаго моря, необходимаго для обезпеченія нашей развивавшейся морской торговли.

Имѣвшійся къ началу войны составъ каспійской флотиліи — 1 фрегатъ, 1 яхта и 5 галіотовъ — далеко не отвѣчалъ установленному въ 1803 году штату (2 — 4 корвета, 2 — 4 брига, 2 — 4 люгера, 2 бомбардирскія судна и 6 — 10 транспортовъ). Въ этомъ составѣ флотилія, подъ командой капитанъ-лейтенанта Веселаго, и участвовала въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Гилянской экспедиціи, имѣвшей цѣлью занятіе городовъ Решта и Баку.

Принявъ, по приказанію главнокомандующаго на Кавказѣ князя Цыціанова, въ устьяхъ Волги назначенный въ экспедицію отрядъ сухопутныхъ войскъ (1300 человѣкъ при 4 орудіяхъ), флотилія 23-го іюня

подошла къ Энзели, гдѣ было встрѣчено слабое сопротивленіе персовъ: узкій проливъ, ведущій съ моря къ городу, былъ защищенъ укрѣпленіями, у которыхъ стояли безпорядочныя толпы вооруженнаго народа; Веселаго отправилъ въ проливъ 3 галіота, и когда одинъ изъ нихъ, поддержанный огнемъ нашихъ судовъ, подъ выстрѣлами непріятеля пробился все-таки къ городу, персы бросились въ бѣгство, оставивъ при этомъ въ проливѣ въ добычу нашей флотиліи 3 своихъ судна и 8 фалконетовъ.

Въ Энзели немедленно былъ высаженъ десантъ, усиленный на 450 человѣкъ изъ экипажа флотиліи; десантъ, подъ командой генералъ-маіора Завалишина, оставался на берегу до 20 іюля.

Овладѣвъ, при помощи шлюпокъ, сопровождавшихъ десантъ по рѣкѣ, городомъ Пери-базаръ, Завалишинъ двинулся къ Решту, но прошелъ отъ Пери-базара только 7 верстъ: встрѣченный въ превосходныхъ силахъ непріятель (7.000 персовъ), узкая труднопроходимая дорога и невыносимая жара, вызвавшая тяжелыя заболѣванія цѣлыхъ сотенъ людей, принудили Завалишина отступить. 26-го іюля флотилія, за время стоянки въ Энзели потерявшая одинъ галіотъ, выброшенный на берегъ и разбившійся, отправилась съ десантомъ къ Баку, куда прибыла 12-го августа.

Переговоры съ бакинскимъ ханомъ о сдачѣ города успѣха не имѣли, и флотилія начала бомбардировку, продолжавшуюся, съ восьмидневнымъ промежуткомъ, 11 дней. Поврежденіе 2 мортиръ (изъ 4 имѣвшихся на флотиліи) и быстрое израсходованіе всѣхъ зарядовъ для единственнаго единорога сдѣлало бомбардировку мало дѣйствительной: огонь изъ мелкихъ орудій не могъ разрушить трехъаршинныя стѣны крѣпости. Высаженный на берегъ десантъ къ концу августа овладѣлъ передовыми укрѣпленіями и высотами, командующими надъ городомъ, но сильно уменьшился въ составѣ: осталось всего 700 человѣкъ. Сомнительность, при такихъ условіяхъ, успѣшнаго окончанія экспедиціи побудила Завалишина, при извѣстіи о приближеніи къ Баку значительныхъ силъ кубинскаго хана, Шейхъ-Али, снять осаду и 9-го сентября отойти отъ Баку.

Флотилія доставила отрядъ Завалишина сначала къ острову Сара, а затѣмъ къ Апшерону, гдѣ Завалишинъ высадился и отправился на соединеніе съ другимъ отрядомъ, выступившимъ для завоеванія Баку подъ начальствомъ самого главнокомандующаго, князя Циціанова.

Баку былъ взятъ уже въ слѣдующемъ году, и это событіе ознаменовано вѣроломнымъ убійствомъ князя Циціанова.

Неудачный исходъ обоихъ предпріятій — и въ Энзели, и въ Баку — не ложится виною ни на флотилію, ни на десантъ: отправленныя въ экспедицію силы были для такихъ предпріятій слишкомъ малы.

Сознанная послѣ этого необходимость довести составъ флотиліи до штатнаго положенія уже въ 1808 году дала Каспійскому морю достаточную русскую силу: 2 корвета, 4 брига, 4 люгера, 2 бомбардирскихъ судна, 4 транспорта и 2 галіота, — съ 136 орудіями.

Отдѣльные отряды флотиліи въ послѣдующіе годы крейсеровали у западныхъ и южныхъ береговъ, содѣйствуя операціямъ арміи пер - возкой войскъ и разныхъ припасовъ.

Въ концѣ 1812 года отрядъ флотиліи изъ корвета *Аріадна*, бомбардирскаго судна *Громъ*, 1 люгера и 1 галіота, подъ начальствомъ капитана 1 ранга Веселаго, дѣйствовалъ противъ крѣпости Ленкорань. Эта крѣпость, принадлежавшая Талышинскому ханству, съ суши была обложена генераломъ Котляревскимъ, только что истребившимъ при Асландузѣ главную персидскую армію.

Съ 9-го декабря до паденія крѣпости наши суда бомбардировали Ленкорань, а свезенный съ нихъ десантъ изъ морскихъ чиновъ въ 400 человѣкъ подъ командою самого Веселаго участвовалъ въ кровопролитномъ (изъ 1,500 человѣкъ у насъ выбыло убитыми и ранеными 950), штурмѣ крѣпости 1-го января 1813 года. Тотъ же Веселаго, по отъѣздѣ тяжело раненаго Котляревскаго, остался начальникомъ взятой крѣпости (впослѣдствіи, при Ермоловѣ, Веселаго нѣсколько лѣтъ командовалъ всѣми сухопутными войсками, расположенными въ Талышинскомъ ханствѣ).

Гюлистанскій мирный договоръ, заключенный въ октябрѣ 1813 года, утвердилъ принадлежность Россіи всего западнаго каспійскаго берега до Астары.

IX. Мирныя плаванія съ 1815 по 1825 г. Посылки судовъ съ учеными цѣлями. Кругосвѣтныя плаванія. Россійско-Американская компанія.

Вѣнскій конгрессъ, принесшій Европѣ временное успокоеніе, на дальнѣйшей судьбѣ русскаго флота отозвался долгимъ застоемъ. Императоръ Александръ сознательно отказался отъ требованій, на которыя Россія имѣла бы право: пріобрѣтеніе какого-либо порта въ Адріатическомъ морѣ или на Іоническихъ островахъ, съ обезпеченіемъ, чего тогда при желаніи можно было добиться, свободнаго сообщенія съ Чернымъ моремъ. Это не только далеко выдвинуло бы русскій авангардъ въ Европу, но явилось бы удовлетворяющимъ русскую совѣсть реваншемъ за униженіе, нанесенное Россіи въ Тильзитѣ.

Но Вѣнскій конгрессъ — это эпоха торжества Англіи и Меттерниха. И области, народы которыхъ еще такъ недавно и такъ горячо молились за «Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего...» — на Вѣнскомъ конгрессѣ отошли къ Австріи и Англіи

Средиземное море, въ исторіи Россіи такъ прославленное побѣдами Спиридова, Ушакова и Сенявина, послѣ Вѣнскаго конгресса сразу же оказалось для насъ чужимъ: русскому флоту тамъ уже было нечего дѣлать.

Это обстоятельство — отсутствіе побудительныхъ причинъ, вслѣд-

ствіе отсутствія спеціальныхъ интересовъ, къ плаванію въ Средиземное море нашихъ отрядовъ — лишило флотъ прекрасной школы, какою всегда являлись эти плаванія, и съ 1815 по 1825 годъ ограничило плаванія нашего Балтійскаго флота почти исключительно Балтикой, а то и Финскимъ заливомъ, воистину «маркизовой» лужей. Все сказанное относится къ флоту въ его болѣе или менѣе крупныхъ соединеніяхъ — къ отрядамъ судовъ.

Практическія плаванія, въ которыя, притомъ, назначались всего отъ 4 до 10 судовъ (да и линейныхъ кораблей въ этомъ числѣ только 1—4), совершались въ Балтикѣ подъ неизмѣннымъ командованіемъ адмирала Кроуна; болѣе поучительную школу проходили суда, строившіяся въ Архангельскѣ и приходившія оттуда въ Кронштадтъ.

Счастливымъ исключеніемъ въ эти годы явились только два плаванія Кроуна: одно въ Калэ и обратно, въ 1817 году, и другое, болѣе отдаленное, въ 1824 году, когда тотъ же Кроунъ съ отрядомъ изъ 2 кораблей, 3 фрегатовъ и 1 брига ходилъ къ Исландіи. Два другихъ исключительныхъ плаванія, когда русскій флотъ вели на продажу, врядъ ли можно назвать счастливыми. Это были 1817 и 1818 годы, когда эскадра контръ-адмирала фонъ-Моллера — 5 кораблей и 3 фрегата—и, въ слѣдующемъ году, отрядъ изъ 3 фрегатовъ, шли въ Кадиксъ, куда ихъ отправляли для продажи, будто бы, за ненадобностью, Испаніи; изъ Кадикса, по совершеніи торговой сдѣлки, экипажи этихъ судовъ на испанскихъ транспортахъ отправились въ Россію.

Но чѣмъ безысходнѣе закупоривались въ Балтику наши морскія силы (и, соотвѣтственно, чѣмъ слабѣе звучалъ голосъ Россіи въ европейскомъ концертѣ), тѣмъ въ болѣе дальнія плаванія, въ «незнаемыя страны», стремился личный составъ на отдѣльныхъ мелкихъ судахъ, уходившихъ въ плаваніе со спеціальными цѣлями.

Еще въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра было положено начало русскимъ кругосвѣтнымъ плаваніямъ.

Капитанъ-лейтенантъ Крузенштернъ, посѣтившій въ молодые годы, когда былъ волонтеромъ на англійскомъ флотѣ, мысъ Доброй Надежды, Индію и берега Китая, составилъ проектъ русскихъ кругосвѣтныхъ плаваній, въ которыхъ видѣлъ лучшее средство для созданія кадра просвѣщенныхъ и опытныхъ моряковъ; эти плаванія, вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливая постоянную связь между Россіей и ея американскими колоніями, значительно содѣйствовали бы развитію русской морской торговли.

Проектъ Крузенштерна встрѣтилъ болѣе чѣмъ холодное отношеніе, и только горячая поддержка бывшаго тогда министромъ адмирала Мордвинова и государственнаго канцлера графа Румянцева, имѣвшая послѣдствіемъ Высочайшее соизволеніе, позволила приступить къ задуманному дѣлу. Экспедиція была снаряжена Россійско-Американской кампаніей, пріобрѣвшей для этого въ Англіи два небольшихъ судна, *Надежда* и *Нева;* первымъ командовалъ самъ Крузенштернъ, начальникъ экспедиціи, вторымъ — капитанъ-лейтенантъ Лисянскій.

На судахъ находились грузы, назначенные къ доставленію въ наши американскія колоніи, гдѣ они должны были быть замѣнены пушнымъ товаромъ — предметомъ торговли колоній; эти товары, въ свою очередь, слѣдовало доставить въ Китай, гдѣ обмѣнять на китайскіе, съ китайскими же товарами вернуться въ Кронштадтъ. Кромѣ этого сложнаго товарообмѣна, у экспедиціи была и другая цѣль: производство гидрографическихъ работъ и доставленіе въ Японію посланника, камергера Резанова, одного изъ главныхъ участниковъ Россійско-Американской кампаніи, торговыя сношенія которой съ Японіей были предметомъ посольства.

Въ концѣ іюня 1803 года оба судна, подъ Андреевскимъ флагомъ, оставили Кронштадтскій рейдъ.

Въ этомъ плаваніи — въ ноябрѣ 1803 года, на переходѣ отъ острововъ Зеленаго мыса къ Южной Америкѣ — русскія суда впервые перешли экваторъ: при 11 пушечныхъ выстрѣлахъ было выпито за здоровье Государя Императора, и одинъ изъ матросовъ, прицѣпивъ себѣ бороду и вооружившись трезубцемъ, произнесъ отъ имени Нептуна привѣтственную рѣчь.

Пройдя въ Тихій океанъ мимо мыса Горнъ и выполнивъ все, что было на нее возложено, экспедиція въ 1806 году возвратилась въ Россію вокругъ мыса Доброй Надежды. Результатами этого перваго русскаго кругосвѣтнаго плаванія явились открытія неизвѣстныхъ острововъ и многочисленныя гидрографическія работы.

Съ блестящимъ успѣхомъ совершивъ эту экспедицію, *Нева* въ томъ же 1806 году, подъ командой капитанъ-лейтенанта Гагемейстера, вышла въ новое далекое плаваніе въ Ситху и была первымъ русскимъ судномъ, посѣтившимъ Австралію.

Въ 1807 году шлюпъ *Діана*, подъ командой лейтенанта Головнина, былъ отправленъ въ Тихій океанъ спеціально съ ученою цѣлью — для гидрографическихъ изслѣдованій у сѣверныхъ береговъ Азіи и Америки и, попутно, доставленія казенныхъ грузовъ въ Петропавловскъ. Застигнутый войною съ Англіей и задержанный, вслѣдствіе этого, на 13 мѣсяцевъ у мыса Доброй Надежды (см. описаніе войны съ Англіей), Головнинъ въ 1809 году прибылъ въ Ново-Гебридскій архипелагъ и оттуда перешелъ на Камчатку въ Петропавловскъ, достигнувъ цѣли своего плаванія въ 2 года и 2 мѣсяца со времени ухода изъ Россіи. Изъ Петропавловска Головнинъ ходилъ въ Америку, затѣмъ весь 1810 годъ пробылъ на Камчаткѣ и въ 1811 году, производя съемку на Курильскихъ островахъ, съ 2 офицерами и 4 матросами былъ на берегу совершенно неожиданнно захваченъ японцами въ плѣнъ и продержанъ въ тяжеломъ заключеніи до 1813 года, когда былъ освобожденъ своимъ старшимъ офицеромъ, оставшимся командиромъ *Діаны*, лейтенантомъ Рикордомъ.

Послѣ *Діаны* въ дальнее плаваніе съ научными цѣлями отправился бригъ *Рюрикъ*, подъ командой лейтенанта Коцебу (1815 — 1818 гг.). Экспедиція была снаряжена на средства графа Н. П. Румянцева, по-

ставившаго Коцебу цѣлью отысканіе прохода изъ Тихаго океана въ Атлантическій (отъ Берингова пролива на востокъ берегами Америки) и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ частей Океаніи.

За свое плаваніе Коцебу, хотя, по болѣзни, развившейся послѣ пораненія его на бригѣ сломавшимся во время шторма бушпритомъ, и не могъ идти сѣвернѣе Берингова пролива, совершилъ много замѣчательныхъ открытій и произвелъ цѣнныя научныя изысканія. Заливъ, вдающійся въ Америку сейчасъ же по выходѣ изъ Берингова пролива, былъ названъ Зундомъ Коцебу. Въ Тихомъ океанѣ открыто много острововъ и цѣлыя группы ихъ—Раликъ, Румянцева, Суворова, Кутузова, Спиридова, Чичагова, Крузенштерна, гр. Гейдена, Ратманова, Шишмарева, Сарычева, Аракчеева, Траверсе, Рюрика и др.

Въ 1817 году Головнинъ, уже капитаномъ 2 ранга и командиромъ шлюпа *Камчатка*, ушелъ въ новое плаваніе въ Тихій океанъ и снова произвелъ гидрографическія работы на принадлежавшихъ намъ островахъ.

Въ 1819 году съ тою же цѣлью, съ которой раньше посылался Коцебу, въ Сѣверный Ледовитый океанъ была отправлена экспедиція изъ шлюповъ *Открытіе* и *Благонамѣренный* подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Васильева. Эта экспедиція, изъ-за встрѣченнаго въ морѣ у береговъ Америки, за Ледянымъ мысомъ, сплошного льда, также не достигла поставленной цѣли, но ознаменовалась съемками въ Беринговомъ морѣ, открытіемъ въ этомъ морѣ острова Нукивокъ и въ Тихомъ океанѣ, восточнѣе Каролинскаго архипелага — группы изъ 16-ти острововъ, которой было дано имя шлюпа — *Благонамѣренный*.

Въ томъ же году 2 шлюпа, *Востокъ* и *Мирный* — первый подъ командою начальника экспедиціи капитана 2 ранга Беллинсгаузена, второй—лейтенанта М. П. Лазарева—отправились для географическихъ изслѣдованій въ плаваніе въ Южный Ледовитый океанъ; объ этой экспедиціи, между прочимъ, тогда говорили, что Беллинсгаузену сильными лицами масонства было вмѣнено въ обязанность отыскать у южнаго полюса островъ Гранде, гдѣ въ пещерѣ, посреди неугасаемаго огня, находится книга Бытія, охраняемая духами тьмы.

На пути къ южнымъ полярнымъ странамъ экспедиція Беллинсгаузена къ сѣверу отъ южныхъ Сандвичевыхъ острововъ (почти на линіи, соединяющей мысы Горнъ и Доброй Надежды) открыла группу острововъ маркиза де-Траверсе; два южныхъ лѣта шлюпы ходили вдоль сплошныхъ полярныхъ льдовъ, въ условіяхъ крайне опаснаго плаванія, открыли островъ Петра Великаго и берегъ Императора Александра I (первымъ послѣ русскихъ моряковъ этотъ берегъ посѣтилъ французскій полярный изслѣдователь Шарко въ 1910 году). Спускаясь въ зимнее время въ теплыя широты Тихаго океана и доходя до Новой Зеландіи, Беллинсгаузенъ и Лазаревъ открыли цѣлый рядъ коралловыхъ острововъ, названныхъ островами Россіянъ: Кутузова Смоленскаго, Барклай-де-Толли, Витгенштейна, Ермолова, Раевскаго, Чичагова, Грейга, Моллера, Аракчеева, Волконскаго, Милорадовича, Остенъ-Са-

Капитанъ 1 ранга Юрій Өедоровичъ Лисянскій. Адмиралъ Иванъ Өедоровичъ Крузенштернъ.

(Съ портретовъ въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго.)

Къ стр. 178.

кена и др.; нѣкоторые изъ этихъ острововъ были обитаемы, и туземцы иногда со страхомъ, иногда съ дикимъ восторгомъ встрѣчали русскихъ. Между прочимъ, Помари, король острова Отаити, лежащаго вблизи открытыхъ экспедиціей острововъ, посѣтилъ наши суда, съ особымъ чувствомъ пилъ за здоровье Императора Александра и затѣмъ любезно принялъ явившихся къ нему съ визитомъ Беллинсгаузена и Лазарева, пригласивъ ихъ къ своему завтраку.

Въ 1823 году Коцебу снова ушелъ въ дальнее плаваніе на шлюпѣ *Предпріятіе*, направляясь въ Камчатку съ казеннымъ грузомъ, и на пути открылъ въ Тихомъ океанѣ обитаемый островъ Предпріятіе, группу Беллинсгаузена и Римскаго-Корсакова и островъ Кордюкова.

Несомнѣнная польза кругосвѣтныхъ плаваній (выше приведены далеко не всѣ изъ нихъ): представительство имени Россіи на отдаленнѣйшихъ пунктахъ земного шара, изъ которыхъ многіе впервые открыты во время этихъ же плаваній; превосходная морская школа — борьба съ трудностями плаваній въ удушливой экваторіальной жарѣ, при снѣговыхъ полярныхъ штормахъ, тайфунахъ и ураганахъ, въ полосахъ коралловыхъ рифовъ и сплошныхъ постоянныхъ льдовъ; цѣнные вклады въ гидрографію, географію, этнологію, естествознаніе, физику (по наблюденіямъ магнитнымъ и надъ маятникомъ) и другія науки; созданіе славной плеяды просвѣщеннѣйшихъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, русскихъ мореплавателей, передъ пытливыми умами которыхъ раскрывались и живо запечатлѣвались картины безконечнаго разнообразія обитаемаго міра, различныя ступени цивилизаціи, страницы расовой и племенной борьбы и проч.; обогащеніе міровой науки, не потерявшими и до сихъ поръ своей высокой цѣнности, составляющими предметъ русской гордости, многотомными учеными трудами, удостоенными самаго лестнаго одобренія нашей и заграничныхъ академій.

Эти же далекія плаванія оказали извѣстную поддержку развитію русскаго дѣла большой государственной важности—уже упоминавшейся здѣсь Россійско-Американской компаніи.

Основанныя при Императрицѣ Екатеринѣ II Шелеховымъ, русскія колоніи въ Америкѣ при Императорѣ Павлѣ получили офиціальное признаніе въ учрежденіи «Россійско-Американской компаніи, принятой Государемъ подъ свое покровительство и получившей дарованныя ей высокимъ покровителемъ на 20 лѣтъ привилегіи «пользоваться всѣми промыслами и заведеніями края, дѣлать открытія и занимать открываемыя земли въ россійское владѣніе, заводить заселенія и укрѣпленія для безопаснаго пребыванія, производить мореплаваніе по всѣмъ окрестнымъ народамъ и имѣть торговлю со всѣми около лежащими державами».

Въ началѣ царствованія Императора Александра главное правленіе компаніи было перенесено изъ Иркутска въ Петербургъ, гдѣ въ знакъ поощренія дѣятельности комиссіи, въ число пайщиковъ ея вступили члены царской фамиліи, взявшіе акцій на 6.000 рублей.

Правитель колоній Барановъ (по происхожденію каргопольскій

купецъ), человѣкъ выдающагося ума и широкихъ государственныхъ взглядовъ, проявилъ кипучую дѣятельность по упроченію положенія колоній и ихъ дальнѣйшему расширенію. Для нуждъ компаніи Барановъ устроилъ поселеніе на островѣ Ситха, вскорѣ же, въ 1802 году, подвергшееся опустошительному набѣгу сосѣднихъ полудикихъ, свирѣпыхъ колошей, перебившихъ при этомъ жителей поселенія (20 человѣкъ русскихъ и 130 алеутовъ); только въ 1804 году, при помощи Лисянскаго, пришедшаго въ это время на *Невѣ* къ нашимъ американскимъ колоніямъ, и 4 компанейскихъ судовъ, удалось снова занять Ситху; на островѣ устроили крѣпость, давшую и самому поселенію свое имя — Новоархангельскъ; сюда съ 1808 года было перенесено главное колоніальное правленіе.

Въ поискахъ удобныхъ для земледѣлія мѣстъ (обиліе дождей въ принадлежащихъ компаніи колоніяхъ не позволяло вызрѣвать хлѣбнымъ растеніямъ) Барановъ обратилъ вниманіе на болѣе плодотворную Калифорнію, принадлежавшую тогда Испаніи и, послѣ долгихъ хлопотъ, получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе занять, за отвѣтственностью колоніи, выбранную имъ для устройства поселенія мѣстность; въ августѣ 1812 года на избранномъ мѣстѣ (поблизости отъ залива Румянцева) было положено основаніе въ Калифорніи русской колоніи, названной Россомъ. Въ 1818 году пало испанское владычество въ Калифорніи: страна была занята инсургентами, объявившими ея независимость, но колонія Россъ осталась за Россіей.

Въ 1817 году правителемъ колоніи вмѣсто Баранова былъ назначенъ Гагемейстеръ, и, начиная съ него, на эту должность стали постоянно назначаться морскіе офицеры.

Со второй половины царствованія началось правильное сообщеніе компанейскихъ судовъ между Кронштадтомъ и колоніями: расширялись торговыя связи, на милліоны перевозились пушной и прочіе товары; Ново-Архангельскъ, столица Русской Америки, своими торговыми оборотами затмилъ значеніе испанскаго С.-Франциско.

Всегда далекій отъ мысли о морскомъ могуществѣ, Императоръ Александръ не поддержалъ, къ сожалѣнію, утвержденія Россіи посреди Тихаго океана, которое дѣятельностью Баранова было уже произведено и нуждалось только въ Высочайшемъ согласіи. Это было утвержденіе Россіи на Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ на фортѣ у бухты Гонолулу въ 1815 году уже развѣвался русскій флагъ; но Томари, король Кауаи и другихъ Сандвичевыхъ острововъ, не встрѣтилъ сочувствія на обращенную къ Императору Александру просьбу о принятіи его владѣній и всего народа подъ покровительство Россіи.

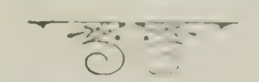
Золотую медаль на Анненской лентѣ съ надписью «Владѣтелю Сандвичевыхъ острововъ Томари, въ знакъ дружбы къ Россіянамъ», кортикъ въ дорогой оправѣ и плащъ съ золотыми кистями и позументомъ — вотъ что получилъ король, добровольно подписавшій актъ объ отдачѣ Сандвичевыхъ острововъ подъ покровительство Россіи.

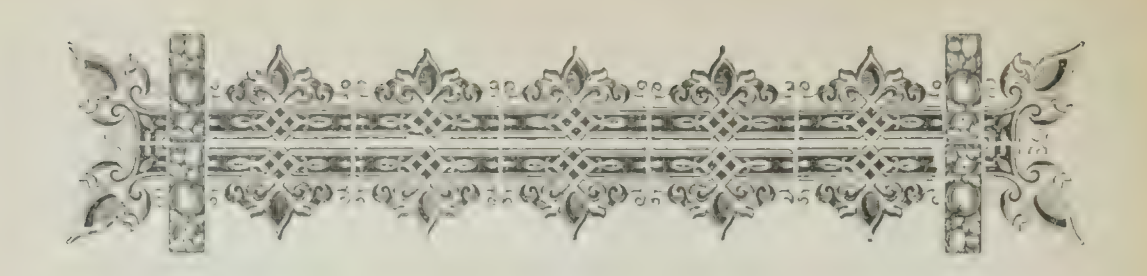
Россія же лишилась случая утвердиться на первокласеной мор-

ской станціи въ Тихомъ океанѣ, обладаніе которой, при развивавшемся ростѣ выходящихъ въ океанъ нашихъ азіатскихъ и американскихъ владѣній, могло обратить если не весь океанъ, то добрую его половину въ русское озеро.

Но эта мечта Баранова не сбылась. Не при Императорѣ Александрѣ и не въ годы, когда русскій флотъ продавался Испаніи, можно было думать о чемъ-либо подобномъ.

И Барановъ былъ уволенъ безъ объясненія причинъ. Другой сподвижникъ его, заключавшій договоръ съ королемъ Томари, Шефферъ, начавшій свою карьеру врачомъ при московской городской полиціи, былъ оцѣненъ только въ Бразиліи, откуда, съ титуломъ графа Франкентальскаго, являлся въ Европу уже отъ имени Императора Бразильскаго.

Флотъ въ царствованіе Императора Николая I.

I. Греческій вопросъ какъ наслѣдіе, доставшееся Императору Николаю I отъ предыдущаго царствованія. Наваринское сраженіе. Военныя дѣйствія въ Средиземномъ морѣ въ войну съ Турціей 1828—29 гг. Блокада Дарданеллъ. Эскадра Рикорда.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ**.

Наваринскій бой 8-го октября 1827 года, послужившій прелюдіей къ войнѣ Россіи съ Турціей 1828—29 гг., былъ, въ свою очередь, естественной развязкой вопроса, возникшаго въ 1821 году, когда въ Турціи вспыхнуло возстаніе грековъ, такъ называемаго, вопроса греческаго.

Со временъ Императрицы Екатерины II Россія пользовалась греками почти каждый разъ, когда возникали осложненія и войны съ Турціей. Подстрекаемые и соблазняемые нашими агентами, игравшими на единовѣріи и обѣщаніяхъ политической свободы, греки каждый разъ приходили Россіи на помощь, своими возстаніями оттягивали на себя значительную часть турецкихъ силъ, но по окончаніи русско-турецкихъ войнъ на ихъ-же голову обрушивалось жестокое мщеніе турокъ. Такъ было въ первую же екатерининскую турецкую войну 1769—1774 гг. Въ слѣдующую войну 1787 — 1791 гг., когда Россіи пришлось отказаться отъ посылки въ Архипелагъ снаряжавшейся въ Балтикѣ эскадры Грейга, почти вся тяжесть нашей войны въ Средиземномъ морѣ легла на грековъ, и на нихъ же по окончаніи войны обрушилось новое мщеніе турокъ.

Этихъ постоянныхъ съ нашей стороны подстрекательствъ и тѣхъ жертвъ, которыя приносились греками во имя Россіи, казалось бы, было достаточно, чтобы и Россія считала себя обязанной придти на помощь грекамъ въ тотъ моментъ, когда осуществится, наконецъ, ея пламенное желаніе, многократно высказывавшееся грекамъ, когда греки возстанутъ, наконецъ, во имя своей свободы.

Надо еще прибавить, что, помимо непосредственнаго использованія грековъ, сама же Россія въ лицѣ Императрицы Екатерины съ ея греческимъ проектомъ, съ символомъ, вложеннымъ въ наименованіе одного изъ цесаревичей Константиномъ, первая вызвала къ жизни идею панэллинизма, и что греческія гетеріи, подготовившія возстаніе 1812 года, были носительницами той же идеи и сложились въ Россіи.

При возникновеніи войны съ Турціей 1806 — 1812 гг., Императоръ Александръ I рѣшилъ обратиться къ тому же старому испытанному средству — къ поднятію возстанія грековъ.

По желанію Государя, и именемъ его, въ Мореѣ и Архипелагѣ были распространены печатныя прокламаціи, о смыслѣ которыхъ говорятъ слѣдующія выдержки:

«Народы Греціи! Настало, наконецъ, время къ низверженію того ненавистнаго ига, подъ которымъ вы такъ много вѣковъ стенали...»

«Насталъ уже тотъ день, въ который Небесная благость начертала о васъ невозвратный свой приговоръ. Рука Самодержавнаго Россійскаго Монарха разорветъ оковы, наложенныя на васъ, и отомститъ за гоненія, содѣланныя вамъ. Онъ омоетъ васъ отъ стыда и ругательства ига тиранства мусульманскаго, сносимаго вами съ ужасомъ, тиранства, стремящагося всегда нагло посягать на жизнь вашу, отнимающаго у васъ имущества, посрамляющаго честь вашу и попирающаго ногами святость вашего закона...»

«Народы Греціи!.. Первыя чувствованія ваши должны быть къ славѣ, другія—къ свободѣ. Верните ее, доказавъ цѣлому свѣту, что вы умѣете подражать вашимъ предкамъ и что вы ихъ не недостойны. Нужно, чтобы вы всѣ помогали великому этому дѣлу и съ оружіемъ въ рукахъ показали бы всѣмъ народамъ, что для васъ дорога свобода...»

«Нужно только имѣть врожденное честолюбіе вашей націи, чтобы расторгнуть носимыя вами оковы и очистить себя отъ стыда, которымъ ужаснѣйшій деспотизмъ тиранства мусульманскаго васъ покрылъ...»

«Такъ! Всевышній того желаетъ... Великій и могущественный Россійскій Императоръ простираетъ къ вамъ покровительствующую десницу свою. Природа требуетъ возстановить свои права, и Греція будетъ свободна!..»

Это писалось въ 1806 году,—и турки жестоко отомстили воодушевившимся грекамъ за содѣйствіе, оказанное намъ въ этой войнѣ.

Въ 1821 году вспыхнуло, наконецъ, греческое возстаніе. Взоры всѣхъ грековъ, естественно, съ надеждой и вѣрой устремились на Россію, имъ единовѣрную, и, какъ они имѣли несомнѣнное право полагать, единомышленную.

Въ помощи грекамъ навѣрное не отказала бы, если бы она была жива, Императрица Екатерина. Но Александръ I отъ грековъ брезгливо отвернулся. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ оказался въ одиночествѣ: русскій народъ, въ лицѣ лучшихъ выразителей своего духа, всецѣло былъ на сторонѣ грековъ.

Въ этомъ вопросѣ Александръ I измѣнилъ не только своему прежнему отношенію къ грекамъ, но и самой идеѣ Священнаго Союза, въ ея чистомъ видѣ. Священный Союзъ трехъ императоровъ былъ заключенъ, какъ они объ этомъ торжественно объявили, «ради защиты религіи, мира и справедливости». «Христіанская нація», возвѣстили три императора, «часть которой составляютъ они и ихъ народы, не имѣетъ въ

дѣйствительности другого властителя, кромѣ Бога, нашего Божественнаго Спасителя Іисуса Христа, Слова Всевышняго, Слова жизни».

Это торжественное заявленіе слѣдуетъ сопоставить съ однимъ изъ самыхъ памятныхъ событій 1821 года, какъ оно изложено въ приводимой здѣсь выдержкѣ изъ донесенія, представленнаго Государю:

«1-е, на первыхъ дняхъ праздника Пасхи, по волѣ турецкаго правительства, повѣсили Константинопольскаго Патріарха противу Дворца патріархальной церкви, и въ разныхъ мѣстахъ 7 Митрополитовъ.

2-е, тѣло Патріарха черезъ три дня было снято съ висѣлицы и отдано на поруганіе Жидамъ, коими были таскано по улицамъ съ проклятіями на нашу религію и особливо на Христа Спасителя. Тѣло Патріарха найдено потомъ въ морѣ, и доставлено сюда (въ Одессу) на Греческомъ подъ Англійскимъ флагомъ суднѣ».

Не только идея Священнаго Союза, но и сама Россія, исконная защитница православія, была кровно оскорблена этимъ безпримѣрнымъ поруганіемъ христіанства, и народное негодованіе разразилось еврейскими погромами; но отвѣтомъ на него Императора Александра была чисто канцелярская, по существу, отписка Турціи, и рядъ робкихъ, только подрывавшихъ достоинство Россіи, полумѣръ. Причиной такого отношенія было нежеланіе активнымъ выступленіемъ въ защиту поруганнаго христіанства оказать хотя бы косвенную поддержку грекамъ: находясь въ тискахъ Меттерниха, Александръ I во всемъ видѣлъ призраки революціи.

Только послѣдовавшія вскорѣ вызывающія дѣйствія Турціи (принудительная задержка груженыхъ хлѣбомъ русскихъ купеческихъ судовъ и оскорбленіе на Босфорѣ русскаго военнаго пакетбота) привели къ тому, что нашъ посланникъ, баронъ Строгановъ, 18-го іюля предъявилъ Портѣ ультиматумъ по греческому вопросу съ требованіемъ отвѣта въ 8-дневный срокъ, и, не получивъ въ этотъ срокъ отвѣта, выѣхалъ изъ Константинополя.

Дипломатическія отношенія съ Турціей были прерваны, война казалась неизбѣжной. Генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ подалъ записку о планѣ войны. Самъ Императоръ, повидимому, искренно склонялся на сторону грековъ. Но эта искренность была только кажущейся, и никакой войны съ Турціей не послѣдовало.

На Веронскомъ конгрессѣ 1822 года Александръ I въ бесѣдѣ съ Шатобріаномъ уже въ самой ясной формѣ опредѣлилъ свое отношеніе къ греческому вопросу. Указывая на Священный Союзъ, Императоръ говорилъ: «Теперь уже не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской: существуетъ только одна политика, общая, которая для спасенія всѣхъ должна быть принята сообща народами и государствами. Я первый долженъ показать вѣрность началамъ, на которыхъ я основалъ союзъ. Одинъ случай представился къ тому — возстаніе Греціи. Ничто, безъ сомнѣнія, не казалось болѣе отвѣчающимъ моимъ интересамъ, интересамъ моихъ народовъ, общественному мнѣнію моей страны, какъ религіозная война съ Тур-

ціей; но въ волненіяхъ Пелопонеса я усмотрѣлъ признаки революціи. И тогда я воздержался».

Это воздержаніе и привело къ тому, что уже въ 1823 году англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Каннингъ заявилъ:

«Россія покидаетъ свое передовое мѣсто на Востокѣ. Англія должна воспользоваться этимъ и занять его».

Подходящій для этого случай представился для Англіи на Петербургской конференціи по греческому вопросу въ 1824 году. Созывая конференцію, Императоръ Александръ I предлагалъ образовать изъ Греціи вассальное по отношенію къ Турціи государство. Греки назвали это предложеніе «мнимымъ благодѣяніемъ», и постановили, что «дѣло свободы, независимости и политическаго существованія Греціи ставится подъ безграничное покровительство Великобританіи».

Такое положеніе дѣлъ и унаслѣдовалъ при вступленіи на престолъ Императоръ Николай I.

Этимъ заканчивается періодъ безразличной политики 1821—1825 гг. въ отношеніи къ греческому вопросу.

Этотъ періодъ совпадаетъ съ эпохой приниженія значенія морской силы и упадка русскаго флота. Быть можетъ, Императоръ Александръ потому такъ пассивно и отнесся къ этому вопросу, что активное вмѣшательство Россіи вынудило бы къ отправленію въ Средиземное море нашего, тогда и малочисленнаго, и запущеннаго, Балтійскаго флота; появленіе же его тамъ, по славной памяти о временахъ Екатерины и Павла, могло невольно послужить стимуломъ къ возстанію и тѣхъ, еще несвободныхъ тогда народностей — албанцы, адріатическіе славяне, итальянцы, даже испанцы, — стремленій къ политической свободѣ которыхъ Священный Союзъ совершенно не признавалъ.

Извѣщая, сейчасъ же по вступленіи на престолъ, иностранные дворы о своемъ желаніи слѣдовать политикѣ Императора Александра, Николай I далъ въ то же время понять, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло будетъ касаться существенныхъ интересовъ Россіи, онъ будетъ вести свою «русскую» политику, внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній, хотя бы и Священнаго Союза.

Этотъ новый курсъ русской политики обнаружился сейчасъ же въ томъ ультиматумѣ, который Государь, ликвидируя наслѣдіе Александра I, предъявилъ Турціи для удовлетворенія Россіи по тремъ пунктамъ (исключая греческаго вопроса), одинъ изъ которыхъ говорилъ о приведеніи въ ясность неопредѣленныхъ статей Бухарестскаго трактата. Быстрое принятіе Турціей этого ультиматума и ея уступчивость при переговорахъ, открывшихся въ августѣ 1826 года въ Аккерманѣ, въ значительной степени объясняются тѣмъ, что въ подкрѣпленіе своихъ требованій Государь дѣлалъ недвусмысленныя приготовленія къ войнѣ. Аккерманская конвенція, заключенная 25-го сентября 1826 года, явилась дополненіемъ и развитіемъ Ясскаго и Бухарестскаго трактатовъ.

Рѣзкая перемѣна русской политики въ восточномъ вопросѣ сразу

же вызвала опасеніе со стороны Англіи и, въ предупрежденіе возможнаго самостоятельнаго выступленія Россіи и въ греческихъ дѣлахъ, англійскій кабинетъ въ самомъ началѣ 1826 года предложилъ возобновить конференцію по греческому вопросу въ Петербургѣ.

Протоколъ Петербургской конференціи $\frac{\text{23 марта}}{\text{4 апрѣля}}$ 1826 года, признавшей Грецію въ вассальной зависимости отъ Турціи съ обязательствомъ для послѣдней выселить изъ Греціи всѣхъ турокъ, въ апрѣлѣ 1827 года былъ сообщенъ Портѣ. Турція отвѣтила отказомъ. Тогда было рѣшено перенести конференцію въ Лондонъ, гдѣ должны были выработаться мѣры дальнѣйшаго воздѣйствія на Порту, причемъ къ Россіи и Англіи присоединилась и Франція. Но еще до окончанія переговоровъ въ Лондонѣ Россія сдѣлала шагъ, имѣвшій значеніе самостоятельнаго выступленія, и настолько обезпокоившій Англію и спѣшно примкнувшую къ ней Францію, что направленіе, данное ими лондонскимъ переговорамъ, совершенно обезличило это русское выступленіе. Этотъ шагъ—отправленіе эскадры (9 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ, 3 корвета и 4 брига) генералъ-адъютанта адмирала Сенявина изъ Кронштадта въ заграничное плаваніе. Приготовленія къ походу этой эскадры дѣлались необыкновенно спѣшно и находились подъ пристальнымъ наблюденіемъ самого Императора (при такомъ же пристальномъ вниманіи англійскаго и французскаго посланниковъ, даже сопровождавшихъ Государя при одномъ изъ его посѣщеній флота). Назначеніе эскадры тщательно скрывалось. «Всѣ рады», пишетъ одинъ изъ участниковъ кампаніи, «идти дальше и за дѣломъ. Такъ какъ каждому изъ насъ хочется помогать грекамъ, то понятно, что мы болѣе всего мечтаемъ о Средиземномъ морѣ. Это былъ бы верхъ счастья и вся наша молодежь, со времени экспедиціи адмирала Сенявина, постоянно мечтаетъ объ этой прекрасной кампаніи. Кронштадтская молва снаряжаетъ насъ въ Америку помогать испанцамъ востановить тамъ упавшее свое могущество».

Въ ночь на 10-е іюня 1827 года, въ присутствіи Императора, эскадра Сенявина снялась съ Кронштадтскаго рейда и ушла въ Портсмутъ. Ко времени прихода ея туда — 28-го іюля, положеніе дѣлъ измѣнилось въ томъ смыслѣ, что русскій почипъ по оказанію помощи грекамъ былъ сведенъ на нѣтъ. Это измѣненіе внесъ трактатъ, подписанный въ Лондонѣ 24-го іюня, т.-е. черезъ 10 дней по выходѣ эскадры Сенявина изъ Кронштадта.

Въ Петербургѣ, очевидно, плохо отдавали себѣ отчетъ въ создавшейся политической обстановкѣ.

Въ Лондонскомъ трактатѣ обращаютъ на себя вниманіе начальныя слова:

Во имя Св. и Нераздѣльной Троицы:

Его Величество Король Соединеннаго Королевства Великобританскаго и Ирландскаго, будучи приглашенъ греками принять участіе въ ихъ дѣлѣ, для примиренія ихъ съ Оттоманской Портой, принявъ это

Смотръ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ у Красной Горки въ 1827 г. Балтійскаго флота подъ флагомъ Адмирала Д. Н. Сенявина имѣвшаго флагъ на 74ˣъ пушечномъ кораблѣ „Азовъ"

187.

Наваринское сраженіе 8 октября 1827 года

188.

приглашеніе и желая условиться со своими союзниками для исполненія этой просьбы»

«И Его Величество Императоръ Всероссійскій, а также и Его Величество Король Франціи и Наварры.......... согласились........».

Этими словами, значеніе которыхъ было понято у насъ много позднѣе, за Англіей въ греческомъ вопросѣ окончательно закрѣплялось первенствующее положеніе, Россіи же отводилась второстепенная роль. Слова эти, поставившія Русскаго Императора въ вопросѣ о судьбѣ единовѣрныхъ и такъ много намъ помогавшихъ грековъ на второе мѣсто, ни въ коемъ случаѣ нельзя ставить въ упрекъ Императору Николаю: они явились логическимъ концомъ той политики въ греческомъ вопросѣ, которой съ 1821 года держался Александръ I.

Послѣ всего этого не должно было показаться страннымъ, что въ послѣдовавшемъ вскорѣ Наваринскомъ бою старшимъ въ чинѣ изъ трехъ союзныхъ адмираловъ «случайно» оказался сэръ Кодрингтонъ.

Итакъ, 10-го іюня эскадра адмирала Сенявина, имѣвшаго флагъ на кораблѣ «Азовъ», вышла изъ Кронштадта. Государь самъ проводилъ эскадру и при прощаніи сказалъ: «Надѣюсь, что въ случаѣ какихъ-либо военныхъ дѣйствій поступлено будетъ съ непріятелемъ по русски».

Эти слова относились ко всей эскадрѣ, но только часть ея было предположено отправить въ Средиземное море. Въ Высочайше утвержденномъ наставленіи (еще отъ 30 мая) Сенявину предписывалось, по прибытіи изъ Кронштадта въ Портсмутъ, и по сношенію съ нашимъ посломъ въ Лондонѣ княземъ Ливеномъ, выдѣлить изъ своихъ силъ особую эскадру изъ 4 кораблей, 4 фрегатовъ и 2 бриговъ, поручить командованіе ею младшему флагману контръ-адміралу графу Гейдену (старшимъ флагманомъ у Сенявина былъ вице-адміралъ Лутохинъ), и отправить въ Средиземное море тогда, когда это будетъ указано нашимъ посломъ. На эскадру гр. Гейдена возлагалось защищать русскія купеческія суда отъ нападеній размножившихся въ Архипелагѣ пиратовъ и соблюдать строгій нейтралитетъ въ войнѣ турокъ съ греками. Это неопредѣленное заданіе вскорѣ было замѣнено новымъ: 1-го іюля, еще до полученія протокола Лондонскаго трактата, Государь отправилъ гр. Гейдену рескриптъ, въ которомъ повелѣвалъ исполнять постановленія трактата, послѣ того, какъ онъ будетъ подписанъ, и согласовать свои дѣйствія съ поведеніемъ англійскаго и французскаго адмираловъ, которые со своими эскадрами будутъ назначены ихъ правительствами согласно того же трактата; въ рескриптѣ, кромѣ того, говорилось о пособіи, которое долженъ былъ оказывать гр. Гейденъ грекамъ по требованію предсѣдателя греческаго правительства гр. Каподистріи. Вторымъ рескриптомъ отъ того же числа, Государь повелѣвалъ гр. Гейдену передать въ распоряженіе гр. Каподистріи бригъ *Ахиллесъ*.

Трактатъ, подписанный 24-го іюня въ Лондонѣ, содержалъ въ себѣ предложеніе, которое должны были передать Портѣ въ Константинополѣ представители трехъ договаривающихся державъ — Англіи, Россіи и Франціи. Турціи предлагалось признать автономію Греціи подъ

верховнымъ покровительствомъ султана, а въ случаѣ отказа съ ея стороны, державы оставляли за собою свободу дѣйствій (предполагались не военныя дѣйствія, а только блокада турецкихъ портовъ).

Султанъ предложенія не принялъ. Державамъ оставалось обратится къ мѣрамъ воздѣйствія.

8-го августа 1827 г. эскадра гр. Гейдена (линейные корабли: *Азовъ, Гангутъ, Iезекіиль* и *Александръ Невскій*, фрегаты: *Константинъ, Елена, Проворный* и *Касторъ*) снялись съ якоря и отправились въ Средиземное море; Сенявинъ тогда же ушелъ въ Балтику.

Послѣ стоянокъ въ Палермо и Мессинѣ гр. Гейденъ прослѣдовалъ къ греческимъ берегамъ, и у острова Занте 1-го октября соединился съ англійской эскадрой вице-адмирала Кодрингтона; въ тотъ же день обѣ эскадры случайно соединились съ французской, бывшей подъ начальствомъ контръ-адмирала де-Рипьи.

Кодрингтонъ и де-Рипьи въ это время держались у Наварина, гдѣ находился многочисленный турецко-египетскій флотъ. Главнокомандующій оттоманскими морскими и сухопутными силами Ибрагимъ-паша (изъ Египта) имѣлъ въ своемъ распоряженіи 20.000 египетскихъ и 5.000 турецкихъ войскъ, опустошавшихъ въ это время Морею и сопровождавшихъ это опустошеніе обычными для нихъ въ отношеніи къ христіанамъ звѣрствами. Еще до прибытія нашей эскадры адмиралы Кондрингтонъ и де-Рипьи предложили Ибрагиму-пашѣ прекратить военныя дѣйствія противъ грековъ, и Ибрагимъ-паша согласился на это временно, до полученія предписаній объ образѣ дѣйствій изъ Константинополя и Александріи, куда онъ отправилъ донесенія о полученномъ отъ адмираловъ предложеніи. Полагаясь на слово Ибрагимъ-паши, Кодрингтонъ и де-Рипьи сняли блокаду Наварина (блокада держалась ими съ цѣлью не дать Ибрагиму-пашѣ возможности дѣйствовать противъ грековъ флотомъ), но за нѣсколько дней до соединенія съ ними гр. Гейдена они получили извѣстія о новыхъ насиліяхъ турецкихъ войскъ въ Мореѣ.

Съ присоединеніемъ нашей эскадры было рѣшено слѣдовать къ Наварину и послать Ибрагиму-пашѣ коллективное письмо по поводу нарушенія имъ своего слова, съ предложеніемъ дать немедленный и категорическій отвѣтъ съ объясненіемъ своего поведенія. 5-го октября союзныя эскадры подошли къ Наварину. Письмо, отправленное Ибрагиму-пашѣ, за подписью трехъ адмираловъ, осталось безъ отвѣта: турецкіе начальники сообщили, что ихъ главнокомандующій въ отсутствіи, его мѣстопребываніе имъ неизвѣстно, а если бы Ибрагимъ-паша и находился въ Наваринѣ, то и въ этомъ случаѣ никто не рѣшился бы передать ему письмо адмираловъ.

Создавшееся положеніе требовало быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Адмиралы рѣшили немедленно идти въ Наваринъ, стать тамъ противъ турецко-египетскаго флота, и этой демонстраціей принудить Ибрагима-пашу къ удовлетворенію предъявленныхъ требованій. Входъ въ Наваринскую бухту былъ назначенъ на 8 октября. Накапунѣ Ко-

дрингтонъ, какъ старшій изъ союзныхъ адмираловъ, отдалъ приказъ о диспозиціи въ бухтѣ съ директивами гр. Гейдену и де-Риньи, на случай открытія военныхъ дѣйствій со стороны турецко-египетскихъ судовъ. Приказъ заканчивался напоминаніемъ словъ Нельсона: «тотъ капитанъ не сдѣлаетъ большой ошибки, который поставитъ свой корабль бортъ о бортъ съ непріятелемъ».

Входъ въ Наваринскую бухту защищался съ юга крѣпостью, примыкающею къ городу, а съ сѣверо-запада батареями острова Сфактеріи, лежащаго при входѣ въ Наваринъ. Оттоманскій флотъ расположился въ глубинѣ бухты, въ излюбленной для него формѣ полумѣсяца, въ нѣсколько линій: большія суда были ближе къ морю, малыя къ берегу; подъ берегомъ же транспорты; на обоихъ флангахъ турецко-египетскаго флота стояли на готовѣ брандеры.

Свѣдѣнія о судахъ оттоманскаго флота и численности ихъ до сихъ поръ очень разнорѣчивы: среднія цифры говорятъ о 7 корабляхъ, 17 фрегатахъ, 26 корветахъ, 11 бригахъ и 5 брандерахъ; остальныя суда, числомъ свыше 40 — транспорты (по другимъ свѣдѣніямъ 126 транспортовъ и мелкихъ судовъ). Оттоманскій флотъ насчитывалъ свыше 2.000 орудій, не считая тѣхъ, которыя находились на береговыхъ батареяхъ и укрѣпленіяхъ.

По диспозиціи Кодрингтона центръ расположенія соединенной эскадры должны были составлять русскіе и англійскіе корабли, съ праваго фланга — французскіе корабли и англійскіе фрегатъ и 2 брига, съ лѣваго — фрегаты русскіе, 2 англійскихъ и 1 французскій, и англійскіе 1 корветъ и 1 бригъ.

Точный составъ соединенной эскадры: англійскихъ 3 корабля, 3 фрегата, 1 корветъ и 5 бриговъ; французскихъ: 3 корабля, 2 фрегата и 2 голета; русскихъ: 4 корабля и 4 фрегата. Число орудій на англійскихъ судахъ 446, французскихъ 340, русскихъ 462. Наша эскадра, какъ видно изъ этого подсчета, была и по типу судовъ, и по числу орудій наиболѣе сильной.

Уже 7-го числа, хотя отданный Кодрингтономъ приказъ и не говорилъ опредѣленно о предстоящемъ боѣ, а только предусматривалъ его, всѣми чувствовалось, что бой неизбѣженъ.

8-го октября, въ половинѣ перваго часа дня, соединенныя эскадры стали спускаться въ Наваринскую бухту. Графъ Гейденъ шелъ съ подвѣтра и долженъ былъ войти послѣ другихъ. Когда Кодрингтонъ сталъ въ бухтѣ на якорь, раздались первые выстрѣлы: турецкій брандеръ открылъ ружейную пальбу по шедшей къ нему шлюпкѣ съ офицеромъ, посланнымъ Кодрингтономъ къ командирамъ брандеровъ съ предложеніемъ отойти возможно дальше отъ судовъ соединенныхъ эскадръ. Офицеръ былъ убитъ; послѣ нѣкоторой паузы грянули пушечные выстрѣлы съ египетскаго корвета по французскому флагманскому фрегату. Англичане въ это время уже стояли по диспозиціи, французы становились на якорь (и стали нѣсколько иначе, чѣмъ было указано Кодрингтономъ), наша эскадра только подходила къ бухтѣ.

Графъ Гейденъ несъ свой флагъ на кораблѣ *Азовъ*, бывшемъ подъ командой капитана 1 ранга Лазарева. Едва *Азовъ* миновалъ крѣпость, какъ завязался общій бой. Нашей эскадрѣ приходилось входить въ бухту черезъ узкій входъ, подъ перекрестнымъ огнемъ и съ батарей и съ оттоманскихъ судовъ. Мѣсто, гдѣ по диспозиціи должна была встать эскадра, заволакивалось непроницаемыми клубами дыма.

Условія, при которыхъ гр. Гейденомъ былъ совершенъ этотъ маневръ постановки на якорь, заставляетъ восхищаться изумительной выдержкой, хладнокровіемъ, неустрашимостью и смѣлостью, проявленной русскимъ адмираломъ, командирами судовъ, офицерами и командой.

Въ сплошномъ пороховомъ дыму, почти ощупью, велъ графъ Гейденъ свою эскадру въ самую глубину бухты, пробираясь между зажженными непріятельскими брандерами. Наши суда осыпались цѣлымъ потокомъ ядеръ, картечей, бомбъ, но ни однимъ выстрѣломъ не отвѣчалъ гр. Гейденъ. Только придя на назначенное мѣсто, ставъ на якорь и убравъ паруса, гр. Гейденъ лично приказалъ на *Азовѣ* открыть огонь. Радостно рванулись офицеры и матросы къ пушкамъ и восторженное «ура» не могло заглушить грохота орудій.

Азовъ вступилъ въ бой сразу съ 5 судами. Свистали ядра, корабль дрожалъ отъ наносившихся ему пробоинъ, пылали горѣвшіе турецкіе корабли, нестерпимый жаръ заставлялъ матросовъ окачиваться водой, держать во рту пули, прикладываться къ ядрамъ, чтобы на мгновеніе освѣжить губы и запекшійся языкъ, — и посреди этого ада на ютѣ *Азова* спокойно прохаживались, оба съ трубами въ рукахъ, адмиралъ графъ Логинъ Петровичъ, контуженный въ голову, но скрывшій это отъ подчиненныхъ, и командиръ *Азова* Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. Здѣсь же, на этомъ кораблѣ, сражался и будущій герой Синопа и Севастополя — тогда лейтенантъ, Нахимовъ; на *Азовѣ* же лейтенанту Бутеневу раздробило ядромъ руку, но онъ не оставилъ своего мѣста у батареи, и только послѣ строгаго приказанія отправился въ лазаретъ; ему только что успѣли отнять руку по плечо, какъ, услышавъ о гибели сражавшагося противъ *Азова* непріятельскаго корабля, Бутеневъ, «желая участвовать въ общей радости, почти вырвался изъ рукъ у бывшихъ при немъ». За время боя *Азовъ* потопилъ 2 фрегата и 1 корветъ; сбилъ линейный корабль на мель, гдѣ тотъ и былъ взорванъ на воздухъ, и уничтожилъ вице-адмиральскій турецкій фрегатъ.

Кораблемъ *Александръ Невскій* былъ взятъ въ плѣнъ турецкій фрегатъ, флагъ котораго впослѣдствіи пожалованъ Государемъ Морскому Корпусу.

На корабль *Гангутъ* налетѣлъ было турецкій фрегатъ-брандеръ, но ловкимъ маневромъ уклонившись отъ удара, *Гангутъ* мѣткими выстрѣлами пустилъ врага ко дну. Лишь только фрегатъ погрузился, какъ надъ нимъ всплыла икона Божіей Матери Одигитріи, и въ разгарѣ боя матросъ съ *Гангута* бросился за нею вплавь и доставилъ ее на корабль. Вскорѣ взлетѣлъ на воздухъ сражавшійся съ *Гангутомъ* другой непріятельскій фрегатъ.

Въ сраженіи сказалось трогательное единодушіе, съ какимъ эскадры русская, англійская и французская помогали другъ другу.

ПЛАНЪ

Сраженія въ Наваринской губ. Октября 8 дня 1827 года.

a Корабли Азовъ
b ——— Гангутъ
c ——— Іезекіиль
d ——— ... Невскій
e Фрегаты ...
f ——— ...
g ——— ...
h ——— ...
i ——— ...
k ——— ...
l ——— ...
m Корабли ...
n ——— ...
o ——— Азія
p ——— Генуя
q ——— ...
r ——— ...
s Фрегатъ Сирена
t ——— Дартмутъ

Подъ литерою A ...
——— B Австрійск. транспорты

ЗНАЧЕНІЕ
... Турецкіе

Островъ Сфактерія

Батареи

Масштабъ

«Напримѣръ», доносилъ гр. Гейденъ, «командиръ французскаго корабля *Бреславль*, занявъ невыгодную при началѣ сраженія позицію и усмотрѣвъ, что корабль *Азовъ* весьма много терпитъ отъ непріятеля, сражаясь въ одно время противъ 5 военныхъ судовъ, и почти не наноситъ имъ никакого вреда, немедленно обрубилъ свой канатъ и занялъ позицію между *Азовомъ* и англійскимъ кораблемъ *Альбіономъ*, чрезъ что нѣкоторымъ образомъ облегчилъ наше положеніе. *Азовъ*, съ своей стороны, тогда какъ самъ былъ окруженъ турками, много помогъ англійскому адмиралу, который сражался съ 80-пушечнымъ кораблемъ подъ флагомъ Мухаратъ-бея, и когда сей послѣдній, по причинѣ перебитаго у него шпринга, повернулся къ *Азову* кормою, то 14 орудій на лѣвомъ борту были немедленно отдѣлены для дѣйствія противъ сего корабля, и дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что чрезъ ½ часа разбили ему всю корму, и когда въ констапельской каютѣ сдѣлался пожаръ, и турки употребляли всѣ усилія, чтобы погасить возгорѣніе, сильный картечный огонь съ *Азова* сему воспрепятствовалъ, турецкій корабль вскорѣ обнялся пламенемъ и, наконецъ, взорванъ на воздухъ; между тѣмъ одинъ изъ англійскихъ бриговъ, который много въ сраженіи потерпѣлъ и потерялъ свои якоря, взятъ на бакштовъ капитаномъ Хрущовымъ, командиромъ фрегата *Константинъ*, и чрезъ то въ продолженіе цѣлой ночи сохраненъ отъ всякаго вреда».

Первая, наиболѣе сильная линія непріятельскихъ судовъ была уже уничтожена, и соединенныя эскадры обрушились на вторую. Непріятель, обрубивъ канаты, пытался буксироваться къ берегу, но его суда разстрѣливались вплотную и тонули, а команды спасались вплавь.

Надо отдать должное и храбрости турокъ и египтянъ: они защищались до крайней возможности и выказывали геройское презрѣніе къ смерти.

Къ 6 часамъ вечера пораженіе оттоманскаго флота было уже полнымъ. Соединеннымъ эскадрамъ сдались 2 линейныхъ корабля и фрегата, взлетѣли на воздухъ 1 корабль и 11 фрегатовъ, изъ остальныхъ судовъ многія были потоплены, многія выбросились на берегъ. На судахъ бушевали пожары, и взрывы турецкихъ судовъ освѣщали флотъ побѣдителей.

Ровно въ 6 часовъ вечера на русской эскадрѣ былъ сыгранъ отбой. Отслужили благодарственные молебны за дарованіе побѣды, и приготовились къ отраженію ночной атаки, которая могла быть произведена какимъ-либо изъ уцѣлѣвшихъ брандеровъ. Наваринская бухта представляла въ это время подобіе Чесменской послѣ знаменитаго сраженія: непрестанно взрывались горѣвшія суда — даже уцѣлѣвшія зажигались самимъ непріятелемъ,—бухта была усѣяна разными обломками и трупами убитыхъ. Многіе турки и египтяне доблестно погибали на своихъ корабляхъ, предпочитая смерть—плѣну: не желая покинуть горѣвшіе корабли, они тутъ же закалывали себя кинжалами; тѣ, кто не умѣлъ плавать, бросались въ воду съ ядромъ въ рукахъ и мгновенно шли ко дну. На одномъ фрегатѣ, который сталъ уже погружаться въ

воду, турки съ истинно восточнымъ фанатизмомъ спокойно сидѣли на палубѣ, а въ послѣднюю минуту, взмахнувъ своимъ флагомъ, съ криками «Аллахъ! Аллахъ!..» пошли съ фрегатомъ ко дну.

Послѣ полночи однимъ изъ уцѣлѣвшихъ фрегатовъ была сдѣлана попытка зажечь нашу эскадру. *Азовъ* встрѣтилъ нападеніе ружейнымъ огнемъ и, во-время обрубивъ канатъ, уклонился въ сторону, и брандеръ налетѣлъ на *Гангутъ*, врѣзавшись своимъ бушпритомъ въ такелажъ гротъ-мачты. Команда *Гангута* съ офицерами немедленно же бросилась на фрегатъ и изрубила разжигавшихъ тамъ костры турокъ. Огонь на фрегатѣ былъ залитъ, а самый фрегатъ отведенъ къ берегу и потопленъ.

Взошедшее 9-го октября солнце озарило въ Наваринской бухтѣ жалкіе остатки еще наканунѣ такого грознаго турецко-египетскаго флота.

Изъ всего флота уцѣлѣли только 1 корабль и 15 мелкихъ судовъ, остальныя 50 были истреблены. Потеря въ людяхъ у непріятеля опредѣлялась въ 6—7 тысячъ человѣкъ (изъ 20.000 экипажа).

Но и союзныя эскадры понесли значительныя потери. Особенно пострадали адмиральскіе корабли. Въ нашей эскадрѣ больше всего досталось: *Азову*, *Гангуту* и *Іезикіилю*, имѣвшимъ много поврежденій въ рангоутѣ и корпусѣ. На *Азовѣ* были пробиты всѣ мачты, и въ одномъ только корпусѣ корабля имѣлось 153 пробоины, въ томъ числѣ 7 подводныхъ. Всего въ нашей эскадрѣ было убито 2 офицера и 57 матросовъ, ранено 18 офицеровъ и 121 матросъ; наибольшую потерю понесъ *Азовъ* (91), и изъ всей эскадры только на фрегатѣ *Касторъ* не было убитыхъ и раненыхъ.

Кое-какъ исправивъ свои поврежденія, соединенныя эскадры 13-го октября вышли изъ Наварина. Кодрингтонъ и гр. Гейденъ направились для ремонта на Мальту, де-Ринви — въ Смирну. По выходѣ изъ бухты гр. Гейденъ отправилъ въ отдѣльное плаваніе 3 фрегата: *Касторъ* въ Неаполь, *Елену* въ Анкону съ курьерами, и *Константинъ* въ Смирну для оказанія поддержки грекамъ — вмѣстѣ съ французской эскадрой.

27-го числа гр. Гейденъ прибылъ на Мальту, и восторженные мальтійцы шумно и радостно привѣтствовали героевъ Наварина, и тотъ Андреевскій флагъ, появленія котораго въ своихъ водахъ они такъ долго ждали во дни царствованія Императора Павла, Великаго Магистра Мальтійскаго Ордена.

Когда Императоръ Николай Павловичъ, дѣлая смотръ эскадрѣ Сенявина передъ ея уходомъ въ Англію, заинтересовался при посѣщеніи *Азова* искусно сложенными изъ ружейныхъ замковъ именами: «Гангутъ, Ревель, Чесма, и» и спросилъ: «что же должно быть послѣ этого «и»?». Ему было отвѣчено:

— Имя первой побѣды флота Вашего Императорскаго Величества...

Послѣ 8-го октября къ этимъ именамъ присоединили «Наваринъ», а «п» перенесли дальше.

Наваринскій бой, дѣйствительно, свидѣтельствовалъ о новой славѣ русскаго флота.

Не только геройское презрѣніе къ смерти, не только поразившее англичанъ и французовъ величавое молчаніе на убійственный непріятельскій огонь при входѣ въ бухту, но и высоко проявленное чисто военно-морское искусство — стройный порядокъ эскадры, быстрота управленія парусами, безукоризненныя дѣйствія артиллеріи и пр., и пр. — доказали, что, какъ бы въ александровское время ни угашали духъ во флотѣ, къ какому бы упадку его сознательно ни приводили — но вытравить изъ сознанія моряковъ любви къ дѣлу и гордости своимъ званіемъ было невозможно. Императоръ Николай въ первые же дни своего царствованія любящей рукой прикоснулся къ тяжелой ранѣ флота, — и Наваринъ былъ благодарнымъ ему отвѣтомъ. И моряки наши побѣдили въ Наваринѣ не только турокъ и египтянъ: Наваринъ — это побѣда надъ тѣми, кто и въ Россіи, въ угоду моднымъ теченіямъ, отрицалъ для русскаго флота его raison d'être.

Государь наградилъ графа Гейдена орденомъ св. Георгія 3-й степени, чиномъ вице-адмирала, денежной наградой и мызой въ Лифляндіи; командира *Азова* Лазарева чиномъ контръ-адмирала; 4 офицерамъ, въ томъ числѣ и Нахимову, пожаловалъ ордена св. Георгія 4-й степени и слѣдующіе чины; 2 офицера были награждены золотыми саблями, 32 — орденами св. Владиміра и 63 — орд. св. Анны и проч.

12-му линейному флотскому экипажу, команда котораго отличилась на *Азовѣ*, былъ при особой грамотѣ Высочайше пожалованъ кормовой Георгіевскій флагъ, по повелѣнію Государя поднятый на кораблѣ *Азовъ*.

Оттоманскому флоту въ Наваринѣ былъ нанесенъ губительный ударъ. Немногія уцѣлѣвшія во время боя суда намѣренно не были уничтожены побѣдителями — чтобы показать, что оружіе было употреблено ими только для обороны, но не для нападенія на флотъ Турціи, съ которой ни одна изъ пославшихъ свои эскадры державъ — ни Россія, ни Англія, ни Франція — не была въ войнѣ.

Это обстоятельство — разгромъ турецко-египетскаго флота во время мира — явилось для константинопольскихъ представителей прославленныхъ при Наваринѣ державъ ударомъ еще болѣе, пожалуй, чувствительнымъ, чѣмъ какой былъ нанесенъ самой Портѣ. Растерянность дипломатовъ, потрясенныхъ извѣстіемъ о побѣдѣ, дошла до того, что когда Рейсъ-Эфенди (должность министра иностранныхъ дѣлъ въ Турціи) пригласилъ къ себѣ трехъ(русскаго, англійскаго и французскаго) драгомановъ, и съ гнѣвомъ потребовалъ отъ нихъ объясненій, то нашъ драгоманъ поспѣшилъ даже заявить, что русская эскадра вовсе

и не принимала никакого участія въ сраженіи, а была только праздною зрительницей.

Въ Наваринѣ есть и оборотная сторона медали. Это — та поспѣшность, съ которою Кодрингтонъ и де-Рины, не успѣвшіе еще какъ слѣдуетъ разглядѣть другъ друга и гр. Гейдена, выступили съ удивившимъ міръ единодушіемъ въ вопросѣ о мѣрахъ воздѣйствія на Порту. Если бы эта поспѣшность вызывалась ихъ искреннимъ стремленіемъ помочь грекамъ, этого нельзя было бы поставить имъ въ упрекъ. Но въ дѣйствительности здѣсь было нѣчто другое: взаимное недовѣріе адмираловъ другъ къ другу и опасеніе каждаго изъ нихъ, какъ бы гр. Гейденъ не началъ дѣла безъ нихъ. Правда, всѣ три адмирала должны были руководствоваться Лондонскимъ трактатомъ. Но, во-первыхъ, у гр. Гейдена, какъ и предполагали оба адмирала, были полномочія дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ и безъ соглашеній съ ними, а, во-вторыхъ, самое извѣстіе о приходѣ въ греческія воды русской эскадры уже вызвало у грековъ проявленіе самыхъ восторженныхъ чувствъ по адресу Россіи, а ея иниціатива въ оказаніи поддержки грекамъ установила бы въ греческомъ вопросѣ русскій пріоритетъ и соотвѣтственно подорвала бы вліяніе Англіи и Франціи. Вотъ почему, не давъ гр. Гейдену времени освоиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, и Кодрингтонъ (вскорѣ же, надо сказать, проявившій самую искреннюю солидарность во взглядахъ съ гр. Гейденомъ, даже въ разрѣзъ съ видами своего правительства, и за свое руссофильство черезъ нѣсколько мѣсяцевъ смѣненный другимъ адмираломъ), и де-Рины поспѣшили воспользоваться первыми же днями по присоединеніи къ нимъ русской эскадры. Совмѣстное выступленіе морскихъ силъ Англіи, Франціи и Россіи, одинаково, на всѣ три державы распространяло ожидавшіяся послѣ него выгоды. Между прочимъ, де-Рины, въ желаніи не отстать отъ другихъ, не смутился даже тѣмъ, что на египетскихъ судахъ находились служившіе тамъ французскіе офицеры, и что истребленіе этихъ судовъ было уничтоженіемъ упорныхъ трудовъ французовъ по возсозданію египетскаго флота.

Дальнѣйшія событія показали, что хотя Наваринъ и вызвалъ разрывъ сношеній Порты со всѣми тремя державами, но только одна изъ нихъ была вовлечена въ войну съ Турціей. Конечно, это была Россія.

«Вы не должны забывать», писалъ графу Гейдену адмиралъ Кодрингтонъ, уже послѣ того, какъ былъ удаленъ отъ командованія эскадрой, и не скрывалъ своего искренняго руссофильства, «что Россія большое пугало, которое такъ тревожитъ значительную часть французовъ и англичанъ, что они боятся, какъ бы вашъ добрый Императоръ не поглотилъ всю Турцію живьемъ, съ костями и мясомъ».

Эти слова Кодрингтона даютъ ясное представленіе о томъ, какими тяжелыми условіями была обставлена эскадра графа Гейдена во время войны. Если на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій — на Балканахъ и въ Черномъ морѣ — недоброжелательныя къ намъ дер-

жавы были безсильны ослабить шансы Россіи, то въ Средиземномъ морѣ онѣ приложили всѣ старанія, чтобы затруднить русскому флоту принять дѣйствительное участіе въ войнѣ.

Приводимый ниже краткій обзоръ дастъ понятіе о томъ, какъ создавались эти тяжелыя условія, и въ чемъ выражалась во время войны дѣятельность нашего флота въ Средиземномъ морѣ.

Инструкціи, отправленныя изъ Петербурга гр. Гейдену послѣ Наваринскаго боя и вызваннаго имъ разрыва дипломатическихъ отношеній Англіи, Франціи и Россіи съ Портой, содержали указаніе тѣхъ мѣръ, которыя были намѣчены самимъ Государемъ. Гр. Гейдену предписывалось идти въ Архипелагъ и, въ случаѣ, если англійская эскадра, какъ полагали въ Петербургѣ, предприметъ прорывъ черезъ Дарданеллы, чтобы явиться передъ Константинополемъ для принужденія султана къ принятію условій Лондонскаго трактата, то и нашей эскадрѣ принять участіе въ этомъ прорывѣ. Въ этой инструкціи, впрочемъ, оговорено, что гр. Гейденъ не долженъ считать Россію находящейся въ войнѣ съ Турціей, и что всѣ предстоящія дѣйствія исходятъ исключительно изъ постановленій Лондонскаго трактата.

Но обстоятельства вскорѣ перемѣнились. Англія и Франція не сочли нужнымъ дѣлать противъ Турціи какіе-либо шаги, и стараніями французской и англійской дипломатіи весь гнѣвъ Порты за Наваринъ обрушился исключительно на Россію. Турція объявила Россіи войну, и Императоръ Николай Павловичъ манифестомъ 14-го апрѣля 1828 года отвѣтилъ ей тѣмъ же.

Въ инструкціи гр. Гейдену отъ 21-го марта ему предписывалось пользоваться въ отношеніи Турціи (и Египта) всѣми правами воюющей стороны, содѣйствуя въ то же время, по мѣрѣ возможности, англійскому и французскому адмираламъ во всемъ, что было согласно съ постановленіями Лондонскаго трактата.

Новая инструкція, отъ 18-го апрѣля, содержала въ себѣ, въ сущности, ограниченіе нашей эскадры въ правахъ воюющей стороны: главной задачей гр. Гейдену теперь указывалось исполненіе постановленій Лондонскаго трактата,самостоятельныя же его дѣйствія противъ Турціи ставились на второе мѣсто. По этой инструкціи можно видѣть, какъ настойчиво дѣйствовали въсвоихъ цѣляхъ англійскіе и французскіе послы въ Петербургѣ. Ихъ непріязненное отношеніе ко всему, что касалось нашей эскадры въ Средиземномъ морѣ, побудило гр. Нессельроде предложить гр. Гейдену избрать вмѣсто Мальты другой портъ для стоянки эскадры, и адмиралъ избралъ для этого островъ Поросъ, лежащій у восточнаго берега Мореи, отъ котораго онъ отдѣляется очень узкимъ проливомъ, съ прекрасной бухтой и сравнительно легко, въ случаѣ надобности, могущей быть укрѣпленнымъ. Здѣсь гр. Гейденомъ впослѣдствіи были построены магазины для склада запасовъ, казармы, хлѣбопекарни, и пр.

Еще до перехода изъ Мальты въ Поросъ нашей эскадрѣ (кромѣ тѣхъ судовъ, которыя еще чинились) пришлось принять участіе въ

блокадѣ Мореи, снова предпринятой Кодрингтономъ и де-Рипьи для принужденія Ибрагима-паши къ очищенію Мореи и возвращенію въ Египетъ. Блокада (Наварина, Корона, Модона, Каламаты), начавшаяся нашими судами съ половины апрѣля 1828 года, была ознаменована взятіемъ у Модона фрегатомъ *Касторъ* египетскаго корвета *Наваринъ*, переименованнаго нами сначала въ *Восточную Звѣзду*, а затѣмъ въ прежнее свое названіе, и прослужившаго затѣмъ въ русскомъ флотѣ 25 лѣтъ.

Кромѣ блокады съ моря, для очищенія Мореи отъ оттоманскихъ войскъ былъ высаженъ французскій сухопутный отрядъ, и Ибрагимъ-паша, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, въ августѣ началъ, а въ сентябрѣ закончилъ отправленіе своихъ войскъ въ Египетъ и тѣмъ совершенно очистилъ Морею.

Трудность положенія гр. Гейдена хорошо сознавалась въ Петербургѣ. Для усиленія его эскадры въ началѣ 1828 года изъ Кронштадта были отправлены 4 брига, а въ іюнѣ новая эскадра изъ 4 кораблей, 4 фрегатовъ и 3 бриговъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Рикорда; этой эскадрой предполагалось замѣнить суда, бывшія у гр. Гейдена, какъ уже не вполнѣ надежныя, съ тѣмъ, что Рикордъ же немедленно пойдетъ съ ними въ Балтику; но затѣмъ, въ связи съ намѣченнымъ на 1829 годъ новымъ планомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, было рѣшено дать новой эскадрѣ другое назначеніе — блокаду Дарданеллъ, о чемъ гр. Гейдену 14-го августа были посланы особыя инструкціи.

Послѣ блокады Мореи гр. Гейденъ въ половинѣ сентября отправилъ на Критъ контръ-адмирала Лазарева съ кораблями *Іезекіиль* и *Александръ Невскій*, и бригомъ *Ахиллесъ* требовать отъ турокъ удовлетворенія за обстрѣлъ *Ахиллеса*, который ходилъ съ бумагами къ начальнику, стоявшаго на Критѣ, англійскаго отряда.

27-го сентября гр. Гейденъ отправился изъ греческихъ водъ на Мальту, для новыхъ починокъ и встрѣчи съ Рикордомъ, который долженъ былъ прибыть туда же въ это время.

На Мальтѣ гр. Гейденъ, дѣйствительно, нашелъ Рикорда, пришедшаго сюда съ линейными кораблями *Фершампенуазъ*, *Царь Константинъ*, *Князь Владиміръ* и *Эммануилъ*, и фрегатами *Марія*, *Ольга* и *Александра* (фрегатъ *Княгиня Ловичъ* и бриги прибыли позднѣе).

Интересно отмѣтить, что англичане, имѣвшіе въ это время на Мальтѣ всего 1 шлюпъ и 1 бригъ, и крайне незначительныя силы (всего не болѣе 2700 чел., тогда какъ нашихъ на эскадрѣ было свыше 6000 чел.), серьезно считались съ опасностью захвата Мальты нами, особенно въ виду ненависти мальтійцевъ къ англичанамъ и ихъ нескрываемой симпатіи къ Россіи.

Уже 11-го октября гр. Гейденъ отправилъ Рикорда къ Дарданелламъ съ кораблями *Фершампенуазъ* и *Эммануилъ*, и фрегатами *Марія* и *Ольга*. Инструкція, имѣвшаяся у гр. Гейдена, цѣлью блокады Дарданеллъ ставила лишеніе Константинополя подвоза съѣстныхъ припасовъ.

По отправленіи Рикорда гр. Гейдену пришлось улаживать множе-

ство недоразумѣній, ставившихъ наши силы со стороны англичанъ въ угрожающее положеніе, и возникавшихъ какъ по поводу державшейся Рикордомъ блокады Дарданеллъ, такъ и изъ-за предпринятыхъ, по приказанію гр. Гейдена, нѣсколькими нашими судами блокады Крита и крейсерства между Критомъ и малоазіатскимъ берегомъ (Будрумомъ). Поводомъ къ блокадѣ Крита послужила происшедшая тамъ рѣзня христіанъ, при чемъ противодѣйствующія намъ державы не только воздержались отъ вмѣшательства, но принудили (черезъ Петербургъ), ссылаясь на Лондонскій трактатъ, и гр. Гейдена снять блокаду Крита. Крейсерство же между Критомъ и Будрумомъ, установленное для пресѣченія подвоза турецкихъ подкрѣпленій изъ Малой Азіи на Критъ и ознаменовавшееся взятіемъ кораблемъ *Царь Константинъ* (капитанъ 1-го ранга Бутаковъ), послѣ погони за египетской эскадрой, египетскихъ корвета и брига — также возбудило дипломатическое противодѣйствіе Англіи, собравшей для этого въ Лондонѣ особую конференцію. По настоянію Англіи и это крейсерство было отмѣнено.

Предпринятая контръ-адмираломъ Рикордомъ блокада была очень тяжелымъ, но до конца блестяще выполненнымъ подвигомъ. Рикорду, съ его 2 кораблями и 2 фрегатами (онъ прибылъ къ Дарданелламъ 2-го ноября), предстояла зимняя блокада Дарданеллъ, которую авторитетнѣйшій англійскій адмиралъ Коллингвудъ, самъ бывавшій у Дарданеллъ, считалъ дѣломъ почти невозможнымъ ни для какихъ судовъ въ мірѣ. И русскій флотъ блистательно опровергъ это убѣжденное авторитетное мнѣніе. Наши суда держались у входа въ проливъ, между островомъ Тенедосомъ и малоазіатскимъ берегомъ, на обычномъ пути прохожденія судовъ въ Константинополь и обратно, и базировались на тотъ же Тенедосъ и острова Тассо и Маври, съ пашами которыхъ Рикордъ установилъ дружественныя отношенія.

Въ половинѣ декабря число блокирующихъ судовъ уменьшилось: адмиралъ отправилъ корабль *Фершампенуазъ* къ эскадрѣ гр. Гейдена и остался всего съ 3 судами. Суда поочередно назначались на дежурство для осмотра и опроса проходящихъ купеческихъ кораблей и шлюпокъ, а въ случаѣ нахожденія подлежащаго захвату груза конфисковали его. По возможности, Рикордъ посылалъ суда и въ отдѣльныя крейсерства: къ островамъ Имбросу, Лемносу и Митиленѣ, и къ самимъ Дарданелламъ. Зимняя погода оказалась въ этотъ годъ очень суровой, съ крѣпкими сѣверо-восточными вѣтрами, сопровождавшимися

дождями, сильными мятелями и морозами; держаться на якоряхъ при сильномъ теченіи и значительномъ волненіи было очень тяжело.

Помимо этихъ трудностей, Рикорду пришлось считаться и съ постояннымъ недоброжелательствомъ иностранныхъ адмираловъ, особенно австрійскаго (Австрія помогала Турціи), всѣми мѣрами пытавшагося ограничить районъ блокады.

Въ февралѣ эскадра Рикорда значительно увеличилась судами, отправленными къ нему въ подкрѣпленіе гр. Гейденомъ (корабли *Азовъ*, *Царь Константинъ*, *Князь Владиміръ*, *Михаилъ* и *Александръ Невскій*, фрегаты *Александръ*, *Константинъ*, *Княгиня Ловичъ*, корветъ *Наваринъ*, и бриги *Усердіе*, *Телемакъ* и *Ахиллесъ*). И блокада дѣлала свое дѣло: въ одной только Смирнѣ собралось до 150 купеческихъ судовъ изъ Египта съ хлѣбомъ для Константинополя, но они такъ и не рѣшались подходить къ Дарданелламъ. Всякій подвозъ припасовъ изъ Средиземнаго моря въ Константинополь былъ уже прекращенъ.

Между тѣмъ гр. Гейденъ, базировавшійся на Поросъ и принимавшій, по Лондонскому трактату, дѣятельнѣйшее участіе въ жизни греческихъ государственныхъ установленій, въ апрѣлѣ 1829 года приходилъ къ Дарданелламъ временно, только для осмотра блокирующей эскадры, а послѣ паденія Адріанополя перешелъ со своей эскадрой къ Дарданелламъ, и у Эноса, съ 25 августа занятаго русскими войсками, вступилъ въ связь съ угрожавшей Константинополю нашей арміей.

«Какое необыкновенное дѣйствіе», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ гр. Гейденъ, «произвело надъ нами сіе сообщеніе; въ Петербургѣ и Кронштадтѣ видѣлись мы съ находящимися въ арміи, и встрѣтились въ Эносѣ; они пѣшкомъ отъ Петербурга достигли южной части Европейской Турціи, мы прибыли къ оной прошедъ море Балтійское, океанъ и море Средиземное! Какія необыкновенныя происшествія!»

Это грозное для Турціи положеніе, занятіе въ это время нашей арміей и флотомъ Чернаго (адмиралъ Грейгъ) и Средиземнаго морей, привлекло къ Дарданелламъ ревнивое вниманіе западныхъ державъ, и эскадры англійская и французская, отряды судовъ австрійскихъ и голландскихъ, всего до 40 вымпеловъ, стали у Дарданеллъ въ выжидательномъ положеніи около эскадръ гр. Гейдена и Рикорда, — и только Адріанопольскій миръ успокоилъ ихъ опасенія за Константинополь.

Въ закончившейся въ такой обстановкѣ войнѣ русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ сыгралъ свою, далеко не послѣднюю, роль.

Предшествовавшей войнѣ Наваринскій бой, въ которомъ наша эскадра принимала такое выдающееся участіе, нанесъ Турціи тяжелый ударъ—ослабленіе оттоманскаго флота, что значительно способствовало свободѣ дѣйствій въ Черномъ морѣ адмирала Грейга, содѣйствовавшаго арміи.

Десятимѣсячная блокада Дарданеллъ, остановившая всякій подвозъ къ Константинополю съѣстныхъ припасовъ изъ Египта и Архипелага, не только вызвала въ столицѣ Турціи тяжелый продовольствен-

ный кризисъ, который нельзя было не считать однимъ изъ факторовъ для принужденія султана въ миру, но не позволяла Турціи доставлять моремъ подкрѣпленія своей арміи — изъ Малой Азіи и Египта. Наконецъ, самое сосредоточеніе нашихъ эскадръ у Дарданеллъ, одновременно съ нахожденіемъ Черноморскаго флота вблизи Босфора, и съ наступленіемъ арміи къ Константинополю, явилось особенно внушительной демонстраціей—именно по идеальной стройности завершеннаго стратегическаго плана, въ которомъ армія обоими своими флангами опиралась на флотъ.

Разнообразіе блестяще выполненныхъ политическихъ задачъ (исполненіе обязательствъ, принятыхъ Россіей на Лондонскихъ конференціяхъ, труды по устроенію возрождавшейся Греціи, самостоятельныя выступленія въ защиту христіанъ на Критѣ, улаженіе обостренныхъ отношеній съ западными державами и мн. др.), доставшихся на долю гр. Гейдена и отчасти Рикорда, заставляетъ признать за ними, помимо ихъ достоинствъ какъ флотоводцевъ, и выдающійся политическій талантъ, проявленный въ самой тяжелой обстановкѣ, съ тою же прямолинейностью въ огражденіи достоинства и интересовъ Россіи, какою были такъ славны кампаніи Ушакова и Сенявина.

Въ этомъ смыслѣ какъ гр. Гейденъ и Рикордъ, такъ и подчиненный имъ флотъ достойно поддержали въ Средиземномъ морѣ русское имя, прославленное еще со временъ Императрицы Екатерины Спиридовымъ.

Гр. Гейдену пришлось убѣдиться, что русское вліяніе въ восточной половинѣ Средиземнаго моря, установленное въ предыдущія царствованія, еще было живо въ сердцахъ тѣхъ народовъ, историческая судьба которыхъ была такъ или иначе связана съ русскимъ флотомъ— даже несмотря на то, что въ долгіе тяжелые для флота годы царствованія Императора Александра I, русскій флагъ не развѣвался на Средиземномъ морѣ. Изъ фактовъ этого рода можно назвать хотя бы обращеніе къ гр. Гейдену владыки Черногоріи, митрополита св. Петра Цетинскаго съ просьбой о помощи противъ турокъ (владыка просилъ о приходѣ эскадры въ Антивари), и пріемъ, встрѣченный на Іоническихъ островахъ, тогда принадлежавшихъ Англіи, зашедшимъ въ Корфу нашимъ бригомъ.

По свидѣтельству очевидца, «бригъ съ утра до ночи былъ полонъ народа, нѣкоторые даже цѣловали руки у матросъ и считали за особенное счастье, если имъ удавалось хотя дотронуться до одежды офицеровъ. Когда русскіе съѣзжали на берегъ, то греки нигдѣ и ни за что не хотѣли брать съ нихъ денегъ, вообще энтузіазмъ ихъ былъ такъ великъ, что начальникъ или коммисаръ Іоническихъ острововъ сталъ, наконецъ, просить Никольскаго (командира брига) не пускать никого къ себѣ на бригъ, во избѣжаніе безпорядковъ въ народѣ и, съ своей стороны, запретилъ жителямъ Корфу не только безъ нужды ѣздить на бригъ, но и собираться большими толпами у пристани. Вотъ какъ

любятъ русскихъ на Іоническихъ островахъ и терпѣть не могутъ англичанъ».

Эти факты сами говорили за себя, за жизненность того большого дѣла, которое со временъ Екатерины совершалъ русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ.

Вскорѣ по окончаніи русско-турецкой войны Россія, Англія и Франція заключили договоръ о содержаніи въ Средиземномъ морѣ своихъ эскадръ для возстановленія порядка въ Греціи, относительно которой султанъ по Адріанопольскому миру призналъ условія, предложенныя ему Лондонскимъ трактатомъ. Нашему флоту, перешедшему отъ Дарданеллъ къ берегамъ Мореи (главныя наши базы — Поросъ и Наполи-ди-Романія — греческая Навплія), предстояла опять тяжелая задача.

Въ началѣ 1830 года, Лондонская конференція признала Грецію независимымъ государствомъ. Лѣтомъ того же года гр. Гейденъ отправился съ 2 судами въ Россію, а Рикордъ, принявшій послѣ него командованіе эскадрой, въ 1831 г. отправилъ въ Россію часть эскадры, а съ остальными оставался въ Архипелагѣ до 1833 года, когда вернулся въ Россію — въ Черное море, оставивъ для надобностей нашей миссіи 2 брига.

За эти годы Рикордъ (съ 1831 г. вице-адмиралъ), съ рѣдкимъ тактомъ дѣлалъ свое большое дѣло — закладывалъ фундаментъ государственнаго бытія возрожденной Греціи, и въ этихъ трудахъ почти не находилъ поддержки среди англійскаго и французскаго адмираловъ. Ихъ интриги противъ Рикорда, разжигаемыя ими партійная борьба между самими греками привели къ тому, что въ 1831 году (27 іюля), греки-мятежники съ о-ва Идры, захватившіе крѣпость Поросъ и часть правительственнаго флота, даже осмѣлились напасть на наши 2 мелкихъ судна. Нашъ бригъ *Телемакъ* въ этомъ бою заставилъ замолчать крѣпость, а греческій корветъ *Специя*, сражавшійся съ нашимъ люгеромъ *Широкій*, былъ брошенъ командой, спасшейся вплавь. На слѣдующій день, когда къ нашимъ судамъ присоединились бриги *Улиссъ* и *Ахиллесъ*, адмиралъ Міаулисъ, руководившій мятежниками, взорвалъ свои 2 фрегата и 4 корвета, а самъ бѣжалъ. На докладѣ объ этомъ дѣлѣ Государь положилъ резолюцію: «Кажется а. Рикордъ исполнилъ свой долгъ. А что наши моряки храбро дерутся, это намъ *не ново*».

Вся Греція, со стороны Архипелага и собственно Средиземнаго моря обслуживалась за эти годы преимущественно русской эскадрой, и Рикордъ находилъ еще возможность отправлять суда съ особымъ назначеніемъ и на Критъ, и на другіе острова Архипелага. Его же, главнымъ образомъ, стараніями державами признана автономія острова Самоса, нынѣ находящагося подъ покровительствомъ Россіи, Англіи и Франціи, и являющагося вассальнымъ по отношенію къ Турціи государствомъ (князь, назначаемый Портой, свой сенатъ, свой флагъ, и пр.).

И великія заслуги Рикорда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскаго флота передъ Греціей, особенно ярко, къ явному неудовольствію западныхъ

державъ, были подчеркнуты греками же въ 1832 году, когда, послѣ смерти гр. Каподистріи, и до прибытія избраннаго королемъ Эллиновъ баварскаго принца Оттона, русскаго адмирала дважды избирали временнымъ президентомъ Греціи.

Петръ Ивановичъ Рикордъ предпочелъ остаться русскимъ вице-адмираломъ, и въ 1833 г., награжденный за отличіе во время командованія эскадрой въ греческихъ водахъ орденомъ св. Владиміра 2 ст., уходилъ изъ Греціи съ чувствомъ до конца исполненнаго долга: въ 1827 г. гр. Гейденъ, въ 1828 г. Рикордъ пришли къ греческимъ берегамъ Турціи, — въ 1833 г. Рикордъ покидалъ берега независимаго королевства Греціи.

Роль русскаго флота и обоихъ адмираловъ ни изъ исторіи Греціи, ни изъ исторіи русскаго вліянія на Балканахъ не вычеркнуть.

Наваринское сраженіе 8 октяб. 1827 г. Эскадра гр. Гейдена входитъ въ Наваринскую бухту

картины въ музеѣ Морского Корпуса)

Адмиралъ графъ Логинъ Петровичъ Гейденъ.

(Съ портрета въ музеѣ Морского Корпуса).

Къ стр. 192.

Адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ.

(Съ [illegible] Морск[illegible] Петра Великаго [illegible]).

[illegible]).

II. Военныя дѣйствія на Черномъ морѣ въ войну съ Турціей 1828—29 гг.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **А. И. Лебедевымъ**.

I. Задача флота.

По плану войны [1]), направленіе операціонной линіи на Константинополь было выбрано черезъ Балканы.

Важность и выгода морскихъ путей, заключающіяся въ томъ, что при владѣніи моремъ, они являются абсолютно недоступными непріятелю, и армія, слѣдовательно, не можетъ быть отрѣзана отъ базы, что они не имѣютъ естественныхъ преградъ, легко обороняемыхъ, каковыя представляютъ сухопутныя позиціи и крѣпости, въ особенности въ горной странѣ, что они даютъ безконечное количество параллельныхъ путей и, наконецъ, просто сокращаютъ ихъ, все это далеко не въ достаточной мѣрѣ было учтено и оцѣнено составителемъ плана войны—графомъ Дибичемъ. А между тѣмъ при безусловномъ превосходствѣ нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ послѣ Наварина, и при легкости блокады турецкаго флота, имѣющаго только одинъ выходъ (Босфоръ), можно было базироваться исключительно на море. И армія въ 2-лѣтнюю войну, въ ужасномъ въ климатическомъ отношеніи краю, должна была потоками крови и въ 30 разъ большей смертностью отъ болѣзней [2])— заплатить за славу перехода Балканъ, тогда какъ всѣ эти препятствія (и чума, занесенная арміей съ Дуная) *могли быть обойдены широкой морской дорогой прямо къ цѣли похода—Константинополю.*

Единственная уступка, сдѣланная этой идеѣ, заключалась только въ проложеніи операціонной линіи вблизи берега Чернаго моря, черезъ Добруджу — Малые Балканы (Шумла—Варна—Бургасъ).

Во всякомъ случаѣ,—планъ войны возлагалъ на Черноморскій флотъ совершенно опредѣленную задачу — безусловнаго господства на морѣ, т.-е. недопущенія выхода въ Черное море турецкаго флота изъ Босфора и уничтоженія всѣхъ морскихъ силъ Турціи, или попытокъ ихъ возсозданія въ портахъ по Румелійскому, Анатолійскому и Кавказскому побережьямъ.

---

[1]) Планы сторонъ, политическая обстановка и характеристика сухопутнаго театра—см. „Ист. Арм. и Фл.", т. V, стр. 146—156.

[2]) Умерло отъ болѣзней—97,000, а убито въ сраженіяхъ 3,000,—итого 100,000 ч. *Епанчинъ*. Очеркъ похода 1829 г., т. III, стр. 331.

Судя по предписанію адмиралу Грейгу о задачахъ, возлагавшихся на Черноморскій флотъ при открытіи военныхъ дѣйствій съ Турціей, эта идея — владѣнія моремъ — была совершенно ясно сознана Государемъ. «Его Императорское Величество», писалъ графъ Дибичъ 10-го марта 1828 года, «считаетъ излишнимъ входить въ соображенія относительно дѣйствій собственно морскихъ, бывъ удостовѣренъ, что, если бъ турецкій флотъ покусился выдти изъ Босфора, главный командиръ приметъ всѣ мѣры, дабы благовременно имѣть о томъ извѣстіе и быстрымъ нападеніемъ на непріятеля истребить его силы и *утвердить господство нашего флота на Черномъ морѣ* [1]).

Въ томъ же предписаніи указывались главному командиру и второстепенныя, вспомогательныя арміи, задачи флоту: первая по времени— осада Анапы, затѣмъ Варны и другихъ пунктовъ на западномъ побережьѣ Чернаго моря, и одновременно обезпеченіе плаванія нашихъ транспортовъ изъ Одессы къ устьямъ Дуная и въ Кюстенджи, въ Коварну, препятствованіе сообщенію непріятеля моремъ между своими портами, подвозу его подкрѣпленій, припасовъ и снабженія къ осажденнымъ пунктамъ. Затѣмъ указывалось, что для выполненія всѣхъ, одновременныхъ съ осадой Анапы, задачъ «отъ ближайшаго соображенія главнаго командира зависѣть будетъ *учредить крейсерство въ параллели 44° или ближе къ Константинопольскому проливу*, не теряя при семъ изъ виду, что сила съ нашей стороны должна быть достаточная для отпора, ежели бы непріятель выслалъ въ Черное море, для крейсерства, значительнаго ранга суда». Такимъ образомъ Грейгу подсказывался и способъ рѣшенія главной задачи — *блокада Босфора боевыми главными силами флота*. Время отплытія десантной къ Анапѣ экспедиціи было опредѣлено одновременно съ переходомъ арміи черезъ Прутъ, и отложено до 25-го апрѣля, но это распоряженіе не было распространено на флотъ, для котораго «отплытіе по *прежнему назначенію* оставлено 20-го числа», т.-е. подчеркнута необходимость заблаговременнаго, за 5 дней, утвержденія господства на морѣ блокадой пролива, до начала военныхъ дѣйствій арміи. Это указываетъ, что раздѣльность операцій флота отъ Анапской экспедиціи была совершенно очевидна Государю. Опредѣленіе разныхъ моментовъ выхода въ море лишній разъ должно было подчеркнуть адмиралу на несвязанность дѣйствій флота, независимость его отъ береговыхъ операцій. Но не такъ это понялъ адмиралъ Грейгъ, какъ увидимъ дальше. Второстепенность, по цѣли и значенію въ операціяхъ флота, Анапской экспедиціи была подчеркнута еще и разрѣшеніемъ главному командиру «ежели бы, противъ ожиданія, дѣйствія противъ Анапы не были окончены къ 10-му мая, отбыть съ флотомъ, согласно съ прежними наставленіями (т.-е. оставя лишь тѣ суда, которыя будутъ необходимы для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ—бомбардирскія, транспортныя и другія мелкія су-

[1]) Вице-адмиралъ *В. И. Мельниковъ*. Описаніе дѣйствій Черноморскаго флота въ продолженіи войны съ Турціей въ 1828—1829 г. г. „Морск. Сборн.“ 1850 г. Январь, стр. 30.

да) отъ береговъ Абхазіи, оставя подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Князя Меншикова десантныя и другія сухопутныя войска».

Такимъ образомъ Черноморскому флоту была поставлена совершенно опредѣленная и ясная стратегическая задача — утвержденіе господства на морѣ, въ общихъ чертахъ указанъ способъ ея рѣшенія и силы, для сего необходимыя, но окончательное рѣшеніе задачи вполнѣ предоставлено ближайшему усмотрѣнію главнаго командира, т.-е. полной мочи главнокомандующаго флотомъ.

Но только господство на морѣ по общему плану войны было рѣшено использовать не для быстраго и рѣшительнаго наступленія впередъ, къ цѣли похода — *Царьграду*, а для обезпеченія коммуникаціи арміи и выполненія второстепенныхъ задачъ — взятія Анапы и вспомогательныхъ для арміи дѣйствій — осады приморскихъ крѣпостей и пунктовъ по западному берегу Чернаго моря.

Что касается до турецкаго флота, то въ первый годъ войны, послѣ разгрома Наваринскаго, убитый духомъ, уничтоженный матеріально, турецкій флотъ не могъ проявлять активности, но судя по операціямъ его въ слѣдующемъ 1829 году, этотъ годъ для него не пропалъ даромъ, такъ какъ съ весны 1829 года не только въ Босфорѣ, но и въ Черномъ морѣ появился турецкій военный флагъ, соперничавшій съ нашимъ въ свободѣ плаванія.

---

2. Лѣтняя кампанія 1828 года.

А. Общій очеркъ.

Сосредоточенный осенью 1827 года въ Севастополѣ для выполненія дефектовъ и снабженія послѣ 8-мѣсячной непрерывной кампаніи, Черноморскій флотъ, окончивъ исправленія, 11 апрѣля вышелъ на рейдъ и 17 началъ кампанію. Въ составъ флота входили: 9 линейныхъ кораблей, 4 фрегата, 1 пароходъ, 20 мелкихъ судовъ разныхъ типовъ, 17 военныхъ транспортовъ и 8 зафрахтованныхъ для нуждъ арміи коммерческихъ судовъ, прибывшихъ изъ Одессы для перевозки десантной экспедиціи подъ Анапу.

Съ разсвѣтомъ 21 апрѣля флотъ въ полномъ своемъ составѣ вступилъ подъ паруса и пошелъ, но не въ крейсерство къ Босфору, а, конвоируя транспорты, — къ Анапѣ.

Вопреки стратегическому заданію, даже просто здравому смыслу— для блокады непріятельскаго флота не только *достаточныхъ для отпора*, въ случаѣ выхода большого ранга судовъ въ море, но и *никакихъ боевыхъ силъ* отправлено не было. Такой образъ дѣйствій главнокомандующаго могъ бы быть единственно оправданъ полной и непоколебимой увѣренностью его объ отсутствіи морскихъ силъ у Турціи. Но и этого убѣжденія не было, т. к., уйдя въ Анапу, Грейгъ отдалъ распоряженія командиру Севастопольскаго порта, контръ-адмиралу Патаніоти, на случай обороны, «*разсчитывая возможность появленія передъ Сева-*

стополемъ турецкаго флота, прежде чѣмъ нашъ флотъ, у Анапы находящійся, успѣетъ получить увѣдомленіе о выходѣ непріятеля изъ Босфора» [1]). Такой способъ дѣйствій тѣмъ болѣе былъ опрометчивъ, что какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній о противникѣ у Грейга не было. Начальникъ штаба Черноморскаго флота, вице-адмиралъ Мелиховъ, въ своемъ описаніи военныхъ дѣйствій въ эту войну, пишетъ: «начиная войну, мы ничего не знали о числѣ и силѣ судовъ турецкаго флота, ни о состояніи ихъ, ни объ адмиралахъ, начальствовавшихъ флотомъ, однимъ словомъ — ничего рѣшительно». Признаніе, граничащее съ самообвиненіемъ въ достаточной безпечности.

Даже послѣ полученія извѣстія въ морѣ 27-го апрѣля отъ опрошеннаго австрійскаго коммерческаго судна, прошедшаго Босфоръ, что турецкій флотъ, въ составѣ 5 кораблей и 4-хъ фрегатовъ, находится въ проливѣ въ готовности къ выходу въ море, Грейгъ, ни для провѣрки этого извѣстія, ни для активнаго препятствованія этому намѣренію противника, ничего не предпринялъ. Флотъ медленно продолжалъ шествіе къ Анапѣ, даже не выславъ ни одного судна на развѣдку.

Такова была первая часть рѣшенія адмираломъ Грейгомъ поставленной ему стратегической задачи.

Послѣ 10 мая, когда Грейгъ имѣлъ разрѣшеніе и съ остальной частью боевого флота, долженствовавшей остаться у него за выдѣленіемъ отряда въ крейсерство къ Босфору, удалиться отъ Абхазскихъ береговъ, предоставивъ продолженіе осады князю Меншикову, онъ не нашелъ возможнымъ сдѣлать этого. 15-го мая онъ выдѣлилъ изъ состава флота только отрядъ изъ 3 линейныхъ кораблей, 2 фрегатовъ, 1 брига и бригантины, подъ командой вице-адмирала Мессера [2]), но опять-таки для крейсерства не у Босфора, а между мысомъ Каліакріей и заливомъ Бургасскимъ, имѣя особенное наблюденіе за крѣпостью Варной (гдѣ не было турецкаго флота), выславъ къ Босфору лишь фрегаты. При этомъ инструкція, данная имъ Мессеру, не только не указывала точно цѣли крейсерства, но полна мелочными наставленіями о способѣ разставленія линіи крейсеровъ изъ 2-хъ фрегатовъ и 2-хъ мелкихъ судовъ отъ Босфора до Варны (свыше 120 мил.), о порядкѣ захвата призовъ, осмотра, отправки ихъ въ Севастополь и т. п. Такимъ образомъ инструкція очень грѣшила стѣсненіемъ иниціативы самостоятельнаго начальника. Но самою характерною чертою этой инструкціи является, полная тумана и противорѣчій, директива относительно того, когда долженъ Мессеръ принять бой при встрѣчѣ съ непріятелемъ и когда можетъ и обязанъ уклониться отъ него: «Если силы турокъ будутъ равны силамъ эскадры, пишетъ адмиралъ Грейгъ, или даже превышать ихъ (на сколько?), то вице-адмиралъ Мессеръ долженъ на-

---

[1]) *Мелиховъ*, 33—34

[2]) *Мелиховъ*. „Морск. Сб.“ Февраль, стр. 91—92. Слѣдовательно отрядъ недостаточный для противодѣйствія попыткамъ выхода турецкаго флота въ море, т. к. по даннымъ 27 апрѣля сила турецкаго флота выражалась числомъ 5 кораблей и 4 фрегатовъ.

КАРТА
ЧЕРНАГО МОРЯ
къ описанію дѣйствій
ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА
въ 1828 и 1829 годахъ.
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Одесса
Аккерманъ
Херсонъ
Николаевъ
Евпаторія
Севастополь
Керчь
Анапа
Геленджикъ
Фортъ Вельяминовскій
Кюстендже
Каварна
Варна
Синопъ
Пендераклія
Требизонтъ
Св. Николай
Батумъ

пасть на непріятеля и не допустить его идти далѣе; въ случаѣ же значительнаго превосходства непріятельскихъ силъ передъ эскадрой, ему ввѣренною, онъ обязанъ, не теряя непріятеля изъ виду, отступать къ берегамъ Крыма (а если онъ будетъ отрѣзанъ и непріятель его атакуетъ?), пославъ между тѣмъ одно изъ легкихъ судовъ съ донесеніемъ о томъ главному командиру (а во-сколько времени при противныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ оно дойдетъ до Анапы?), а другое для извѣщенія шкиперовъ зафрахтованныхъ судовъ о появленіи непріятеля въ морѣ».

Послѣ паденія Анапы 12 іюня, отправивъ трофеи и реляціи Государю, Грейгъ, осыпанный Монаршими милостями и дарованіемъ всѣхъ просимыхъ по флоту наградъ участникамъ осады, произведенный въ адмиралы, и доставившій кн. Меншикову случай получить орденъ Георгія 3-й ст., остался на рейдѣ, повидимому въ полномъ и безмятежномъ убѣжденіи, что выполненіе главной поставленной флоту задачи вполнѣ обезпечено вышеприведенной инструкціей его вице-адмиралу Мессеру. Инертность и пассивность турецкаго флота, въ теченіе 1½ мѣсяцевъ съ начала кампаніи, не выходившаго ни разу въ море, еще болѣе поддерживали главнаго командира въ правотѣ своихъ дѣйствій. Только 3 іюля, т.-е. черезъ 3 недѣли съ момента сдачи крѣпости, послѣ полученія Высочайшаго повелѣнія о немедленномъ слѣдованіи къ Румелійскимъ бергамъ, Грейгъ вышелъ въ море, забравъ на оставшійся составъ флота тотъ же десантъ, для перевозки котораго къ Анапѣ ему понадобился весь флотъ.

12-го іюля Грейгъ подошелъ на видъ Мангаліи, и лишь 22-го іюля, по соединеніи съ отрядомъ Мессера, сталъ у Варны. Правильная осада ея началась 25-го, между тѣмъ какъ первые отряды, послѣ паденія крѣпостей нижняго теченія Дуная и сосредоточенія главныхъ силъ арміи въ Добруджѣ, подошли для наблюденія за Варной еще 1-го іюля. Такимъ образомъ, 3 лишнихъ недѣли стоянки Черноморскаго флота съ осаднымъ корпусомъ у Анапы задержали дѣйствія главной арміи на этотъ же срокъ [1])

Въ дальнѣйшемъ, до паденія Варны и до конца лѣтней кампаніи 1828 года, Черноморскій флотъ весь былъ сосредоточенъ подъ командованіемъ адмирала Грейга у Варны.

Сравнительная близость Босфора и слѣдовательно возможность болѣе близкаго наблюденія за непріятелемъ, возможность установленія дѣйствительной блокады пролива, не ослабляя хода осады, т. к. изъ флота по крѣпости, при ежедневномъ бомбардированіи, дѣйствовали, какъ и подъ Анапой, одинъ или два корабля или фрегата и главнымъ образомъ, бомбардирскія суда, не подвинули, однако, Грейга къ измѣненію выбраннаго имъ способа рѣшенія главной задачи флота — обезпеченія владѣнія моремъ. До ухода флота въ Севастополь флотъ не блокировалъ «достаточными» силами проливъ, а поддерживалъ лишь

---

[1]) См. „Ист. Арм. и Фл.“, т. V, стр. 163.

наблюденіе за непріятелемъ легкими судами (бригами и фрегатами), по одному-по два.

Ни бой брига *Меркурій* въ маѣ слѣдующаго года, ни захватъ турками въ плѣнъ фрегата *Рафаилъ*, ни семикратныя въ теченіе почти мѣсяца выходы совершенно безнаказанно турецкаго флота въ море, не убѣдили и не научили адмирала Грейга этой простой военной истинѣ, что пассивное наблюденіе за непріятелемъ—не есть блокада.

Б. Анапская экспедиція.

Расположенная въ сѣверо-восточномъ углу Чернаго моря, въ 30 верстахъ отъ устья Кубани, вблизи первыхъ отроговъ Кавказа, крѣпость Анапа представляла изъ себя опорный пунктъ для горцевъ, дѣйствовавшихъ въ тылу русскихъ на Кавказѣ войскъ, и черезъ нее они связывались съ Турціей. Для успѣха борьбы на Кавказѣ взятіе ея являлось насущной необходимостью для Россіи. Такимъ образомъ, стратегическое значеніе Анапы опредѣлялось, главнымъ образомъ, не только планомъ военныхъ дѣйствій силъ, направленныхъ противъ Турціи, а привходящею, посторѳннею цѣлью — обезпеченія успѣха покоренія Кавказа.

Десантный отрядъ, который надо было перевезти изъ Севастополя, состоялъ изъ 3-ей бригады 7-й пѣхотной дивизіи, 1 роты 7-ой артиллерійской бригады (8 орудій), и военно-рабочей роты изъ Севастополя. Кромѣ того для дѣйствій у Анапы были назначены съ кавказской береговой линіи Таманскій отрядъ полковника фл.-ад. Перовскаго, состоявшій изъ 2-хъ ротъ Нотенбургскаго пѣх. полка, 1 бат. Таманскаго полка, 4 легкихъ орудій 22-й арт. бриг., 2 пѣшихъ, 2 конныхъ полковъ и конно-артиллерійской роты Черноморскаго казачьяго войска. Всего численностью до 6.000 челов. при 20 орудіяхъ. Начальство всѣмъ осаднымъ войскомъ было возложено на и. д. начальника морского штаба Е. И. В. ген.-адъют. св кн. Меншикова, при начальникѣ штаба фл.-адъют. Перовскомъ, а главное начальство всей осадой крѣпости — на главнаго командира Черноморскаго флота вице-адмирала Грейга.

Выйдя изъ Севастополя 21 апрѣля, Грейгъ, вслѣдствіе противнаго вѣтра, только 2-го мая подошелъ къ Анапѣ, а десантъ высадилъ 6 мая, едва отстоявшись на рейдѣ на 2-хъ якоряхъ, спустивъ весь рангоутъ до стенегъ включительно. Между тѣмъ Таманскій отрядъ, подъ командой флигель-адъютанта Перовскаго, получившій извѣщеніе о приближеніи флота къ Анапѣ, 3 мая подошелъ къ крѣпости для прикрытія высадки и въ теченіе 3-хъ дней выдержалъ жестокія атаки гарнизона крѣпости и скопищъ Закубанскихъ горцевъ.

Къ моменту осады, гарнизонъ ея, вслѣдствіе отсутствія дѣйствительнаго владѣнія со стороны русскихъ моремъ, былъ доведенъ Турціей подкрѣпленіями изъ Синопа до 4.500 человѣкъ. Кромѣ того при учетѣ силы Анапы — нельзя не принять въ разсчетъ ту помощь, что получала крѣпость извнѣ, отъ горцевъ. Съ начала осады Анапы и до

Мѣста кораблей, фрегатовъ и бомбардирскихъ судовъ при атакѣ крѣпости. 7-го мая

A. Корабль Нордъ Адлеръ.
B. Корабль Пантелеймонъ.
C. Фрегатъ Евстафій.
D. Корабль Іоаннъ Златоустъ.
E. Фрегатъ Поспѣшный.
F. Корабль Пименъ.
G. Корабль Парменъ.
I. Фрегатъ Штандартъ.
H. Фрегатъ Флора.
K. Бомбардирское судно Подобный.
L. Бомбардирское судно.

Суда, назначаемыя ежедневно для дѣйствія противу крѣпости, были располагаемы большею частію на линіи AD. Нѣсколько далѣе стояли бомбардирскія суда.

Расположеніе войскъ.

a. Мѣсто лагеря.
bb. Ретраншаменты на Бугской дорогѣ, прикрывавшіе лѣвый флангъ лагеря.
c. Ретраншаментъ для прикрытія бродовъ черезъ болото.
d. Мосты черезъ рѣку.
e. Вооруженный барказъ.
f. Редутъ для очищенія поля.
i. Циркумвалаціонная линія съ редутами.
g. Пристань.
h. Телеграфъ.
k. Осадныя работы.

паденія ея они ежедневно, то небольшими отрядами, то въ громадныхъ скопищахъ (до 8—10 тысячъ человѣкъ), тревожили русскій осадный отрядъ. При вылазкахъ же гарнизона изъ крѣпости они нападали съ тыла и тѣмъ значительно увеличивали силу осажденныхъ.

Только съ подходомъ нашего флота къ Анапѣ, прекратилось усиленіе ея посредствомъ подвоза подкрѣпленій и запасовъ. Отрядъ численностью свыше 1.000 человѣкъ на 4-хъ транспортахъ былъ высланъ изъ Трапезонта, но 3 транспорта изъ нихъ 8 мая были захвачены въ морѣ нашими мелкими судами (катеромъ *Соколъ*, бригами *Меркурій* и *Ганимедъ)*, при чемъ было взято въ плѣнъ съ пашами свыше 900 чел. при 6 знаменахъ, а 4-й транспортъ былъ уничтоженъ уже послѣ того, какъ высадилъ войска въ одной изъ бухтъ на высотѣ Суджукъ-Кале.

На другой день послѣ высадки десанта на берегъ, 7 мая, было приступлено къ общему бомбардированію крѣпости со стороны моря и рейда, для чего были назначены корабли *Нордъ-Адлеръ* (74 пуш.), *Пантелеймонъ* (80 п.), фрегаты *Евстафій* (44 п.) и *Поспѣшный* (44 п.), бомбардирскія суда *Подобный* и *Опытъ*, а затѣмъ еще были добавлены корабль *Іоаннъ Златоустъ* (74 п.) и фрегатъ *Штандартъ* (44 п.).

Несмотря на продолжавшуюся въ теченіе 5 часовъ бомбардировку, на 8.000 выпущенныхъ снарядовъ, главнѣйшія укрѣпленія, противъ коихъ назначены были дѣйствовать корабли, совершенно не пострадали; главныя разрушенія были причинены городскимъ постройкамъ. Самъ же флотъ за эту бомбардировку получилъ достаточно большое число попаданій, такъ какъ пробоинъ въ корпусахъ оказалось 72, а въ рангоутѣ и оснасткѣ до 180 попаданій, хотя убитыхъ и раненыхъ было всего 13 человѣкъ.

Въ результатѣ такой атаки ожидавшееся изъявленіе покорности со стороны крѣпости не послѣдовало, и сухопутныя войска принуждены были приступить къ осадѣ крѣпости и къ постепенному обложенію ея со стороны берега кругомъ, дабы отрѣзать отъ сообщенія съ горцами.

Въ этой осадѣ, кромѣ ежедневнаго бомбардированія по очереди однимъ изъ бомбардирскихъ судовъ и однимъ изъ кораблей, флотъ принималъ участіе и устройствомъ береговыхъ батарей изъ корабельныхъ орудій, назначеніемъ къ нимъ прислуги и офицеровъ, свозомъ ежедневно на берегъ отъ 500 до 600 человѣкъ для производства осадныхъ работъ, содержаніемъ на рѣкѣ Бузуръ одного вооруженнаго гребного барказа. Кромѣ того на обязанности флота лежало снабженіе отряда порохомъ, снарядами, продовольствіемъ и фуражемъ, перевозъ больныхъ и раненыхъ въ наши порты и поддержаніе непрерывнаго крейсерства вдоль Абхазскихъ береговъ до Трапезунда для прекращенія всякихъ попытокъ подать помощь осажденной крѣпости.

Послѣ ряда безуспѣшныхъ нападеній и вылазокъ непріятеля изъ крѣпости 10, 11, 17, 18 и 28 мая, крѣпость была окончательно окружена съ берега и отрѣзана отъ сообщенія съ горцами, для удерживанія коихъ въ тылу осадной линіи былъ устроенъ рядъ укрѣпленій и редутовъ и, наконецъ, 10 іюня, когда въ стѣнахъ крѣпости была уже сдѣла-

на брешь и все было готово къ общему штурму, коменданту было предложено сдаться. Послѣ двухдневныхъ переговоровъ, утромъ 12 іюня комендантъ крѣпости, Шатыръ-Османъ-Оглу, сдалъ крѣпость, видя полную безполезность дальнѣйшаго сопротивленія.

В. Осада Варны.

Подойдя 13 іюля изъ-подъ Анапы на Коварнскій рейдъ и соединившись съ отрядомъ вице-адмирала Мессера, Черноморскій флотъ высадилъ десантныя войска, которыя направились къ Варнѣ на соединеніе съ наблюдавшимъ за ней отрядомъ генерала Сухтелена. 22-го іюля флотъ подошелъ къ Варнѣ для блокады [1]). Въ этотъ же день изъ главной квартиры арміи вернулся генералъ-адъютантъ кн. Меншиковъ и вступилъ въ командованіе осаднымъ корпусомъ.

24-го іюля Государь Императоръ прибылъ на флагманскій линейный корабль *Парижъ* и, осмотрѣвъ флотъ, укрѣпленія и, давъ указанія адмиралу Грейгу относительно осады Варны и уничтоженія стоявшихъ около крѣпости турецкихъ судовъ, въ тотъ же день на фрегатѣ *Флора* отбылъ въ Одессу.

Первымъ боевымъ дѣйствіемъ флота подъ Варной была вырѣзка турецкой флотиліи изъ-подъ стѣнъ крѣпости.

Для этой экспедиціи въ распоряженіе начальника штаба флота, капитана 2 ранга Мелихова, было дано по 2 вооруженныхъ гребныхъ судна съ каждаго корабля и фрегата. Въ 10 ч. вечера въ ночь съ 26 на 27 іюля всѣ гребныя суда собрались около бригантины *Елисавета*, поставленной вблизи крѣпости. Черезъ часъ, когда окончательно стемнѣло, въ полной тишинѣ, гребныя суда, придерживаясь высокаго южнаго берега, приблизились незамѣтно къ флотиліи и съ разстоянія полуружейнаго выстрѣла, когда уже были открыты непріятелемъ, бросились къ назначеннымъ судамъ на абордажъ и послѣ сильнаго сопротивленія овладѣли всѣми 14-ю судами и 2-мя барказами, взяли ихъ на буксиръ и отвели къ флоту.

Въ половинѣ августа на долю флота выпало исполненіе болѣе значительной активной операціи — набѣгъ на Инаду для уничтоженія заготовленныхъ тамъ для перевоза въ Варну значительныхъ запасовъ пороха, аммуниціи и снарядовъ. Исполненіе этого было возложено адмираломъ Грейгомъ на капитана 1 ранга Критскаго. Въ экспедицію были назначены фрегатъ *Поспѣшный*, шлюпъ *Діана*, катеръ *Соловей*, и крейсеровавшіе у Босфора фрегатъ *Рафаилъ* и бригантина *Елисавета*.

Оставивъ для наблюденія за турецкимъ флотомъ у пролива шлюпъ *Діана*, Критскій 17 августа съ разсвѣтомъ подошелъ къ Инадѣ. Несмотря на жестокій огонь съ укрѣпленій, суда немедленно заняли назначенныя по диспозиціи мѣста и, пока фрегаты *Поспѣшный* и *Рафаилъ*, ставъ

---

[1]) Стратегическое значеніе крѣпости, ея состояніе и сухопутныя дѣйствія осаднаго корпуса—см. очеркъ подполк. *Андріанова* „Ист. Арм. и Фл.“, т. V, стр 162—168.

на картечный выстрѣлъ, громили главныя укрѣпленія, бригантина и катеръ расположились у самаго берега, противъ пункта назначеннаго къ высадкѣ десанта. Къ 10 часамъ утра, когда батареи, дѣйствовавшія противъ фрегатовъ, замолчали и было очищено мѣсто для высадки, 370 человѣкъ, подъ командой начальника отряда сошли на берегъ и бросившись въ штыки на вышедшія навстрѣчу изъ перваго редута толпы турокъ, немедлено обратили ихъ въ бѣгство и на плечахъ ихъ вошли въ редутъ. Съ паденіемъ его турки очистили батареи, дѣйствовавшія противъ фрегата *Поспѣшный*, и Критскій немедленно бросился на второй редутъ, гдѣ и были сложены предназначенные къ уничтоженію запасы. Рѣшительность и быстрота натиска настолько ошеломили турокъ, что они, почти не защищаясь оставили и этотъ редутъ.

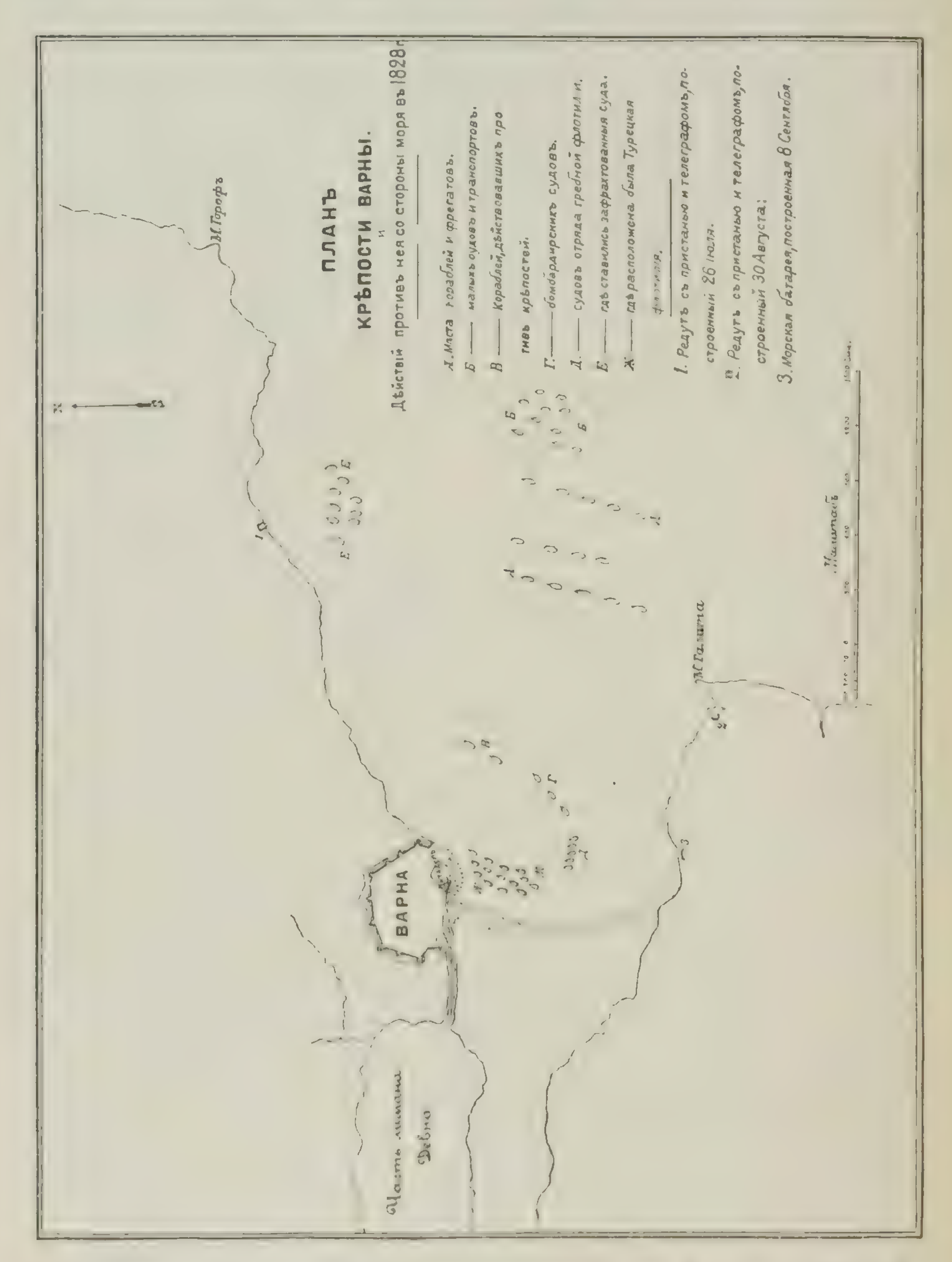
Пользуясь этимъ, отрядъ заминировалъ укрѣпленіе, погрузилъ на суда 12 мѣдныхъ орудій, а остальныя заклепалъ. Съ наступленіемъ ночи отрядъ возвратился на суда и на берегу остался одинъ охотникъ для зажженія фитиля. Около полуночи произошелъ взрывъ, уничтожившій до основанія всю башню съ запасами и укрѣпленіе. Потеря въ людяхъ на всемъ отрядѣ состояла изъ 1 убитаго и 5 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ осада Варны продолжалась и флотъ ежедневно высылалъ для бомбардировки крѣпости 1 или 2 корабля или фрегата и столько же бомбардирскихъ судовъ. Кромѣ этого, въ виду невозможности для кораблей съ большой осадкой подходить на близкое растояніе къ крѣпости, съ Дуная были вытребованы 5 іоловъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ 1 — 18-фунт. орудіе и изъ Николаева 5 канонерскихъ лодокъ, вооруженіе которыхъ состояло изъ трехъ 24-фунт. орудій на каждой. Прибытіе въ концѣ августа этой гребной флотиліи къ Варнѣ значительно усилило средства флота для безпрерывныхъ бомбардировокъ и, главнымъ образомъ, съ южнаго фронта крѣпости, куда большія суда совершенно не имѣли доступа.

24 августа къ флоту присоединился, спущенный въ предыдущемъ году и спѣшно достраивавшійся и вооружавшійся въ Николаевѣ, 84-пуш. корабль *Императрица Марія*. Одновременно, отъ вернувшагося изъ крейсерства у Босфора фрегата *Рафаилъ*, было получено донесеніе, что изъ опроса 10 купеческихъ судовъ, вышедшихъ изъ Константинополя, получено единогласное показаніе, что турецкій флотъ находится въ полной готовности для выхода въ море. Однако, кромѣ подтвержденія командирамъ судовъ приказа о готовности по первому требованію вступить подъ паруса, Грейгомъ для дѣйствительной блокады Босфора, не только ничего не было предпринято, но даже прибывшимъ изъ крейсерства судамъ, смѣна была выслана только на другой день (фрегатъ *Поспѣшный* и бриги *Орфей* и *Ганимедъ*).

27-го августа къ Варнѣ на фрегатѣ *Флора* вернулся изъ Одессы Государь Императоръ и съ этого дня 5 недѣль пробылъ до конца осады на флагманскомъ кораблѣ *Парижъ*, лично распоряжаясь осадой. 29-го сентября Варна сдалась на капитуляцію.

Взятіемъ Варны закончилась кампанія 1828 года на Балканскомъ театрѣ. Теперь для арміи былъ открытъ путь за Балканы, но для флота, не выполнившаго своей главной задачи — уничтоженія морскихъ силъ

Турціи, задача блокады Босфора, осталась тяжелой, но неизбѣжной обязанностью, даже въ зимнее время, для обезпеченія снабженія арміи подвозомъ моремъ для весенней кампаніи.

2 октября Государь Императоръ, на кораблѣ *Императрица Марія*, отбылъ въ Одессу, куда прибылъ лишь въ ночь съ 7 на 8 октября, выдержавъ на переходѣ въ теченіе 5 сутокъ жестокій штормъ отъ OTN, грозившій неоднократно гибелью кораблю. Потерявъ форъ-стеньгу, гротъ-брамъ-стеньгу, бомъ-утлегарь и утлегарь, корабль подъ одними нижними парусами и зарифленнымъ гротъ-марселемъ и, наконецъ, подъ одними штормовыми стакселями, дрейфовалъ на подвѣтренный берегъ. Лишніе сутки шторма, что такъ обычно въ это время года въ Черномъ морѣ, повлекли бы неизбѣжно къ гибели корабля, но въ ночь съ 4 на 5 октября вѣтеръ отошелъ сначала къ N—у и затѣмъ къ NW—у и WSW—у и далъ возможность кораблю благополучно доставить Императора въ Одессу.

3. Зимняя кампанія на морѣ 1828—29 гг.

Съ паденіемъ Варны и расположеніемъ арміи на зимнихъ квартирахъ, Черноморскій флотъ постепенно отрядами былъ отправленъ въ Севастополь для выполненія необходимыхъ дефектовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, оставленныхъ брандвахтами въ занятыхъ крѣпостяхъ, и фрегата *Штандартъ* съ корветомъ *Язонъ*, назначенныхъ въ крейсерство у Босфора для наблюденія за противникомъ.

11-го ноября изъ Севастополя былъ высланъ въ Варну отрядъ контръ-адмирала Кумани, въ составѣ кораблей *Пименъ* и *Іоаннъ Златоустъ*, фрегата *Рафаилъ* и брига *Ганимедъ*.

Главною задачею этого отряда была блокада Босфора для недопущенія выхода турецкаго флота въ море. Инструкція контръ-адмиралу Кумани была совершенно тождественна съ предыдущей вице-адмиралу Мессеру, въ особенности въ отношеніи условій принятія и уклоненія отъ боя съ непріятелемъ [1]). Однако, впослѣдствіи, принимая во вниманіе опасность плаванія зимою у Босфора, Грейгъ предписалъ Кумани, чтобы онъ «съ главными силами находился наиболѣе въ Варнѣ и только по временамъ посылалъ фрегатъ и бригъ для осмотра пролива». Такимъ образомъ, самъ Грейгъ, изъ боязни потерять суда, совершенно опредѣленно отмѣнилъ выполненіе главной поставленной флоту задачи.

Поэтому Кумани не оставалось ничего болѣе, какъ выполненіе послѣдняго пункта предписанія — «содѣйствовать командующему войсками въ Варнѣ во всемъ, что можетъ способствовать безопасности крѣпости и вообще исполнять все то, что по военнымъ обстоятельствамъ окажется нужнымъ».

[1]) Въ этомъ случаѣ особенно характерно указаніе адмиралу на отступленіе къ берегамъ Крыма „для соединенія съ главными силами“, но онѣ въ это время были въ ремонтѣ, въ гавани, разоруженныя, а самъ адмиралъ Грейгъ—въ Николаевѣ. *Мелиховъ.* „Морск. Сб.“ 1850 г. Май, стр. 385.

Правильно оцѣнивъ стратегическую обстановку, Кумани подалъ блестящую идею внезапнаго захвата Сизополя, почти неукрѣпленнаго турками, но представлявшаго хорошую базу для дѣйствія флота въ будущемъ году, въ особенности вслѣдствіе своей близости къ Босфору [1])

13 ноября Кумани прибылъ въ Варну. Генералъ Ротъ, указавъ на попытки нападенія турокъ отъ Айдоса на Праводы, главный пунктъ сосредоточенія русской арміи за Дунаемъ, просилъ его для отвлеченія силъ непріятеля къ Бургасу сдѣлать демонстрацію въ Фаросскомъ заливѣ и собрать свѣдѣнія о всѣхъ укрѣпленныхъ турками пунктахъ и удобныхъ для высадки мѣстахъ.

19 ноября отрядъ снялся съ якоря, но вслѣдствіе штормовыхъ погодъ только 28 подошелъ къ Мисемвріи. Осмотрѣвъ укрѣпленія и сдѣлавъ промѣръ рейда, отрядъ подошелъ къ острову св. Анастасіи, которымъ и завладѣлъ, для убѣжденія непріятеля въ желаніи своемъ утвердиться въ Фаросскомъ заливѣ. На островѣ былъ взятъ въ плѣнъ гарнизонъ изъ 90 чел. и захвачены 2 мѣдныя пушки, но главное, что достигалось этимъ взятіемъ — было освѣдомленіе начальника отряда посредствомъ опроса плѣнныхъ турокъ, монаховъ монастыря, расположеннаго на островѣ, и грековъ — относительно силы и состоянія обороны всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ Фаросскаго залива.

Свѣдѣнія эти, провѣренныя личнымъ осмотромъ Мисемвріи, Ахіоло, Бургаса и Сизополя, убѣдили Кумани въ важности овладѣнія Сизополемъ и въ возможности, съ малыми силами своего отряда и съ десантомъ въ 1.000 человѣкъ, при внезапномъ и немедленномъ нападеніи, не только захватить, но и удержать въ своихъ рукахъ этотъ пунктъ до весны, т.-е. до перехода арміи въ наступленіе и прибытія всего флота къ Румелійскимъ берегамъ. Съ этими свѣдѣніями отрядъ 7-го декабря вернулся въ Варну.

Доложивъ генералу Роту о результатахъ своей развѣдки, Кумани просилъ назначить десантъ и разрѣшить напасть на Сизополь, ручаясь за успѣхъ. Но главнокомандующій арміей былъ настолько несамостоятеленъ, что ходатайство Кумани было отправлено въ Петербургъ къ Государю и разрѣшеніе прибыло лишь въ концѣ января, когда на смѣну отряда Кумани прибылъ второй отрядъ контръ-адмирала Стожевскаго, въ составѣ кораблей *Императрица Марія* и *Пантелеймонъ*, фрегата *Евстафій* и брига *Пегасъ*, а первый, не дождавшись разрѣшенія, уже ушелъ въ Севастополь.

Но тутъ выручилъ случай. Дурная погода заставила Кумани вернуться въ Варну, гдѣ онъ узналъ о полученномъ Высочайшемъ разрѣшеніи на экспедицію. Одинъ только корабль *Іоаннъ Златоустъ*, отдѣлившійся ранѣе отъ отряда и отстаивавшійся у м. Галаты, самостоя-

[1]) Даже взятіе Сизополя, расположеннаго за Балканами и представлявшаго превосходную базу для дѣйствій арміи и пунктъ высадки для обхода Балканъ, не измѣнилъ плана военныхъ дѣйствій,и армія должна была преодолѣвать огромныя препятствія, вмѣсто удобнаго перехода моремъ.

тельно ушелъ въ Севастополь, не зная о разрѣшеніи, и не участвовалъ въ экспедиціи.

10-го февраля, когда были закончены всѣ приготовленія, на отрядъ были посажены всѣ войска въ количествѣ 1.162 человѣка при 2 полевыхъ и 8 осадныхъ орудіяхъ. Лошади, провіантъ и фуражъ были погружены на 2 зафрахтованныхъ для арміи транспорта. 11 февраля эскадра въ составѣ 3-хъ кораблей (*Пименъ, Императрица Марія, Пантелеймонъ*), 2 фрегатовъ (*Рафаилъ* и *Евстафій*) и 3 канонерскихъ лодокъ, снялась съ якоря. 15-го утромъ эскадра вошла на Сизопольскій рейдъ и, получивъ отказъ сдать крѣпости, открыла огонь. Къ 3 ч. дня батареи были сбиты и начальникъ гарнизона прислалъ парламентера съ предложеніемъ сдаться, на условіи выпуска гарнизона съ оружіемъ. Но такъ какъ въ этомъ ему было отказано, то онъ увѣдомилъ, приславъ заложника, что сдастся на другой день утромъ.

Поэтому 16 февраля съ разсвѣтомъ былъ свезенъ десантъ на берегъ и въ крѣпость отправленъ лейтенантъ Джотти съ увѣдомленіемъ, что если паша не прибудетъ немедленно, то городъ и укрѣпленія будутъ взяты приступомъ. Но въ городѣ оказался лишь одинъ паша со своими приближенными, такъ какъ гарнизонъ бѣжалъ. Городъ и всѣ укрѣпленія были немедленно заняты войсками. Трофеями дня были 2 знамени, 9 пушекъ крѣпостныхъ и 2 полевыхъ, и значительные запасы провіанта, снарядовъ, пороху и оружія.

Немедленно было приступлено къ укрѣпленію занятаго города, при чемъ для усиленія обороны его, кромѣ взятыхъ въ крѣпости и перевезенныхъ изъ Варны орудій, было дано съ судовъ флота 1 однопудовый единорогъ, 14—12-фунтовыхъ пушекъ и 2 мортиры. Въ послѣднихъ числахъ февраля изъ Варны, по просьбѣ Кумани, было прислано для усиленія гарнизона еще 1.500 чел., и былъ назначенъ комендантъ— генералъ-маіоръ Вахтенъ, а въ серединѣ марта, въ виду обнаруженныхъ намѣреній противника отбить Сизополь, генералъ Ротъ выслалъ въ Сизополь еще 1.000 человѣкъ. 28-го марта турецкій отрядъ въ 6.000 чел. подъ начальствомъ Гуссейна-паши, дѣйствительно внезапно напалъ на Сизополь, но дружныя усилія и стойкость гарнизона, при поддержкѣ судовой артиллеріи флота, отразили страшный натискъ турокъ. Послѣ этого они уже не возобновляли нападеній.

Въ началѣ апрѣля, въ виду получавшихся извѣстій объ энергичныхъ приготовленіяхъ турецкаго флота къ выходу въ море, Грейгъ для усиленія Сизопольской эскадры отправилъ въ распоряженіе Кумани корабли *Чесма* и *Нордъ-Адлеръ*, фрегаты *Флора, Поспѣшный* и *Штандартъ*, бригъ *Орфей* и катеръ *Соловей*, а 19-го апрѣля прибылъ, наконецъ, въ Сизополь и самъ со всѣмъ остальнымъ флотомъ.

4. Кампанія 1829 года.

А. Планъ кампаніи.

Намѣченное въ этомъ году быстрое наступленіе главной арміи за Балканы [1]), удлиненіе, вслѣдствіе этого, ея коммуникаціонной линіи, и, не перестававшіе съ ранней весны поступать свѣдѣнія объ энергичной подготовкѣ турецкаго флота къ борьбѣ за владѣніе моремъ, все это вмѣстѣ не только усиливало важность безусловнаго господства нашего флота на Черномъ морѣ, но и подчеркивало единственный способъ рѣшенія задачи — установленіе строжайшей блокады Босфора главными силами флота.

При обсужденіи плана предстоящихъ военныхъ дѣйствій флота, обсуждался поднятый командующимъ Кавказской арміей вопросъ о демонстративной экспедиціи къ Синопу для отвлеченія трапезундскаго гарнизона и турецкихъ войскъ этого округа на время движенія арміи гр. Паскевича на Эрзерумъ. Но вопросъ этотъ остался открытымъ, съ одной стороны, вслѣдствіе неопредѣленности указанія на время экспедиціи, съ другой — вслѣдствіе мнѣнія Грейга, что для выполненія такой экспедиціи потребуется въ десантъ не менѣе пѣхотной дивизіи, каковыхъ силъ, до паденія Силистріи, Балканская армія выдѣлить не могла.

Новый главнокомандующій этой арміей, гр. Дибичъ, указывалъ на желательность въ первый періодъ кампаніи сдѣлать демонстрацію къ Босфору, разоривъ Килію или Риву, затѣмъ предпринять нападеніе на Инаду съ высадкой десанта для уничтоженія въ 30-ти верстахъ отъ берега, въ Самоково, чугуннаго литейнаго завода, послѣ чего вновь явиться у Босфора, а въ половинѣ іюля, приблизительно, вернуться въ Варну для принятія десанта и переброски его въ тылъ турецкихъ войскъ при наступленіи арміи за Балканы.

Однако и на это адмиралъ Грейгъ возразилъ, что «по минованіи бурныхъ равноденственныхъ погодъ, хотя и можно сдѣлать покушеніе на Килію или Риву, но надобно прежде собрать положительныя о нихъ свѣдѣнія, тѣмъ болѣе необходимыя, что поблизости этихъ мѣстъ къ Босфору и по сильному теченію, въ проливъ стремящемуся, покушенія противъ нихъ требуютъ величайшей осторожности». Только часть второго пункта относительно набѣга на Инаду была принята Грейгомъ, но отъ набѣга въ Самоково онъ предостерегалъ худыми дорогами, предлагая лишь укрѣпиться въ Инадѣ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Грейгъ и въ этомъ году не понималъ главной своей задачи — надежно запереть Босфоръ. Вотъ что пишетъ объ этомъ его начальникъ штаба, вице-адмиралъ Мелиховъ, объясняя почему Грейгъ принужденъ находиться со всѣмъ флотомъ болѣе въ Сизополѣ на якорѣ, нежели въ морѣ подъ парусами.

---

[1]) См. „Ист. Арміи и Фл.“, т. V, стр. 170.

«Главнѣйшая обязанность, лежавшая на флотѣ, до самаго перехода войскъ за Балканы, состояла въ оборонѣ Сизополя, потеря котораго могла имѣть самое пагубное вліяніе на весь ходъ кампаніи, и который, до вступленія арміи въ Румелію, находился постоянно въ опасности. Имѣя въ сборѣ, въ окрестностяхъ Сизополя, корпусъ въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ, непріятель непрерывно угрожалъ этому пункту и былъ удерживаемъ отъ нападенія только присутствіемъ нашего флота; это подтверждалось единогласно и переметчиками и свѣдѣніями, секретно получаемыми. Оставь адмиралъ Сизополь на нѣсколько продолжительное время, городъ былъ бы атакованъ непремѣнно, *и если бы при этомъ случаѣ удалось турецкому флоту подойти къ Сизополю въ отсутствіе наше* [1]), тогда успѣхъ атаки былъ бы дѣломъ несомнѣннымъ, по совершенно открытомъ положенію сего города со стороны моря. Атакованныя съ одной стороны турецкимъ корпусомъ, котораго предпріимчивость была бы возбуждена присутствіемъ ихъ флота, и поражаемыя, съ другой стороны, артиллеріею непріятельскихъ судовъ, которая въ состояніи была сравнять городъ съ землею, войска наши, при всей испытанной ихъ храбрости, были бы доведены, въ нѣсколько часовъ, до самаго отчаяннаго положенія. Кромѣ потери города, мы, съ паденіемъ его, теряли всѣ собранные въ немъ запасы и всѣ суда, которыя могли находиться въ это время въ портѣ. Пребываніе въ Сизополѣ не представляло никакого особеннаго удовольствія, и адмиралъ Грейгъ не былъ охотникъ до якорныхъ стоянокъ, *но единственно великая отвѣтственность, лежавшая на немъ, за безопасность города, и совершенная увѣренность, что только присутствіе флота можетъ сохранить этотъ пунктъ за нами* [2]), были причиною, удерживавшею насъ при Сизополѣ, положеніе котораго тѣмъ болѣе возбуждало опасеніе, что болѣзни и смертность постоянно ослабляли силу его гарнизона; состоя, въ половинѣ апрѣля, изъ 4-хъ тысячъ, онъ, въ началѣ іюня, имѣлъ подъ ружьемъ уже не болѣе 2.500 человѣкъ» [3]).

Другими словами, въ сознаніи главнокомандующаго флотомъ не было совершенно мѣста понятію «господства на морѣ, владѣнія моремъ». Главнѣйшая обязанность русской морской силы, по мнѣнію Грейга, заключалась въ оборонѣ Сизополя отъ попытокъ нападенія на него турецкаго флота.

Б. Поискъ отряда капитана 1-го ранга Скаловскаго.

Въ началѣ апрѣля, первыя же донесенія крейсеровъ—фрегата *Флора* и брига *Меркурій*, сообщили о стоянкѣ турецкаго флота въ числѣ 8 кораблей и фрегатовъ, не считая мелкихъ судовъ, въ Буюкъ-дере, о

---

[1]) Курсивъ нашъ. Какъ это могло бы случиться, если бы проливъ былъ заблокированъ боевымъ флотомъ адмирала Грейга?

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) „Морск. Сб.". Сентябрь 1850 г., стр. 212—213.

прибытіи къ флоту Султана, и, наконецъ, — о выходѣ 12-го апрѣля 1 корабля, 1 фрегата и 1 брига въ море [1]).

Получивъ это извѣстіе черезъ 7 дней, главный командиръ, предположивъ все-же, что этотъ турецкій отрядъ находится еще внѣ пролива, назначилъ для уничтоженія его корабли *Парменъ, Іоаннъ Златоустъ*, бриги *Меркурій* и *Мингрелія*, и высланные только что на смѣну въ крейсерство у Босфора фрегаты *Штандартъ* и *Поспѣшный* и бригъ *Орфей*, подъ общимъ начальствомъ командира корабля *Парменъ* капитана 1 ранга Скаловскаго.

Только 21-го апрѣля, отрядъ вышелъ изъ Сизополя, а къ Босфору подошелъ лишь 24-го числа.

Между тѣмъ, 23-го числа около 5½ ч. пополудни, бригомъ *Орфей* (кап.-лейтенантъ Колтовской) были услышаны около Босфора выстрѣлы. Подойдя къ проливу онъ увидѣлъ 8 судовъ, выходящихъ изъ него подъ малыми парусами. Въ это время къ *Орфею* приблизился *Штандартъ*, и оба судна легли въ дрейфъ для наблюденія за непріятелемъ. Послѣ выхода полностью всего турецкаго отряда въ море, *Орфей* пошелъ съ донесеніемъ въ Сизополь, а *Штандартъ* остался для дальнѣйшей развѣдки намѣреній непріятеля. Однако за ночь онъ потерялъ изъ виду турецкій флотъ и на другой день, при подходѣ отряда Скаловскаго, вторично убѣдившись, что въ Босфорѣ находится лишь 5 большихъ судовъ, доложилъ, что часть турецкаго флота наканунѣ вышла къ Анатолійскимъ берегамъ.

Вслѣдствіе этого Скаловскій, присоединивъ къ своему отряду *Штандартъ* и *Поспѣшный*, отправился къ Пендеракліи для отысканія непріятеля, нисколько не смущаясь тѣмъ, что оставляетъ Босфоръ и остальную, большую часть турецкаго флота безъ всякаго наблюденія. Съ донесеніемъ объ этомъ Грейгу онъ отправилъ *Меркурій*, который присоединился къ нему уже въ морѣ, такъ какъ съ полученіемъ донесенія отъ брига *Орфей* Грейгъ съ кораблями *Парижъ, Императоръ Францъ, Императрица Марія, Чесма, Нордъ-Адлеръ*, фрегатомъ *Флора* и бригомъ *Ганимедъ* вышелъ въ 3 часа дня 26-го апрѣля изъ Сизополя къ Босфору.

Одобривъ вполнѣ распоряженія Скаловскаго, т.-е. и оставленіе Босфора безъ наблюденія въ то время, когда изъ него вышла только часть турецкаго флота, Грейгъ отправилъ для подкрѣпленія его отряда корабль *Нордъ-Адлеръ* и бригъ *Меркурій*, а фрегатъ *Флора* и бригъ *Ганимедъ* послалъ къ Босфору убѣдиться, дѣйствительно ли часть турецкаго флота находится внѣ пролива. Самъ же рѣшилъ остаться на высотѣ Инады, не найдя нужнымъ даже въ этомъ случаѣ заблокировать Босфоръ, чтобы отрѣзать отступленіе непріятелю.

30-го числа *Флора* вернулась къ флоту съ донесеніемъ, что весь турецкій флотъ находится въ проливѣ на якорѣ. Грейгъ отправилъ

[1]) Это извѣстіе было доставлено бригомъ *Меркурій* въ Сизополь Грейгу лишь 19-го числа, т. к. первоначально онъ отправился въ Севастополь, гдѣ только и узналъ о выходѣ Грейга въ Сизополь.

Орфей къ Анатолійскимъ берегамъ сообщить объ этомъ Скаловскому, а самъ, пользуясь случаемъ нахожденія на высотѣ Агатополя, рѣшилъ сдѣлать нападеніе на него «для истребленія обороны этого пункта, чтобы, во-первыхъ, лишить турокъ одного изъ укрѣпленныхъ городовъ и, во-вторыхъ, избавить жителей отъ пребыванія въ немъ непріятельскихъ войскъ», о чемъ пріѣзжала въ Сизополь просить Грейга депутація отъ жителей этого города.

Для этого были назначены фрегаты *Рафаилъ* (пришелъ изъ Севастополя) и *Флора*, и яхта *Утѣха*, и 300 человѣкъ десанта съ кораблей. Грейгъ самъ подробно разработалъ инструкцію и диспозицію для нападенія, но экспедиція изъ-за внезапнаго шквала отъ N не удалась, и суда на другой день вернулись къ флоту. Тогда Грейгъ отправился въ Сизополь, куда и прибылъ 3-го мая.

Между тѣмъ Скаловскій непріятеля въ морѣ не встрѣтилъ, а, узнавъ, изъ опроса плѣнныхъ грековъ съ захваченныхъ въ мѣстечкѣ

шили двухъ коммерческихъ судовъ [1]), что въ Пендеракліи вооружается линейный турецкій корабль, а въ Акчесарѣ строится и готовится къ спуску 26-пушечный корветъ, рѣшилъ завладѣть этими судами, или въ крайнемъ случаѣ ихъ истребить.

3-го мая отрядъ подошелъ къ м. Баба, ограничивающему рейдъ Пендеракліи съ сѣвера. Осмотрѣвъ рейдъ и всѣ защищающія адмиралтейство батареи, Скаловскій назначилъ для нападенія ночь на 4-е мая, указавъ кораблямъ *Нордъ-Адлеръ* и *Іоаннъ Златоустъ* мѣста противъ главныхъ батарей, фрегату *Штандартъ* — противъ города, фрегату *Поспѣшный* — противъ строющагося корабля, для сбора гребныхъ судовъ, назначенныхъ въ абордажъ.

Ясная лунная ночь, значительные отряды войскъ, выставленные турками для защиты корабля, открывшіе убійственный огонь по приближающимся шлюпкамъ, и предположеніе, что корабль стоитъ на мели, заставили Скаловскаго измѣнить свое рѣшеніе взять корабль на абордажъ и, во избѣжаніе большихъ потерь,—вернуть гребныя суда. На утро было приступлено къ уничтоженію корабля артиллерійскимъ огнемъ, но произвести на немъ пожаръ брандскугелями не удалось. Поэтому на слѣдующую ночь, по выбору изъ охотниковъ, мичманъ Трескинъ и кондукторъ корпуса флотскихъ штурмановъ Черкасовъ были назначены для поджога корабля съ шлюпки. Въ 10 часовъ вечера они подошли къ кораблю, прибили въ нѣсколькихъ мѣстахъ по борту пеньковые кранцы, облили ихъ смолой и зажгли. Вмѣстѣ съ кораблемъ были истреблены стоявшій рядомъ военный транспортъ и 15 турецкихъ коммерческихъ судовъ. Корветъ въ Акчесарѣ былъ уничтоженъ 6 мая фрегатомъ *Поспѣшный* и бригомъ *Мингрелія*.

Послѣ этого отрядъ отправился прямо въ Сизополь, куда и прибылъ 11-го мая. За время этого похода бригомъ *Орфей* были взяты гребными судами на абордажъ еще три турецкихъ транспорта, стоявшихъ ошвартовленными въ бухтѣ Кирпени, несмотря на энергичную защиту турокъ съ берега этихъ судовъ, и приведены въ Сизополь.

Эти дѣйствія судовъ отряда Скаловскаго у Анатолійскихъ береговъ вызвали снова выходъ турецкихъ судовъ въ море. 6-го мая турецкій корабль, фрегатъ и бригъ вышли изъ Босфора и погнались за бригомъ *Ганимедъ*, крейсеровавшемъ у пролива, но онъ успѣлъ благополучно отъ нихъ уйти и на другой день, прибывъ въ Сизополь, доложилъ Грейгу о выходѣ турецкихъ судовъ и погонѣ, но, до возвращенія отряда Скаловскаго, ни одинъ изъ кораблей для блокады пролива отправленъ не былъ. Только 12-го мая, вернувшіеся отъ Анатолійскихъ береговъ, фрегатъ *Штандартъ*, бриги *Орфей* и *Меркурій* были вновь возвращены къ Босфору.

---

[1]) При этомъ 7 другихъ, какъ стоявшіе на мели, были истреблены огнемъ.

В. Выходъ всего турецкаго флота въ море. Бой брига Меркурій.

Такимъ образомъ, цѣлую недѣлю, съ 6-го по 13-е мая, когда возможно было ожидать выхода всего турецкаго флота въ море, у пролива не было даже наблюденія. Между тѣмъ, разгромъ, произведенный по Анатолійскому берегу отрядомъ Скаловскаго, заставилъ, наконецъ, турокъ, пользуясь отсутствіемъ всякаго за ними наблюденія, выйти со всѣмъ флотомъ въ море и, конечно, къ Анатолійскимъ берегамъ, гдѣ они ожидали встрѣтить отрядъ Скаловскаго.

11-го мая, когда отрдъ Скаловскаго входилъ уже на Сизопольскій рейдъ, турецкій флотъ, въ количествѣ 18 вымпеловъ (6 кораблей, изъ которыхъ 1—100-пуш., 4 — 74-пуш. и 1 — 60-пуш., 3 фрегата и 9 мелкихъ судовъ), вышелъ изъ пролива и направился на востокъ.

На другой день на высотѣ Пендеракліи онъ захватилъ сдавшійся въ плѣнъ фрегатъ *Рафаилъ*, шедшій въ крейсерство къ Синопу, послѣ чего повернулъ обратно къ проливу, и на разсвѣтѣ 14-го мая у самаго Босфора сошелся съ фрегатомъ *Штандартъ* и бригами *Орфей* и *Меркурій*, отправленными для наблюденія за непріятелемъ. Замѣтивъ крейсера, турки немедленно устремились за ними въ погоню, а фрегатъ и бриги повернули обратно въ Сизополь, убѣдившись, что за ними гонится весь турецкій флотъ.

Лучшимъ ходокамъ, *Штандарту* и *Орфею*, удалось уйти, а *Меркурій* вскорѣ былъ настигнутъ двумя кораблями — 110-пуш. Капудана-паши (главнокомандующаго) и 74-пуш. — контръ-адмиральскимъ. Въ исходѣ 2-го часа для *Меркурія* выяснилась полная невозможность уйти отъ погони.

Обойдя по очереди всѣхъ офицеровъ для опроса ихъ мнѣнія, командиръ, кап.-лейт. Казарскій, убѣдился въ полномъ ихъ единодушіи о необходимости принять бой, не взирая на неравенство силъ. Младшій изъ офицеровъ, поручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Прокофьевъ первый предложилъ взорвать бригъ, свалившись съ однимъ изъ непріятельскихъ кораблей, когда будетъ сбитъ рангоутъ, откроется сильная течь и бригъ будетъ лишенъ возможности сопротивляться. Мнѣніе это было принято всѣми офицерами единогласно.

Приказавъ подать себѣ заряженный пистолетъ и положивъ его на шпиль, командиръ послѣ этого нѣсколькими яркими словами объяснилъ командѣ ихъ долгъ передъ Государемъ и поднялъ ихъ духъ до энтузіазма.

Въ половинѣ третьяго часа турки приблизились на пушечный выстрѣлъ и снаряды ихъ стали попадать въ паруса и такелажъ брига, а одинъ попалъ въ весла, выбивъ нѣсколько гребцовъ съ банокъ. Казарскій, сидѣвшій на борту на ютѣ для наблюденія за непріятелемъ и не разрѣшавшій еще открывать огня, чтобы не тратить даромъ снарядовъ, видя замѣшательство и недоумѣніе команды, немедленно успокоилъ ихъ, сказавъ: «что вы, ребята. Ничего. Пускай пугаютъ — они ве-

зутъ намъ Георгія...». Приказавъ затѣмъ открыть ретирадные порты, обрубить кормовой яликъ, Казарскій, чтобы не убирать веселъ и не отвлекать слишкомъ рано команды отъ работы, самъ съ офицерами открылъ огонь изъ ретираднаго орудія.

Только когда 110-пуш. корабль Капуданъ-паши сталъ спускаться, чтобы дать, повидимому, продольный залпъ съ всего борта, когда необходимо было управленіемъ судна избѣжать невыгоднаго положенія, командиръ приказалъ убрать весла и пробилъ боевую тревогу.

Вскорѣ, однако, оба турецкихъ корабля расположились все же съ обоихъ бортовъ брига, поставивъ его въ два огня, и дали по немъ два залпа, послѣ чего съ 110-пуш. корабля закричали по-русски: «Сдавайся, убирай паруса!». Но въ отвѣтъ на это съ брига открыли при громогласномъ «ура» огонь изъ всѣхъ орудій и ружей.

Флигель-адъютантъ капитанъ 2-го ранга *Александръ Ивановичъ Казарскій.* **(Съ портрета въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго).**

Въ результатѣ турки убрали съ марсовъ и реевъ приготовленныя абордажныя партіи и съ борту лишнихъ людей и сдались нѣсколько назадъ, продолжая громить бригъ изъ всѣхъ орудій.

Конечно, скоро *Меркурій* былъ совершенно избитъ, паруса были разорваны, нѣсколько разъ уже возникалъ пожаръ, отъ подводныхъ пробоинъ въ трюмѣ стала прибывать вода. Положеніе становилось все болѣе затруднительнымъ, но Казарскій, воодушевляя команду, продолжалъ бой съ вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ.

Наконецъ, въ началѣ шестого часа удачными выстрѣлами съ брига—у трехдечнаго (110-пуш.) корабля Капудана-паши былъ перебитъ ватеръ-штагъ и повреждена гротъ - брамъ - стеньга, вслѣдствіе чего онъ убавилъ паруса, отсталъ и, наконецъ, легъ въ дрейфъ. У *Меркурія* остался всего одинъ врагъ — 74-пуш. корабль, расположившійся за кормою и бившій все время, мѣняя галсы, ужасными продольными залпами. Избавиться отъ него бригу удалось лишь около 6-ти часовъ счастливымъ случаемъ, перебивъ форъ-брамъ-рей и нокъ форъ-марса-рея, который паденіемъ своимъ увлекъ лисели. Тогда и этотъ корабль привелъ въ бейдевиндъ и легъ на дрейфъ. Громогласное, побѣдоносное «ура» было отвѣтомъ съ брига, когда, наконецъ, послѣдній корабль отсталъ и бросилъ погоню.

Инстинктивнымъ, невольнымъ порывомъ команда собралась вокругъ своего, контуженнаго въ бою, командира на шканцахъ и со сле-

зами на глазахъ, снявъ шапки, молилась Богу съ благодарностью за спасеніе и малое количество жертвъ — убитыхъ было только 4 человѣка, а раненыхъ — 6. Зато состояніе корпуса и рангоута брига было ужасно: пробоинъ въ корпусѣ было 22, въ рангоутѣ — 16, въ парусахъ — 133, въ такелажѣ — 148, разбиты были всѣ гребныя суда, вся палуба была завалена осколками, обломками.

Въ такомъ видѣ *Меркурій* на другой день около 5 час. дня присоединился къ флоту, уже вышедшему изъ Сизополя.

Между тѣмъ, другіе два крейсера, выйдя изъ сферы погони турецкаго флота, направились: фрегатъ *Штандартъ*—въ Сизополь, а бригъ *Орфей* остался въ морѣ и продолжалъ наблюденіе за турецкимъ флотомъ до входа его въ Босфоръ 16-го числа около 5 часовъ дня.

Получивъ извѣстіе отъ *Штандарта* о выходѣ турецкаго флота, Грейгъ со всѣмъ флотомъ въ 2½ часа дня 15-го мая вышелъ въ море и направился къ Босфору.

Къ вечеру, послѣ присоединенія *Меркурія* къ флоту и отправки его въ Сизополь для исправленія полученныхъ въ бою поврежденій, бомбардирскія суда были посланы къ Агатополю, фрегатъ *Флора* и бригъ *Ганимедъ* — къ Босфору, а флотъ продолжалъ свой походъ туда же, но значительно мористѣе.

На другой день присоединившійся къ флоту изъ Сизополя пароходъ *Метеоръ* также былъ посланъ къ Босфору на развѣдку: 17-го мая онъ донесъ, что турецкій флотъ въ числѣ 11 линейныхъ и 20 малыхъ судовъ стоитъ на якорѣ около Буюкъ-дере, и что по приближеніи парохода къ проливу по немъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ съ батарей азіатскаго берега.

18-го числа флотъ, ожидавшій выхода непріятеля въ море, продержался сутки на меридіанѣ пролива, но, однако, внѣ видимости его береговъ, а на другой день лавировалъ далѣе параллельно Анатолійскому берегу до траверса Пендеракліи. Въ этомъ районѣ онъ прокрейсеровалъ до 22 числа, когда, узнавъ отъ опрошеннаго коммерческаго судна, что турки останутся въ Буюкъ-дере для празднованія Байрама, направился къ Агатополю для новой попытки «освободить тяготившихся пребываніемъ турокъ въ городѣ жителей», но и здѣсь потерпѣлъ неудачу, такъ какъ сильная, поднявшаяся отъ NO зыбь, не допустила высадки. Поэтому флотъ 24-го мая, подойдя на видимость Агатополя, повернулъ къ Сизополю, куда и прибылъ 26-го числа въ 5 часовъ утра.

Г. Слѣдующіе выходы турецкаго флота въ море.

Празднованіе турками Байрама было рѣшено адмираломъ Грейгомъ использовать для отдыха и Черноморскаго флота на Сизопольскомъ рейдѣ, послѣ «столь тяжелаго» похода, и подготовкой значительно болѣе «серьезныхъ» экспедицій для захвата «стратегически важ-

ныхъ пунктовъ» и... освобожденія отъ турецкаго владычества жителей прибрежныхъ городовъ, какъ-то: Василико, Агатополя, Мессемврін, Ахіоло, дер. Санъ-Стефано, присылавшихъ неоднократно депутаціи къ Грейгу съ этими просьбами.

Между тѣмъ, турки къ моменту возвращенія русскаго флота въ Сизополь успѣли отпраздновать Байрамъ, и 26-го числа около 3 часовъ пополудни появились снова въ морѣ, въ числѣ 6 кораблей, 3 фрегатовъ и 9 малыхъ судовъ и цѣлые сутки преслѣдовали опять одинъ изъ крейсеровъ, фрегатъ *Флору*, а 27-го вошли въ проливъ. Извѣстіе объ этомъ принесъ въ Сизополь бригъ *Орфей* 28-го мая въ полдень, но оно не вызвало никакихъ измѣненій въ предположеніяхъ Грейга, продолжавшаго готовиться къ экспедиціи въ Агатополь и Василико. 30-го мая подъ вечеръ *Орфей* вновь былъ возвращенъ къ Босфору, а на смѣну фрегата *Флора* еще 27-го мая былъ отправленъ фрегатъ *Поспѣшный*.

Этотъ послѣдній, встрѣтивъ 30-го мая у Инады фрегатъ *Флору*, узналъ отъ него о новомъ выходѣ турецкаго флота въ море — 28-го числа. По сообщенію командира *Флоры*, капитанъ-лейтенанта Баскакова, онъ 28-го числа около 4 часовъ пополудни, придя на видъ Киліи замѣтилъ 2 большихъ непріятельскихъ судна. Къ ночи онъ отошелъ отъ пролива, а на другой день на разсвѣтѣ, находясь въ 28 миляхъ отъ Босфора въ туманѣ, услышалъ къ югу пушечные выстрѣлы и, когда туманъ разошелся, увидалъ весь турецкій флотъ, въ числѣ 16 судовъ, идущій прямо на фрегатъ. Баскаковъ взялъ курсъ на сѣверъ и нашедшая вскорѣ вновь полоса тумана счастливо помогла скрыться фрегату отъ непріятеля, послѣ полудня повернувшаго обратно къ проливу, что было усмотрѣно съ салинга фрегата.

31-го мая фрегатъ *Поспѣшный*[1]) усмотрѣлъ третій по счету послѣ Байрама, за пять дней, выходъ турецкаго флота въ море. Убѣдившись, по сближеніи съ непріятелемъ, что въ составѣ его находится 11 судовъ, *Поспѣшный* легъ на NW для удаленія отъ быстро приближавшихся передовыхъ кораблей непріятеля. И на этотъ разъ быстро наступившая ночь спасла въ третій разъ наши крейсера отъ новаго неравнаго боя. На другой день фрегатъ, встрѣтивъ бригъ *Орфей*, отправилъ его къ проливу, а самъ поспѣшилъ съ донесеніемъ въ Сизополь, куда и прибылъ 2-го іюня въ 5 ч. утра.

Эти донесенія, повидимому, мѣшавшія Грейгу готовиться къ важнѣйшимъ предпріятіямъ, совершенно раздражили его, такъ какъ онъ, вмѣсто выхода къ Босфору для боя съ непріятелемъ, вновь отправилъ фрегатъ *Поспѣшный* для «наблюденія» за непріятелемъ со слѣдующей инструкціей: «крейсерамъ, находящимся у пролива, не иначе оставлять посты свои для увѣдомленія адмирала о выходѣ турецкаго флота, какъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда онъ будетъ отъ пролива въ разстояніи 40 миль; 2) когда вѣтеръ не дозволитъ непріятелю возвра-

[1]) Въ командованіе фрегатомъ *Поспѣшный* 26 мая вступилъ произведенный за бой *Меркурія* въ капитаны 2 ранга и зачисленный въ флигель-адъютанты—Казарскій.

Бой брига „Меркурій“ 14-го мая 1829 года съ 2-мя Турецкими линейными кораблями.

титься въ Босфоръ, и 3) когда турецкій флотъ возьметъ направленіе къ О-сту вдоль береговъ Анатоліи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ будетъ находиться вблизи пролива и имѣть средство войти въ него, тогда стараться завлекать непріятеля далѣе, въ особенности къ Пендеракліи, и въ такомъ случаѣ, одинъ изъ крейсеровъ долженъ остаться для наблюденія за нимъ, другой спѣшить съ донесеніемъ къ адмиралу [1])».

Умѣстность и исполнимость этой инструкціи были оправданы въ тотъ же день.

Не успѣлъ еще *Поспѣшный* уйти далеко отъ флота, какъ въ 7 часовъ вечера, обогнувъ островъ Киріосъ, ограничивающій Сизопольскій рейдъ, репетовалъ сигналъ находящагося въ виду его брига *Орфей*: «вижу непріятеля». И вслѣдъ затѣмъ сообщилъ телеграфомъ, что *Орфей* палитъ безпрестанно. Адмиралъ Грейгъ отправилъ для опроса брига пароходъ *Метеоръ*, и затѣмъ приказалъ свозить обратно на берегъ принятые на корабли для десантной экспедиціи Камчатскій полкъ, туры, фашины и пр. Только въ 11 ч. ночи, когда съ острова Киріоса вторично донесли, что въ морѣ слышна непрерывная стрѣльба, Грейгъ приказалъ сниматься съ якоря ближайшимъ къ выходу кораблю *Пименъ* фрегатамъ *Флора* и *Штандартъ*, и идти на соединеніе съ бригомъ *Орфей*, а послѣ полночи вышли въ море съ Грейгомъ и корабли *Парижъ*, *Императрица Марія*, *Парменъ*, *Іоаннъ Златоустъ*, *Нордъ-Адлеръ*.

Въ 9 ч. утра къ флоту присоединились корабль *Чесма*, фрегатъ *Поспѣшный* и бригъ *Орфей*, при чемъ послѣдній донесъ, что непріятельскій флотъ въ числѣ 17 вымпелевъ, съ момента подхода его къ Босфору 1-го іюня, гнался за нимъ 2 сутокъ до мыса Зейтанъ, лежащаго при входѣ въ Фаросскій заливъ, въ 10 миляхъ отъ Сизополя, и что только выходъ всего флота спасъ его отъ непріятеля, такъ какъ турецкій флотъ лишь въ полночь повернулъ обратно къ проливу.

Несмотря на это флотъ адмирала Грейга не нагналъ непріятеля.

Послѣ полудня фрегаты *Поспѣшный* и *Флора* были отправлены къ Босфору для «наблюденія» за турецкимъ флотомъ, а фрегатъ *Штандартъ* и бригъ *Орфей* — къ Синопу, для крейсерства между этимъ пунктомъ и Пендеракліей, чтобы прекращеніемъ между ними сообщеній,привлечь турецкій флотъ къ берегамъ Анатоліи. Самъ же адмиралъ Грейгъ счелъ за лучшее не рисковать всѣмъ флотомъ, и при N-хъ и NW-ыхъ вѣтрахъ (т.-е. наиболѣе выгодныхъ для погони — попутныхъ) держался на высотѣ Инады. Черезъ 2 сутокъ адмиралъ Грейгъ «не могъ уже болѣе сомнѣваться», что турецкій флотъ при попутныхъ вѣтрахъ вошелъ въ проливъ, и рѣшилъ вернуться въ Сизополь, гдѣ всталъ на якорь 6-го іюня.

При этомъ только теперь Грейгъ догадался о необходимости организаціи, но не блокады, а скорѣйшей передачи извѣстій отъ крейсеровъ. Для этого были назначены еще 3 промежуточныхъ поста для крей-

[1]) *Мелиховъ*. „Морск. Сб.“. 1850 г. Іюнь, стр. 504.

серства: одинъ — у Инады, одинъ — у Агатополя и послѣдній въ виду Сизополя. Извѣстія о выходѣ непріятеля въ море крейсера у Босфора должны были, согласно этой инструкціи, передавать постепенно отъ одного крейсера къ другому. При этомъ на посты у Инады и Агатополя были назначены корабли, а къ Босфору — попрежнему фрегатъ и бригъ [1]).

Но эта мѣра уже оказалась запоздалой — выходъ 1—2-го іюня оказался послѣднимъ выходомъ турецкаго флота въ Черное море. Съ этого момента и до конца войны онъ простоялъ безвыходно въ Буюкъдере.

Семь разъ за 1½ мѣсяца пребыванія флота адмирала Грейга въ Сизополѣ ему представлялась возможность разбить турецкій флотъ, свободно ходившій по Черному морю и даже приближавшійся на разстояніе 10 миль къ нашей базѣ, но Грейгъ не только не воспользовался ни однимъ случаемъ, но даже не воспротивился ни разу ни выходу, ни возвращенію его въ Босфоръ.

Этимъ, собственно говоря, кончился періодъ военно-морскихъ операцій на Черномъ морѣ въ кампанію 1829 года, такъ какъ во вторую половину кампаніи прямой и главнѣйшій объектъ военныхъ дѣйствій нашего флота — непріятельская морская сила на Черномъ морѣ не появлялась [2]).

Только что созданный, послѣ Наваринскаго боя, за первый годъ войны турецкій флотъ къ кампаніи 1829 года по численности и силѣ не представлялъ изъ себя, какъ было видно выше, такой величины, которой мы имѣли бы право пренебречь. Турки имѣли только на 3 линейныхъ корабля меньше, чѣмъ мы, и въ бою силы легко могли оказаться и равными, такъ какъ русскій флотъ былъ значительно, особенно во вторую половину кампаніи, ослабленъ какъ болѣзнями (чумой), такъ и береговыми операціями и обслуживаніемъ базы и тыла.

Всѣ эти выходы турецкаго флота въ море, и въ особенности подходъ 2 іюня почти къ самому Сизополю, показываютъ постоянную, планомѣрную подготовку турецкаго флота къ боевому столкновенію. Переносъ центра тяжести борьбы съ берегового на морской театръ войны въ 1829 году показываетъ глубокое пониманіе у турокъ стратегической обстановки и значенія владѣнія Чернымъ моремъ для исхода войны. При этихъ условіяхъ отказъ турецкаго флота отъ дальнѣйшей борьбы становится непонятнымъ, и единственно можетъ быть объясненъ признаніемъ имъ своей слабости передъ моральной высотой духа русскаго флота, проявленнаго подвигомъ брига *Меркурій*. Сохранилось письмо штурмана съ 74-пуш. турецкаго корабля, дравшагося съ *Меркуріемъ*, подтверждающее указанную мысль. Заканчивая описаніе

---

[1]) *Мелиховъ*. „Морск. Сб.“, 1850 г. Іюнь, стр. 506.

[2]) Главнымъ затрудненіемъ при изученіи военныхъ дѣйствій флотовъ на Черномъ морѣ является отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній о дѣйствительномъ состояніи турецкаго флота, его плановъ и намѣреній.

боя, онъ пишетъ: «Дѣло неслыханное и невѣроятное. Мы не могли заставить его *(Меркурія)* сдаться; онъ дрался ретируясь и маневрируя со всѣмъ искусствомъ опытнаго военнаго капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сраженіе и онъ со славою продолжалъ свой путь. Въ продолженіе сраженія, командиръ русскаго фрегата (*Рафаила*, взятаго въ плѣнъ 12 мая), говорилъ мнѣ, что капитанъ сего брига никогда не сдастся, и если онъ потеряетъ всю надежду, то тогда взорветъ бригъ свой на воздухъ. Ежели въ великихъ дѣяніяхъ древнихъ и нашихъ временъ находятся подвиги храбрости, то сей поступокъ долженъ всѣ оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храмѣ Славы: онъ называется капитанъ-лейтенантъ Казарскій, а бригъ — *Меркурій*. Съ 20 пушками, не болѣе, онъ дрался противъ 220 въ виду непріятельскаго флота, бывшаго у него на вѣтрѣ».

Д. Военныя дѣйствія нашего флота во вторую половину кампаніи.

Во вторую половину кампаніи русскій флотъ, кромѣ указанной выше мѣры — отправки въ крейсерство къ Синопу фрегата *Штандартъ* и брига *Орфей*, для отвлеченія къ Анатолійскимъ берегамъ турецкаго флота, 17-го іюня, съ разсвѣтомъ, снялся съ якоря и при тихомъ SSO сталъ лавировать къ SO, но до 19-го числа не успѣлъ выйти изъ Фаросскаго залива.

Около полудня катеръ *Ласточка* доставилъ Грейгу сообщеніе главнокомандующаго арміей о появленіи чумы въ Варнѣ и Коварнѣ и назначеніи вслѣдствіе сего Сизополя пріемнымъ пунктомъ для склада продовольствія арміи, съ просьбой принятія мѣръ для выгрузки зафрахтованныхъ судовъ и предохраненія ихъ отъ покушенія непріятеля. Въ виду этого Грейгъ рѣшилъ возвратиться со всѣмъ флотомъ въ Сизополь, куда и прибылъ къ 4 часамъ дня.

Слѣдующій выходъ былъ произведенъ 23-го іюня. Съ Грейгомъ вышли къ Босфору 5 кораблей, фрегатъ и бригъ. По мѣрѣ движенія впередъ къ нему присоединялись суда, находившіяся въ крейсерствѣ— 2 корабля, 3 фрегата и 2 брига.

Въ полдень 26-го числа флотъ подошелъ къ проливу на 34 мили и здѣсь получилъ отъ фрегата *Поспѣшный* донесеніе, что у самаго пролива, не далѣе 5-мильнаго разстоянія, держатся два турецкихъ корабля, фрегатъ и бригъ. Грейгъ выдѣлилъ сейчасъ же 3 корабля, подъ командой контръ-адмирала Скаловскаго, къ проливу для уничтоженія этого отряда, но послѣдній, увидѣвъ весь русскій флотъ, конечно, сейчасъ же вошелъ обратно въ проливъ.

28-го числа флотъ подошелъ на 12-мильное разстояніе къ проливу и соединился съ отрядомъ Скаловскаго, но въ тотъ же день, въ виду паденія барометра, направился на сѣверъ. При перемѣнныхъ тихихъ вѣтрахъ Грейгъ до 1-го іюля держался этимъ курсомъ, когда, получивъ извѣстіе, что въ его распоряженіи для усиленія Сизопольскаго гарни-

зона назначена 12 пѣхотная дивизія, направился съ 3 кораблями и фрегатомъ опять къ Сизополю, оставивъ остальныя суда подъ начальствомъ контръ-адмирала Скаловскаго для крейсерства у пролива и Анатолійскаго побережья.

8-го іюля на южныхъ склонахъ Балканъ появились первые отряды авангарда русской арміи, и Грейгъ немедленно перешелъ къ сѣверному берегу Фаросскаго залива для содѣйствія арміи въ занятіи Мессемвріи, Ахіоло, Бургаса. Къ 12-му іюля всѣ эти пункты были заняты арміей и флотъ вернулся въ Сизополь. 16-го іюля адмиралъ Грейгъ возвратилъ также отрядъ Скаловскаго для пополненія запасовъ воды и провизіи.

Это 2-недѣльное крейсерство у Босфора и Анатоліи отряда Скаловскаго было единственнымъ временемъ полной дѣйствительной блокады пролива, вслѣдствіе чего не только турецкій флотъ не показывался въ морѣ, но и было совершенно прекращено сообщеніе Константинополя съ Анатоліей. Но Грейгъ и этого не учелъ, такъ какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи въ Сизополѣ 5 кораблей, 2 фрегата и мелкія суда, на смѣну ему отправилъ всего одинъ корабль, т.-е. опять не для блокады, а лишь для пассивнаго наблюденія.

Дальнѣйшее движеніе арміи къ Адріанополю заставило главнокомандующаго потребовать содѣйствія флота для занятія послѣдующихъ прибрежныхъ пунктовъ — Агатополя, Василико, Санъ-Стефано, Инады, Мидіи, что и было выполнено послѣдовательно различными отрядами, главнымъ образомъ, фрегатовъ и бриговъ, къ 17-му августа. За это время флотъ держался въ морѣ подъ парусами на высотѣ Инады и Мидіи.

20-го августа Грейгъ получилъ извѣстіе отъ главнокомандующаго арміей объ открытіи мирныхъ переговоровъ въ Адріанополѣ, но, несмотря на это, такъ какъ наканунѣ ему же было сообщено, что, во исполненіе непремѣнной воли Султана, турецкій флотъ долженъ выйти въ море, Грейгъ 21-го августа съ 7 кораблями отправился къ проливу, но, такъ какъ по приходѣ на меридіанъ Босфора вѣтеръ отошелъ къ сѣверу и выяснилось, что запасъ воды на судахъ приходитъ къ окончанію, Грейгъ опять вынужденъ былъ вернуться въ Сизополь, продержавшись всего одни сутки не ближе 25 миль отъ Босфора.

Война кончилась. Турецкій флотъ такъ и не вышелъ въ море и Грейгъ лишенъ былъ послѣдней возможности случайно встрѣтиться съ непріятелемъ въ морѣ въ бою.

Только въ серединѣ сентября, когда ожидалась со дня на день ратификація договора, Грейгъ показалъ свою окончательную рѣшимость, отвѣтивъ на запросъ главнокомандующаго о возможности вновь начала военныхъ дѣйствій по случаю непокорности нѣкоторыхъ турецкихъ пашей и несоблюденія ими условій перемирія, предложеніемъ организовать десантную экспедицію въ Босфоръ.

Но дѣйствительно ли такъ реально близка была возможность осуществленія ея?

Обращаясь къ общему обзору дѣйствій флота въ эту войну, нельзя не поразиться слѣдующимъ противорѣчіемъ.

Со стороны высшаго командованія во флотѣ за 2 года войны не было принято ни одного правильнаго рѣшенія, не выполнено ни одного дѣйствія по главной цѣли флота — для утвержденія господства на морѣ.

Отсутствіе за 2 года войны хотя-бы одной встрѣчи непріятельскихъ флотовъ объяснялось боязнью турокъ, ихъ нерѣшительностью, когда они стояли въ Босфорѣ, и постояннымъ покровительствовавшимъ имъ счастьемъ, дававшимъ имъ всегда возможность избѣжать встрѣчи съ нашимъ флотомъ, когда они выходили въ море.

Даже черезъ 20 лѣтъ послѣ войны, вице-адмиралъ Мелиховъ, бывшій во время войны начальникомъ штаба Черноморскаго флота, проповѣдывалъ именно эти взгляды. Въ заключительной главѣ своего «Описанія дѣйствій Черноморскаго флота въ продолженіи войны съ Турціей въ 1828 и 1829 гг.» онъ пишетъ: «Безуспѣшность поисковъ за турецкимъ флотомъ можетъ, съ перваго взгляда, быть приписана недостатку дѣятельности, но безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ докажетъ, что причина, по которой мы ни одного раза не были въ состояніи встрѣтиться съ непріятелемъ въ морѣ заключалась въ одномъ — *изумительномъ благопріятномъ для турокъ стеченіи обстоятельствъ, что тутъ не было ничего, кромѣ счастья, противъ котораго безсильны и искусство и опытность*».

Переходя затѣмъ къ объясненію каждаго частнаго случая выхода турецкаго флота въ море, онъ всѣ ихъ объясняетъ — случаемъ, счастьемъ. Счастье и вина командира отдала фрегатъ *Рафаилъ* туркамъ — вотъ единственное объясненіе причинъ неудачи дѣйствій флота.

Но не такова была картина дѣйствій личнаго состава флота, въ особенности младшаго команднаго и офицерскаго состава, командировъ, офицеровъ и командъ фрегатовъ, бриговъ, шкунъ, катеровъ, вынесшихъ всю тяжесть войны на своихъ плечахъ.

Постоянныя крейсерства ихъ въ морѣ у Босфора, Анатоліи, Румеліи, Кавказа, безпрерывныя развѣдки и наблюденія за непріятелемъ во всякую погоду и подъ постоянной угрозой погибнуть въ неравномъ бою, лихіе поиски по берегамъ непріятеля, атаки и десанты на укрѣпленные пункты, уничтоженіе непріятельскихъ военныхъ и коммерческихъ судовъ — это длинная эпопея подвиговъ *Меркурія, Орфея, Флоры, Поспѣшнаго, Сокола, Пегаса, Ганимеда* и другихъ.

Имя Казарскаго сохранилось на-вѣки, но всѣ остальные скромные герои: Колтовской, Баскаковъ, Вукотичъ, Васенко, Трескинъ, Черкасовъ и цѣлый легіонъ — забыты. Откуда взялись они?

Въ славную столѣтнюю годовщину Отечественной войны нельзя не помянуть, что это были ихъ наслѣдники, преемники ихъ славы. Это была молодежь, взрощенная въ моментъ высокаго патріотическаго подъема родины, жившая подвигами героевъ, побѣдившихъ генія-полковод

ца. Въ первую же годину новыхъ испытаній они проявили тотъ же духъ геройства, показали, что достойны своихъ предковъ.

Этотъ несокрушимый духъ русскаго народа — умѣнье умирать и побѣждать, они еще болѣе закалили и утвердили въ непрерывныхъ крейсерствахъ у Кавказскихъ береговъ — въ 25-лѣтней борьбѣ за Кавказъ, въ борьбѣ съ морской стихіей и, какъ драгоцѣнную ношу, донесли до Синопа и Севастопольскихъ стѣнъ.

Тѣмъ обиднѣе, больнѣе, что эта сила не была использована.

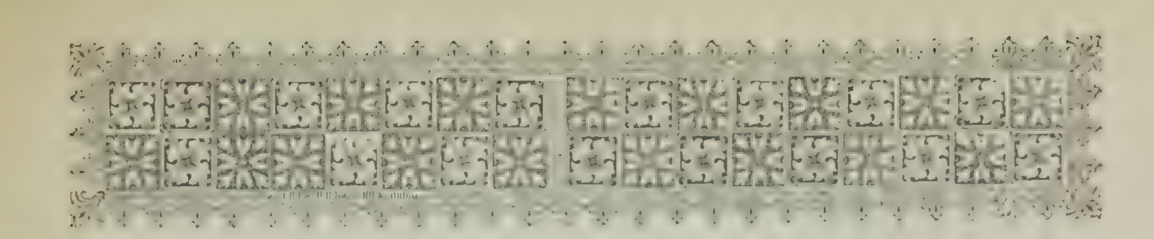
Приговоръ судьбы былъ справедливъ, но суровъ. *Флотъ, не умѣвшій реально владѣть моремъ и отказавшійся отъ борьбы за него, потерялъ право на свое существованіе.*

И море у стѣнъ Севастополя поглотило его.

[illegible]

III. Военная помощь Турціи въ 1833 году. Унніаръ-Искелесійскій договоръ.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ.**

Возстаніе Мехметъ-Али, паши Египетскаго, противъ Султана, поддержанное Франціей и разразившееся въ 1832 году, побудило Императора Николая I выступить на защиту Турціи. Государь справедливо опасался, что въ случаѣ успѣха Мехмета-Али, неизбѣжное низверженіе Султана уничтожитъ всѣ выгоды, пріобрѣтенныя Россіей по Адріанопольскому миру и приведетъ къ преобладанію въ Константинополѣ Франціи. Первой мѣрой, принятой Государемъ въ этомъ направленіи, было отозваніе русскаго дипломатическаго агента изъ Александріи и воспрещеніе нашимъ судамъ «всѣхъ тѣхъ сношеній» съ египетскими портами, «которыя могли бы служить пособіемъ пашѣ египетскому».

Когда же Мехметъ-Али занялъ войсками почти всю Малую Азію и сталъ угрожать самому Константинополю, Императоръ Николай предложилъ Султану содѣйствіе Россіи въ склоненіи къ миру Мехметъ-Али и, въ случаѣ нужды, даже вооруженную помощь Турціи.

24-го ноября 1832 года состоялось Высочайшее повелѣніе о спѣшномъ вооруженіи въ Черноморскомъ флотѣ 5 кораблей, 4 фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, чтобы по первому требованію нашего посланника въ Константинополѣ эти суда, а за ними, по мѣрѣ надобности, и остальныя, отправились въ Босфоръ.

Чтобы не вызвать никакихъ подозрѣній, приготовленіе флота было проведено подъ предлогомъ отправленія къ Кавказскимъ берегамъ для дѣйствій противъ горцевъ.

Между тѣмъ въ дѣйствіяхъ Мехметъ-Али произошло нѣкоторое замедленіе: египетскія войска пріостановили свое быстрое движеніе къ Босфору, египетскій флотъ ушелъ на зимовку на Критъ — и Государь повелѣлъ имѣть въ Севастополѣ въ готовности эскадру нѣсколько меньшую: изъ 4 кораблей, 3 фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Со своей стороны и нашъ посланникъ Бутеневъ сообщилъ изъ Константинополя, что Султанъ, съ живѣйшей признательностью отнесясь къ предложенной ему помощи, еще надѣется придти къ соглашенію со своими войсками, а потому и проситъ пока воздержаться отъ посылки въ Босфоръ нашего флота.

26-го ноября изъ Севастополя былъ отправленъ въ Константино-

поль корветъ *Сизополь*, чтобы въ случаѣ надобности доставить отъ Бутенева предписаніе о выходѣ въ Босфоръ нашей эскадры, но корветъ былъ отправленъ Бутеневымъ обратно, по просьбѣ Порты, еще не считавшей положеніе Константинополя опаснымъ. Одновременно съ флотомъ готовились къ отправленію въ Турцію и наши сухопутныя силы: корпусъ генералъ-адъютанта Киселева, предназначавшійся къ переходу черезъ Дунай для защиты Константинополя, и дивизія въ Одессѣ, въ качествѣ десанта на эскадрѣ.

Еще 5-го декабря изъ Севастополя на фрегатѣ *Штандартъ* отправился въ Александрію генералъ-лейтенантъ Муравьевъ, посланный Государемъ для убѣжденія Мехметъ-Али въ необходимости прекратить военныя дѣйствія противъ Султана.

Въ началѣ 1833 г. положеніе Турціи рѣзко измѣнилось къ худшему: командовавшій египетскими войсками Ибрагимъ-паша быстро двинулся къ Босфору, разбилъ высланную противъ него главную турецкую армію и захватилъ въ плѣнъ командовавшаго ею верховнаго визиря.

Приготовленія нашего флота были въ это время закончены. Въ половинѣ января на Севастопольскомъ рейдѣ стала эскадра подъ флагомъ контръ-адмирала Лазарева, которому особой инструкціей предписывалось оказывать Турціи всякое содѣйствіе въ предѣлахъ морей Чернаго и Мраморнаго, Босфора и Дарданеллъ.

Только когда Ибрагимъ-паша двинулся къ Бруссѣ, Турція сознала всю опасность положенія, и 21-го января обратилась къ Бутеневу съ убѣдительнѣйшей просьбой о скорѣйшемъ прибытіи въ Босфоръ нашего флота и 5000 десантныхъ войскъ.

Нашъ посланникъ немедленно отправилъ въ Севастополь бывшій въ его распоряженіи люгеръ *Широкій*, и Лазаревъ, согласно предписанія Бутенева, на другой же день (2-го февраля) снялся съ якоря и вышелъ въ море. 9-го февраля эскадра Лазарева — линейные корабли *Императрица Екатерина II*, *Анапа*, *Чесма* и *Память Евстафія*, фрегаты *Архипелагъ*, *Варна* и *Эривань*, корветъ *Сизополь* и бригъ *Пегасъ*—уже стала въ Босфорѣ, въ Буюкдере.

24-го марта прибыла въ Буюкдере вторая эскадра, контръ-адмирала Кумани — линейные корабли *Императрица Марія*, *Адріанополь*, *Парменъ*, фрегатъ *Тенедосъ*, транспорты *Ланжеронъ*, *Александръ*, *Персей* и *Китъ* и 7 зафрахтованныхъ судовъ; на эскадрѣ находилась принятая въ Одессѣ 3-я бригада 26-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріей и казаками, всего до 5.500 человѣкъ. 11-го апрѣля въ Буюкдере прибыла и третья эскадра, подъ флагомъ контръ-адмирала Стожевскаго — линейные корабли *Парижъ*, *Именъ* и *Іоаннъ Златоустъ*, бомбардирскія суда *Успѣхъ* и *Подобный*, транспортъ *Редутъ-кале* и 9 зафрахтованныхъ судовъ — доставившая другую бригаду той же дивизіи въ числѣ до 4.700 человѣкъ; сухопутныя войска, какъ и раньше десантъ съ эскадры Кумани, были свезены на азіатскій берегъ, гдѣ расположились лагеремъ.

Эскадра контръ-адмирала Лазарева въ Босфорѣ въ 1833 году.

(Съ картины въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго.)

Къ стр. [illegible]

Въ Буюкдере, кромѣ этихъ эскадръ, прибыли разновременно: корабль *Пантелеймонъ* (доставилъ провизію для эскадры), фрегатъ *Штандартъ* и бригъ *Парисъ* (изъ Александріи), возвращавшіяся въ Черное море суда эскадры вице-адмирала Рикорда, люгера *Широкій* и *Глубокій* и катеръ *Соловей*, состоявшіе въ распоряженіи нашей константинопольской миссіи, и пароходъ *Метеоръ*, отправленный изъ Севастополя для облегченія нашимъ парусным судамъ маневрированія въ Босфорѣ.

Еще по прибытіи въ Константинополь первой эскадры контръ-адмирала Лазарева начались протесты со стороны Франціи, требовавшей отъ Султана удаленія русскаго флота изъ Константинополя; но, временно поддавшись пронскамъ французскаго посла адмирала Руссена, Султанъ вскорѣ же обратился къ Бутеневу съ просьбами о присылкѣ новыхъ русскихъ эскадръ и войскъ.

Посредничество, предложенное Султану, въ противовѣсъ Россіи адмираломъ Руссеномъ, ни къ чему не привело: Мехметъ-Али просто его отвергнулъ. Колебанія же Султана между Франціей и Россіей только подрывали его собственный авторитетъ и вызывали еще большую смуту въ странѣ. О защитѣ Константинополя Порта уже не думала: опасность стала грозить изнутри. Въ столицѣ усиливалось броженіе, внутреннія укрѣпленія въ Дарданеллахъ были въ рукахъ ненадежныхъ гарнизоновъ; въ случаѣ обостренія положенія Султанъ предполагалъ спасаться со своей 8-тысячной гвардіей въ Адріанополь и ждать тамъ прибытія корпуса генералъ-адъютанта Киселева, съ которымъ снова началъ бы отвоевывать свою столицу.

Освѣдомленный о положеніи дѣлъ, Государь предлагалъ занять дарданелльскія и босфорскія укрѣпленія нашими войсками. Въ Константинополь былъ отправленъ чрезвычайный посолъ гр. Орловъ, на котораго возложено руководство русской политикой на Босфорѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ главное начальство надъ находящимися въ Турціи нашими морскими и сухопутными силами. Но еще до прибытія гр. Орлова грозная военная демонстрація Россіи сдѣлала свое дѣло: Ибрагимъ-паша уже остановилъ движеніе къ Константинополю, и за день до прибытія въ Константинополь гр. Орлова турецкіе уполномоченные подписали мирный трактатъ, по которому Мехмету-Али была предоставлена Сирія, а Ибрагимъ-паша назначался намѣстникомъ Адана.

Гр. Орлову оставалось только исполнить Высочайшую волю: оставить флотъ и войска въ Константинополѣ до тѣхъ поръ, пока Ибрагимъ-паша не уйдетъ изъ Малой Азіи; убѣдившись же, черезъ отправленныхъ къ египетской арміи офицеровъ, что Ибрагимъ-паша дѣйствительно ушелъ, гр. Орловъ приказалъ флоту и войскамъ возвращаться въ Россію. 28-го іюня всѣ наши эскадры вышли изъ Константинополя, «явивъ свѣту могущество Россіи и возвышенность ея политики».

Во время пребыванія нашихъ силъ на Босфорѣ Султанъ оказывалъ имъ исключительное вниманіе. По приходѣ первой же эскадры турецкій министръ финансовъ поднесъ контръ-адмиралу Лазареву большую зо-

лотую медаль, выбитую по повелѣнію Султана въ память прибытія эскадры; передъ уходомъ въ Россію адмиралы и генералы получили золотыя медали съ брилліантами, штабъ и оберъ-офицеры — золотыя, нижніе чины — серебряныя. Султанъ съ особымъ вниманіемъ дѣлалъ смотры нашимъ флоту и войскамъ, обращался къ нижнимъ чинамъ порусски — «здорово, ребята!»; «при семъ случаѣ Владыка Оттоманскій въ первый разъ со времени основанія Мусульманской Имперіи ступилъ на палубу иностраннаго военнаго судна» (корабль *Память Евстафія*, гдѣ держалъ флагъ Лазаревъ, произведенный за это время въ вице-адмиралы); послѣ смотра Султанъ пожаловалъ матросамъ 60,000 піастровъ (на 9.924 человѣкъ) и прислалъ для нихъ 100 быковъ и 200 барановъ.

Пятимѣсячное пребываніе нашихъ флота и войскъ на Босфорѣ было использовано и для основательнаго изученія босфорскихъ и дарданелльскихъ укрѣпленій, которыя предполагалось защищать русскими силами. Съ этой цѣлью были командированы особые офицеры (въ томъ числѣ Корниловъ), снявшіе планы укрѣпленій и собравшіе точныя свѣдѣнія о числѣ орудій и пр.

«Хотя флотъ», говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ кн. Меншикова, «и сухопутныя войска Вашего Императорскаго Величества, призванныя на защиту Царяграда, не имѣли нынѣ случая доказать на самомъ дѣлѣ сколь справедливо турецкое правительство могло надѣяться на ихъ содѣйствіе, но безсомнѣнно присутствіемъ оныхъ въ Босфорѣ удержанъ Ибрагимъ-паша на поприщѣ побѣдъ своихъ, охранено спокойствіе Стамбула и утвержденъ готовый къ паденію престолъ Султана».

Но не въ этомъ—давленіи на Ибрагимъ-пашу—оказалась выгода для самой Россіи отъ помощи, оказанной нашими флотомъ и войсками Султану.

Присутствіе нашихъ силъ на Босфорѣ было тѣмъ необходимымъ внѣшнимъ условіемъ, при которомъ у Султана возникла мысль о желаніи союза съ Россіей. Эта мысль, встрѣтившая полное согласіе Императора Николая, получила полное развитіе въ переговорахъ, которыя на Босфорѣ велъ гр. Орловъ, и привела къ заключенію договора, подписаннаго 26-го іюня, наканунѣ ухода нашихъ силъ въ Россію, въ Ункіаръ-Искелеси (долина на азіатскомъ берегу Босфора).

Этотъ договоръ, заключенный на 8 лѣтъ, явился открытымъ провозглашеніемъ русско-турецкаго оборонительнаго союза.

Въ 1 ст. договора такъ и говорится: «Поелику этотъ союзъ имѣетъ единственною цѣлью защиту обоихъ государствъ противъ всякаго покушенія, то Императоръ Николай и Султанъ обѣщали согласоваться откровенно касательно всѣхъ предметовъ, которые относились до ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности, и на сей конецъ подавать взаимно существенную помощь и самое дѣйствительное подкрѣпленіе».

Въ секретной же статьѣ договора значится: «Поелику Императоръ Всероссійскій, желая освободить Порту отъ тягости и неудобствъ, ко-

торыя произошли бы для нея отъ доставленія существенной помощи въ случаѣ, если бы обстоятельства поставили Порту въ обязанность подавать оную, то Порта, взамѣнъ помощи, которую она въ случаѣ нужды обязана подавать по силѣ правилъ взаимности договора, должна будетъ ограничить дѣйствія свои въ пользу Россійскаго Двора закрытіемъ Дарданелльскаго пролива, т.-е. не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ».

Другими словами, Турція, взамѣнъ поддержки отъ Россіи, обязывается считать Черное море закрытымъ для флотовъ всѣхъ державъ; Россіи же, хотя это въ договорѣ опредѣленно и не обозначено, предоставлялось право свободнаго прохода черезъ проливы изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно.

Въ этомъ и заключалась наиболѣе выгодная для насъ сторона Ункіаръ-Искелесійскаго договора. На Балканахъ этотъ договоръ произвелъ нѣсколько странное впечатлѣніе: въ сознаніи христіанскихъ народовъ сначала плохо укладывалось представленіе о Россіи, какъ покровительницѣ ихъ и одновременно Турціи; но неосновательность этихъ сомнѣній неоднократно доказывалась воздѣйствіемъ, которое въ нужныхъ случаяхъ Государь оказывалъ на Порту.

Смыслъ Ункіаръ-Искелесійскаго договора — исключительное вліяніе Россіи въ Турціи — былъ тотчасъ же разгаданъ Англіей и Франціей, и упорная дипломатическая, поддержанная морскими демонстраціями, борьба этихъ державъ за уничтоженіе договора закончилась черезъ 7 лѣтъ ихъ полной побѣдой: на Лондонской конференціи 1840 года Россія отказалась отъ Ункіаръ-Искелесійскаго договора.

Этотъ отказъ Россіи отъ выгоднаго для нея положенія былъ вызванъ желаніемъ предотвратить назрѣвавшее столкновеніе съ Англіей и Франціей; и Крымская война, въ которой къ освободившейся отъ русскаго вліянія Турціи примкнули тѣ же Англія и Франція, черезъ 13 лѣтъ подчеркнула все роковое значеніе сдѣланнаго въ Лондонѣ шага.

Оглавленіе девятаго выпуска

Списокъ иллюстрацій, помѣщенныхъ въ девятомъ выпускѣ.

*) Помѣщеніе нѣкоторыхъ изъ иллюстрацій не при тѣхъ страницахъ текста, къ которымъ онѣ дѣйствительно относятся, вызывается удобствомъ брошюровки при помѣщеніи ихъ между листовъ или полулистовъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ
АРМІИ И ФЛОТА.
КН-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»
Т. IX.

